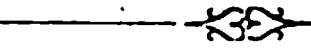
Годъ 11-й. Кн. XLII.

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Изданіе Этнографическаго Отдѣла Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, состоящаго при Московскомъ Университетѣ.

1899, № 3.

подъ редакціей

Н. А. Янчука.

МОСКВА.
Т-во Скоропеч. А. А. Левенсонъ. Коммиссіонеры ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія въ Москвѣ, Петровка, д. 22.
1899.

Печатано съ разрѣшенія Совѣта ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи.

СОДЕРЖАНІЕ.

Вѣрованія крестьянъ Тульской губерніи.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Сообщаемыя ниже свѣдѣнія получены мною изъ непосредственныхъ разспросовъ крестьянъ с-ца Старухина и окольныхъ деревень, расположенныхъ около него кольцомъ. Сельцо Старухино, въ которомъ я завѣдую училищемъ, находится въ Чернскомъ уѣздѣ, Тульской губерніи, у самой границы Мценскаго уѣзда, Орловской губерніи. Окольныя съ нимъ деревни— село Ползиково, Хмелинки и Кукуевка—Чернскаго уѣзда, а Протасово и Чапкино—Мценскаго. Всѣ эти селенія отстоятъ отъ Старухина въ одной, двухъ, и самая дальняя д. Хмелинки—въ трехъ верстахъ. Въ полученіи матеріала для отвѣтовъ мнѣ помогли мой помощникъ по училищу—крестьянинъ с-ца Протасова и ученики старшаго отдѣленія старухинскаго же училища. Я диктовалъ имъ вопросы о вѣрованіи изъ программы [1]), а они на основаніи ихъ разспрашивали своихъ родныхъ и отвѣчали мнѣ. Отвѣты на извѣстные вопросы при случаѣ иллюстрируются подходящими народными разсказами на данную тему. Вотъ этотъ-то матеріалъ, доставленный другими и сличенный съ собраннымъ мною лично матеріаломъ, и послужилъ содержаніемъ настоящей статьи.

При этомъ считаю долгомъ сказать, что всѣ отвѣты безъ указанія на какую-либо деревню нужно относить ко всѣмъ означеннымъ мною деревнямъ; отвѣты съ обозначеніемъ и многіе разсказы не надо понимать такъ, какъ бы они исключительно принадлежали одной только деревнѣ. Напротивъ, всѣ означенныя свѣдѣнія обращаются во всѣхъ упомянутыхъ деревняхъ, и если я указываю на деревню, то потому только, что въ этой деревнѣ я встрѣтилъ болѣе опредѣленный и ясный отвѣтъ на поставленный вопросъ. О себѣ скажу, что, собирая и записывая свѣдѣнія, я старался по возможности въ сжатомъ видѣ передать ихъ со всѣми чертами наивности и искренней неподдѣльности.

---

[1]) Т. е. изъ брошюры „Вопросные пункты по обычному праву и вѣрованіямъ“, изданной Этнографическимъ Отдѣломъ. *Ред.*

I. Небо, свѣтила, физическія явленія.

1. Небо.

Представленіе нашихъ крестьянъ о небѣ различно. Одни говорятъ, что небо состоитъ изъ „ничего, одно слово Божіе“. Нѣтъ, возражаютъ другіе: небо состоитъ изъ „воздуха, перемѣшаннаго съ дымомъ“. Третьи толкуютъ, что небо состоитъ изъ „хрустальнаго вещества и выкрашено синею краскою“, оттого оно и кажется синимъ. Небо похоже на огромную хрустальную чашу, которая, будучи опрокинута вверхъ дномъ, своими краями опирается на землю. Значитъ небо своими краями сходится съ землей.

На самомъ дѣлѣ, это такъ и есть. Когда-то русскіе бились съ татарами и одержали надъ ними побѣду. Татары бѣжали. Русскіе гнались за ними и догнали до самаго края свѣта, гдѣ небо съ землей сходится. Страхъ напалъ на русскихъ, что они нашли конецъ свѣта; имъ ужъ некуда было гнаться за татарами, и они вернулись назадъ. Надо полагать, что и на краю свѣта есть люди, вѣдь русскіе же были, и тамъ (шутливо говорятъ) „дѣвки и бабы, когда пряжу отпрядутъ, на небо вмѣсто полки прялки кладутъ“.

Многіе изъ крестьянъ не вѣрятъ, что небо своими краями опирается на землю. Они утверждаютъ, что татары отъ русскихъ ушли въ море, а русскіе были только на краю суши и вернулись.

Небо не опирается на землю, а обхватываетъ ее кругомъ, сверху и снизу, и держится на трехъ столбахъ, а столбы тѣ находятся въ раю, гдѣ жили первые люди. Здѣсь и начало неба, а конца не находятъ. Да и нѣтъ его, потому что наша земля плоска, какъ столъ, и кругла, какъ блинъ. А есть ли у круга концы? — ихъ нѣтъ. Если и считаютъ началомъ неба рай, то вотъ почему: отсюда Господь сталъ творить все видимое и невидимое, отсюда и ходъ на небо. Рай, гдѣ жили первые люди, отъ насъ очень далеко, значитъ и начало неба также далеко. Считаютъ его за старымъ Іерусалимомъ, по направленію млечнаго пути — Божьей дороги, въ разстояніи трехъ сотъ милліоновъ верстъ. На небѣ есть все, что и на землѣ, и тамъ присутствуетъ Самъ Господь. Высота небесная для простого человѣка неизъяснима. Говорятъ, что первое небо выше облаковъ на столько, на сколько облака поднимаются отъ земли. Небо не одно, а семь небесъ, и на нихъ

живутъ люди разной вѣры, только на седьмомъ небѣ находится самъ Богъ со престоломъ и ангелами. Подъ нами есть небо, и подъ землей живутъ люди. Это видѣли нѣкоторые благочестивые люди, когда имъ небо открывалось. Тогда и видѣли на небѣ великое сіяніе. Большое открытіе неба было при крещеніи І. Христа.

Иногда небо открывается во время грозы, и тогда на немъ видна бываетъ огненная колесница, и выше его, вдали, виднѣется синева второго неба. Въ это время открываетъ и закрываетъ небо, по словамъ однихъ, пророкъ Илья со святыми ангелами, а по словамъ другихъ—св. апостолъ Петръ и Павелъ. Не всякій человѣкъ можетъ видѣть небо открытымъ, а только святые и непорочные люди. Когда-то давно была гроза, и небо открылось. Тогда нѣкоторые чистые душой старики и старухи видѣли на небѣ, какъ разъѣзжалъ на бѣломъ конѣ и разгонялъ нечистую силу какой-то старецъ. На небѣ же видѣли и дневной свѣтъ. Полагаютъ, что старецъ этотъ не кто иной, какъ пророкъ Божій Илья, а дневной свѣтъ, какъ самостоятельная сила, находится на небѣ.

Что подъ землей есть люди, приводится разсказъ объ одномъ дьячкѣ, который былъ тамъ и видѣлъ людей.—Въ одномъ мѣстѣ, когда-то въ старину, только что выстроенная церковь внезапно провалилась сквозь землю и образовала глубокую, почти бездонную яму, равную длиной и шириной этой церкви. Православный народъ очень тужилъ о ней, но дьячекъ изъ прихода вызвался достать ее. Онъ посовѣтовалъ прихожанамъ купить хорошаго большого вола, ободрать съ него кожу и разрѣзать ее на ремни. Когда это было сдѣлано, дьячекъ велѣлъ связать между собою ремни привязать его самого къ одному концу накрѣпко и опускать въ яму. На дорогу съ собой онъ взялъ гусли (онъ былъ гусляръ), и когда его опускали, онъ все время игралъ на нихъ. Наконецъ, видитъ дьячекъ, что у народа ремень весь вышелъ, и онъ виситъ надъ бездной. Всматривается внизъ и видитъ — внизу подъ нимъ блеститъ крестъ провалившейся церкви. Вотъ онъ надвязываетъ отъ себя ремень кое-чѣмъ и благополучно спускается на крышу церкви. Сойдя съ церковной крыши на землю, онъ началъ играть на гусляхъ. Тамошній народъ, услышавши игру на гусляхъ, сбѣжался со всѣхъ сторонъ къ дьячку и окружилъ его. Игра на гусляхъ народу очень понравилась, и они пожелали купить ихъ у дьячка. А дьячекъ за гусли просилъ провалившуюся церковь.

Народъ не соглашался отдать церковь: имъ жалко было разстаться съ нею, такъ какъ они уже начали въ колокола звонить и справлять въ ней всѣ тѣ же церковныя службы, что и у насъ служатъ, и просили дьячка только научить ихъ играть. Дьячекъ выучилъ ихъ играть и за гусли все-таки взялъ обратно церковь. Соскучилось дьячку подъ землей, и онъ сталъ просить ихъ, чтобъ они, отдавъ ему церковь, вывели его на поверхность земли, — и такъ уже онъ живетъ у нихъ трое сутокъ. Они показали ему небольшую дорожку, по которой онъ можетъ выйти изъ-подъ земли, и онъ дѣйствительно по этой дорожкѣ вышелъ прямо къ дверямъ своего дома. Тутъ же увидѣлъ и церковь,—она стояла на своемъ прежнемъ мѣстѣ. Спросилъ дьячекъ своихъ прихожанъ: сколько дней онъ пробылъ въ дорогѣ? Ему отвѣчали: ровно три года. Дивился дьячекъ, что ему подъ землей три года показались за три дня.

2. Солнце.

На небѣ находятся солнце, луна и звѣзды. Все это—твореніе Бога и повинуется Его святой волѣ. Смотря на солнце и луну, мы видимъ ихъ свѣтлыми кругами и больше ничего. Мы не можемъ знать ихъ природу и видимъ ихъ потому только, что они со звѣздами и кометами одѣты въ сіяніе. Это ихъ одежда, данная имъ Богомъ для небеснаго украшенія (Старухино).

Солнце—женское лицо. Оно ѣздитъ днемъ по небу на диванѣ, устроенномъ изъ звѣздъ. Одежда его разноцвѣтная и вся усыпана звѣздами и алмазами. На ночь солнце уходитъ въ свой домъ. Дома у него есть мать, братья и сестры. Они смѣняютъ солнце при обходѣ неба, такъ что сестры, братья и мать имѣютъ такую же природу, какъ и само солнце. При восходѣ и закатѣ солнце кажется краснѣе и больше оттого, что оно приближается къ землѣ, и потому лучше и краше видно его, а въ полдень удаляется отъ земли, и отъ этого оно кажется меньше и блѣднѣе. Солнце, какъ женское лицо, ночью ѣздить боится, поэтому ночью его смѣняетъ братъ—мѣсяцъ. (Хмелинки). Солнце любитъ обходить небо днемъ,—тогда ему веселѣе, и когда оно окончитъ свой путь, то придетъ ночевать ко двору, встрѣтитъ тамъ брата-мѣсяца и скажетъ ему: „Ну, братецъ-мѣсяцъ, ступай ты на свой чередъ; обходи небо и смотри на землю, кто тамъ спитъ и кто пьетъ, и мнѣ скажи“. Если ночью

всѣ люди спали и вездѣ было смирно, то утромъ солнце взойдетъ радостное, веселое—и день будетъ хорошій. Если же народъ велъ себя ночью несмирно, то солнце встанетъ пасмурное—и днемъ будетъ плохая погода. (Ползиково).

Что солнце—женщина, именно дѣвушка, единственная дочь матери, объ этомъ передается такой разсказъ:—Одинъ путникъ зашелъ далеко на западъ, туда, гдѣ небо съ землей сошлось, и тамъ увидѣлъ дверь, въ которую и постучался, прося себѣ ночлега. Черезъ нѣсколько времени дверь отворилась, на порогѣ показалась преклонныхъ лѣтъ старушка со свѣчей въ рукѣ и непривѣтливо спросила путника: „Кто тутъ? кого недобрая принесла?"— „Прикрой, бабушка, отъ темной ночи", говорилъ путникъ, еле переводя духъ отъ усталости. „Иди", отозвалась старуха. Путникъ вошелъ въ сѣни, а старуха захлопнула дверь и задвинула ее запоркой. Войдя въ избу, путникъ замѣтилъ, что въ избѣ никого не было, кромѣ одной старухи. Старуха собрала ему поужинать и тотчасъ послѣ ужина уложила его спать въ отдѣльную каморку, не распрашивая его, кто онъ такой, откуда и куда идетъ. Путника это удивляло. Не успѣлъ онъ заснуть, какъ слышитъ, что въ избу кто-то вошелъ. Онъ слышитъ разговоръ старухи съ вошедшимъ, и ему вдругъ сдѣлалось не только тепло, но даже жарко. Путнику захотѣлось видѣть, съ кѣмъ это старуха бесѣдуетъ, да еще такъ любовно, радостно, а выйти изъ-за перегородки не смѣетъ. Онъ отыскиваетъ въ стѣнѣ дырочку, чтобы посмотрѣть, но черезъ дырочку ничего не видно. Только слышитъ голосъ старухи: „Садись, мое дитятко! Небось, моя дочка, умори-лась?"—„Нѣтъ, нѣтъ, моя матушка!" зазвучалъ молодой дѣвичій голосъ. У путника сильнѣе разжигается желаніе видѣть, съ кѣмъ это старуха говоритъ, и онъ находитъ въ стѣнѣ щель. Взглянулъ онъ въ щель и увидѣлъ садившуюся на стулъ дѣвушку неописанной красоты. Путника поразила такая красота дѣвицы. Смотря въ щель, онъ еще болѣе удивлялся черезчуръ яркому свѣту въ избѣ и сильной жарѣ, которую чувствовалъ. Онъ сталъ внимательнѣе глядѣть черезъ щель во всѣ стороны избы и увидѣлъ, что старуха вѣшала что-то на крючекъ, вколоченный въ стѣну. Это была прекрасная одежда дѣвушки: она блестѣла, горѣла, какъ огонь, и была очень ясна. Путникъ не могъ оторвать глазъ, все глядѣлъ то на одежду, повѣшенную на крючекъ, то на красави-

цу-дѣвицу. У дѣвицы были соразмѣрной величины крылья, она сидѣла на стулѣ за столомъ и просила у матери ѣсть. „Ну, матушка“, говорила она, „дай мнѣ чего-нибудь поѣсть!“ Старушка захлопотала. Скоро на столѣ появились разныя яства, и начался ужинъ красавицы, который продолжался недолго. Послѣ ужина, помолившись Богу, красавица стала ложиться спать. Легла она на диванъ и попросила свою мать прикрыть одежду ея простынкой. Какъ скоро старуха исполнила просьбу дочери, покрыла ея одѣяніе простынкой, въ избѣ настала темнота и тишина. Пришла ночь. Всѣ спали. Путникъ отвернулся отъ стѣны и тотчасъ заснулъ. На другой день поутру онъ проснулся рано, старуха съ дочкой еще спали. Старуха проснулась первая и, умывшись, помолившись Богу, сказала дочери: „вставай, мое дитятко, и принимайся-ка за свою должность!“ Перекрестясь, дѣвушка тотчасъ вскочила съ дивана, умылась, помолилась Богу и сѣла завтракать, такъ какъ на столѣ уже былъ приготовленъ матерью завтракъ. Послѣ завтрака дѣвушка надѣла свое платье—и опять заблестѣло въ избѣ, какъ вчера вечеромъ. „Прощай, матушка!“ сказала красавица матери, выходя изъ избы.—„Прощай, мое дитятко, Солнышко ясное, распрекрасное! Счастливый путь!“—Покорно благодарю, матушка!“ было отвѣтомъ красавицы, и она улетѣла изъ избы. Старуха подошла къ дверямъ каморки, гдѣ путникъ спалъ, и сказала: „Вставай, дѣдушка, да неси тебя Господь, куда тебѣ надо!“ Путникъ поднялся, поблагодарилъ старуху за ночлегъ и пошелъ своей дорогой.

По этому разсказу солнце совершаетъ свой путь не на диванѣ, а летаетъ на своихъ крыльяхъ. Отъ блестящей одежды его происходитъ свѣтъ и теплота. Живетъ оно въ избѣ со старухою матерью. (Протасово).

Другіе увѣряютъ, что солнце на ночлегъ свой уходитъ за дремучіе лѣса и высокія горы. Оно не летаетъ, а ѣздитъ на огненномъ конѣ. У него есть нѣсколько сестеръ, которыя такія же солнца и при объѣздѣ неба смѣняютъ другъ друга поочередно. Свѣтъ и теплота происходятъ отъ огненнаго коня. (Кукуевка).

Причину красноты солнца утромъ и вечеромъ объясняютъ еще тѣмъ, что лицо дѣвицы-солнца поутру краснѣетъ отъ умыванія, а вечеромъ разгорается отъ усталости.

3. *Мѣсяцъ.*

Мѣсяцъ—родной братъ солнца. Онъ живетъ въ одномъ домѣ съ сестрой и на ночь смѣняетъ ее. Ночью обходить небо труднѣе: боязно и невесело, вмѣсто дневного свѣта стоитъ ночная темнота,—и солнце, какъ дѣвушка, не обходитъ небо, а смѣняетъ его мѣсяцъ. Онъ, какъ мужчина, въ темнотѣ меньше боится, и потому лучше можетъ осмотрѣть все на землѣ и дать всему лучшій порядокъ.—Нѣкоторые полагаютъ, что мѣсяцъ солнцу не кровная родня. Мѣсяцъ такъ не разгорается, какъ солнце: онъ свѣтлѣе солнца, но не краше его. У мѣсяца есть свой особый домъ, гдѣ, кромѣ него, живутъ мать и братъ. Это отпечатывается и на самомъ мѣсяцѣ: на немъ видно два человѣка, два родныхъ брата. А что солнце свѣтитъ днемъ, а мѣсяцъ ночью—это такъ указано Господомъ. (Кукуевка). Старухинцы толкуютъ о лунѣ, что она такая же земля, какъ и наша, только меньше ея. На ней есть все, что и на землѣ, и живутъ люди разныхъ языковъ.—На мѣсяцѣ-лунѣ нѣтъ людей разныхъ языковъ, а на немъ живутъ два кузнеца и куютъ они тамъ звѣзды для неба. Было время, что мѣсяцъ-луна сходилъ на землю, и „по немъ тогда куры ходили, звѣзды клевали". (Протасово).

4. *Звѣзды; созвѣздія; млечный путь.*

Звѣзды—это золотые гвозди въ хрустальномъ сводѣ неба.—Звѣзды—очи Божіи. Богъ всевѣдущъ, и потому, чтобы и ночью видѣть, Онъ повелѣваетъ горѣть звѣздамъ и наблюдаетъ за всѣмъ міромъ.—Звѣзды—ангельскія окошечки. Оттуда ангелы наблюдаютъ ночью за поднебеснымъ міромъ и укрощаютъ злыхъ духовъ въ ихъ вольности.—Звѣзды—это свѣчи Божіей Матери. Съ вечера ихъ зажигаютъ, а къ утру тушатъ.

— Жилъ съ женой бѣдный крестьянинъ. У нихъ было много дѣтей. Послѣдняго сына они звали „несчастнымъ мальчикомъ". Прозваніе такое онъ получилъ оттого, что послѣ рожденія некому было ввести его въ христіанскую вѣру. Пошелъ-было бѣдный мужикъ къ сосѣдямъ звать ихъ крестить мальчика,—никто нейдетъ, всѣ отказались. Съ горемъ онъ отправился искать кума и куму на дорогу, чтобы первыхъ встрѣчныхъ пригласить въ воспріемники своему сыну. Ему не пришлось долго ждать встрѣчныхъ. Вскорѣ

онъ встрѣтилъ мужчину и сталъ его приглашать въ кумовья. Мужчина согласился. Немного погодя, онъ встрѣтилъ женщину и ее началъ просить быть крестной матерью его новорожденному сыну. Та тоже согласилась. Пришли званые кумъ и кума къ мужику, взяли несчастнаго мальчика и отправились въ церковь крестить его. Справили крестины, вернулись обратно и сѣли за столъ къ бѣдному куму. Просятъ его, чтобы онъ угостилъ ихъ пирогами да лепешками и водочки поднесъ. Бѣднякъ извиняется, что у него нѣтъ ничего, чѣмъ бы угостить дорогихъ ему гостей. „Хоть зарѣжьте, батюшка куманекъ и матушка кума, а у меня нѣтъ ничего! Нѣтъ ни пироговъ, ни лепешекъ, ни вина". А кумъ и говоритъ бѣдняку: „Не скупись, кумъ! Поди, погляди тамъ, гдѣ кладешь". — „Знаю, что нѣтъ ничего! Но кума уважу—пойду, погляжу". Идетъ туда, куда прежде вино клалъ, и смотритъ, да какъ ахнетъ: тамъ онъ нашелъ и вино, и мясо, и всякія яства. Кумъ съ кумой сидятъ за столомъ, смотрятъ на бѣдняка и говорятъ: „Вотъ нашъ кумъ говорилъ, что у него нѣтъ ничего, а всего нашлось." — „Батюшка,-куманекъ! ничего я не зналъ,—видно Богъ далъ." —„Ну, кумъ, давай мягкаго пирожка закусить", опять говорятъ кумъ съ кумой.—„Пироговъ у меня также нѣтъ", отвѣчаетъ бѣднякъ.— „Не скупись, кумъ! Погляди въ коникъ". Бѣднякъ поглядѣлъ въ коникъ и увидѣлъ, что онъ полнехонекъ пирогами и лепешками. Сталъ онъ съ радости угощать на славу кума и куму. Послѣ угощенія проводилъ ихъ въ путь-дорогу и при разставаніи распрощался. Кума пригласила его къ себѣ въ гости. Бѣднякъ спросилъ ее: „гдѣ же я буду искать тебя, кума?"—„Да прямо иди по этой дорожкѣ и дойдешь до меня." Бѣднякъ послушался словъ кумы и черезъ нѣсколько времени пошелъ къ ней въ гости. Указанная дорожка привела его къ кумѣ, и она приняла его, угостила какъ слѣдуетъ, а потомъ и говоритъ: „Поди-ка, кумъ, я покажу тебѣ комнату", и ввела его въ нее. А въ комнатѣ той горѣло премногое множество свѣчей. Однѣ свѣчи горѣли, другія зажигались, а третьи догорали и гасли. Кума и говоритъ: „Эти свѣчи, кумъ, у меня для каждаго человѣка. Что однѣ свѣчи горятъ—это люди живутъ, что зажигаются свѣчи—это люди нарождаются, а что догораютъ и гаснутъ свѣчи—это люди умираютъ."—„И моя свѣча тутъ есть, кума?" спрашиваетъ бѣднякъ.—„И твоя тутъ есть, кумъ." Посмотрѣлъ бѣднякъ на свою свѣчу и видитъ, что она

догораетъ, и спрашиваетъ: „значитъ, я скоро умру, кума?“— „Да, скоро.“ Бѣднякъ заторопился домой, потому что ему скоро придется умереть,—его свѣча догорала. Пришелъ онъ домой и говоритъ женѣ: „Я скоро умру: моя свѣча догораетъ.“ Обрядили его и положили умирать подъ святые, а онъ не умираетъ. Пролежалъ подъ святыми нѣсколько дней, да и говоритъ: „должно быть, я не скоро умру“, и всталъ. Прожилъ онъ послѣ этого еще три года.—Кумъ съ кумой у него были непростые люди: Сама Божія Матерь съ Николаемъ Чудотворцемъ. (Протасово)

Днемъ не видать звѣздъ отъ солнечныхъ лучей: солнечные лучи затмеваютъ своимъ блескомъ блескъ звѣздъ.—Звѣзды сотворены въ 4-й день творенія и остаются на одномъ мѣстѣ до сихъ поръ. (Старухино).

Созвѣздіе Большой Медвѣдицы называется колесницею царя Давида. На этой колесницѣ души умершихъ праведныхъ, послѣ поклоненія Богу и Его Святому престолу со ангелами, отвозятся въ рай, а онъ находится на Сіонской горѣ въ Старомъ Іерусалимѣ, во дворцѣ царя Давида. Тамъ блаженствуетъ очень много праведныхъ душъ, такъ много, какъ мухъ, что бываетъ иногда лѣтомъ въ нашихъ избахъ. Созвѣздіе Оріона, если только я не ошибаюсь, называютъ „осіяніемъ.“ Это вѣнецъ, слава...(?). (Хмелинки). Созвѣздіе Плеяды называютъ виссажарами. Виссажары явились на небѣ съ того времени, какъ замучили сорокъ братьевъ за Христову вѣру. (Протасово). Виссажары или стожары—это канунъ Божіей Матери. (Ползиково).

Звѣзды падаютъ съ неба отъ скопленія жаркаго воздуха и отъ сильнаго мороза. (Чапкино).—Не отъ мороза или скопленія жаркаго воздуха падаютъ звѣзды, а паденіемъ своимъ онѣ знаменуютъ смерть, либо нарожденіе новаго человѣка. У каждаго человѣка въ нашемъ мірѣ есть звѣзда. Если чья звѣзда упадетъ, тотъ человѣкъ и умретъ. При рожденіи новаго человѣка звѣзда его перемѣщается и такъ быстро, что усмотрѣть нельзя, и потому это перемѣщеніе также называется паденіемъ. Въ іюлѣ и августѣ падаетъ много звѣздъ вслѣдствіе того, что въ эти два мѣсяца больше всего умираетъ и родится народу. Есть повѣріе, что если во время паденія звѣзды пожелаешь чего-нибудь себѣ, то сбудется. Паденіемъ звѣзды объясняютъ и происхожденіе млечнаго пути.

Разъ ночью шелъ солдатъ и увидѣлъ падающую звѣзду. Онъ сказалъ: „хоть бы чертъ явился:“ Тотчасъ чертъ предсталъ предъ нимъ и спрашиваетъ: „Что тебѣ нужно?“ Солдатъ говоритъ: „чтобъ хрустальный мостъ былъ отъ этого мѣста до Червоннаго Королевства и спускался бы тамъ къ дворцу короля; ты бы меня по этому мосту въ одну ночь провелъ къ королю, и я бы тамъ могъ жениться на его дочери, прекрасной королевнѣ“. Въ одну ночь чертъ сдѣлалъ все: и хрустальный мостъ, и солдата провелъ къ Червонному королю, а онъ тамъ женился на королевской дочери. Богу не угоденъ былъ хрустальный мостъ, и Онъ велѣлъ своимъ ангеламъ поднять его на небо. Съ тѣхъ поръ онъ остался навсегда на небѣ и называется млечнымъ путемъ. (Ползиково).

Млечный путь указываетъ дорогу въ Кіевъ и Іерусалимъ. Этотъ же путь указывалъ дорогу и Моисею, когда онъ велъ евреевъ изъ Египта въ обѣтованную землю. Млечный путь самъ служитъ дорогою въ рай умершимъ праведнымъ душамъ. Свѣтлая полоса его—это слѣды праведныхъ душъ, затянутые свѣтовымъ сіяніемъ и облачками. Души идутъ къ Богу этимъ путемъ въ 40-й день послѣ своей смерти. Объясняютъ блескъ млечнаго пути еще тѣмъ, что по немъ каждодневно проходитъ солнце и оставляетъ за собою бѣлую дорогу. Разсказываютъ также, что встарину ходила по небу языческая богиня и разлила молоко, оттого этотъ путь называется млечнымъ. Одинъ старикъ сказалъ, что путь этотъ сдѣланъ изъ фасонныхъ досокъ (паркета), чтобы праведникамъ пріятнѣе было итти въ рай. Въ каждую заутреню Свѣтлаго Воскресенія, когда праведники возстаютъ изъ гробовъ, млечный путь спускается на землю и открываетъ имъ дорогу въ царство Божіе.

5. *Кометы.*

Кометы являются на небѣ. Ихъ посылаетъ пророкъ Илія для возвѣщенія людямъ войны или голода. (Хмелинки). Возвѣщаютъ онѣ не только войну и голодъ, но и всякую казнь за грѣхи людей. Кометы сливаются изъ звѣздъ и могутъ зажечь домъ, деревню, городъ и даже самую землю. (Протасово). Старухинцы не признаютъ, что кометы могутъ что-либо зажечь.—Иногда кометы сходятъ на землю и являются мужчинами, стариками и другими одушевленными и неодушевленными предметами. Эти мужчины и

старики всегда возвѣщаютъ тѣмъ, кому они явятся, какую-либо тяжелую напасть. (Чапкино).

Не комета ли или простое диво—случай, происшедшій осенью въ 1891 году? Одна женщина родила дѣвочку. Черезъ три дня понесли ее крестить. Приносятъ въ церковь и просятъ священника окрестить ее, а она превращается въ рыбу. Священникъ отказывается крестить рыбу, и родные возвращаются домой съ рыбой. Дома рыба обратилась въ дѣвочку. Во второй разъ несутъ крестить дѣвочку, а она въ церкви опять обратилась, только не рыбой, а свѣчей. Священникъ вторично отказывается крестить: свѣчу не крестятъ. Родные со свѣчей возвращаются домой, а свѣча дома сдѣлалась дѣвочкой. Въ третій разъ несутъ въ церковь крестить дѣвочку, и дѣвочка тамъ превращается въ хлѣбъ. Съ большимъ удивленіемъ священникъ говоритъ: „рыбу и свѣчу я не могъ крестить, а хлѣбъ окрещу“, и началъ крестить. Хлѣбъ тотчасъ обратился въ дѣвочку, которая тутъ же и сказала: „Если бы вы меня рыбой окрестили, то въ будущій годъ перемеръ бы весь народъ; если бы свѣчей,—вся Россія выгорѣла бы отъ огня, а такъ какъ вы окрестили меня хлѣбомъ—то на будущій годъ будетъ хорошій урожай хлѣба“. Этотъ разсказ упорно держался между крестьянами цѣлую зиму и полученъ былъ ими съ желѣзной дороги.

6. *Радуга.*

Радуга—живое существо: она пьетъ воду по повелѣнію Божію изъ морей, и изъ этой воды потомъ образуются тучи, изъ которыхъ падаетъ дождь. Если бы не было радуги, то не было бы на небѣ и воды. Посылаетъ радугу пророкъ Илія сказать людямъ, что дождь больше не будетъ; потому то она внезапно появляется и, когда напьется, тоже внезапно пропадаетъ. До всемірнаго потопа радуга была одноцвѣтная, а послѣ него стала разноцвѣтной. Это служитъ знаменіемъ, что больше потопа не будетъ. Представляютъ радугу и мостомъ, по которому Божіи ангелы восходятъ отъ земли на небо съ душами праведниковъ и нисходятъ на землю для возвѣщенія праведнымъ людямъ воли Божіей. Этотъ мостъ-радуга опирается своими концами въ земные колодцы съ водой, изъ которыхъ семью разноцвѣтными трубками вбираетъ воду и проводитъ на небо. Разсказываютъ, что у концовъ радуги около

колодцевъ находятся большiе клады. Разные цвѣта радуги объясняютъ освѣщенiемъ ея двумя свѣтами—дневнымъ свѣтомъ и солнечнымъ.

7. *Сѣверное сiянiе.*

Сѣверное сiянiе будто-бы происходитъ отъ морозовъ, но это неправда. Сѣверное сiянiе—это борьба или война злыхъ и добрыхъ духовъ. Обѣ стороны для борьбы между собою сходятся съ такою быстротою, что изъ-подъ ногъ ихъ показывается „полый огонь“ (пламя). Огонь этотъ, вырвавшись изъ-подъ ногъ, стремится вверхъ наподобiе столба. Вотъ почему сѣверное сiянiе и играетъ столбами. Сѣверное сiянiе не предвѣщаетъ несчастiя (Протасово), но единичныя заявленiя нѣкоторыхъ лицъ (Хмелинки, Чапкино, Кукуевка) видятъ въ немъ знаменiе войны между государствами, или холеры, или какого-нибудь другого несчастiя, такъ что на многихъ почтенныхъ стариковъ оно наводитъ раздухье, уныние и страхъ. Если сѣверное сiянiе сильно разыграется, то не нужно безпокоить его шумомъ и стукомъ. Пусть оно играетъ и само собою прекращается, такъ какъ тогда оно предвѣщаетъ хорошiй урожай. Чтобы не играло сѣверное сiянiе цѣлый годъ, нужно на Петровъ день цѣлую ночь, вплоть до игры солнышка, стучать въ сковороды, заслонки и косы, разъѣзжать верхомъ на кочергѣ и помелѣ бабамъ, дѣвкамъ и молодымъ парнямъ, и такимъ образомъ здброво напугать злыхъ духовъ.

8. *Затменiя.*

Затменiе солнечное и лунное объясняется различно. Одни говорятъ, что солнышко и мѣсяцъ затмеваются оттого, что они, чередуясь со своими сестрами и братьями, смѣняются. Въ промежутокъ-то смѣны и бываетъ отъ солнца солнечное затменiе, отъ луны—лунное затменiе. Другiе объясняютъ затменiя солнца и луны тѣмъ, что они иногда во время своего пути ворочаются назадъ, домой что-либо сказать своимъ матерямъ, либо сами что-нибудь забудутъ взять съ собою и, спохватившись, возвращаются домой. Третьи толкуютъ, что затменiе происходитъ оттого, что солнце и мѣсяцъ сливаются между собою и обращаются въ одинъ темный кругъ. Затменiя бываютъ недолго, много полтора часа.

Поэтому во время затменія шумѣть и стучать не должно. Они и такъ сами вернутся на свою должность, если ушли домой, и разойдутся, если слились. Многіе благочестивые люди въ это время молятся Богу, чтобы Онъ вернулъ свѣтъ и избавилъ землю отъ мрака.

9. Громъ и молнія.

Постоянно дьяволъ досаждаетъ Господу Богу, и Господь терпитъ. Но ужъ если нечистая сила сильно раздражитъ Его, то Онъ посылаетъ пророка Илію на огненной колесницѣ, въ которую запряженъ огненный конь, поразить или разогнать ее. Пророкъ ѣдетъ и поражаетъ. Отъ этого пораженія и происходитъ громъ и молнія. Илія, разъѣзжая по небу и разя чертей, производитъ колесницею громъ, а молнія—это огненныя стрѣлы пророка, или искры съ огненной пылью, что высѣкаются изъ-подъ копытъ при быстромъ бѣгѣ коня. Зимой Илія никуда не ѣздитъ, и потому грома не бываетъ. Съ весны громъ начинается, и при томъ не всякая гроза является слѣдствіемъ пораженія чертей. Весной, напримѣръ, когда сдѣлается тепло, души умершихъ праведниковъ соберутся къ пророку Иліи и тамъ бесѣдуютъ съ нимъ, выражая при бесѣдѣ своей и заботу о живыхъ людяхъ на землѣ, чтобы было чѣмъ имъ жить и питаться. Вотъ Илія и скажетъ: „надо пролить дождичка на землю, чтобы хлѣбушка, трава и всякая овощь уродилась". Садится онъ на свою колесницу и разъѣзжаетъ по небу, а на землѣ отъ этого благодатный, урожайный дождичекъ идетъ.

Пожаръ отъ удара молніи тушать не водой, а парнымъ молокомъ и квасомъ, или ходятъ такъ вокругъ строенія и ничего изъ него не берутъ, а если начнутъ выбиратъ, то должно, по крайней мѣрѣ, оставить столъ въ избѣ на своемъ мѣстѣ. Тогда огонь можетъ и самъ собою потухнуть. При этомъ не нужно кричать и производить какой-либо шумъ. Если есть пасхальное яйцо, то надо перекинуть его черезъ зданіе, еще не успѣвшее загорѣться отъ сосѣдняго горящаго зданія, и оно не сгоритъ, хотя бы стояло и въ двухъ саженяхъ. Самъ І. Христосъ сойдетъ на это зданіе и своею рукою заслонитъ его отъ огня. Горящее же зданіе обходятъ три раза съ пасхальнымъ яйцомъ или иконой Неопалимой

Купины и бросаютъ яйцо черезъ крышу зданія. Пожаръ отъ этого тоже можетъ потухнуть.

Во время грозы не слѣдуетъ ругаться. На ругательство злой духъ смущаетъ человѣка, и за это отъ Бога тому, кто ругается, бываетъ превеликая казнь. Въ грозу надо помнить Бога и молиться. Про убитаго человѣка грозой говорятъ, что его самъ Господь воззвалъ къ себѣ, и хоронятъ его съ большимъ почетомъ. Убитаго грозой не обмываютъ и не переодѣваютъ, а кладутъ въ гробъ во всемъ томъ, въ чемъ онъ былъ во время своей смерти. „Въ чемъ Богъ позвалъ его нечаянно“, говорятъ, „въ томъ и пусть идетъ къ Нему“. За душами убитыхъ грозой самъ Господь сходитъ съ неба, беретъ ихъ за руки и ведетъ въ царство небесное. (Чапкино и др.). Чтобы молнія не убила человѣка и не зажгла строенія, оберегаются слѣдующимъ средствомъ: берутъ свѣчу съ Вербной заутрени и несутъ домой, а дома потомъ выжигаютъ ею кресты на косякахъ дверей и оконъ, матицахъ и связяхъ строеній и этимъ застраховываютъ себя на цѣлое лѣто. Пасхальное яйцо тоже охраняетъ отъ несчастія во время грозы, и его также хранятъ до будущей пасхи. Многіе во время грозы зажигаютъ въ избѣ передъ иконами свѣчи, сбереженныя отъ великаго стоянія, что бываетъ поутру въ страстную пятницу, и закрещиваютъ всѣ окна и двери рукою, приговаривая: „Святъ, Святъ! съ нами сила крестная!“—Нѣкоторые выставляютъ въ окна гнилушки и этимъ обманываютъ чертей, чтобы они не вошли въ избу во время грозы. Гнилушки ночью и вообще во всякомъ темномъ мѣстѣ свѣтятся. Въ окнѣ въ грозу онѣ тоже могутъ будто-бы свѣтиться, и черти, видя такой свѣтъ въ окнахъ избы, какъ и отъ молніи, не станутъ въ избѣ прятаться. (Протасово).

Такъ какъ во время грозы Илія поражаетъ нечистую силу, и она не силахъ съ нимъ бороться, то начинаетъ утекать и прятаться отъ него. Прячутся черти и за людей, и за скотину, и за деревья. Въ это время слышится крикъ и хохотъ адскихъ духовъ.

— Разъ шутъ (чертъ) спорилъ съ Господомъ, что Онъ его не поразитъ, что онъ легко спрячется за кого-либо, а Ему будетъ жалко убивать свое твореніе. Шутъ сказалъ: „я спрячусь за человѣка“. А Господь отвѣчаетъ: „Я человѣка расшибу“.—„А если я спрячусь за скотину, что тогда Ты будешь дѣлать?„ Господь сказалъ: „Я скотину убью“.—„А если я спрячусь подъ камень?“

Господь говоритъ: „Я камень расшибу".—„А если я спрячусь за угодника?" Господь говоритъ: „Я угодника убью"—„А если я спрячусь подъ землю на тысячу верстъ?" Господь сказалъ: „ты, шутъ, нигдѣ отъ Меня не скроешься. Я и тамъ найду тебя. Если ты спрячешься за человѣка, то этого человѣка Я убью, и онъ будетъ у Меня въ царствіи небесномъ". (Чапкино).

Черти прячутся за человѣка, если онъ ругается во время грозы. Не надо въ грозу, когда крестишься, снимать шапки: черти легко могутъ спрятаться въ нее. За деревьями они прячутся такъ: извѣстно, что русалки любятъ висѣть и качаться на вѣтвяхъ деревьевъ. Шуты-черти, желая скрыться отъ грома и молніи, цѣлыми стаями сбѣгаются къ дереву, гдѣ русалки съ вѣдьмами качаются, и кричатъ: „прячьте насъ скорѣе, а то мы разорвемъ васъ". Начнутъ русалки и вѣдьмы съ угрозы кутаться въ шелкъ, а черти залѣзутъ въ ихъ души. Тогда-то ударяетъ сильнѣйшій громъ, и молнія расшибаетъ дерево въ куски. (Старухино).

По первому удару грома судятъ о будущемъ урожаѣ. Если удары его ровны и раскатисты, то урожай будетъ хорошъ. Въ противномъ случаѣ, если гремитъ отрывисто, безъ ровныхъ раскатовъ, то урожай не будетъ веселить православныхъ. Вода послѣ перваго грома цѣлительна. Какъ только проходитъ гроза, бабы и дѣвки со всѣхъ сторонъ бѣгутъ къ ручью или колодцу и тамъ умываются. Хозяйки идутъ къ водѣ съ подойниками, и въ нихъ положено по два яйца,—наливаютъ подойники водой и несутъ домой, гдѣ сами умываются, коровамъ вымя обмываютъ и всю скотину кропятъ. Отъ этой воды, если человѣкъ сохнетъ или одержимъ другой какой болѣзнію, выздоравливаетъ, а къ скотинѣ никакая хворость не пристанетъ, не будетъ колѣть. Дойныя коровы даже отъ этой воды, если вымыть вымя, больше будутъ давать молока. (Кукуевка и Протасово).

10. Вѣтеръ.

Вѣтеръ—это лѣшій съ крыльями, который, когда разыграется и начнетъ сильно кружиться и махать крыльями, производитъ вихрь. Стоитъ только умѣючи бросить въ вихрь острое шило или острый ножикъ, какъ на кончикахъ ихъ увидишь капли крови. Это ты ранишь лѣшаго. Разъ вихрь схватилъ кружить мужика

съ острой косой и сильно обрѣзался. Когда мужикъ высвободился отъ вихря, то увидѣлъ на косѣ кровь. (Хмелинки).

Вѣтеръ—живое существо, и онъ не одинъ, а ихъ много. Главныхъ вѣтровъ четыре. Они сидятъ по угламъ земли. Вѣтры живутъ также на моряхъ, и оттого тамъ бываютъ сильныя бури и кораблекрушенія. Главный вѣтеръ, которому повинуются всѣ другіе вѣтры, называется вихревымъ атаманомъ. Онъ ихъ посылаетъ дуть тамъ, гдѣ ему захочется. Четыре главныхъ вѣтра, что сидятъ по угламъ края свѣта, прикованы на цѣпи и дуютъ рѣдко, и то слегка. А если задуютъ посильнѣе, то производятъ буреломы, за это ихъ наказываетъ начальникъ: еще крѣпче они приковываются на цѣпи и на болѣе долгій срокъ. (Протасово).

Вѣтры держатся на цѣпяхъ и если они дуютъ, то не всѣ спускаются; иначе они все поломаютъ и сметутъ съ земли. Хозяинъ ихъ, которому они повинуются,—это человѣкъ. Есть люди, которые заклинаютъ вѣтеръ, и онъ перестаетъ бушевать. Сила заклинанія—колдовство. (Старухино).

— Въ нынѣшній годъ (1891 г.) былъ у насъ на желѣзной дорогѣ рядчикъ, который останавливалъ тѣ вѣтры, что приносили намъ дождливыя тучи. Найдетъ, бывало, туча, и хорошая такая, съ виду дождливая, и накренится ужъ совсѣмъ, такъ и думаешь вотъ-вотъ пойдетъ дождикъ. Анъ нѣтъ! Рядчикъ стоитъ со своими рабочими на линіи, видитъ, что если туча сильная пройдетъ, то послѣ нея работа остановится отъ сырости, сейчасъ же вынимаетъ изъ кармана платокъ и махнетъ имъ надъ головой во всѣ четыре стороны, къ четыремъ главнымъ вѣтрамъ. Вѣтеръ перемѣняется и быстро разбиваетъ тучу. Вотъ почему и было лѣто сухое и неурожайное,—все это произошло отъ колдовства рядчикова, которое заключено у него въ платкѣ. (Ползиково, Кукуевка).

Разъ у рядчика съ насыпи кукуевскія дѣвки украли горсть земли, по совѣту старика Ивлія своей деревни, и принесли ему. Ивлій взялъ эту землю, прочиталъ надъ нею ту молитву, которую надо читать, чтобъ отъ колдовства прекратилась засуха, и бросилъ ее въ свой деревенскій прудъ. Послѣ этого прошелъ небольшой дождичекъ, который немного освѣжилъ землю. (Кукуевка).

Вѣтры скидываются въ лошадей, птицъ, голову, козюлю и людей. Сильный вѣтеръ показывается самоваромъ и тучей, по которой сходятъ на землю изъ воздуха шуты и водятъ заблудив-

шагося человѣка за носъ. Такъ, во время вѣтра, одинъ мужикъ сбился съ дороги и шелъ наугадъ. Откуда ни возьмись, къ нему подошелъ человѣкъ и спрашиваетъ: „Что, товарищъ, заблудился?“—„Да, заблудился“.—„Ну пойдемъ вмѣстѣ. Авось найдемъ дорогу“. Пошли и скоро пришли къ кабачку. Товарищъ и говоритъ: „Выпьемъ на гривенникъ?“—„Выпьемъ, отчего не выпить“, отвѣчаетъ мужикъ. Товарищъ выпилъ рюмку водки не крестясь а мужикъ перекрестился. И что же? Товарищъ былъ шутъ: отъ креста онъ провалился, а мужикъ очутился на крышѣ церкви. Такъ цѣлую ночь и просидѣлъ на крышѣ, и только утромъ, когда священникъ услыхалъ крикъ, велѣлъ сторожу снять мужика съ церковной крыши. (Чапкино).

Отъ вѣтра заговариваются тѣмъ же, чѣмъ и отъ метели. Читаютъ молитву: „Да воскреснетъ Господь Богъ твой, да расточатся враги твои на морѣ, океанѣ, на островѣ Курганѣ, гдѣ самъ Іисусъ Христосъ крестился, на небеса возносился, ангелы Божіи ризами укрывали отъ темной ночи, отъ грозной тучи, отъ бури-вѣтра, отъ врага-супостата, отъ зла человѣка-ненавистника и отъ напраслиныхъ словъ. Чуръ наше мѣсто! Чуръ наше мѣсто! Чуръ наше мѣсто!“ По всей вѣроятности эта молитва у насъ имѣетъ универсальное значеніе: ее читаютъ при всякихъ случаяхъ жизни, чтобы избавиться отъ какихъ-либо несчастныхъ случайностей.

11. Облака.

Облака у насъ различаютъ по цвѣту и называютъ облаками сѣрыми, изъ которыхъ идетъ снѣгъ; бѣло-сѣрыми—градовыя облака и темными—дождевыя. Если облака на небѣ разбиваются и обращаются въ различныя фигуры—кажутся звѣремъ, человѣкомъ, деревомъ и т. п.,—то это значитъ будетъ хорошая погода.

12. Морозъ, туманъ, роса, иней, градъ, снѣгъ, метель.

Морозъ, градъ, туманъ и иней происходятъ отъ охлажденія и движенія воздуха. (Старухино). Морозъ происходитъ отъ сгущенія водяныхъ паровъ съ вѣтромъ; градъ—отъ скопленія водяного воздуха; туманъ—отъ сгущенія водяного пара, который разстилается по всему свѣту. Роса образуется отъ теплаго пара и скопившагося газа и садится на траву, кусты и деревья пузырьками, а

иней образуется изъ теплаго снѣгу и мги и садится на деревья (Хмелинки). Роса ползетъ изъ земли цѣлую ночь и только къ утру выползаетъ вся. Оттого утромъ ея больше бываетъ, чѣмъ ночью. Росы бываютъ полезныя и вредныя. Отъ вредныхъ росъ скотина и человѣкъ заболѣваютъ, и вредъ отъ нея переходитъ на растенія. Снѣгъ падаетъ на землю съ горъ. Его разноситъ оттуда вѣтеръ снѣговыми тучами, когда тамъ разыграется-расходится нечистая сила и замашетъ своими крыльями. Говорятъ старики, что морозъ производитъ Морозко сѣдой старикъ. Куда онъ ни ступитъ зимой, гдѣ ни тряхнетъ своей бородой, тамъ стужа лютая и пойдетъ. Что деревянныя строенія и деревья въ стужу трещатъ,—это морозъ играетъ да кнутомъ по стѣнамъ и деревьямъ похлопываетъ. Въ старину замѣчали, гдѣ былъ сильный морозъ, тамъ и удары грозовые были сильные и урожай хорошій. Градъ—это кара Господня за грѣхи людскіе, кара за то, что народъ станетъ забывать Бога. Чтобы избавиться отъ града и уберечь свой хлѣбъ въ полѣ отъ него, надо изрубить освященную вербу въ Вербное воскресенье на кусочки и весной разсѣять по полю. (Чапкино). Многіе во время града выставляютъ кочергу и помело на крыльцо, первенцы и послѣдыши въ семьѣ должны три градины перегрызть—и тогда градъ прекратится. Почему это дѣлаютъ—объясненій не дано.—Одинъ солдатъ увѣрялъ, что туманъ выходитъ изъ боковъ большихъ горъ, идетъ сначала густо-густо, какъ изъ трубы, и расходится по всему свѣту, постепенно рѣдѣя. (Протасово).

Въ метель черти играютъ, потому что они радуются, что имъ легко въ это время сбить съ пути-дороги прохожихъ и проѣзжихъ. Заблудиться можетъ только тотъ человѣкъ, у котораго на сердцѣ нѣтъ мыслей о Богѣ. Въ метель изъ могилъ выходятъ только мертвые колдуны и заводятъ путниковъ, какъ и черти, въ темные лѣса. Сила ихъ въ метель только до крика первыхъ пѣтуховъ. Послѣ него они уходятъ опять въ могилу. Если кто сбился съ дороги и не знаетъ, куда ѣхать или итти, то долженъ остановиться и просить Бога, чтобы онъ прояснилъ голову. „Да воскреснетъ Богъ... Отче нашъ...“—эти молитвы защищаютъ отъ чертей и спасаютъ отъ колдуновъ. Снимаютъ верхнюю одежду и стряхиваютъ ее, разуваютъ сапоги и переодѣваютъ лѣвый на правую, а правый на лѣвую ногу и перевязываютъ поясъ узломъ на лѣвый бокъ,—всѣ эти средства спасаютъ заблудившихся отъ ги-

бели въ метель. Многіе говорятъ, что нужно имѣть кольцо, которое имѣютъ волшебники, и носить его при себѣ. Куда бы ты ни зашелъ, это кольцо можетъ вывести на дорогу. Стоитъ только вынуть его изъ кармана и сказать: „кольцо мое, кольцо, не ударь въ грязь лицомъ“, потомъ потри его о правую полу и брось передъ собой. Кольцо прямо покатится на дорогу и выведетъ заблудившагося. (Чапкино).

Во время метели черти играютъ такъ: они выносятъ изъ воды трехгранную дугу, ставятъ ее въ снѣгъ и начинаютъ прыгать черезъ нее. Дуга эта сдѣлана изъ чернаго дерева, которое растетъ на днѣ моря. Потомъ сильнѣе разыграются и начинаютъ катать колесо вокругъ дуги и катаютъ шибко и долго вплоть до конца метели. Наконецъ умариваются, и нáбольшій ихъ звонитъ въ колокольчикъ. Черти тотчасъ берутъ дугу и несутъ ее назадъ въ воду на головахъ, потому что это ихъ престолъ, а колесо за дугой катятъ. Колесо у нихъ сдѣлано изъ зажигательнаго дерева, которое растетъ тоже въ водѣ, и достать его трудно, такъ какъ оно днемъ засыхаетъ, а только ночью расцвѣтаетъ. (Чапкино).

II. Духи.

1. Лѣшіе.

Лѣшіе живутъ въ лѣсахъ съ женами, дѣтьми, отцами и матерями. У нихъ есть для каждой семьи свое особое жилище и въ особомъ лѣсу. Жилища свои они строго оберегаютъ и для этого держатъ собакъ. Водится также у нихъ свой скотъ. Всѣ лѣшіе повинуются своему атаману, самому старшему изъ лѣшихъ. Онъ ихъ посылаетъ повсюду, гдѣ только ему захочется людей посмущать. Въ полночь лѣшіе со своимъ атаманомъ выходятъ поиграть. Нѣкоторые мужики и бабы видали, какъ они играютъ. Атаманъ выбираетъ самое толстое и высокое дерево въ лѣсу, велитъ его лѣшимъ нагнуть вершиной къ землѣ и отдастъ приказаніе вѣшаться имъ на вѣтвяхъ его внизъ головой, поочереди. Тогда у нихъ идетъ работа бойкая и живая,—каждый работаетъ весело и увертливо, такъ что атаману становится любо, и онъ хвалитъ ихъ за ловкость. Проходитъ полночь, пѣтухи пропѣли въ первый разъ. Атаманъ велитъ имъ кончить потѣху и разогнуть дерево. Лѣшіе мигомъ разгибаютъ дерево и бѣгутъ вмѣстѣ съ атаманомъ въ бли-

жайшій вершокъ. Тамъ у нихъ поднимается крикъ, шумъ, гамъ и продолжается до вторыхъ пѣтуховъ. Послѣ вторыхъ пѣтуховъ все стихаетъ, и лѣшіе разбѣгаются. (Кукуевка).

Видомъ лѣшій похожъ на человѣка, только черный собой, покрытъ шерстью, съ крыльями и хвостомъ. Скидывается онъ поводыремъ, ямщикомъ, собакой, кошкой, козломъ и т. п. Лѣшихъ видали многіе, а особенно колдуны. Одинъ старухинскій старикъ хорошо его видѣлъ около Протасовскаго барскаго лѣса, когда разъ шелъ туда дрова воровать.

„Онъ (лѣшій) ѣхалъ на тройкѣ добрыхъ коней за водой, съ большущей бочкой. Сидитъ онъ на бочкѣ и правитъ лошадьми, а самъ на видъ среднихъ лѣтъ, изъ себя мужчина плотный, весь покрытъ черной блестящей шерстью. Шерсть на немъ вся завита кудрями и голова тоже кудрявенькая, съ небольшими загнутыми виткомъ рожками, не больше мизинца, ноги въ копытахъ. Глядитъ онъ ласково, мягко, какъ добрая черная собака.—„Куда, мужичекъ, идешь? въ лѣсъ?“ спрашиваетъ лѣшій.—Да, отвѣчалъ я ему.—„Видишь моихъ лошадей?“ говоритъ онъ: „въ корню—это приказчикъ Шереметевскій, а лѣвый пристяжной—вашъ бурмистръ Евстратъ. Въ барщину они мало работали, такъ вотъ теперь у меня пусть повозятъ воду, поработаютъ“. А я этакъ и говорю: „Господи Боже!“ Вдругъ все и сгинуло. Такъ я и не узналъ правой пристяжной“.

Въ каждомъ лѣсу живетъ по лѣшему, а главный надъ ними, лѣсной царь, живетъ подъ землей, въ аду, гдѣ прикованъ на цѣпяхъ, которыя и грызетъ. Онъ бы ихъ уже давно перегрызъ, если бы онѣ снова не спаивались. Спаиваются кольца цѣпи, когда поютъ: „Иже Херувимы“.

Лѣшіе сбиваютъ путниковъ съ дороги.—Одинъ путникъ заблудился въ лѣсу. Его нагоняетъ кто-то на тройкѣ и кричитъ: „эй, пріятель, садись!“ Путникъ сѣлъ, и кони мчали такъ быстро, что отъ ѣзды онъ задыхался. Съ трудомъ онъ могъ сказать неизвѣстному, чтобы тотъ полегче гналъ лошадей. А тотъ и говоритъ: „ну, слѣзай теперь!“ Слѣзъ путникъ и очутился въ Аравіи. Онъ сталъ распрашивать у встрѣчныхъ, какъ онъ попалъ сюда изъ Россійской имперіи. Ему кто-то сказалъ: „ступай на то мѣсто, гдѣ неизвѣстный тебя ссадилъ“. Послушался путникъ и пошелъ къ тому мѣсту; глядитъ и видитъ того же самаго мужика, съ какимъ

ѣхалъ на тройкѣ. Мужикъ спрашиваетъ: „Куда тебѣ?“—„А ты отколь взялся?“ говоритъ путникъ.—„Ну, садись, довезу!“ И помчалъ его на лошадяхъ еще быстрѣе прежняго. Сѣдокъ слова не можетъ выговорить и только кричитъ-„у... у... ухъ! ухъ! раз-бой!“ и уцѣпился за экипажъ. А лѣшій привезъ его домой въ избу и скрылся. Жена, удивленная этимъ происшествіемъ, стоитъ и окликаетъ мужа: „Иванъ, Иванъ, чего ты? что съ тобой?“ Иванъ же уцѣпился за столбъ въ избѣ и кричитъ: „разбой!“ Потомъ, когда онъ опомнился, то жена и стала спрашивать его: „хочетъ ли онъ исполнить свое намѣреніе, сходить въ Новый Іерусалимъ Богу помолиться, что Онъ спасъ ихъ отъ пожара?“ И когда онъ разсказалъ ей все, что съ нимъ случилось, то она сказала, „оттого тебя лѣшій такъ и мучитъ, что ты забылъ о своемъ обѣтѣ Богу“.

Надо исполнять обѣты, данные передъ Богомъ, и лѣшій никогда того человѣка не тронетъ.

Если заблудишься въ лѣсу и чтобы тебя не сбилъ съ дороги лѣшій, не говори ни слова и переобуйся такъ же точно, какъ и въ метель, и тогда тебя лѣшій не одурачитъ, не будетъ тебѣ казаться все страшнымъ и неизвѣстнымъ, живо опамятуешься, въ какомъ ты мѣстѣ находишься. Когда бабы сбиваются съ дороги въ лѣсу, особенно въ грозу, то онѣ должны скинуть съ себя рубашку, вывернуть ее наизнанку и опять надѣть, тогда онѣ найдутъ дорогу. (Протасово, отъ старухи). Если заблудился въ лѣсу съ подводой, то распряги лошадь и опять запряги, только такъ, чтобы кольцо дуги приходилось не впередъ, какъ обыкновенно запрягаютъ, а назадъ. Если же ѣхалъ на двухъ подводахъ и заблудился, то запрягай лошадей послѣ распряжки такъ: съ задней подводы бери дугу на переднюю, а съ передней на заднюю подводу, и обѣ дуги запрягай кольцами назадъ. (Протасово). При этомъ читай про себя, мысленно, молитвы: „Да воскреснетъ Богъ... Отче нашъ“... съ приговоромъ словъ: „избавь моя молитва отъ того, на кого я думаю: на шута, пусть шутъ погибнетъ, на всѣхъ враговъ, пусть всѣ враги погибнутъ. Какъ подкова разгибается, пусть такъ всѣ враги, всѣ шуты разорвутся“. (Чапкино).

Лѣшіе затѣмъ сбиваютъ людей съ дороги и уводятъ далеко въ лѣса, чтобы тамъ убить ихъ или до-смерти защекотать. Щекоча человѣка, они начинаютъ его грызть за бока и загрызаютъ совсѣмъ. Другіе увѣряютъ, что они ѣдятъ людей, и потому рабо-

та между ними распредѣляется за добываніемъ человѣческаго мяса. Одни лѣшіе занимаются откармливаніемъ пойманныхъ людей; они ихъ кормятъ орѣхами, а потомъ закалываютъ, чтобы съѣсть ихъ; другіе на наловленныхъ людяхъ работаютъ и ѣздятъ за водой, а третьи только занимаются ловленіемъ людей посредствомъ разныхъ сманиваній и сбиваніемъ съ дороги, чтобы они заблудились и попали въ ихъ руки.

Лѣшіе напускаютъ иногда стаи волковъ на стада, когда пастухъ не хорошъ — ругаетъ скотину, бьетъ ее безъ толку и ругается чернымъ словомъ. Если кто перейдетъ слѣдъ лѣшаго, то занемогаетъ болѣзнью, которую вылѣчить могутъ только бабки. Онѣ лѣчатъ болѣе заговорною водою и разными лѣкарствами, составленными больше всего изъ травъ.

Дѣвушекъ и дѣтей лѣшіе могутъ похищать. Дѣвушекъ они берутъ себѣ въ жены. Берутъ въ жены и женщинъ, живущихъ распутно. За вдовами и замужними женщинами, у которыхъ мужья въ отлучкѣ, лѣшіе любятъ ухаживать. Тогда они дѣлаются добрыми и ласковыми, приносятъ гостинцевъ и угощаютъ ихъ, но ихъ гостинцы не хороши — ничто иное, какъ лошадиный пометъ. Если у нихъ отъ лѣшаго рождаются дѣти, то они исчезаютъ: родившихся дѣтей никто не видитъ. Чтобы избавиться отъ такого ухаживанія, употребляютъ траву чертополохъ. Втыкаютъ въ избѣ надъ дверью, надъ постелью, кладутъ подъ подушку. Другая трава—прострѣлъ еще сильнѣе дѣйствуетъ противъ лѣшаго. Если ее положить подъ подушку, то онъ ужъ совсѣмъ не подступаетъ къ женщинѣ и уходитъ отъ нея навсегда.

Жила старуха съ невѣсткой, а сынъ былъ въ солдатахъ. Разъ ночью въ солдатской одеждѣ онъ и является домой. Мать и жена радуются, расправшиваютъ его, а онъ все отвѣчаетъ, какъ есть. Мать захотѣла, пока до утра, угостить сына яичницей. Побѣжала она попросить у сосѣдки сковородочку, а сосѣдка старухѣ и говоритъ: „къ тебѣ не сынъ пришелъ, а лѣшій: въ самую полночь крещеный человѣкъ не приходитъ“. — „Нѣтъ, матушка, сынокъ, и въ солдатскомъ одѣяніи“. Старуха и говоритъ: „Поди домой и прочитай молитву „Да воскреснетъ Богъ“ и иди подъ куриный насѣстъ“. Пришла мать отъ сосѣдки съ сковородочкой, а сынокъ ходитъ по избѣ. Она про себя стала читать молитву и все

идетъ подъ куриный насѣстъ, а онъ за ней, и около одной его ноги обвился черный хвостъ. Какъ только подошла къ кочету и дочитала молитву, схватила его за хвостъ. Тотъ захлопалъ крыльями и закричалъ, а лѣшій и говоритъ: „Счастлива ты, старая, что скоро спохватилась, а то я тебя бы разорвалъ“, и провалился.

Чтобы вызвать лѣшаго, надо не молиться Богу на ночь и думать о немъ. Онъ придетъ къ человѣку. Можно увидать лѣшаго черезъ три бороны. Взять ихъ и поставить такъ, чтобы въ серединѣ между ними можно было сидѣть и глядѣть. Лѣшій покажется. Смотрятъ также черезъ хомутъ и видятъ лѣшаго.

Охотники и пастухи вступаютъ въ договоръ съ лѣшимъ, чтобы одному всегда была удача въ лѣсу на охотѣ, а другому благополучно пасти стадо. Лѣшій говоритъ желающимъ вступить съ нимъ въ договоръ: „Предайся мнѣ“. А договаривающій спрашиваетъ: „Какъ это мнѣ сдѣлать?“—„Сними крестъ и дѣлай все по моему“, скажетъ лѣшій. И кто сдѣлаетъ такъ по слову лѣшаго, тому во всемъ будетъ удача. Черезъ нѣсколько времени лѣшій требуетъ отъ договаривающихся, во время причастія, не глотать дарочки (св. Даровъ), а держать за скулами (во рту) и принести ее домой, а оттуда въ лѣсъ, гдѣ онъ живетъ. Тамъ ее задѣлать въ березку, вырубивъ первоначально ямку въ ней, вложить дарочку и забить. Потомъ выстрѣливаютъ въ нее черезъ плечо и такимъ образомъ навсегда предаются нечистому. Они дѣлаются сильными колдунами, и имъ отъ лѣшаго во всемъ подмога.

Лѣшій уноситъ младенцевъ до крещенія и дѣтей, которыхъ мать ругаетъ чернымъ словомъ. Въ одной богатой семьѣ родился мальчикъ. Родители были радехоньки ему, такъ какъ онъ становился богатымъ наслѣдникомъ своихъ родителей. Семья была очень богата. У нихъ было всего много: и скота, и лошадей, а лошади все хорошія и дорогія Одинъ конокрадъ—бѣдный мужикъ—давно изловчался, какъ бы украсть ихъ, да время не приходило. Конокрадъ на второй день, какъ хозяйка родила сына богатому мужику, темной ночью, пошелъ воровать. На встрѣчу ему попадается лѣшій и говоритъ: „Куда ты идешь?“ — „Иду лошадей воровать у богатаго мужика, да не знаю, какъ ворота отворять“, отвѣчаетъ воръ. Лѣшій сказалъ: „И я къ нему иду воровать не-

крещенаго младенца-сына. Я тебѣ ворота отопру, а ты, когда я младенца на чердакъ отъ матери понесу, не говори ему, если онъ, чихнетъ будь здоровъ". Сговорился лѣшій съ воромъ, пошли. Лѣшій ворота отворилъ. Какъ только воръ сталъ лошадей выводить, то украденный лѣшимъ младенецъ чихнулъ на чердакѣ. Воръ сказалъ: „будь здоровъ". Лѣшій провалился, а младенецъ остался и закричалъ. Услыхали домашніе крикъ младенца на чердакѣ, переполошились и не могли ума приложить, какъ онъ туда попалъ. Пришелъ тутъ воръ, покаялся хозяину во всемъ и разсказалъ ему, какъ онъ спасъ отъ лѣшаго младенца. Съ радости хозяинъ подарилъ вору пару хорошихъ коней.

Имѣетъ ли лѣшій силу за предѣлами лѣса—отвѣты различны Одни говорятъ, что не имѣетъ, а другіе утверждаютъ противное. Тоже и о жилищѣ, скотѣ и о собакахъ—разсказываютъ различно. Протасовцы говорятъ, что у лѣшихъ нѣтъ домовъ, нѣтъ скота и собакъ. Въ лѣсу хватитъ всего: тутъ много пасется нашего скота и немало всякой дичи. Лѣшій будетъ сытъ и безъ нашего скота. Нѣкоторые говорятъ, что онъ живетъ безъ пищи и только тѣмъ и занимается, что смущаетъ людей на худыя дѣла. Женаты ли лѣшіе? На это одна старуха отвѣчала: „Какъ не женаты! Если бы не женились, то давно бы перевелись, а лѣшихъ всюду тьма-тьмущая".

Не любятъ лѣшіе, когда у нихъ мужики лѣсъ воруютъ. Иногда они прогоняютъ воровъ криками и ауканьемъ, а иногда и съ дубинкой придетъ, чтобы поколотить воровъ. Не прочь и подшутить надъ лѣснымъ воромъ.

Разъ мужики пріѣхали ночью въ лѣсъ воровать. Дѣло было осенью. Они облюбовали хорошую березку и думаютъ ее поскорѣе срѣзать, а лѣшій (шутъ) сидитъ на ней да палочкой постукиваетъ. Мужики смѣются надъ нимъ да дѣлаютъ свое дѣло. Вотъ срѣзали березку, положили на колесню и хотятъ везти, а лошадь ни съ мѣста. Смотрятъ, дивуются. И что же? Лѣшій съ ними шутку сшутилъ: заднія колеса перемѣнилъ на переднія,— лошади-то и тяжело было везти. Зимой, однажды, лѣшій напустилъ собакъ на мужиковъ-воровъ лѣсныхъ. Такъ едва и уѣхали изъ лѣсу.—„Такъ вотъ и рвутъ, только ударить не даются", и гнались отъ лѣсу за полверсты.

2. *Русалки.*

Кромѣ лѣшихъ, въ нашихъ лѣсахъ водятся еще русалки, но ихъ теперь стало меньше и не такъ стали онѣ опасны для человѣка. Въ старину удавленницъ и утопленницъ не проклинали, и потому ихъ души и превращались въ русалокъ, а теперь священники удавленниковъ и утопленниковъ проклинаютъ, и оттого русалокъ стало меньше. Русалки въ лѣсу или качаются на вѣтвяхъ березы, или сидятъ подъ деревомъ съ корзинками въ рукахъ, въ которыхъ носятъ ягоды, орѣхи, бублики, калачи, и этимъ заманиваютъ къ себѣ маленькихъ ребятъ и защекочиваютъ, а потомъ и радуются. Во время цвѣтенія хлѣба русалки гуляютъ во ржи. Похожи онѣ на дѣвушекъ, красивы станомъ и лицомъ, съ распущенными длинными зелеными волосами и одежды не имѣютъ.

Чтобы избавиться отъ русалокъ, надо очертить кругъ около себя и закрестить, или же взять кочергу и на ней подъѣхать къ нимъ. Въ первомъ случаѣ онѣ не переступятъ запрещенной черты и не схватятъ стоящаго въ кругу; во второмъ—онѣ разбѣгутся отъ того человѣка, который подъѣзжаетъ къ нимъ на кочергѣ, такъ какъ онѣ подумаютъ, что къ нимъ ѣдетъ вѣдьма, которой онѣ боятся. Валькомъ (рубелемъ), отмахиваясь наотмашь, можно избавиться отъ русалокъ, или сказать, сколько клевцовъ (зубьевъ) въ боронѣ,—и онѣ тоже отступятся. Опасны бываютъ русалки въ русальную недѣлю. Онѣ водятся не только въ лѣсу и ржи, но и въ водѣ.

3. *Водяной.*

Главный хозяинъ, царь въ водѣ—водяной. Онъ живетъ въ моряхъ, рѣкахъ и прудахъ. Видомъ своимъ онъ подобенъ лѣшему, только шерсть на немъ очень лохматая и бѣлаго цвѣта. Одежды не носитъ никакой, и въ пищу употребляетъ то, что водится въ водѣ. Образомъ своей жизни вполнѣ подобенъ тоже лѣшему, только лѣшій царствуетъ въ лѣсу, а водяной въ водѣ. Водяной не добръ къ людямъ. Хорошъ онъ только къ тѣмъ, кто его обожаетъ да приноситъ ему въ жертву животныхъ и плоды.

Жилъ въ деревнѣ богатый мужикъ и для полевой работы держалъ у себя работника. Разъ запримѣтилъ работникъ за хозяиномъ, что у него совсѣмъ не было ржи въ амбарѣ для посѣва,

а онъ входитъ въ амбаръ и изъ стѣны закрома сыплется ему въ мѣрку рожь. Спрашиваетъ работникъ хозяина, что бы это значило. А хозяинъ и говоритъ ему: „хочешь, научу тебя, какъ добывать рожь?" Согласился работникъ. Хозяинъ взялъ образъ Спасителя и пошелъ къ рѣкѣ. Тамъ онъ велѣлъ работнику положить на берегъ образъ и стать на него ногами. Работникъ сдѣлалъ. Тогда хозяинъ сказалъ: „отрекайся отъ отца, матери и отъ всей родни до 12-го колѣна". Работникъ исполнилъ. И вдругъ изъ-подъ воды вышелъ водяной, собой лохматый и бѣлый, да и спрашиваетъ: „Зачѣмъ вы меня кликали?" Сильно оробѣлъ работникъ, не выдержалъ испуга да и подавай Богъ ноги. Побѣжалъ не къ хозяину, а прямо къ своей матери, ни живъ, ни мертвъ. Мать спрашиваетъ его: „что съ тобой, сыночекъ? что, сыночекъ?" А онъ ни слова: едва опамятовался. Понялъ работникъ, что хозяинъ его былъ въ договорѣ съ чертомъ-водянымъ и хотѣлъ его также поставить въ договоръ съ нимъ. Съ тѣхъ поръ къ своему хозяину ни ногой: до смерти боялся его.

Въ договоръ вступаютъ съ водянымъ мельники и рыбаки и бросаютъ ему въ даръ баранью голову съ рогами или цѣлаго барана. За это водяной мельнику даетъ успѣшный помолъ и всегда напускаетъ воды на его мельницу вдоволь, а рыбаку помогаетъ загонять рыбу въ сѣти.

Водяной живетъ гдѣ-нибудь въ глубокомъ мѣстѣ, подъ берегомъ, въ буговищахъ мельницъ и подъ плотинами въ прудахъ. Онъ имѣетъ женъ, дѣтей и кромѣ того еще подвластныхъ себѣ— меньшихъ водяныхъ. Набираетъ себѣ водяной женъ, дѣтей и слугъ изъ людей посредствомъ разныхъ заманиваній, для этого посылаетъ даже на землю и своихъ слугъ. Они ходятъ по землѣ и сманиваютъ людей къ прорубямъ, мельницамъ и къ другимъ опаснымъ мѣстамъ. При этомъ всегда людямъ отводятъ глаза. Пристаетъ нечистая сила къ человѣку, когда онъ идетъ не за хорошимъ дѣломъ—воровать, пить водку въ кабакъ, на посидѣлки и т. д. Въ это время всегда около человѣка вертится всякая нечистая сила и отходитъ отъ него только тогда, если старшій позоветъ ее.

Какъ только кто станетъ купаться, водяной уже тутъ подкарауливаетъ его, чтобы утащить къ себѣ. Удастся утащить ему женщину—она будетъ его женой, мальчика или дѣвочку—они бу-

дутъ его дѣтьми, большого мужчину—онъ будетъ его слугою, рабомъ до тѣхъ поръ, пока не дастъ за себя выкупа, т. е. пока, уже сдѣлавшись водянымъ, самъ не утащитъ своему старшему—хозяину кого-либо изъ людей. Водяной любитъ выходить на берегъ или всплывать на поверхность воды и разговаривать самъ съ собою. Въ моряхъ онъ ѣздитъ на рыбѣ-китѣ и на акулѣ. Въ угоду водяному люди этихъ рыбъ не ѣдятъ.

Всего опаснѣе купаться въ 12 часовъ дня и въ полночь: въ это время часто водяной утаскиваетъ къ себѣ не только людей, но и лошадей. Разъ шли мужики мимо рѣчки и одинъ изъ нихъ, хвастаясь передъ товарищами, вздумалъ переплыть эту рѣчку три раза безъ отдыха. Солнце только что перешло за полдень. Онъ скинулъ рубаху и поплылъ, перекрестясь, первый разъ, потомъ второй и далѣе третій. Плывя третій разъ, мужикъ не успѣлъ стать на ноги у берега, какъ на срединѣ рѣчки показался черный человѣкъ-чертъ, затрепалъ въ ладоши и закричалъ: „Счастье твое, что за 500 верстъ смущалъ попа!"—Одинъ старикъ не купается ужъ лѣтъ 30 слишкомъ: тоже въ пруду самъ, своими ногами, ощупалъ водяного и перекувырнулся черезъ него, такъ что насилу спасся. (Протасово, Чапкино).

Въ 12 часовъ дня одинъ молодой парень былъ утащенъ въ воду водянымъ. Когда сбѣжался народъ и призвалъ нырка, чтобы онъ нашелъ утопленнаго и вытащилъ его изъ воды, то онъ нырнулъ въ первый разъ и сказалъ: „подожду пять минутъ, теперь нельзя, потому что на головѣ его сидитъ бѣлая лебедь, которая била меня и крыльями, и клювомъ". Черезъ пять минутъ нырокъ вторично спустился на дно къ утопленнику и вытащилъ. Изъ воды кто-то закричалъ народу: „Ну, теперь онъ нашъ! Насилу бѣдняжечка дождался, скоро-ли его замучаютъ!" Бѣлая лебедь, что сидѣла на головѣ у утопленника, былъ водяной чертъ.

Одинъ мальчикъ было-утонулъ, да родители его скоро вытащили изъ воды и откачали. Потомъ спросили, какъ это онъ попалъ въ воду и утонулъ. Мальчикъ разсказывалъ, что пошелъ съ ребятами купаться въ прудъ, мѣсто было глубокое, а онъ не умѣлъ плавать и пошелъ ко дну. Тамъ его встрѣтилъ сѣдой старикъ съ рогами и сказалъ, чтобы онъ посидѣлъ тутъ, пока онъ сходитъ въ свою хату. Мальчикъ остался сидѣть, а около него поднялся крикъ, шумъ, гамъ и играла музыка. Чертенята крича-

ли, что мальчикъ теперь имъ принадлежитъ, а старикъ вышелъ и сказалъ, что мальчикъ имъ не принадлежитъ, такъ какъ ему не должно быть утопленникомъ.

Нерѣдко чертъ любитъ пошутить и посмѣяться около воды съ народомъ. Однажды онъ задумалъ шутить съ солдатами и сказалъ имъ, что, сколько хотите стрѣляйте въ него дробью изъ ружья, ему ничего не будетъ. Солдаты стали стрѣлять, а чертъ становился мишенью. Кто изъ нихъ ни выстрѣлитъ въ черта, онъ соберетъ всю дробь, въ него пущенную, и принесетъ тому солдату, который стрѣлялъ. Солдаты удивлялись, а чертъ прыгалъ и смѣялся надъ ними. Вотъ одинъ солдатъ и вздумалъ взять солдатскую пуговицу, разрѣзалъ ее на части, зарядилъ ею ружье и пустилъ въ черта. Отъ выстрѣла этого чертъ перевернулся и заохалъ, собралъ кусочки пуговицы, принесъ стрѣлявшему солдату и сказалъ, что солдатской пуговицей нельзя въ него стрѣлять, потому что она его можетъ убить. Послѣ этого чертъ пересталъ съ солдатами шутить.

Во время грозы шелъ солдатъ мимо пруда и видитъ: на плотинѣ сидитъ чертъ (водяной), ногами въ водѣ болтаетъ, на небо смотритъ и Бога языкомъ дразнитъ, что Онъ ему ничего не сдѣлаетъ. Солдатъ подумалъ, что „одной смерти не миновать, а двухъ не бываетъ", взялъ ружье (онъ былъ съ ружьемъ), зарядилъ его и вмѣсто пули положилъ пуговицу, которую тутъ же отрѣзалъ отъ своей солдатской шинели, прицѣлился и выстрѣлилъ въ черта. Черта тутъ же разнесло въ прахъ, такъ что съ неба послышалось радостное восклицаніе: „ага!..." Такъ солдатъ убилъ черта, и самъ сгинулъ тутъ же безъ вѣсти. Говорятъ, что за солдатомъ сошло съ неба свѣтлое облако, и онъ взятъ былъ живымъ на небо за убійство черта.

4. Луговики и полевики.

Духи, населяющіе поля, болота, луга и колодези, называются по мѣсту жительства своего—полевиками, луговиками и т. п. Всѣ они похожи на лѣшаго и покрыты лохматой шерстью. Ихъ можно видѣть въ 12 часовъ дня и передъ закатомъ солнца. Опасно спать человѣку передъ закатомъ солнца и въ полдень, такъ какъ духи эти выходятъ изъ своихъ норъ наводятъ на тѣхъ, кто спитъ,

еще болѣе крѣпкій сонъ и напускаютъ разныя лихорадки и другія тяжелыя болѣзни.

Никогда не надо спать на межахъ: сейчасъ переѣдетъ полевикъ, такъ что и не встанешь. Эго со многими случалось. Одинъ мужикъ легъ такимъ образомъ на межу, да, къ счастію, не могъ заснуть и лежалъ не спавши. Вдругъ слышитъ конскій топотъ, смотритъ, а на него несется верхомъ здоровенный малый на сѣромъ конѣ, лишь только руками размахиваетъ. Едва мужикъ успѣлъ увернуться съ межи отъ него, а онъ шибко проскакалъ мимо и только вскричалъ: „хорошо, что успѣлъ соскочить, а то на-вѣки бы тутъ и остался!...“

5. *Домовой.*

Домовые на взглядъ неуклюжи, какъ медвѣди; руки и ноги ихъ толстыя и сами всѣ покрыты шерстью; голова у нихъ въ родѣ человѣчьей съ едва замѣтными рожками и сильно заросла шерстью. Сзади у нихъ есть природные хвосты. По цвѣту они бываютъ рыжіе, черные и бѣлые. Нравомъ домовые почти всѣ добрые, если ихъ чѣмъ-либо не обидишь. Живутъ они въ домахъ и помогаютъ ухаживать за лошадьми и за скотомъ человѣку. Особенно домовой любитъ лошадей, и потому почти все время проводитъ съ ними и иногда живетъ подъ комягой. Если же въ домѣ нѣтъ лошадей, то онъ сидитъ на чердакѣ за трубой, или лежитъ въ сѣнномъ сараѣ и тамъ спитъ. На зиму забирается подъ печку и тамъ живетъ или у порога или подъ угломъ избы. Семьи у домового нѣтъ, а подчиненные есть. Они живутъ въ разныхъ надворныхъ постройкахъ—въ сараяхъ, ригахъ и др. Домового слушаются и его приказанія исполняютъ. Въ каждомъ домѣ живетъ почти всегда по одному домовому, и его называютъ хозяиномъ. Иногда бываетъ въ домѣ не одинъ, а два-три домовыхъ, и тогда происходятъ между ними ссоры и драки. Это считается неблагопріятнымъ въ домѣ: отъ ссоръ и дракъ домовыхъ между собою происходятъ пожары и многія другія бѣды—болѣзнь лошадей и скота, падежи и т. п. Опытный домохозяинъ можетъ домовыхъ примирить и тѣмъ спасти себя отъ несчастій, или же выгнать, кромѣ своего домового, остальныхъ. Для этого нужно, говорятъ, когда между домовыми поднимется драка, выйти на дворъ, взять метлу и ударять ею по стѣнѣ избы, приговаривая: „бей

пашъ чужого", или бросить наотмашь дугу туда, гдѣ слышится шумъ, съ тѣми же словами. Свой домовой, какъ болѣе сильный, выгонитъ чужихъ вонъ. При дракѣ ихъ всегда слышится стонъ и сильный стукъ. Дерутся и ссорятся они большею частію ночью. Чужихъ домовыхъ люди по злобѣ напускаютъ колдовствомъ.

Каждый домохозяинъ и хозяйка стараются жить со своимъ домовымъ въ дружбѣ и согласіи, и онъ имъ очень помогаетъ въ хозяйствѣ и не вредитъ ни въ чемъ. За его старанія по дому и для задабриванія каждый хорошій домохозяинъ или хозяйка предъ всякимъ большимъ праздникомъ, въ заговѣнья и разговѣнья приносятъ ему получше пищу и ставятъ на переметъ на дворѣ со словами: „на, хозяинъ, разговѣйся, или заговѣйся, или же угостися кускомъ съ пирожкомъ", смотря по тому, когда это дѣлается въ праздникъ ли, въ заговѣнье. Если онъ съѣстъ—значитъ будетъ добро; если же не съѣстъ—значитъ сердитъ и надо постараться какъ-нибудь задобрить его. Въ противномъ случаѣ, надѣлаетъ какихъ-либо непріятностей по двору.

За лошадьми и за скотомъ домовой любитъ ухаживать: самъ ихъ кормитъ и поитъ ночью, и если у хозяина мало корма, то украдетъ для своихъ лошадей у чужихъ хозяевъ и все-таки свою лошадь накормитъ до-сыта. Надо заботиться, чтобы лошади и скотъ ему понравились, а нравятся ему больше всего мастью. Въ противномъ случаѣ, если ему животное не понравится, онъ его изобьетъ, заѣздитъ и заморитъ; даже, что дастъ человѣкъ ему, и то выброситъ вонъ, а нелюбимому животному не дастъ ѣсть. Поэтому домохозяева стараются узнать прежде у домового, когда пріобрѣтутъ новую скотину или лошадь, нравится ли она ему. Кладутъ на переметъ кусокъ хлѣба на дворѣ и смотрятъ: если кусокъ будетъ съѣденъ или уроненъ съ перемета, то это къ благополучію,—вновь пріобрѣтенная скотинка или лошадка дѣдушкѣ по вкусу. Примѣчаютъ масть по голубямъ, которые водятся на дворѣ: какой цвѣтъ большаго числа голубей, живущихъ на дворѣ, такую надо и масть скота и лошадей разводить. Посуду и другія хозяйственныя вещи и предметы онъ будетъ портить, когда ему самъ человѣкъ что-нибудь сдѣлаетъ наперекоръ—насолитъ какимъ-либо невниманіемъ къ нему. Въ это время онъ бываетъ опасенъ.

Увидѣть домового возможно всегда. Иногда не думаешь о немъ, а онъ тебѣ тутъ какъ тутъ и при этомъ скидывается разными

животными, больше всего кошкой, собакой, или покажется „настоящей своей образиной". Ежели онъ въ хорошемъ расположеніи, то только улыбнется и, отвернувшись отъ тебя, полѣзетъ въ свое мѣсто; если же нѣтъ, то свое неудовольствіе выразитъ стономъ или какой-нибудь угрозой. Если же человѣкъ захочетъ увидѣть его преднамѣренно, то можетъ видѣть его въ Свѣтлое Воскресеніе въ церкви. Надо надѣть на себя все новое платье и обувь, помазать голову масломъ, взятымъ отъ 7-ми перводойныхъ коровъ, итти въ церковь и во время службы оглянуться. Домовой покажется въ настоящемъ видѣ и погрозится. Отъ этого человѣку, видѣвшему домового, приключается 6-ти-недѣльная болѣзнь. Можно также видѣть домового въ этотъ же день между утренею и обѣднею дома въ своемъ дворѣ. Стоитъ только взять фонарь и осмотрѣть чотыре угла двора,—непремѣнно въ какомъ-либо углу увидишь его: онъ будетъ лежать, свернувшись калачемъ, какъ собака, и похожимъ на нее. Видаютъ домового черезъ три бороны, какъ онъ хлопочетъ около лошадей своихъ и скота. Борона, такимъ образомъ, дастъ возможность видѣть лѣшаго и домового, какъ они есть на самомъ дѣлѣ и безъ вреда человѣку. Борона вся состоитъ изъ крестовъ, а кресты всѣхъ нечистыхъ духовъ устрашаютъ.

На ночь отъ домового и другой силы всякую посуду съ питьемъ, съ пищей и даже одеждой надо закрывать. Иначе они могутъ въ нее напакостить, и человѣкъ, хотя и не видитъ и не сознаетъ этого, а можетъ сильно заболѣть и даже умереть, если потомъ напьется изъ нея, или съѣстъ, или будетъ носить такую одежду. Умные люди на ночь все закрываютъ и закрещиваютъ.

Привожу нѣсколько разсказовъ о домовыхъ.

Жили два сосѣда-мужика. У одного лошади были хорошія, а у другого плохія. Сосѣдъ съ плохими лошадьми завидовалъ своему сосѣду и даже серчалъ на него изъ-за лошадей, что у него были хороши. Разъ въ веселой бесѣдѣ первый сосѣдъ и сказалъ другому: „Вотъ у меня лошади хороши. Посмотрѣть бы, кто ихъ тамъ кормитъ и поитъ?"—„Очень просто", отвѣтилъ ему первый: „возьми три бороны, составь ихъ шалашикомъ, залѣзь самъ туда и смотри. Ты увидишь, кто ихъ кормитъ". Мужикъ составилъ три бороны шалашикомъ и вечеромъ залѣзъ подъ бороны посмотрѣть. Вотъ идетъ черный мужикъ къ его лошадямъ

(лошади все были вороныя) и начинаетъ ихъ гладить, чистить и говорить съ ними ласково, называя ихъ „милыми, хорошими, голубчиками". Говорилъ такъ, говорилъ, взялъ одну лошадь, запрягъ въ бочку и поѣхалъ за водой. Потомъ, пріѣхавши съ водой, напоилъ ихъ всѣхъ и ушелъ.

На другое утро мужикъ сталъ думать, какъ это такъ лошади за ночь всю кадку выпили, а по-утру кадка все-таки полна водой? Это значитъ вода привезена домовымъ, и онъ съ семьей своей эту-то воду и пьетъ. Гадко ему стало, и онъ сталъ допытываться у своего сосѣда, какъ бы сдѣлать, чтобы домовой не возилъ воды. Тотъ посовѣтовалъ ему прорубить дно кадки, чтобы днемъ кадку для себя затыкать, а ночью оттыкать, чтобы домовой не могъ возить воду. По совѣту сосѣда мужикъ такъ и сдѣлалъ. Наступила ночь. Домовой пришелъ къ лошадямъ, погладилъ ихъ, поговорилъ съ ними и поѣхалъ за водой. Пріѣхавши къ колодезю, онъ лилъ-лилъ воду, а въ кадкѣ все воды нѣтъ. Разсердился онъ, что скоро будетъ 1-й часъ, а воды для лошадей н можетъ налить, началъ трепать сани съ бочкой, колотить лошадь, что была имъ запряжена, и поѣхалъ на дворъ домой. Здѣсь онъ еще больше расходился: все переломалъ, что было на дворѣ, и перебилъ весь скотъ и всѣхъ лошадей.

Проснулся поутру мужикъ и пошелъ посмотрѣть, ѣздилъ ли домовой за водой. Входитъ на дворъ и видитъ,—все переломано, и скотъ, и лошади лежатъ убитыми. Взвылъ онъ благимъ матомъ да сдѣланнаго не воротишь. —При такихъ случаяхъ домовые вредятъ человѣку.

Былъ мужикъ-барышникъ. Сначала дѣла его шли хорошо: всякую лошадь, что ни купитъ, продастъ всегда съ выгодой, и отъ этого у него даже деньжонки водились. Въ городѣ, куда онъ ѣздилъ барышничать, многіе изъ барышниковъ его не любили и даже завидовали. Одинъ дока изъ барышниковъ и сдѣлалъ ему такъ, что дѣла его пошли совсѣмъ плохо. Хоть самую хорошую лошадь купить для себя или продажи,—не выходитъ она да и только. Черезъ недѣлю такъ захудаетъ, что идетъ за самую послѣднюю клячу. Горюетъ нашъ мужикъ, что дѣла его пошли плохо, и не знаетъ, отчего бы это приключилось. Разъ онъ поѣхалъ на своихъ лошадяхъ въ городъ. Остановился переночевать на постояломъ дворѣ. Распрягъ лошадей, задалъ имъ корму и, такъ какъ дѣло

было весной, самъ легъ въ телѣгу. Ночью вдругъ кто-то сталъ швырять въ его телѣгу полѣньями и палками. Мужикъ испугался и не знаетъ, что дѣлать,—лежитъ и не смѣетъ выглянуть. Товарищъ ему и говоритъ, спавшій тоже на телѣгѣ съ нимъ рядомъ: „возьми дугу и запусти ему въ морду". Мужикъ такъ и сдѣлалъ, но бросать палки все кто-то не переставалъ. На утро всталъ мужикъ, поглядѣлъ лошадей и видитъ, что кормъ у нихъ выгребенъ весь до-чиста, вмѣсто него положено палокъ и конскаго помету. Догадался онъ, что тутъ дѣло не чистое. Изъ города поѣхалъ домой, и всю дорогу за нимъ бѣжала рыжая собака и, добѣжавши до избы его, исчезла.

Дома этотъ случай мужикъ разсказалъ женѣ, а жена и сказала ему, что это напущенъ къ нимъ чужой домовой. Онъ и портитъ его лошадей. Надо найти знающаго человѣка, чтобы выгнать его. Вскорѣ знающаго человѣка они нашли. Цыганка за пять яицъ ему выгнала чужого домового и сказала, откуда онъ былъ:

Цыганка взяла воды и наговорила на нее. Смотритъ въ воду и спрашиваетъ: „откуда ты?"—„Съ ближайшей мельницы напущенъ", отвѣчаетъ домовой. Она подошла къ порогу и сказала: „ступай вонъ, чтобъ духъ твой не пахъ"!.. Потомъ дала мужику въ мѣшечкѣ травы и велѣла сжечь подъ комягой. Мужикъ сейчасъ же и пошелъ жечь траву. Вдругъ на дворѣ поднялся шумъ, крикъ. Хозяйка смотритъ на дворъ и видитъ—бѣлый домовой бьетъ краснаго и выгоняетъ вонъ со двора. Бѣлый-то былъ свой, а красный напущенъ. Тѣмъ дѣло и кончилось. Мужикъ вскорости поправилъ свои дѣлишки.

Одинъ мужикъ, перебираясь изъ старой избы въ новую, пригласилъ и домового съ собой жить. Жена же его еще раньше, переходя съ уголькомъ изъ стараго жилища на новое, пригласила себѣ хозяина. Такимъ путемъ у нихъ стало жить два домовыхъ. Отъ нихъ не стало мужику съ женой покою. Какъ настанетъ ночь, такъ у домовыхъ пойдетъ ссора и драка, лишь только стонъ стоитъ. Жена и спрашиваетъ мужа: „вѣрно ты пригласилъ хозяина съ собой, да и я вѣдь тоже пригласила съ уголькомъ хозяина. Теперь у насъ ихъ два. Надо выгнать твоего". Ночью, какъ они начали драться, баба вышла съ метлой въ сѣни и закричала, хлопая метлой по стѣнѣ: „бей нашъ чужого"! Домовой бабы выгналъ домового, приглашеннаго мужикомъ. Насталъ въ

домѣ покой. Когда баба пошла на чердакъ посмотрѣть, что тамъ было у нихъ, то увидѣла, что зола и листва, что была на потолкѣ, надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ она спала, вся была посметена. Мужикъ же потомъ видѣлъ своего выгнаннаго домового въ лѣсу, гдѣ онъ скинулся котомъ, ходилъ вокругъ мужика и сильно голосилъ.

— Въ одинъ крестьянскій дворъ сталъ ходить чужой домовой и красть кормъ у лошадей. Хозяйка запримѣтила это и закрестила на ночь комягу съ кормомъ лошадей, а сама сѣла на лавку и начала караулить всю ночь чужого домового, смотря на дворъ въ волоковое окошечко. Около полуночи вдругъ ея скамейка затряслась, домовой съ чужого двора. перевалился черезъ плетень двора и пошелъ прямо къ комягѣ. Но комяга была закрещена, и онъ ничего не могъ взять изъ нея. Бабѣ стало жутко, и она окликнула мужа, который тутъ же спалъ на коникѣ въ избѣ. Домовой повернулся назадъ, прошелъ мимо бабы, бормоча про себя: „мало, мало"... и съ тѣхъ поръ уже не ходилъ къ нимъ воровать.

— Одинъ крестьянинъ погорѣлъ и на время, пока строился, жилъ у сосѣда. Къ нему его домовой приходилъ каждый вечеръ, въ видѣ черной телушки. „Бывало настанетъ вечеръ, и телушка идетъ къ дому сосѣда, гдѣ жилъ,—разсказывалъ онъ.—Собаки сосѣда такъ и заливаются—лаютъ на нее. Подойдетъ она къ сосѣдову двору, постоитъ и пойдетъ черезъ огороды и коноплянники на мое пепелище и тамъ провалится. Когда я выстроился, то не пригласилъ его въ домъ, и онъ цѣлую осень проходилъ кругомъ двора козломъ. Когда же сказалъ ему: „иди, хозяинъ, съ нами жить", послѣ того не стало козла. Значитъ, онъ, т.-е. нашъ-то хозяинъ, вошелъ во дворъ".

— Одна женщина отъ домового видѣла три напасти, а передъ каждою напастью онъ ночью на нее наваливался. Въ первый разъ она родила мертваго мальчика, во второй—сгорѣли, а въ третій—корова околѣла и овцы начали падать.

— Другая женщина разсказывала, что домашняя свинья вечеромъ вылѣзла изъ закуты къ теленку, только-что родившемуся, и хотѣла заѣсть. Какъ вдругъ она слышитъ зовъ со двора: „Степанида, Степанида, выйди сюда!"—Вышла—и видитъ эту оказію, что свинья хочетъ заѣсть теленка. Вызвалъ ее хозяинъ-домовой.

III. Вѣдьмы, колдуны, знахари.

1. *Вѣдьмы, колдуны и колдуньи.*

Вѣдьмы и вѣдьмаки рождаются съ маленькими хвостиками отъ 12-ти дѣвокъ одного поколѣнія тринадцатыми. Нѣкоторые полагаютъ, что дѣвка дѣвку рождаетъ до 9-ти разъ, а десятая будетъ вѣдьма съ хвостикомъ. Хвостики молодыхъ вѣдьмъ и вѣдьмаковъ бываютъ не болѣе полувершка или вершка, а къ 40 и 50-ти годамъ они достигаютъ длины въ 5 вершковъ. Природныя вѣдьмы бываютъ болѣе милостивыми и добрыми, чѣмъ тѣ вѣдьмы и колдуны, которые научились отъ природныхъ вѣдьмъ этому ремеслу. Ученые колдуны и вѣдьмы всегда бываютъ сердитыми для народа, всегда ему во всемъ вредятъ, и оборачиваются сороками, свиньями, кошками и всякой гадиной. Также оборачиваются и природныя вѣдьмы и вѣдьмаки. Чтобы избавиться отъ вѣдьмы, если она кинется на человѣка, надо бить ее наотмашь, и то одинъ разъ. Кто хочетъ быть ученой вѣдьмой или колдуномъ, долженъ отказаться отъ отца и матери и отъ всего рода отъ 12 колѣнъ, при чемъ, отрекаясь, долженъ стоять на иконѣ, положенной внизъ ликомъ, на перекресткѣ дороги, или въ другомъ какомъ мѣстѣ, гдѣ много водится чертей.

— Жили два кума: одинъ колдунъ, а другой нѣтъ. Неколдунъ и говоритъ колдуну: „научи меня, кумъ, колдовать".—Если будешь исполнять все, что я тебѣ ни скажу, и отречешься отъ роду, то и будешь умѣть колдовать".—„Исполню все", отвѣтилъ тотъ. — „Такъ слушай: завтра, какъ встанешь, возьми икону съ божнички и бѣги на перекрестокъ; тамъ на самой срединѣ перекрестка положи икону внизъ ликомъ и стань на нее ногами и стой, пока не придетъ къ тебѣ „ёнъ" [1]). На другой день мужикъ такъ и сдѣлалъ, какъ говорилъ кумъ. На перекресткѣ ему не пришлось долго ждать. Онъ слышитъ голосъ сзади себя: „Исполнилъ ли все то, что я тебѣ говорилъ?"—„Исполнилъ", отвѣчаетъ мужикъ.— „Ну, лѣзь сюда!" Мужикъ обернулся и увидѣлъ сзади себя большую собаку съ разинутой пастью. Испугался онъ и взмолился:

---

[1]) Наши крестьяне черта рѣдко зовутъ по имени изъ страха къ нему, а обозначаютъ его мѣстоименіемъ „ёнъ", т. е. онъ.

„да Господи, куда же я полѣзу?“ Собака тотчасъ провалилась, а мужикъ, не сдѣлавшись колдуномъ, пришелъ домой и сталъ чахнуть. Почахъ, почахъ, да черезъ годъ и умеръ.

Колдуна и вѣдьму узнаютъ по тѣни: у нихъ всегда бываетъ двѣ тѣни. Если ты встрѣтишься съ колдуномъ или вѣдьмой, то и смотри: если у тебя одна тѣнь, а у встрѣчнаго двѣ—значитъ онъ непремѣнно колдунъ, а если женщина, то вѣдьма—колдунья. Дѣйствуютъ колдуны и вѣдьмы при помощи черта. Они на поляхъ завязываютъ въ хлѣбѣ куклы, въ домахъ изводятъ и портятъ скотину, а вѣдьмы, кромѣ того, скидываются кошками или сороками и прибѣгаютъ или прилетаютъ на дворъ къ сосѣдямъ доить молоко у коровъ.

— Въ одной деревнѣ у богатаго мужика коровы совсѣмъ не стали давать молока. Его и научили взять топоръ, сѣсть на дворѣ подъ куринымъ насѣстомъ ночью и караулить, кто ночью выдаиваетъ молоко у коровъ. Ночью на дворъ пришла кошка и начала мяукать. Помяукала немного—и вдругъ обратилась въ простоволосую бабу въ одной рубахѣ и начала доить корову въ кожаный мѣшокъ. Мужикъ, не теряя времени, схватилъ топоръ и наотмашь топоромъ ударилъ бабу по рукѣ, такъ что отсѣкъ ей руку. Баба исчезла. Пришелъ мужикъ въ избу, посмотрѣлъ на свою мать, а она лежитъ съ отсѣченной рукой и слегка стонетъ,—онъ тутъ такъ и обмеръ: кошкой-вѣдьмой была его родная мать. Объявилъ мужикъ сходу, что его мать—вѣдьма. Міръ велѣлъ ее никуда не выпускать,—въ противномъ случаѣ убьютъ ее.

— Къ счастью, въ нашихъ мѣстахъ вѣдьмъ почти совсѣмъ нѣтъ, а если и есть, то не такъ опасны. Вотъ, разсказывала одна старуха, за Курскомъ ихъ много. Я была молодой дѣвушкой и работала тамъ (за Курскомъ) съ двумя своими подружками на бакшѣ. День былъ жаркій, и мы втроемъ въ обѣденное время пошли купаться на рѣчку Слопу. Купаемся этакъ, а поодаль отъ насъ купается дѣвушка, только одна. Она съ нами работала на бакшѣ, и всѣ наши работницы звали ее вѣдьмой—„природной вѣдьмой, съ хвостикомъ“. Я и говорю подругамъ: поймаемте ее и посмотримъ,—правда ли, что у нея есть хвостикъ. Поплыли мы къ ней вдоль рѣчки, а она, запримѣтивши насъ, пустилась на-утекъ. Не уйдетъ, говорю я, отъ насъ всѣхъ! Гоняли, гоняли, насилушку

поймали и стали ее осматривать. Увидѣли у ней назади небольшой хвостикъ, съ указательный палецъ, весь въ сѣренькой шерсточкѣ, какъ разъ похожъ на заячій. Вотъ какія бываютъ природныя вѣдьмы.

— Нашъ сосѣдъ возвращался съ работы изъ-за Курска и зашелъ ночевать въ одну избу. Вошелъ онъ въ сѣни, а хозяйка доитъ корову. „Колодезь тебѣ, тетушка, въ доило", говоритъ онъ. Она покосилась на него и ничего не сказала. Изъ сѣней онъ вошелъ въ избу. Подоивши корову, вошла хозяйка съ молокомъ и говоритъ: „Ты, прохожій, никогда не говори такъ. Не хорошо имъ слушать это". Послѣ ужина легли спать, а сосѣдъ нашъ не спитъ, лежитъ такъ и смотритъ. Вдругъ хозяйка встала, подошла къ печкѣ, сѣла на лутошку верхомъ и въ трубу. Испугался Иванъ Петровичъ (такъ звали нашего сосѣда-то) и ужъ совсѣмъ не могъ заснуть. Долго ея не было, только глядь — передъ пѣтухами и является она на лутошкѣ изъ трубы и стала ходить по избѣ, какъ прежде ходила. Отъ этой-то вѣдьмы и научился колдовать Иванъ Петровичъ, да ужъ и колдунъ былъ—знающій.

Разъ въ нашей деревнѣ была свадьба, и на этой свадьбѣ колдуномъ-знахаремъ находился Иванъ Петровичъ. Пріѣхали молодые отъ вѣнца, и стали ихъ сажать за столъ, а его посадили прежде всѣхъ. Сѣлъ онъ за столъ и сталъ подвигаться къ окну. Двигался, двигался и сѣлъ противъ самаго окна. „Ну, теперь хоть мать родная приходи—ни за что не подвинусь", говоритъ Иванъ Петровичъ. —„Ага! красноносая пришла. Ничего, ничего, намъ ничего не сдѣлаютъ!" Это онъ говорилъ на одну бабу,—она тоже была колдунья, знала не меньше его и сидѣла тутъ же за столомъ только не противъ его. Усадивши гостей за столъ, дядька сталъ подносить вино и какъ только несъ стаканъ, вдругъ онъ разлетѣлся весь на части. Всѣ такъ и ахнули, а Иванъ Петровичъ и говоритъ: „Не бойтесь, намъ ничего не будетъ. Стаканчикъ пропалъ,— ну что-жъ? Убытку не много, давай другой. Ничего! говорите только: у насъ Христосъ воскресъ! Пейте,—у насъ Христосъ воскресъ!" И ничего, опять все пошло хорошо. Пообѣдали какъ слѣдуетъ и пошли всѣ по своимъ мѣстамъ: кто спать, кто куда, а старухи начали прибирать, что осталось отъ обѣда, горшокъ съ оставшейся похлебкой поставили подъ лавку. Встали утромъ и смотрятъ, а въ горшкѣ два хозяйскіе поросенка внизъ головами

заткнуты въ горшокъ и оба колѣлые. Позвали Ивана Петровича и спрашиваютъ его, чтобы это значило, а онъ и отвѣчаетъ: „Пускай, вѣдь только и будетъ. Это собачье мясо. То-то бы было и съ дѣточками-молодыми!" Не привелось красноносой испортить молодыхъ: Иванъ Петровичъ оказался сильнѣе ея.

При свадьбахъ надо имѣть большую осторожность, а то тотчасъ получишь непріятность отъ духовъ и вѣдьмъ-колдуній: или болѣзнь напустятъ какую-нибудь на молодыхъ, или порчу, съ которой могутъ остаться на всю жизнь, если не найдешь хорошей бабки. Колдуны и колдуньи портятъ на свадьбѣ не однихъ молодыхъ, но и постороннихъ людей, а поѣзжанъ взачастую. Мало того, могутъ всю свадьбу сдѣлать оборотнями.

— Была свадьба лѣтъ сорокъ тому назадъ. Поѣзжанъ было человѣкъ 12-ть. Безъ этого числа рѣдко случается свадьба. Пріѣхали отъ вѣнца и сѣли было за столъ, какъ вдругъ всѣ поѣзжане обратились въ волковъ и загудѣли изъ-за стола: кто въ окно, кто въ дверь. И какой страхъ на всѣхъ напалъ, какъ всѣ переполошились,—просто сказать нельзя! А они-то завоютъ, завоютъ и кто куда. Заколдованы были волками 12-ть человѣкъ на семь лѣтъ и черезъ семь лѣтъ вернулись домой только три мужика, а остальныхъ настоящіе волки разорвали. Изъ трехъ уцѣлѣвшихъ мужиковъ былъ нашъ деревенскій и онъ все разсказывалъ: какъ онъ волкомъ былъ и какъ бѣгалъ съ настоящими волками. „Попадешь бывало, говоритъ онъ, въ ихъ стадо и ложись всегда подъ вѣтеръ, а на вѣтеръ ляжешь—сейчасъ учуютъ человѣчину и разорвутъ. Они много такъ нашихъ разорвали. Бѣгаешь, бѣгаешь, поѣсть все ищешь; настоящіе-то волки падаль жрутъ, а мы не ѣли падали, все живыхъ—барашка, теленочка... Иногда память приходитъ: въ свою деревню забѣжишь, къ своему двору подойдешь и думаешь: вотъ скажу, кто я таковъ. Какъ вдругъ собаки залаютъ, на улицу выйдетъ кто-нибудь, закричитъ, заулюлюкаетъ,—совсѣмъ не можешь образумиться и порснешь куда-нибудь отъ деревни подальше, въ лѣсъ или оврагъ". Оборотень этотъ повадился ходить подъ ригу и тамъ лежать. Домашніе его и подумали: „не нашъ ли это сердечный?"—и положили на то мѣсто, гдѣ онъ ночью лежалъ, ломтикъ хлѣба. Утромъ посмотрѣли, а ломтя нѣтъ: онъ съѣденъ. На слѣдующую ночь положили больше хлѣба, и это онъ съѣлъ. Такъ его они (домашніе) и кормили, пока онъ не превра-

тился опять въ человѣка. Прошло семь лѣтъ, волчья шкура у него треснула и вся соскочила: онъ сталъ человѣкомъ. Крестъ, какъ былъ у него на шеѣ, такъ и остался, да клочекъ сѣренькой шерсти противъ самаго сердца.

Природныя вѣдьмы-дѣвушки часто мстятъ своимъ женихамъ, если женихи на нихъ не женятся—обманутъ, или она умретъ, а женихъ останется, то она старается утащить его къ себѣ.

— Въ одномъ селѣ была дѣвка-вѣдьма и хотѣла она выйти замужъ за одного парня своего же села, красиваго изъ себя и зажиточнаго. Онъ былъ одинъ сынъ у отца и матери и держалъ лѣтомъ двухъ работниковъ. Только этого малаго отецъ съ матерью женили не на вѣдьмѣ, а на дѣвкѣ другой деревни. Вѣдьма-дѣвка серчала за это на парня и задумала его слопать, чтобы не жить ему на бѣломъ свѣтѣ. Дѣло было къ осени. Работники повели на ночь хозяйскихъ лошадей въ поле кормить, а молодой хозяинъ ихъ пошелъ въ ригу спать. Идетъ и дорогой слышитъ голосъ: „человѣче, тебѣ бѣда придетъ!"—„О, Господи! куда мнѣ отъ бѣды дѣться?" Невидимый голосъ вскричалъ: „лѣзь на колосники". Взлѣзъ онъ на колосники и тамъ примостился кое-какъ спать. Черезъ нѣсколько времени прибѣжала свинья и взялась лазить по ригѣ. Лазила, лазила—ничего не нашла, заголосила по-человѣчьи и убѣжала. Утромъ слѣзъ парень съ колосниковъ, пришелъ домой и никому ничего не сказалъ.

На другую ночь опять идетъ онъ спать въ ригу и опять слышитъ голосъ: „человѣче, тебѣ бѣда будетъ".—„О, Господи! куда мнѣ отъ бѣды дѣться?"—„Отопри дверь и самъ за дверью стой", было сказано ему.

Черезъ сколько-то времени прибѣжала свинья и хохочетъ человѣчьимъ голосомъ: „теперь я знаю, гдѣ ты находишься; теперь ты отъ меня не уйдешь!" Прямо вскочила на колосники и начала по колосникамъ бѣгать, соскочила съ колосниковъ, по ригѣ пробѣжала, потомъ выскочила изъ риги и убѣжала.

На третью ночь онъ пошелъ спать въ ригу—и тотъ же голосъ ему говоритъ: „человѣче, будетъ тебѣ бѣда".—„Господи, куда мнѣ отъ бѣды?" взмолился парень. Ему было сказано: „возьми ты переднюю ось изъ-подъ телѣги и стань подъ угломъ риги. Какъ только будетъ бѣжать свинья, то ты этою осью и ударь

ее наотмашь одинъ разъ, а больше не бей". Едва успѣлъ парень стать за уголъ риги съ осью, какъ бѣжитъ въ ригу свинья, человѣчьимъ голосомъ кричитъ: „хитеръ ты, но я хитрѣе тебя,— теперь ты отъ меня нигдѣ не спрячешься", и прямо кинулась за дверь риги, потомъ вскочила на колосники, съ колосниковъ соскочила въ ригу, изъ риги выбѣжала и побѣжала кругомъ ея. Только свинья къ парню подбѣжала, онъ изо всѣхъ силъ наотмашь и ударилъ ее осью, такъ что она упала и закричала: „ударь еще!" Но онъ не сталъ бить и ушелъ домой. Эта свинья сдѣлалась дѣвкой, пришла домой, недѣльку поболѣла и умерла.

— Одному парню родители сосватали невѣсту. Невѣста не дожила до свадьбы: заболѣла и умерла. Передъ смертію она сказазала своимъ родителямъ, что не пришлось ей выйти замужъ, и поэтому она возьметъ своего жениха съ собой и пусть онъ по ней читаетъ псалтирь. Парень былъ человѣкъ грамотный, и его стали звать читать псалтирь по умершей невѣстѣ. Взялъ онъ псалтирь и пошелъ къ покойницѣ. Дорогой ему встрѣтился странничекъ и спрашиваетъ, куда онъ идетъ. Тотъ ему разсказалъ, зачѣмъ онъ идетъ, а странничекъ и говоритъ: „она тебя съѣстъ, вѣдь она вѣдьма".—„Какъ же мнѣ быть, дѣдушка?" спрашиваетъ парень.—„А очень просто. Когда она станетъ ворочаться, ты бросай читать псалтирь и ложись подъ столъ." Парень пришелъ къ покойницѣ и читаетъ псалтирь первую ночь. Всѣ заснули, только онъ не спитъ и читаетъ. Вдругъ покойница заворочалась. Парень бросилъ читать и мигомъ спрятался подъ столъ. Дѣвка шаркнула черезъ столъ и ушла. Летала, летала, прибѣжала и говоритъ: „ну, такой-то сынъ, далеко спрятался, а найду! Врешь!". и опять легла. На другую ночь идетъ парень читать по покойницѣ и опять ему встрѣчается тотъ же странничекъ и даетъ ему совѣтъ спрятаться отъ нея подъ порогъ, если она встанетъ. Парень такъ и сдѣлалъ. Какъ ночью она стала шевелиться, онъ оставилъ читать и легъ подъ порогъ. Дѣвка вскочила, опять шаркнула черезъ него и пошла носиться по деревнѣ. Носилась, носилась, но не нашла парня. Прилетѣла въ избу раздраженная и говоритъ: „Ну, куда это только онъ прячется? Ну, если бы я его нашла, такъ бы прямо и слопала!" и опять легла. Третья ночь приходитъ, парень идетъ читать, а навстрѣчу ему знакомый странникъ и совѣтъ даетъ садиться на столбъ, гдѣ по-

лочки положены, если покойница будетъ шевелиться, и тамъ читать псалтирь, и ее не бросать. Наступила полночь. Вѣдьма заворочалась, а парень на столбъ взобрался и тамъ читаетъ псалтирь. Вѣдьма вскочила и начала къ себѣ сзывать всѣхъ своихъ подругъ. Какъ налетѣли вѣдьмы, всю избу заполонили, а покойница-вѣдьма глядитъ на нихъ и говоритъ: „одной моей подруги нѣтъ, куда же она дѣлась? Кривая, иди сюда!“ Кривая прилетѣла сорокой, сѣла на порогъ и спрашиваетъ: „что вамъ надо отъ меня?“—Да вотъ помоги намъ найти малаго.—„Ахъ, вы, дуры, дуры, не видите этого мальчишку, да онъ сидитъ на столбѣ“.—А какъ намъ его взять? говоритъ дѣвка.—„Ищите лучинокъ, которыя были бы зажжены съ обоихъ концовъ и несите сюда. Мы сейчасъ же его возьмемъ“. Вѣдьмы разсыпались по всей деревнѣ искать лучинокъ и вскорѣ принесли ихъ цѣлый ворохъ; потомъ стали ихъ зажигать и подкладывать подъ столбъ. Столбъ началъ подгорать и скоро упалъ бы, если бы пѣтухъ не пропѣлъ. Съ первыми пѣтухами вѣдьмы проваливаются. Парень, сидя въ ужасѣ, слышалъ, какъ кто-то заставлялъ пѣтуха кричать, а пѣтухъ говорилъ, что рано. Этотъ кто-то самъ затрепалъ въ ладоши и закричалъ пѣтухомъ, а за нимъ вслѣдъ закричалъ и пѣтухъ. Вѣдьмы разбѣжались, а покойница не успѣла лечь на свое мѣсто и грохнулась головой на лавку, а ногами на полъ. На другой день парень разсказалъ обо всемъ, что было съ нимъ въ три ночи. Народъ удивлялся, а родители дѣвки знали, что она была вѣдьма, такъ какъ у нея имѣлся хвостикъ. Спасъ же отъ смерти парня и первымъ закричалъ по пѣтушиному въ послѣднюю ночь ангелъ-хранитель его.

Вотъ почему нельзя лучинки зажигать съ обоихъ концовъ: ими могутъ пользоваться для худыхъ цѣлей вѣдьмы.

Еще подобный разсказъ.—У одного парня въ чужой деревнѣ умерла невѣста, а она была вѣдьма. Чтобы она не замучила парня, народъ посовѣтовалъ ему ходить къ ней на кладбище и сидѣть на крестѣ могилы ея три ночи; тогда она оставитъ его въ покоѣ и ничего не сдѣлаетъ ему. Парень ходилъ на могилу вѣдьмы три ночи и каждую ночь ее видѣлъ до первыхъ пѣтуховъ. Она всѣ три ночи выходила изъ могилы и искала его. Въ первую ночь она искала его одна, во вторую со своими подругами вѣдьмами, а въ третью, чтобы отыскать его, по совѣту старой вѣдьмы, онѣ принесли съ собой младенца съ хвостикомъ, который

и указалъ имъ, гдѣ парень сидѣлъ. Но къ счастію, въ то время, какъ младенецъ съ хвостикомъ указывалъ на крестъ, гдѣ былъ парень, пѣтухи прокричали—и вѣдьмы разбѣжались. Младенецъ такъ и остался съ протянутой рукой и по немъ нашли его родителей; а это важно, потому что съ этими людьми обращаются съ осторожностью и за ними наблюдають, чтобы чего скверна́го не сдѣлали православнымъ. Узналъ о всемъ случившемся священникъ того села, велѣлъ народу раскопать могилу покойницы и поднять крышку гроба. Тогда увидѣли вѣдьму, лежащую въ гробѣ внизъ лицомъ. Священникъ приказалъ затесать осиновый колъ и забить его въ спину покойницы противъ груди. Когда колъ заколачивали въ спину, дѣвка начала сильно голосить и кровь лилась ручьемъ, а священникъ все это время читалъ Евангеліе и держалъ крестъ въ рукахъ, чтобы нечистая сила не похитила кого-нибудь изъ народа.

Осиновый колъ забиваютъ потому, что на осинѣ Іуда удавился, и, стало быть, она проклята вмѣстѣ съ Іудою. Въ вѣдьму или колдуна забить его—значитъ проклясть ихъ, чтобы они не выходили изъ могилъ.

„Наученыя колдуньи" большею частію доживаютъ до глубокой старости и смерть ихъ бываетъ ужасна.

— У насъ надъ оврагомъ стояла ветхая избушка, а въ избушкѣ этой жила старая престарая старуха „наученая колдунья-вѣдьма", угрюмая на видъ, желтая, какъ рыжикъ, съ морщинами на лицѣ по аршину и съ такимъ носомъ, какъ собака на бугрѣ. Въ жилищѣ у нея никого и ничего не было, кромѣ такого же стараго кота да махотокъ. Съ однимъ котомъ она держала совѣтъ, съ нимъ и дѣлила свою скудную пищу. Къ ней много ходило разнаго темнаго люда, ни въ чемъ несвѣдущаго, и разспрашивали у ней о своей жизни и будущей судьбѣ. Старуха на все имъ давала отвѣты. Ее почитали за знахарку, а потомъ и за колдунью. Народъ запримѣтилъ, что она зналась съ чертомъ, что котъ ея никто-иное, какъ чертъ, и найденъ онъ былъ гдѣ-то въ лѣсу. Когда старуха узнала, что это не котъ, а чертъ, то стала его кормить и поить вмѣстѣ съ собою, а онъ ее сталъ научать всякому колдовству. Подъ конецъ чертъ старуху замучилъ. Она сдѣлалась, какъ бѣшеная, и злая, какъ звѣрь. Народъ въ недоумѣніи началъ ее опасаться. Разъ она соскочила со своей крова-

вати ночью и растянулась по срединѣ избы, потомъ съ полу встала и полѣзла подъ печку. Тамъ она по-собачьи брехала, по-кошачьи мяукала и, наконецъ, подъ утро вылѣзла изъ-подъ печки и легла на полъ. Народъ собрался къ ней и смотритъ на все это съ ужасомъ, а колдунья все еще мучится. На груди у ней собралось несмѣтное число змѣй и ящерицъ, и всѣ онѣ ворочаются на ней, какъ масса червей въ навозной кучѣ: однѣ лѣзутъ въ ротъ, другія въ уши, а старуха только мотаетъ головой да поминутно высовываетъ языкъ. Наконецъ, она перестала дышать, только гады производили шумъ. Народъ видитъ, что старуха околѣла, собрался на сходку и на сходкѣ положили старухину избу и вмѣстѣ съ нею сжечь. Разсказываютъ, что когда горѣла изба, въ ней слышенъ былъ шумъ и крикъ, собачій лай и другіе голоса. Избушка вскорѣ сгорѣла до-тла, и уголья посыпались въ оврагъ, а на томъ мѣстѣ образовалась глубокая яма, и на днѣ ея долгое-долгое время водились ядовитыя змѣи. Но теперь тамъ нѣтъ ничего такого, только ручеекъ журчитъ, да врагъ мухъ и другихъ насѣкомыхъ показываетъ свою неуклюжую мордочку съ обнаженнымъ языкомъ и другіе водяные обитатели живутъ около этого ручейка. (Протасово).

Если колдунъ или колдунья завяжетъ куклу въ хлѣбѣ, то нужно ее снять кочергой и вынести за загонъ, не оглядываясь, или тутъ же сжечь, не выдергивая. Дѣлаютъ и такъ: берутъ осиновый колышекъ, расщепляютъ его, въ расщепъ захватываютъ куклу и вытаскиваютъ. Отъ этого средства, говорятъ, виновникъ куклы сильно страдаетъ—у него дѣлается сильная боль въ поясницѣ. Если куклу замѣтишь на возу въ снопѣ, то возъ долженъ повернуть вверхъ колесами, выдернуть куклу, положить между спицами колеса и вертѣть его. Колдунъ не утерпитъ, съ нимъ сдѣлается не по себѣ, онъ сейчасъ же прибѣжитъ и спроситъ, что ты дѣлаешь.

Кромѣ куклы, колдуньи часто дѣлаютъ прожины въ хлѣбѣ особыми ножницами, которыя онѣ привязываютъ кь своимъ ногамъ во время прожины. Все это они (колдуны и колдуньи) дѣлаютъ для того, чтобы у нихъ было больше хлѣба: нечистая сила съ того загона, гдѣ они дѣлаютъ куклу или прожинъ, по зернамъ натаскиваютъ имъ полные закрома. Черненькія букашки (жучки), что ползаютъ въ узлѣ куклы, по мнѣнію многихъ, есть нечистая сила.

— Къ одному священнику приходитъ крестьянинъ и жалуется ему, что у него въ хлѣбѣ кукла завязана. Хорошій былъ загонъ съ рожью, пожалуй, копенъ въ 12-ть, а онъ долженъ его оставить, такъ какъ отъ куклы, колдовства этого, если скосишь, легко можешь жизни лишиться или получищь такую болѣзнь, съ которой и свѣкуешь. Священникъ пошелъ съ нимъ въ поле, обошелъ загонъ и сказалъ: „коси смѣло, ничего тебѣ не будетъ“. Былъ ли священникъ колдунъ или нѣтъ, разсказчикъ сомнѣвается, не знаетъ на что подумать. Только не успѣли съ поля вернуться священникъ съ мужикомъ, какъ къ нему, батюшкѣ, приходитъ другой мужикъ и зоветъ его больную пріобщить,—жену что-то вдругъ схватило, еле-еле дышетъ. А священникъ и говоритъ ему: „Стыдно и грѣшно тебѣ, Борисовъ (такъ звали мужика), что жена твоя занимается такими дѣлами. Убирайся ты отъ меня,—пса не причащаютъ“. Мужикъ потупился, покраснѣлъ и ничего не сказалъ, а священникъ такъ и не пошелъ къ больной. Умереть она въ ту пору не умерла, а мучилась лихо: на стѣну лѣзла и волосы на себѣ рвала и такъ вплоть до масляницы. На масляницѣ Борисовъ опять пріѣзжаетъ къ священнику и проситъ его благословить, гдѣ ему могилку копать, такъ какъ жена его умерла. Священникъ благословенія ему не даетъ, а говоритъ: „выройка, Борисовъ, въ Каменномъ бору. А верхъ этотъ отъ погоста будетъ въ двухъ верстахъ. Солоно пришлось мужику, но онъ ничего не сказалъ батюшкѣ, только потупился. Священникъ опять началъ говорить: „Вѣдь ты все зналъ, какова она была, а остановить ее не могъ? Можно-ли такими глупостями заниматься? Сколько зла-то она надѣлала, и можно ли пса со всѣми крещеными хоронить вмѣстѣ? Ну, вотъ что, Борисовъ, поди-же ты и выкопай могилу на кладбищѣ, только въ самомъ углу, къ нижнему боку, около самой канавы, гдѣ еще никто не похороненъ“. Мужикъ выкопалъ могилу, и передъ вечеромъ принесли хоронить покойницу. Дьячекъ приходитъ къ батюшкѣ за ключами, чтобы отворить церковь и внести умершую. Батюшка не только не далъ ключей отъ церкви, но и не пошелъ ее отпѣвать, разбранилъ дьячка. „Если вы съ пономарями не знаете, такъ я то знаю“, говорилъ онъ: „пса въ церковь не носятъ, пойдите, отпойте, какъ знаете, а я не пойду и въ церковь не позволю нести. Да возьмите все за похороны: и деньги, и пироги, и вино“.—Такъ строго за

куклу осудилъ священникъ эту бабу, что на улицѣ ее отпѣвали дьячекъ съ пономаремъ. Значитъ, куклу завязывать грѣхъ непростительный. (Старухино. Случай происшедшій въ с. Ломовомъ, Орловской губерніи при крѣпостномъ правѣ).

— Жила старушка съ сыномъ. Сперва, когда сынъ былъ малъ, они жили очень бѣдно. Съ лѣтами сына у ней хозяйство стало улучшаться: сынъ работалъ въ полѣ на своемъ надѣлѣ и около дома прилежно хозяйничалъ. Дѣла у нихъ пошли хорошо, всего доставало на долгую зиму, и сынъ радовался, а мать ему говорила: „не радуйся, сыночекъ, все во власти Божіей". Лѣтомъ, въ рабочую пору, сынъ старухи косилъ рожь. Прошелъ два ряда, идетъ третій, какъ видитъ—кукла завязана во ржи его. Сорвалъ онъ эту куклу, принесъ къ обѣду ее къ себѣ въ домъ, завязалъ ее веревочкой глухимъ узелкомъ и повѣсилъ въ амбарчикѣ подъ самый конекъ. Мать было отсовѣтовала ему это дѣлать, чтобы не было съ нимъ чего худого, а онъ говоритъ ей: „ничего, матушка, я проучу его, какъ завязываютъ у бѣдныхъ и честныхъ людей куклы на загонахъ". Наступила осень. Сынь старухи сидѣлъ около своего амбарчика и вилъ поводъ. Къ нему подходитъ неизвѣстный мужичекъ, среднихъ лѣтъ, въ короткой сѣренькой поддёвочкѣ, лапотки съ онучками за плечами, любуется амбарчикомъ сына старухи и проситъ его показать внутренность амбарчика. Сынъ старухи, не подозрѣвая ничего, отпираетъ амбарчикъ и показываетъ прохожему, а прохожій ходилъ, ходилъ да какъ бросится къ коньку амбара, гдѣ привязана была кукла, сорвалъ ее и опрометью завился вонъ. Малый бросился за нимъ, но догнать не могъ. Сказалъ ему прохожій мужичекъ: „Чего я добивался, то и нашелъ. Теперь помни себѣ!" На другой день сынъ старухи сталъ жаловаться на животъ; у него открылся сильный поносъ, а на четвертый день онъ разстался съ своей любимой матушкой на вѣки.

Вотъ почему нельзя срѣзать или срывать куклы: можешь черезъ это умереть. Надо срывать и срѣзать при священникѣ, который въ это время долженъ читать евангеліе. (Протасово).

Колдуны умираютъ такъ же мучительно, какъ вѣдьмы-колдуньи.

— Страннику старичку привелось разъ на пути переночевать въ богатомъ дворѣ. Хозяинъ этого двора, старикъ, лежалъ при смерти. Ночью странникъ былъ разбуженъ сильнымъ стономъ старика и

какимъ-то шумомъ въ избѣ. Смотритъ и видитъ—вся изба наполнена чертями, а старикъ кончается. Одинъ изъ чертей взялъ больного старика, растерзалъ его на части, и мясо его всѣ черти пожрали. Въ кожу же влѣзъ одинъ чертъ и лежалъ въ образѣ старика мертвецомъ. Сыновья старика стали готовиться къ похоронамъ, но странникъ говоритъ имъ: не тратьтесь понапрасну, а лучше сдѣлайте, что я вамъ скажу. Скипятите два чугуна воды и поливайте мертвеца. Сыновья послушались, скипятили воды и стали поливать мертваго отца. Первый чугунъ воды вылили, старикъ чуть-чуть закопошился; второй чугунъ воды вылили—черту лежать въ стариковой кожѣ стало невтерпежъ. Онъ изъ кожи такъ и шаркнулъ, да не попалъ въ дверь, а въ простѣнокъ, и вышибъ его, чтобъ уйти изъ избы. У мертвеца осталась одна кожа. Сыновья закопали кожу отца безъ похоронъ у себя на задворкѣ. Только и было.

По смерти своей колдуны выходятъ изъ могилъ. По этому поводу у народа ходитъ много разсказовъ.

— Въ деревнѣ одного мужика величали колдуномъ и безъ него ни одной свадьбы не играли, ни одной пирушки не справляли. Всегда онъ занималъ у нихъ почетное мѣсто. Наконецъ пришла и къ нему смерть: умираетъ онъ, какъ всякій колдунъ, въ адскихъ мукахъ. Снесли его на погостъ и похоронили. Послѣ похоронъ прошло три дня, и колдунъ въ полночь является къ себѣ въ домъ въ видѣ собаки. Вошелъ въ сѣни, понюхалъ-понюхалъ и ушелъ. На вторую ночь, послѣ первой побывки въ сѣняхъ своего дома, тоже въ полночь опять пришелъ домой, только не собакой, а во всемъ бѣломъ. Дорогой его встрѣтилъ ночной сторожъ и отъ страху спрятался. Пришелъ онъ къ дверямъ и слегка постучалъ. Дверь сама растворилась и вошелъ въ избу. Походилъ сначала по избѣ, подошелъ къ столу, вынулъ хлѣбъ, полопалъ весь и ушелъ. Итакъ онъ ходилъ каждую ночь къ своимъ домашнимъ. Домашніе ему всегда оставляли на ночь всю ту пищу, что сами ѣли, въ противномъ случаѣ, если они ему ничего не оставляли, онъ перебивалъ всю посуду въ избѣ и уходилъ. Въ деревнѣ, отъ хожденій по ночамъ колдуна съ погоста къ своимъ домашнимъ, напалъ на всѣхъ сильный страхъ. Вечеромъ даже боялись и выглянуть на улицу, чтобы не встрѣтиться съ покойникомъ-колдуномъ. Донесли объ этомъ священнику. Священникъ собралъ народъ и пошелъ съ нимъ на

могилу колдуна. Тамъ ее раскопали и нашли колдуна, лежащаго раскрытымъ. Священникъ читалъ евангеліе и держалъ крестъ въ рукѣ, а крестьяне, получивъ благословеніе отъ батюшки, отесывали осиновый колъ и забивали его обухомъ въ спину колдуна противъ сердца. Когда забили колъ, кровь брызнула ручьемъ, а колдунъ застоналъ и забрыкалъ ногами. Потомъ опять зарыли могилу и съ тѣхъ поръ колдунъ въ деревню, въ свой домъ, ни ногой: сталъ заклятымъ.

— Въ Старухинѣ жилъ колдунъ, а въ Ползиковѣ былъ колдуномъ дьяконъ. (Ползиково отъ Старухина въ одной верстѣ). Оба колдуна ходили другъ къ другу. Ползиковскій дьяконъ-колдунъ умеръ раньше старухинскаго; прошло уже съ полгода послѣ его смерти, какъ ѣдетъ разъ ползиковскій священникъ изъ города и, проѣзжая Якушкинскій лѣсъ, встрѣтилъ мертваго дьякона и спросилъ: „Куда ты идешь?" — „Да въ Старухино, къ пріятелю своему", отвѣчалъ дьяконъ. Священникъ обратился спиной къ дьякону и послалъ ему проклятіе, а самъ поѣхалъ домой. Ѣдетъ священникъ и видитъ, что дьяконъ идетъ за нимъ. Остановился священникъ у своего дома, а дьяконъ пошелъ на погостъ; слѣзъ священникъ съ лошади и пошелъ за дьякономъ, а дьяконъ, дошедши до своей могилы, тотчасъ провалился. Тутъ его священникъ еще разъ проклялъ и воротился домой. Послѣ онъ спрашивалъ дьяконицу, часто ли она видитъ дьякона. Та сказала, что дьякона она никогда не видитъ. Онъ ее присрамилъ, и она покаялась, что онъ къ ней ходитъ почти съ полгода и она даетъ ему ѣсть. „Отчего же ты мнѣ раньше не сказала?" спросилъ онъ дьяконицу. „Я бы давно запретилъ ему ходить, и теперь ужъ онъ къ тебѣ да и ни къ кому болѣе не придетъ."

— Поѣхали мы на мельницу (такъ начала протасовская женщина свой разсказъ) ленъ толочь. Пріѣхали мы съ своей старшей невѣсткой. Народу на мельницѣ было очень много, и намъ толочь не пришлось, приходилось ждать до поздняго вечера. Вошли мы въ избу, обогрѣлись немного и пошли къ мельнику спросить, когда намъ достанется толочь. Мельникъ сказалъ, что толочь намъ не достанется, и велѣлъ принести ленъ и запереть на мельницѣ. Принесли мы свое прядево; заперъ онъ его на мельницѣ на верху и сказалъ, что толочь намъ придется завтра. Постояли мы на мельницѣ, поболтали съ знакомыми бабами и стали думать,

куда бы итти ночевать,—до двора-то намъ было далеко. —Пойдемъ-ка мы къ моей кумѣ,—говоритъ невѣстка. — А Проничка-то придетъ!—говорю я ей: вѣдь онъ, говорятъ, каждый день ходитъ, а ужъ съ полгода прошло, какъ умеръ.—Ничего, отвѣчаетъ невѣстка: при насъ не придетъ! Пошли мы къ кумѣ. Приходимъ, поздоровались со всѣми, и приняли насъ такъ ласково. Семья у нихъ порядочная: самый старшій — дядя, онъ на печкѣ лежалъ, когда мы вошли; бабы пряли; ребятишки играли на лавкѣ, а мужа кумы не было: онъ убиралъ скотину. Ну, хорошо, посадили насъ за столъ ужинать. Время было постное. Принесли намъ капусты, а капуста, бѣлая, хорошая, намаслили ее, и тѣстомъ угостили,—хорошее тѣсто! Поужинали, легли спать. Утромъ старикъ разбудилъ бабъ рано сукно навивать и невѣстка моя проснулась, а я, какъ молода была, то и спала себя крѣпко. Встала невѣстка, около печки она спала, и начала обуваться. Только обулась и хотѣла слѣзать съ лавки-то, глядь—дверь отворяется, и въ избу входитъ ихъ дядя старикъ и идетъ задомъ и ведетъ Проничку; одѣтъ онъ во что-то бѣлое, а на головѣ накинута поддевка или свитка.—„Хоть бы при чужихъ то людяхъ не ходили,“ сказала невѣсткина кума. А невѣстка схватила поддевку, накрылась и повалилась около печки, гдѣ спала, и я хоть крѣпко спала, молодое дѣло, а сквозь сонъ слышала это. Подвелъ дядя Проничку къ печкѣ и сталъ его подсаживать на печь, а онъ то весь дрожитъ, и какъ только онъ полѣзъ на печку, прямо невѣсткѣ на ноги наступилъ. Такъ она, несчастная, отъ страху и замерла. Долго лежала безъ памяти. „А почему же дядя-то велъ его?“—спросилъ я.—Да вѣдь онъ тоже былъ колдунъ, сказала она. Ну, хорошо, опомнилась невѣстка, видитъ, бабы сидятъ, навиваютъ сукно, а дядя ихъ лежитъ на краю печки. И я проснулась. Надо думаю, вставать, скоро свѣтъ. Спала я голова съ головой съ своей невѣсткой. Только хотѣла я встать, какъ невѣстка схватила меня за волосы, а сама трясется и слова не можетъ выговорить. „Что, невѣстка, али Проничка приходилъ и задавилъ тебя?“ говорю я. Она толкаетъ меня и проситъ не говорить громко, чтобы не услышали бабы. Одѣлись мы поскорѣе, поблагодарили и пошли домой. Дорогой она разсказала мнѣ, какого она страху натерпѣлась, и какъ онъ на ноги наступилъ, когда на печку лѣзъ, а сама на силу идетъ, совсѣмъ подломились у нея ноги.—Духъ, говоритъ,

мнѣ захватываетъ, насилу иду. Ну, невѣстка, недолго ужъ теперь жить мнѣ, сама чувствую. И съ тѣхъ поръ день ото дня все хуже и хуже, все ноги отнимаются и духъ захватываетъ; лѣтомъ помучилась, помучилась, сердечная, и умерла, году не выжила.

— А то разъ, давно было, когда солдатъ по деревнямъ ставили, шелъ солдатъ изъ одной деревни въ другую про квартиры узнать. Идетъ онъ мимо погоста,—дорога была тамъ, идетъ онъ ничего, и только сталъ погостъ проходить, глядь—нагоняетъ его незнакомый человѣкъ. Поздоровались, и спрашиваетъ незнакомый солдата, куда онъ идетъ.—Я, говоритъ солдатъ, иду въ эту деревню про квартиры узнать, а ты куда?—И я иду туда же, говоритъ незнакомый: пойдемъ вмѣстѣ, тамъ же и свадьба. Зайдемъ мы съ тобой на свадьбу, и если намъ не поднесутъ вина, то мы умертвимъ молодыхъ. У солдата волосы на головѣ такъ дыбомъ и поднялись отъ этихъ словъ, а все-таки онъ оправился и спросилъ: „а оживить-то ихъ можно?"—Можно, сказалъ незнакомый. „А какъ это сдѣлать?"—А вотъ какъ: какъ только зажгутъ огонь—лучину и первый уголекъ надо взять и обвести кругомъ мертвыхъ, такъ они и оживутъ. И намъ вина не поднесутъ, а поднесутъ пива, сказалъ онъ солдату. Идетъ солдатъ и человѣкъ не отстаетъ. На квартиры и на свадьбу ходили вмѣстѣ. На свадьбѣ имъ пива поднесли, а вина нѣтъ. И пошли они назадъ.—А что же умертвили молодыхъ-то? спросилъ я.—Да, умертвили. Вотъ они идутъ и какъ только дошли до погоста, незнакомый схватилъ солдата за полу и потащилъ на погостъ. Дотащилъ до своей могилы и рванулъ солдата за полу, а самъ такъ и провалился. Опомнился солдатъ, всталъ съ могилы и смотритъ на полу своей шинели, а она оторвана. Пришелъ онъ на квартиру, разсказалъ все и потомъ, какъ разсказывалъ ему незнакомый, тѣмъ же средствомъ оживилъ молодыхъ. Дали знать о колдунѣ священнику, священникъ приказалъ отыскать его, а онъ лежитъ внизъ головой и съ полой солдатской шинели въ рукахъ. Священникъ произнесъ колдуну проклятіе, и осиновый колъ забили въ него противъ сердца.

Въ трехъ верстахъ отъ Протасова живетъ крестьянинъ, который слыветъ у народа колдуномъ-бабкой. Всѣ говорятъ, что онъ можетъ уморить кого захочетъ, можетъ испортить, можетъ всякаго сдѣлать оборотнемъ и можетъ вылѣчить отъ какой угодно болѣзни. У него даже иконы летаютъ изъ краснаго угла въ зад-

ній уголъ или за печку, если онъ захочетъ сдѣлать. На свадьбахъ всѣхъ другихъ колдуновъ пересиливаетъ, такъ что они всѣ находятся подъ его рукой. Разъ погрозилъ родной сестрѣ за то, что она у отца его взяла 1 мѣрку муки, не спросившись его, и перевелъ у ней всѣхъ овецъ, а корову уморилъ, хотя она дала ему полштофа водки за лѣченіе. Сила такая въ немъ заключается отъ того, что въ ладони руки его зашитъ папоротникъ, который очень рѣдко кому достается расцвѣтшимъ въ ночь Ивана Купалы. Чтобы достать его, надо въ полночь на Купалу стоять въ глухомъ лѣсу около папоротника съ зажженной свѣчей въ рукѣ, приготовленной изъ человѣческаго сала. Тогда самъ чертъ съ трона своего подаетъ человѣку цвѣтущій папоротникъ и при этомъ даетъ совѣтъ, какъ съ нимъ поступить. Свѣча изъ человѣческаго сала также даетъ успѣшное средство воровать, гдѣ угодно и что угодно безъ подозрѣній на вора. Вотъ такимъ-то папоротникомъ, зашитымъ въ ладони правой руки, и владѣетъ этотъ колдунъ-бабка.

Помощникъ учителя нашего училища былъ у него и полученное впечатлѣніе передаетъ въ слѣдующихъ словахъ.

— Выбравъ свободное время, я поѣхалъ къ бабкѣ-колдуну, придумывая дорогой, какъ бы объяснить цѣль моего пріѣзда къ нему. Когда я пріѣхалъ и вошелъ въ его курную избу, онъ полулежалъ у печки и вопросительно взглянулъ на меня. Поздоровавшись со мной и поговоривъ о неудобствахъ курныхъ избъ, онъ спросилъ: „Ну, что скажете?“—„Я къ вамъ, Алексѣй Ѳедоровичъ,—сказалъ я,—не можете ли вы помочь мнѣ? съѣла меня скука и всѣ нападають на меня“.—„Можно. Сейчасъ посмотримъ,—говоритъ онъ равнодушно, вставая съ лавки:—народъ нынче всякій есть, сейчасъ поддѣлаютъ. Вотъ я недавно вылѣчилъ одного мужика изъ Зарощи, такъ тотъ и спать-то не могъ, все его душили. Какъ только ляжетъ спать, такъ и наваливаются то на грудь, то на ноги, совсѣмъ было извелся. Сейчасъ“,—сказалъ онъ, отправляясь къ двери. Минуты черезъ двѣ онъ вошелъ обратно въ избу съ двумя мѣшечками и баночкой въ рукахъ. „Ну, а посудина есть?“ обратился онъ ко мнѣ. „Есть“, сказалъ я и подалъ ему заранѣе приготовленную бутылочку. Въ эту бутылочку онъ, перекрестясь, налилъ воды изъ своей бутылки, хранящейся у него въ переднемъ углу. Потомъ

изъ мѣшечковъ и баночки стала класть по щепоткамъ въ порошокъ истолченную траву; при этомъ каждый разъ, какъ только бралъ травяной порошокъ, самъ крестился и крестилъ траву, тихо нашептывая на нее, такъ что я ничего не могъ разслышать, хотя и старался прислушаться къ его нашептыванію. Насыпавъ въ бутылочку травы, онъ перекрестилъ ее и отставилъ въ сторону, потомъ на столѣ разостлалъ небольшую тряпочку и сталъ на нее насыпать той же травы изъ мѣшечковъ и баночки. Перекрестивъ и эту траву, онъ опять взялъ бутылочку, и наклонивъ ее къ себѣ, началъ шептать, а самъ все смотрѣлъ въ нее. Шепталъ онъ очень тихо, разобрать было невозможно; только и могъ я разслышать одно слово „шутъ", которое при нашептываніи онъ повторялъ нѣсколько разъ. „Да, да", сказалъ онъ: „это русый мужчина тебѣ сдѣлалъ", а самъ все шепталъ и все также смотрѣлъ въ бутылку. Въ лицѣ его выражался не то страхъ, не то боязнь, и по временамъ руки тряслись. „Да, русый, въ слѣдъ", говорилъ онъ, смотря на меня. „Вотъ этой водой ты умывайся каждое утро", и подалъ мнѣ мою бутылочку. Прежде умоешься простой водой, а потомъ и этой. А вотъ траву", говорилъ онъ, завязывая ее въ тряпочку,—„эту траву обдай варомъ и искупайся въ избѣ. Да купайся такъ: стань спиной къ двери, дверь немножко пріотвори и обдайся, да назадъ не оглядывайся и двери самъ не затворяй, чтобы не оглянуться назадъ. А какъ искупаешься, то прямо и иди къ печкѣ и ни за что не оглядывайся. Пройдетъ это очень скоро. Вѣдь лихихъ людей очень много", говорилъ онъ съ робостью въ лицѣ. „А какая же это трава?" спросилъ я. „Трава? трава... Я собираю разныя полезныя травы, очень полезныя", сказалъ онъ. И этимъ мой пріѣздъ кончился. Про травы онъ ничего больше не сказалъ, а за трудъ свой взялъ съ меня плату на бутылку водки".

У насъ въ Хмелинкахъ, разсказываютъ крестьяне, колдуновъ на половину деревни,—страхъ, какъ много! И колдуны все мелкіе: кто куклы въ хлѣбѣ вяжетъ, кто скотъ портитъ, кто какую-либо одну болѣзнь наводитъ на бабъ или мужика и пр. Многіе умѣютъ изъ нихъ только хорошо сглазить всякое дѣло, такъ что послѣ ихъ глаза ничего путнаго не выйдетъ. Всѣ они ученики покойнаго дьякона, и узнать ихъ очень просто. Сельскій староста разгоняетъ колдуновъ своей деревни такъ: когда собе-

рутся крестьяне на сходъ, онъ возьметъ и прочитаетъ про себя до трехъ разъ „Да воскреснетъ Богъ“..., такъ колдуны возьмутъ свои шапки и одинъ по одному уйдутъ до схода. Если смотрѣть въ глаза колдуну, то въ зрачкахъ у нихъ отражаются люди вверхъ ногами. За пасхальной утреней у колдуновъ свѣчи не горятъ и постоянно гаснутъ. Въ эту утреню узнать колдуна легко по яйцу, снесенному въ первый разъ молодой курицей. Надо его окрасить въ красную краску, взять съ собой въ карманъ, пройти вокругъ церкви съ крестнымъ ходомъ и, когда священникъ въ первый разъ скажетъ: „Христосъ воскресе“, смотрѣть на это яйцо, держа его въ рукѣ, и на народъ. Всѣ колдуны будутъ стоять спиной къ иконамъ и на головахъ у нихъ выростутъ рога. Въ церкви колдуны самые богомольные люди: стоятъ у самыхъ иконъ, кланяются все въ землю и любятъ зажигать свѣчи у иконъ, только свѣчи ихъ плохо горятъ и все падаютъ. Такой богомольный колдунъ жилъ съ одной замужней бабой Баба забеременила, а мужъ былъ въ отлучкѣ, и отъ стыда и страха удавилась. Когда мужики до станового караулили тѣло ее на дворѣ, то каждую ночь колдунъ (хотя и теперь живъ), прилеталъ къ ней огненнымъ змѣемъ. Прилетитъ онъ, разсыплется искрами, такъ что по двору овцы метались и коровы мычали, повоетъ, повоетъ и улетитъ.

2. Знахари и знахарки.

Знахари и знахарки у насъ называются „простыми бабками“. Они не знаются съ чертомъ и души своей ему не продаютъ, какъ колдуны и колдуньи. Если они и угадываютъ будущее у людей и отводятъ отъ нихъ всякія напасти: болѣзни, колдовство и пр., то дѣйствуютъ исключительно одними травами да наговорами на водѣ, соли и др. предметахъ. Въ наговорахъ ихъ нечистая сила не призывается, а все дѣлается съ крестомъ и молитвой. Сглазитъ-ли кто кого, заболитъ-ли кто какою-либо напущенною болѣзнію—знахарь или знахарка сейчасъ сбрызнетъ водой, посовѣтуетъ лѣтомъ купанья ранними зарями, или дастъ травы какой-нибудь, велитъ ее пить или купаться въ ней, и траву эту сама покажетъ собирать, гдѣ она растетъ. Наговорной водой она сперва смоетъ углы стола, косяки дверей и оконъ, погрузитъ въ нее мѣдный складень съ двунадесятыми праздниками или мѣдный ста-

ринный крестъ, потомъ сбрызнетъ больного и дастъ ему испить. Могутъ они предсказывать будущее людямъ, но дѣлаютъ это опять тоже съ крестомъ и молитвой; могутъ за нѣсколько верстъ склонить людей къ дому, если они станутъ домъ забывать. Молодыя бабы ходятъ къ „простымъ бабкамъ" узнавать про своихъ мужей, которые служатъ въ солдатахъ или находятся на далекихъ заработкахъ, какъ они живутъ, думаютъ ли о своихъ женахъ и дѣтяхъ. Старыя старухи спрашиваютъ ихъ о своей смерти, гадаютъ о сыновьяхъ, пойдутъ-ли они въ солдаты. Дѣвки спрашиваютъ „бабокъ" о своемъ замужествѣ, возьметъ-ли ихъ тотъ парень, который имъ нравится. О пропажѣ разныхъ вещей тоже обращаются къ „бабкамъ" и спрашиваютъ ихъ, гдѣ онѣ находятся, или, по крайней мѣрѣ, найдутся-ли. На всѣ эти вопросы знахари и знахарки могутъ давать удовлетворительные отвѣты и при этомъ пользуются цвѣтомъ папоротника или старинной книгой, которую теперь за дорогія деньги нигдѣ не купишь. Книга эта носитъ названіе „Старинная библія", или книга Петра Могилы, или иначе назвать „Черная магія". Ее уничтожилъ давнымъ-давно царь московскій. Онъ заложилъ ее въ каменный столбъ, заклялъ, и теперь ее никто не можетъ взять. Во время уничтоженія старинной библіи у нѣкоторыхъ остались эти книги и теперь переходятъ по завѣщанію изъ рода въ родъ. По нимъ-то они и узнаютъ будущее, колдовство и всякую порчу.

IV. Сотвореніе міра и человѣка; происхожденіе нечистой силы.

1. *Сотвореніе міра и духовъ.*

До сотворенія земли были Богъ и сатана, а подъ ними стояла вода. Богъ сказалъ сатанѣ: „опустись на дно воды и достань мнѣ горсть земли". Сатана опустился на дно, досталъ земли и отдалъ Богу, но не всю, а часть у себя утаилъ. Богъ разбросалъ землю по водѣ, и образовалась земля (суша), а сатана изъ утаенной земли тоже сталъ творить. Онъ бросилъ утаенную часть земли, и выросла ковыль-трава (Кукуевка, Хмелинки).

По другимъ расказамъ до сотворенія земли была тьма, а кругомъ все вода. Надъ водой летали два духа—свѣтлый и темный. Свѣтлый

духъ и говоритъ темному: „давай что-нибудь дѣлать“. „Давай“, отвѣчаетъ темный. Свѣтлый сказалъ: „пусть будетъ свѣтъ“, и сталъ свѣтъ. Темный же сказалъ: „оставь мнѣ ночь“, и стала ночь. Небо, земля, вода, воздухъ, свѣтила, животныя и растенія— все это произошло отъ слова Бѣлаго духа. Свѣтлый духъ, онъ же и Бѣлый, есть Господь Гогъ. Все видимое онъ сотворилъ при помощи темнаго духа и потомъ началъ одинъ творить добрыхъ духовъ—высѣкать своимъ мечемъ изъ камня и напослѣдокъ сотворилъ архангела Михаила. Видѣлъ темный духъ, что Бѣлый духъ творитъ себѣ подобныхъ духовъ, и задумалъ самъ собою творить себѣ подобныхъ духовъ. Но, какъ не Богъ, не смогъ сотворить себѣ подобныхъ. Поэтому, во время сна Бѣлаго духа, онъ унесъ мечъ его и сталъ имъ тоже высѣкать изъ кремня духовъ. Что ни ударъ, такъ и сыплются злые духи, ему подобные, и натворилъ ихъ премногое множество. Сталъ онъ ими владѣть и отказался отъ Бѣлаго духа. Тогда Бѣлый духъ сотворилъ себѣ Святого Духа или Бога, подобнаго Себѣ, а злой духъ, опять во время сна Бѣлаго духа, укралъ его мечъ и вырубилъ изъ кремня еще больше, чѣмъ въ первый разъ, злыхъ духовъ. Злые духи стали соблазнять добрыхъ духовъ, и они переходили, отъ Бѣлаго духа на сторону темнаго. Бѣлый духъ (Богъ) проклялъ ихъ и назвалъ діаволами, а темнаго духа, что отказался отъ Него и сталъ дѣлать наперекоръ Ему, назвалъ сатаною. Замѣтилъ Свѣтлый духъ, что злыхъ духовъ стало больше, чѣмъ добрыхъ, и что темный духъ творитъ ихъ его мечемъ, который воруетъ у него во время сна, и заклялъ онъ свой мечъ: „аминь, аминь,—сказалъ Свѣтлый духъ (Богъ),—мечъ мой, чтобы Мнѣ одному принадлежалъ, чтобы Я имъ одинъ владѣлъ и больше никто“. Потомъ сказалъ темному духу: „сатана! выйди съ неба со своимъ полкомъ на землю!“ И отогналъ его отъ престола. Но сатана доброю волею не уходилъ. Тогда Господь выслалъ противъ него архангела Михаила съ мечемъ, но сатана за нѣсколько саженъ не подпустилъ къ себѣ архангела, опаливъ ему крылья огнемъ. Прилетѣлъ архангелъ Михаилъ къ Богу и сказалъ: „Господи, ихъ не сгонишь: они у меня крылья опалили“. Господь далъ ему два крыла и огненный мечъ, но сатана съ своими злыми духами не допустили архангела и прогнали его. Опять прилетѣлъ Михаилъ къ Господу и говоритъ: „они меня прогнали“.

Господь даетъ еще архангелу два крыла и свой заклятый мечъ и сказалъ: „когда будешь поражать сатану съ чертями, говори: именемъ Господа Бога, вы, черти, будьте прокляты“. Полетѣлъ о шести крыльяхъ архангелъ Михаилъ съ мечемъ Божіимъ къ сатанѣ съ чертями и сказалъ: „Именемъ Господа Бога будьте вы прокляты“. Посыпались черти съ неба на землю: кто въ воду, кто въ лѣсъ, кто куда... Отъ нихъ и пошла на землѣ нечистая сила: черти (шуты), огненные змѣи, водяные, лѣшіе и др.

2. Черти.

Чертей очень много. У каждаго человѣка по лѣвую сторону находится чертъ, а по правую ангелъ. Чертъ всегда радуется, когда человѣкъ дѣлаетъ плохія дѣла, и самъ научаетъ его ко всему худому, а ангелъ плачетъ. Если же человѣкъ дѣлаетъ хорошія дѣла и поступаетъ по заповѣдямъ Божіимъ, ангелъ радуется, а чертъ злится, и всегда между ними въ это время происходитъ ожесточенная борьба. Кромѣ того, еще чертей много есть всюду и вездѣ. Они смущаютъ народъ, портятъ скотъ, людей, деревья и сады. Черти бываютъ женатые и холостые. Женятся они на вѣдьмѣ, удавленницѣ, утопленницѣ и т. п. Холостыми ходятъ до 30-ти лѣтъ. Къ людямъ относились бы безжалостно, и старались бы всѣми силами сдѣлать какое-либо несчастіе имъ, если бы противъ нихъ (чертей) не было средства—крестнаго знаменія. Черти уважаютъ только тѣхъ людей, которые живутъ и поступаютъ по наученію ихъ. У этихъ людей все можетъ быть, чего они только пожелаютъ. Зато и они всегда во власти черта. Послѣ смерти такого человѣка мясо его черти пожираютъ, а душу берутъ себѣ и опредѣляютъ на мѣсто по заслугамъ. Людей этихъ называютъ колдунами, вѣдьмами, чародѣями. Чертъ всегда готовъ явиться къ человѣку, если онъ что дѣлаетъ безъ креста и благословенія Божія.

Черти, пораженные архангеломъ Михаиломъ, не всѣ упали на землю. Нѣкоторые не долетѣли до земли и остались летать змѣями по воздуху.

— Одинъ такой змѣй повадился летать къ одной бабѣ. Прилетитъ къ ея избѣ, разсыпется искрами около двора, сниметъ съ себя крылья, заткнетъ ихъ подъ крышу и пойдетъ

въ избу съ бабой потѣшаться. Запримѣтилъ это цыганъ, укралъ у змѣя крылья и ушелъ съ ними домой. Вышелъ змѣй изъ избы, сталъ-было брать свои крылья изъ-подъ крыши, а ихъ и слѣдъ простылъ. Узналъ онъ, что ихъ цыганъ унесъ, пошелъ къ нему и сталъ просить его, чтобы онъ крылья ему отдалъ. Цыганъ отдалъ черту крылья, но съ уговоромъ, чтобы онъ больше не прилеталъ въ деревню къ бабѣ. Змѣй сдержалъ свое слово и больше не леталъ къ бабѣ.

— Черти любятъ жить у колдуновъ и колдуній. У одной колдуньи черти жили подъ поломъ въ избѣ, и черезъ нихъ она все знала и дѣлала. Однажды къ ней пріѣхалъ старикъ спросить, гдѣ ему отыскать деньги, которыя у него на-дняхъ изъ избы пропали. Колдунья выпроводила его изъ своей избы вонъ, открыла подполье и говоритъ: эй, вы, что сказать мнѣ старику-то? Черти научаютъ ее, что сказать: „Деньги у старика съѣлъ теленокъ, а ты скажи ему, что унесла ихъ такая-то баба. Отъ горя и стыда она удавится и будетъ наша.“ Колдунья такъ и сказала старику, какъ ее научили черти, но, къ счастію, старикъ весь разговоръ колдуньи съ чертями слышалъ, такъ какъ стоялъ около стѣны дома, и, пріѣхавши домой, зарѣзалъ теленка и нашелъ у него въ животѣ съѣденныя деньги.

— Одна женщина-беззамужница крѣпко призадумалась о томъ, что у ней нѣтъ никакихъ нарядовъ, какіе носятъ многія деревенскія бабы. Къ ней приходитъ чертъ и спрашиваетъ о ея задумчивости. Она разсказала ему, что ей не во что нарядиться. Чертъ велѣлъ ей ночью прійти въ ригу, что онъ тамъ ей дастъ наряду. Женщина пошла въ ригу и отъ черта получила всего, чего хотѣла, и напослѣдокъ попросила серьги. Чертенята принесли ей, и чертъ хотѣлъ съ ней договоръ имѣть, какъ вдругъ пѣтухъ закричалъ. Черти провалились, а баба изъ риги пришла съ богатыми нарядами. На другую ночь чертъ къ ней приходитъ просить у ней назадъ свои наряды, а баба не отдаетъ. На третій день она ихъ сбрызнула святой водой, и чертъ не сталъ къ ней ходить просить назадъ наряды. Узнала другая молодая баба, какъ получила наряды ея сосѣдка, и пошла въ ригу за нарядами. Но чертъ былъ золъ, нарядовъ не далъ, а велѣлъ своимъ чертенятамъ разорвать ее. Чертенята отрубили ей голову, съ тѣла сняли кожу и повѣсили, а мясо разнесли на кусочки.

— Жили богатые господа, и у нихъ была маленькая дочка. Пріѣхали къ нимъ гости—также господа. Барыня захлопотала, а дѣвочка начала плакать. Съ досады барыня и обругала свою дочку чернымъ словомъ. Тогда явился чертъ къ дѣвочкѣ, взялъ ее къ себѣ, а вмѣсто ея положилъ чурку въ ея образѣ. Съ тѣхъ поръ у господъ дѣвочка начала хворать и совсѣмъ зачахла.

Взятая чертомъ дѣвочка росла у него и хорошѣла; онъ намѣревался жениться на ней. Разъ мимо того мѣста, гдѣ жилъ чертъ, проходилъ солдатъ и услышалъ стукъ валька, точно бабы моютъ бѣлье, а ему хотѣлось напиться. Онъ и пошелъ по стуку и увидѣлъ воду, напился и сталъ купаться, а поодаль отъ него дѣвки моютъ бѣлье. Одна дѣвка и говоритъ: „брось, служивый, рубашку, я тебѣ ее вымою.“ Солдатъ бросилъ ей свою рубашку, а она и говоритъ: „теперь вы мой нареченный супругъ“—и пошла отъ воды вмѣстѣ съ нимъ. Доро́гой она разсказала ему, что она проклятая матерью дочь, что у нихъ есть подмѣненная чертомъ дочь въ ея образѣ, но это не дочь имъ, а она дочь. И просила своего суженаго войти къ ея родителямъ и предложить имъ вылѣчить ихъ дочь. Когда они позволятъ ему лѣчить, то чтобы онъ взялъ ее, положилъ на стулъ, гдѣ дрова колютъ, и ударилъ ее топоромъ поперекъ. Солдатъ такъ и сдѣлалъ, какъ ему говорила суженая: ударилъ ее поперекъ топоромъ, и она разсыпалась на прѣлыя щепки.—Такъ солдатъ спасъ проклятую дочь богатыхъ господъ.

— Одинъ купецъ никакъ не находилъ по душѣ себѣ плотника, который бы могъ хорошо выстроить ему домъ. Однажды пришелъ къ купцу старичекъ и спрашиваетъ его, о чемъ онъ думаетъ. Купецъ разсказалъ ему свою думу, что онъ не можетъ найти себѣ хорошаго плотника. Старикъ и предлагаетъ ему выстроить домъ по его вкусу и въ плату себѣ проситъ то, чего купецъ дома не знаетъ. Купецъ и подумалъ: „я дома все знаю, что есть“, и согласился на это условіе со старикомъ. Приходитъ домой, а жена ему родила мальчика и дѣвочку. Спохватился тутъ купецъ, горько заплакалъ и сказалъ: „милыя мои дѣточки, я васъ отдалъ сегодня старику за домъ!“ А старикомъ приходилъ къ нему чертъ. Чертъ выстроилъ купцу домъ всѣмъ на удивленье—красивый и просторный, и взялъ у него дѣтей за работу. Дѣвочку онъ сдѣлалъ своей женой, а мальчика заставилъ заниматься охотою.

Черти водятся на перекресткахъ дорогъ и тамъ причиняютъ людямъ и скоту всякіе несчастные случаи. Людей они смущаютъ особенно на святкахъ и передъ утреней Свѣтлаго Воскресенія.

— Разъ чертъ смутилъ одного мужика. Онъ ему явился давнишнимъ знакомымъ и предложилъ ему выпить съ нимъ по рюмочкѣ въ кабакѣ, такъ какъ до утрени еще далеко. Какъ ни крѣпился мужикъ, но просьбѣ знакомаго уступилъ и пошелъ на радостяхъ выпить съ пріятелемъ по одной. Пріятель выпилъ и поднесъ мужику. Мужикъ взялъ рюмку, перекрестился и вдругъ очутился не въ деревнѣ, а въ Москвѣ, подъ мостомъ, съ обгорѣлой чурочкою въ рукѣ

Черти стерегутъ клады. Въ горѣ одной деревни открылся кладъ. Крестьяне всѣмъ міромъ собрались взять его. Подошли къ мѣсту, гдѣ былъ кладъ, и кто только подходилъ ко входу клада, того невидимой силой отбрасывало назадъ. У входа сидѣлъ человѣкъ и держалъ въ рукахъ обнаженный мечъ. Былъ онъ тѣломъ черный, съ лохматой головой и рогами, ни слова никому не говорилъ и даже не обращалъ вниманія на общество. Тогда одинъ смѣльчакъ изъ толпы хотѣлъ силой пройти черезъ входъ за кладомъ; онъ бросился, но тутъ же пораженъ былъ мечемъ караулившаго черта со словами, сказанными всему міру: „не вамъ кладъ принадлежитъ, и вамъ нечего ходить сюда." Съ тѣхъ поръ народъ не ходилъ за кладомъ. Говорятъ, что этотъ кладъ былъ заклятъ на 500 лѣтъ и достался какому-то пьяницѣ.

Черти живутъ какъ люди и повинуются сатанѣ, который живетъ въ аду. Тамъ же главное жилище и чертей. Адъ находится въ срединѣ земли, и входъ и выходъ изъ него на землю въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ есть огнедышащія горы.

3. Первые люди и размноженіе рода человѣческаго.

Перваго человѣка, Адама, Господь творилъ одинъ. Онъ взялъ для тѣла его земли, для костей—камень, для глазъ—блескъ солнца и для волосъ—травы, и по слову Своему сотворилъ живого человѣка. Потомъ навелъ на Адама сонъ, вырѣзалъ у него ребро и приставилъ къ ребру ангела, сказавъ, чтобъ онъ караулилъ его, а если не укараулитъ, то у него вырѣжетъ ребро Ангелъ усердно

сталъ караулить ребро, а тутъ около него ходилъ козелъ и щипалъ траву. Ангелъ на что-то заглядѣлся, а козелъ подошелъ къ ребру и съѣлъ его. Ангелъ испугался, что козелъ съѣлъ ребро и побѣжалъ за нимъ, чтобы остановить его. Козелъ бѣжалъ быстро и не останавливался, и ангелъ успѣлъ его только схватить за хвостъ. Хвостъ козла тогда былъ длинный и оторвался, а козелъ убѣжалъ отъ ангела съ короткимъ хвостомъ, кверху торчащимъ. Ангелъ сказалъ: „Именемъ Божіимъ пусть будетъ изъ козлинаго хвоста ребро Адамово", и такъ стало. Явился Господь, благословилъ ребро и сказалъ: „изъ ребра пусть будетъ жена", и назвалъ ее Евой. Призвалъ ее къ спящему Адаму и положилъ на руку его. Проснулся Адамъ, увидѣлъ жену и сказалъ: „она взята изъ моего ребра и пусть будетъ мнѣ жена." Ангелъ покаялся Богу, что онъ не укараулилъ ребра, что его съѣлъ козелъ, что ребро явилось изъ козлинаго хвоста. Господь сказалъ: „какъ я сказалъ, что изъ ребра будетъ жена, такъ и должно быть. Если бы ты не отнялъ ребра у козла, то я самъ взялъ бы у него. Я поставилъ тебя не караулить, а испытать твою вѣру ко Мнѣ. Это унесъ ребро не козелъ, а сатана (Протасово).

Нѣкоторые варьируютъ этотъ разсказъ о сотвореніи Евы: она сотворена была изъ собачьяго хвоста. Когда Богъ вынулъ у спящаго Адама ребро, положилъ его на пень и только что хотѣлъ творить изъ него жену, какъ сатана явился къ Богу въ видѣ собаки, ухватилъ ребро съ пня и побѣжалъ. Богъ послалъ ангела догнать собаку, но ангелъ не могъ ее догнать и ухватился только за хвостъ ея и оторвалъ кончикъ его. Явился къ Богу и сказалъ: „собаки не догналъ, а только кусочекъ хвоста у нея оторвалъ." Богъ взялъ кусокъ хвоста, благословилъ и сотворилъ изъ него жену Еву.—Оттого, говорятъ, у бабы на кончикѣ языка держатся мысли, оттого она любитъ „брехать".

Отъ Адама и Евы произошли люди послѣ того, какъ ихъ Господь выгналъ изъ рая на землю. Людей научилъ говорить чертъ. Различные народы произошли отъ Вавилонскаго смѣшенія. Это было такъ: по изгнаніи изъ рая у Адама и Евы родилось два сына—Каинъ и Авель. Дьяволъ научилъ Каина убить Авеля и позабыть имя Божіе. Отъ Каина произошло нечестивое потомство. Это потомство научено было дьяволомъ соблазнять людей, которые знали Бога. Ему дьяволъ показалъ, какъ построить высокую

башню отъ земли до неба, чтобы по ней хорошо было ходить на небо. Потомство Каина начало строить эту башню, но Господь не допустилъ — Онъ смѣшалъ ихъ языки. Они начали говорить на разныхъ языкахъ и покланяться идоламъ, а раньше всѣ люди говорили на еврейскомъ языкѣ.

Животныя говорили въ раю; ихъ научили говорить Адамъ и Ева. По изгнаніи изъ рая животныя не стали повиноваться людямъ и не стали говорить.

А. Колчинъ.

Учитель Старухинскаго уч—ща, Черноск. у., Тульск. г.
20 мая, 1892 года.

Кази-Кумукцы.

(ЭТНОГРАФИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ) [1]).

I.

Предварительныя свѣдѣнія о народности и странѣ.

Кази-кумукцы принадлежатъ къ лезгинскому племени. Они называютъ себя *лаками*, или *лякамu*, страну же свою *Лакралл-улча*, страна лаковъ. Кази-кумукцы живутъ исключительно въ Дагестанской области, у подошвы Кавказскаго хребта. Ихъ окружаютъ слѣдующія племена лезгинъ: кумыки, акушинцы, жители Даргинскаго округа, куралы Кайтакъ-Табасаранскаго округа и ярусы Аварскаго округа. Большая часть этихъ лезгинскихъ племенъ называетъ кази-кумукцевъ „лаками".

О своемъ происхожденіи кази-кумукцы ничего достовѣрнаго не знаютъ; знаютъ только, что много лѣтъ тому назадъ они были христіанами. Но когда-то явился на Кавказъ съ семнадцатью тысячами войска знаменитый полководецъ Абуль-Маслимъ. Онъ началъ покорять племена Кавказа и сталъ обращать ихъ въ религію Магомета. Подойдя къ той странѣ, гдѣ жили лаки, Абуль-Маслимъ послалъ къ нимъ пословъ, чтобы разъяснить сущность магометанской религіи. Какъ надо полагать, она понравилась лакамъ, потому что они не только приняли ее, но присоединились къ Абуль-Маслиму и сдѣлались одними изъ самыхъ ярыхъ поборниковъ новой религіи. Помогая ему въ сраженіяхъ и обращеніи покоренныхъ племенъ въ магометанство, лаки отличались храбростью, отвагой и неустрашимостью, за что и получили отъ Абуль-Маслима эпитетъ *кази*, что значитъ храбрый, отважный. Другихъ кумукцевъ онъ назвалъ *капир-кумукцы*, т. е. невѣрующіе.

Всѣ отдѣльныя племена лезгинъ, въ томъ числѣ и кази-кумукцы, управлялись своими ханами, которые вели частыя междоусобныя войны за первенство. Абуль-Маслимъ, покоривши лезгинъ, поставилъ въ Аварскомъ округѣ, какъ самомъ многочисленномъ,

---

[1]) Авторъ считаетъ своимъ долгомъ выразить свою благодарность г. Исаеву образованному кази-кумукцу, доставившему много свѣдѣній для настоящаго очерка.

одного изъ своихъ князей по имени Шамхалъ, предоставивъ въ то же время остальнымъ племенамъ имѣть по прежнему своихъ хановъ. Въ настоящее время въ четырехъ верстахъ отъ г. Темиръ-Ханъ-Шуры есть аулъ Капиръ-Кумыкъ, принадлежавшій когда-то Шамхалу и служившій резиденціею. Ханство у лезгинъ прекратилось со взятіемъ въ плѣнъ Шамиля Послѣднимъ ханомъ у кази-кумукцевъ былъ Огларъ-ханъ. Сынъ его Джафаръ-бекъ участвовалъ въ возстаніи въ Чечнѣ и Дагестанѣ въ 1877 году, былъ пойманъ, приговоренъ къ каторжнымъ работамъ, но умеръ въ тюремной больницѣ съ горя и печали.

Кази-Кумуцкій округъ вмѣщаетъ около ста ауловъ по двѣсти и триста дворовъ въ каждомъ. Аулы находятся на разстояніи 4—5 верстъ другъ отъ друга, такъ что численность населенія можно опредѣлить приблизительно тысячъ около пятидесяти. Главный аулъ называется „Кумухъ" отъ имени самого племени.

Характеръ мѣстности гористый. По горамъ Ватилу̀, Кунъ-Зунту̀ и отрогамъ Кавказскаго хребта, усѣяннымъ кое-гдѣ мелкимъ кустарникомъ, разбросаны аулы кази-кумукцевъ. Страна эта пользуется самымъ умѣреннымъ климатомъ, лѣто не жаркое, зима не холодная, и жители, любя чрезвычайно свою родину, называютъ ее „земнымъ раемъ".

Отношенія кази-кумукцевъ къ своимъ сосѣдямъ дружественныя; эти послѣдніе съ своей стороны питаютъ къ нимъ особенное уваженіе, какъ къ племени воинственному, гостепріимному и богатому. Кази-кумукцы отличаютъ себя отъ прочихъ лезгинскихъ племенъ наибольшимъ развитіемъ, способностями и мягкостью характера. Послѣднее качество привилось къ нимъ благодаря тому обстоятельству, что, какъ увидитъ читатель далѣе, кази-кумукцы тысячами расходятся на мелкіе промыслы по Кавказу и югу Россіи, гдѣ проводятъ большую часть года. Какъ въ образѣ жизни, такъ и въ языкѣ, замѣчается различіе между жителями главнаго аула кази-кумукцевъ Кумуха и прочими аулами. Кумукцы говорятъ чистымъ, кореннымъ кумукскимъ языкомъ, а жители окрестныхъ ауловъ болѣе грубымъ, невнятнымъ съ удареніемъ на букву ∂. Кумукцы дразнятъ ихъ русскимъ словомъ „хохолъ".

Кази-кумукцы раздѣляются на слѣдующія сословія: хановъ, бековъ, узденей и лаговъ. Сословіе бековъ происходитъ отъ хана и рабыни, уздени—дворяне, не бывшіе никогда въ зависимости, лаги — рабы, купленные или захваченные въ плѣнъ у сосѣднихъ народовъ. Фамиліи у кази кумукцевъ мало-по-малу теряютъ свое значеніе и замѣняются именами старшихъ въ семьѣ. Напримѣръ, если пойти въ какую-нибудь семью, чтобы повидать одного изъ ея членовъ, то нужно назвать не фамилію этой семьи, а имя того члена и имя старѣйшаго въ этой семьѣ. Напр.: Магометъ — имя отца, Ибрагимъ—сына: я иду къ Ибрагимъ-Магомету. Это происходитъ отъ того, что однѣ и тѣ же фамиліи слишкомъ раз-

множаются, что, при скученности населенія, представляетъ большія неудобства въ отыскиваніи того лица, или той семьи, къ которой имѣется надобность. Изъ именъ чаще всего употребляется имя „Магометъ“ — въ честь пророка, затѣмъ „Султанъ-Мурадъ“, „Ахметъ“, „Али“, „Гассанъ“; изъ женскихъ: „Патиматъ“, „Шамай“, „Ата“, „Муслиматъ“, „Мусси“, „Хадижатъ“, „Занидатъ“.

II.

Физическая и нравственная характеристика народности.

Кази-кумукцы большею частью выше средняго роста, плотные, здоровые, одарены большой физической силой, которая проявляется у нихъ во многихъ случаяхъ: такъ, напримѣръ, въ поднятіи и перенесеніи сильныхъ тяжестей, метаніи громадныхъ каменьевъ при играхъ, сваливаніи быковъ за рога и т. п. Женщины низкаго роста, хотя встрѣчаются и высокаго, но рѣдко. Форма головы преимущественно круглая, только жители одного аула, какъ исключеніе, имѣютъ головы удлиненныя, въ видѣ огурцовъ. Это объясняется тѣмъ, что дѣтямъ при рожденіи бинтуютъ головы, почему они принимаютъ такой уродливый видъ. Форма лица продолговатая, ширина его равна въ большинствѣ случаевъ около 18 см., длина около 20 см. Губы и носъ крупные, глаза большіе черные и каріе, уши тонкія, сверху немного пригнутыя, отъ ношенія папахъ. Преобладающій цвѣтъ волосъ черный. Волоса на ощупь жесткіе, на головѣ всегда выбриты. Зрѣніе и слухъ, какъ у всѣхъ вообще горцевъ, замѣчательно развиты. Походка быстрая, легкая; между кази-кумукцами есть ходоки, которые дѣлаютъ по сто и сто двадцати верстъ въ сутки. Я самъ былъ свидѣтелемъ, какъ кази-кумукъ отнесъ изъ одного аула, отстоящаго отъ Шуры на сто съ небольшимъ верстъ, нужное мнѣ письмо въ Шуру и возвратился обратно съ отвѣтомъ. Такимъ образомъ онъ двѣсти верстъ сдѣлалъ пѣшкомъ менѣе, чѣмъ въ двое сутокъ. — Походка женщинъ мелкая, скорая; мужчины называютъ ее въ шутку „*юрга*“, т. е. иноходь. Любимое положеніе тѣла у кази-кумукцевъ называется „*ширван-дурну*“, скрестивши и поджавши ноги, а стоя опираются рукой на кинжалъ, или упираютъ ее въ бокъ. Характерны сравненія, которыми отмѣчаются тѣ или другія качества; болѣе употребительны слѣдующія: „глаза, какъ у волка“; „силенъ, какъ медвѣдь“; „быстръ, какъ хорошая лошадь“; „добръ, какъ пророкъ“ и т. п.

Кази-кумукцы по натурѣ своей народъ общительный. Они любятъ принимать къ себѣ лицъ сосѣднихъ племенъ, бывать у нихъ, ходить другъ къ другу въ гости и узнавать отъ разныхъ админи-

стративныхъ лицъ газетныя новости, подвергая ихъ послѣ своему обсужденію на сходкахъ или „*ккурчъ*". Въ старикахъ и людяхъ поживщихъ замѣтно болѣе склонности къ грусти, но молодежь отличается веселостью и игривостью характера. Человѣка горячаго темперамента называютъ *дарисса*, т.-е. скорый; флегматичнаго—*ницъ*, т.-е. быкъ. Наиболѣе характеристичные пріемы для выраженія внутренняго настроенія замѣтны при гнѣвѣ. При этомъ чувствѣ лицо хмурится, нижняя губа закусывается, такъ что видъ такого человѣка считается обиднымъ даже для того, къ кому онъ обращенъ. Здороваются при встрѣчахъ, по-европейски, пожимая другъ другу руки. При этомъ соблюдается такой обычай. Если встрѣча происходитъ утромъ, часовъ до десяти, то младшій, привѣтствуя старшаго, говоритъ ему: „*ивзравя*!" т.-е. всталъ. Если то же самое слово употребить часовъ въ двѣнадцать, напр., то это считается уже обиднымъ, потому что вставать поздно у кази-кумукцевъ считается порокомъ. Значеніе снамъ придаютъ женщины, мужчины имъ почти не вѣрять. Самый хорошій сонъ—видѣть себя молящимся, или видѣть во снѣ пророка,—оба эти сна предвѣщаютъ, по ихъ понятіямъ, богатство, честь и славу. Самый дурной сонъ—видѣть деньги, онъ знаменуетъ бѣдность. Сонъ кази-кумукцевъ очень чутокъ. Малѣйшій подозрительный шорохъ будитъ ихъ. Они вскакиваютъ и первымъ дѣломъ хватаютъ изъ-подъ подушки кинжалъ. Днемъ они не спятъ.

Кази-кумукцы въ высшей степени раздражительны, вспыльчивы и не могутъ похвастаться терпѣніемъ. Всякое даже ничтожное оскорбленіе вызываетъ въ душѣ кази-кумукца цѣлую бурю негодованія и желаніе во что бы то ни стало отомстить противнику, чтобы смыть съ себя пятно позора. Слѣдствіемъ такихъ оскорбленій является всегда драка на кинжалахъ. Иногда драка эта принимаетъ видъ дуэли. Противники держатъ лѣвой рукой другъ друга за полы черкески или бешмета, а правой рукой начинаютъ биться до тѣхъ поръ, пока кто-нибудь не упадетъ. Часто на мѣсто такой драки являются родственники обѣихъ сторонъ, раздѣляются на двѣ партіи и начинаютъ ожесточенный бой. Онъ всегда оканчивается нѣсколькими смертными случаями.

У кази-кумукцевъ есть развалины одного аула, жители котораго были всѣ поголовно побиты другъ другомъ. Объ этомъ преданіе разсказываетъ слѣдующее. На улицѣ этого погибшаго аула какъ-то подрались два пѣтуха. Хозяинъ побѣжденнаго пѣтуха ударилъ ногой побѣдителя, хозяинъ же послѣдняго счелъ это для себя оскорбленіемъ и нанесъ ударъ оскорбителю. Немедленно завязалась драка. Понемногу начали собираться на мѣсто драки родственники обѣихъ сторонъ, а такъ какъ маленькій аулъ состоялъ весь изъ родственниковъ того и другого, то весь онъ раздѣлился на двѣ партіи, и завязалась отчаянная, рукопашная свалка на кинжалахъ. Она продолжалась до тѣхъ поръ, пока на мѣстѣ дра-

ки не остались одни трупы. Оставшіяся въ живыхъ дѣти были переселены въ другой аулъ. Этотъ же аулъ былъ заброшенъ и отъ времени представилъ изъ себя груду развалинъ.

При всей своей горячности темперамента, кази-кумукцы сострадательны. Чувство состраданія простирается у нихъ не только на близкихъ людей: родственниковъ, друзей, но и на постороннихъ, даже своихъ враговъ. Въ военное время чувство это глохнетъ и забранные въ плѣнъ противники умираютъ часто въ страшныхъ истязаніяхъ. Бѣднякамъ въ аулѣ, у которыхъ нѣтъ крова, дается пріютъ, о нихъ заботятся или отдѣльныя личности, или все общество. На нищенство народъ держится того воззрѣнія, что оно есть слѣдствіе наказанія Божьяго за грѣхи, но отказывать нищему въ подаяніи считается также грѣхомъ. У кази-кумукцевъ есть аулъ „Турти", гдѣ всѣ жители поголовно занимаются нищенствомъ. Такъ, что другіе кази-кумукцы, говорятъ про нихъ съ насмѣшкою, что „у нихъ дѣвушка до тѣхъ поръ не выходитъ замужъ, пока женихъ не сломаетъ тридцать палокъ на этой профессіи". Больные пользуются большимъ уходомъ, какъ со стороны родныхъ, друзей и знакомыхъ, такъ и постороннихъ лицъ. Чтобы больному не было скучно, его развлекаютъ всевозможными средствами, а отъ постели трудно больныхъ не отходятъ и ночью.

Уваженіе у кази-кумукцевъ пріобрѣтается храбростью, лихимъ наѣздничествомъ, честностью, гостепріимствомъ, открытымъ характеромъ и религіозностью; тѣ же, кто не обладаетъ этими качествами находятся въ презрѣніи. Хотя бань у кази-кумукцевъ нѣтъ, но частыя омовенія по корану, лѣтнія и зимнія купанья позволяютъ держать имъ тѣло въ чистотѣ; бѣдный классъ народа отличается неряшливостью, особенно лудильщики, профессія которыхъ считается самой послѣдней въ странѣ. Изъ пороковъ наиболѣе распространенные: пьянство и тяжбы по судамъ.

Дружба у кази-кумукцевъ развита въ сильной степени. Всѣ должны стоять другъ за друга, охранять взаимную честь и жертвовать жизнью, если того потребуютъ обстоятельства. Кази-кумукцы въ этомъ случаѣ такъ щепетильны, что если наносится заочное оскорбленіе какому-нибудь лицу, то другъ его, услыша оскорбительныя слова, оскорбляетъ въ свою очередь противника, послѣ чего начинается обыкновенно драка, кончающаяся нерѣдко смертью, Если другъ узнаетъ, что его близкій знакомый или родственникъ затѣялъ ссору или драку, онъ спѣшитъ на помощь и обнажаетъ кинжалъ, если видитъ, что противникъ силенъ. Завязывается свалка, убійство, а затѣмъ слѣдуетъ кровная месть. Въ обращеніяхъ другъ къ другу кази-кумукцы говорятъ: „ты", но обращаясь къ дѣвушкамъ и замужнимъ женщинамъ они, вмѣсто мѣстоименій, употребляютъ иногда разные глаголы. Напримѣръ: глаголъ иди, выражается у нихъ двояко: „*булу*" и „*дулу*". Первый

говорятъ дѣвушкѣ, иначе она не пойметъ вашего желанія, а второй замужней женщинѣ. Матери непремѣнно нужно сказать: „*дулу*", незнакомой же женщинѣ, если она молода, говорятъ, „*булу*". Форма уваженія состоитъ въ томъ, что младшій встаетъ при входѣ старшаго и не садится до тѣхъ поръ, пока не получитъ отъ него разрѣшенія, младшій въ разговорахъ со старшимъ говоритъ тихо, почтительно, не возвышая голоса ни при какихъ своихъ душевныхъ волненіяхъ радостныхъ или горестныхъ. При ненависти и презрѣніи стараются не встрѣчаться, ибо при встрѣчахъ каждый старается задѣть другого и довольно одного слова, чтобы противники обнажили кинжалы. Ругательства употребляются слѣдующія: „*дунчусъ*" свинья, „*штуку*" ишакъ, „*хараш-зада*" незаконнорожденный, „*ккачил-уръ*" сукинъ сынъ. Послѣ этихъ ругательствъ идутъ обыкновенно на кинжалы. Зложеланія самыя употребительныя слѣдующія: „*ахир-пуч-даннавъ*", чтобы конецъ твой былъ гибельный, „*най-каліяннавъ*", чтобы ты шелъ, шелъ и не дошелъ, „*ахнія-аханавъ*", чтобы ты провалился въ пропасть. Самыми неприличными ругательствами считается, когда задѣвается честь отца или матери.

Родство у кази-кумукцевъ по мужской линіи предпочтительнѣе родства по женской линіи, такъ что дальніе родственники мужского пола пользуются несравненно бóльшимъ уваженіемъ, чѣмъ женскаго. Дѣти уважаютъ и любятъ своихъ родителей, заботятся о нихъ во время ихъ старости и болѣзни, помогаютъ въ нуждѣ и бѣдствіяхъ. Неисполненіе воли родителей считается грѣхомъ.—Нерѣдко бываютъ случаи, что отецъ безъ всякихъ разговоровъ убиваетъ сына, замѣтя въ немъ непочтительность и непокорность. Убійство это онъ не считаетъ грѣхомъ, изъ того убѣжденія, что исполнилъ свой долгъ и поддержалъ свой авторитетъ въ семьѣ. Нерѣдко отецъ не желаетъ разстаться съ любимою дочерью и не выдаетъ ее замужъ, она покорна волѣ своего отца и сидитъ въ дѣвушкахъ. Въ Кумухѣ у меня былъ знакомый старикъ кази-кумукъ. У него была хорошенькая дочь, тридцати лѣтъ. „Отчего ты, Али, спросилъ я его, не выдаешь свою дочь замужъ?"—„Зачѣмъ?" спросилъ онъ меня въ свою очередь.—„Ей скучно у тебя жить".—„Пока я живъ, она не пойдетъ замужъ, потому что я люблю её, а когда умру, тогда пусть выйдетъ за того, кого изберетъ ее сердце",—сказалъ Али. Это было въ 1883 году, а въ 1890 г. мнѣ передавали, что Али еще живъ, слѣдовательно дочери дѣвушкѣ пошелъ уже тридцать седьмой годъ.—Проклинаетъ дѣтей у кази-кумукцевъ обыкновенно мать. Проклятіе состоитъ въ томъ, что мать говоритъ: „молоко, которымъ я тебя вскормила, пусть принесетъ тебѣ муку на будущемъ свѣтѣ". У кази-кумукцевъ существуетъ повѣрье, что изъ могилъ такихъ проклятыхъ дѣтей въ извѣстное время показывается пламя, признакъ того, что они мучатся на томъ свѣтѣ въ пламени. Могилы какъ само-

убійцъ, такъ и проклятыхъ дѣтей находятся на общемъ кладбищѣ. Проклинаютъ за непослушаніе, за отказъ въ помощи родителямъ и т. п. Проклятіе смывается чистосердечнымъ раскаяніемъ и мольбой о прощеніи у матери. Но нерѣдко воля ея бываетъ неумолима; особенно тогда, когда сынъ или дочь нанесутъ ей тяжкое оскорбленіе словами. Для самоубійцъ, по повѣрьямъ кази-кумукцевъ, нѣтъ загробной жизни; другіе могутъ, помучившись въ аду, попасть въ рай, они же осуждаются на вѣчное и тяжкое мученіе въ аду. Ни молитвы родственниковъ, ни жертва, ничто не могутъ избавить ихъ отъ ада.

Гостепріимство у кази-кумукцевъ, какъ у всѣхъ вообще горцевъ, развито въ сильной степени. При входѣ посторонняго лица въ комнату, хозяинъ и члены семьи встаютъ. Гость говоритъ: *саламъ-аляйкумъ*! т. е. дай Богъ вамъ здоровья! Ему отвѣчаютъ: *ва-алляйкумъ саламъ*. И тебѣ того же. Затѣмъ къ гостю подходятъ поочередно всѣ члены семьи по старшинству, здороваются съ нимъ и приглашаютъ его сѣсть. Послѣ этого обычнаго привѣтствія начинаются распросы: о здоровьи гостя, его семьи, о его дѣлахъ, хозяйствѣ и т. п., причемъ одни и тѣ же вопросы повторяются нѣсколько разъ, такъ что человѣку, не привыкшему къ подобнымъ обычаямъ, становится странно и досадно отвѣчать одно и то-же по нѣсколько разъ. Если гость пріѣзжаетъ въ зимнее время, съ него снимаютъ верхнее одѣяніе, оружіе и даютъ ему шубу. Лошадь отводится въ конюшню и окружается также заботами хозяевъ. Затѣмъ приносится угощеніе, смотря по состоянію, и если гость остается на нѣсколько дней, за нимъ все время ухаживаютъ, угощаютъ изысканными кушаньями и стелятъ лучшіе пуховики. При отъѣздѣ гостя, слуга, а то и самъ хозяинъ выводитъ лошадь за ворота, причемъ соблюдается обычай, по которому хозяинъ, провожая гостя, держитъ стремя сѣдла непремѣнно самъ, дабы этимъ выразить ему свое уваженіе. Если какое нибудь лицо, преслѣдуемое за убійство и гонимое толпою вооруженныхъ, бросится въ первый попавшійся домъ, то хозяева немедленно вооружаются и защищаютъ его отъ нападенія враговъ.

Приводимъ фактъ, который какъ нельзя лучше иллюстрируетъ обычай гостепріимства у кази-кумукцевъ. Одинъ кази-кумукъ пріѣхалъ въ одинъ аулъ по дѣлу. Онъ привязалъ свою лошадь къ стѣнѣ, недалеко отъ курчъ. Пославъ человѣка за тѣмъ, къ кому онъ имѣлъ необходимость, пріѣзжій сѣлъ возлѣ лошади и сталъ прислушиваться, отъ нечего дѣлать, къ тому, что говорилось на сходкѣ. Въ это время одинъ изъ присутствующихъ на ней сострилъ надъ конемъ пріѣзжаго. Этотъ услыхалъ, счелъ себя оскорбленнымъ и отвѣтилъ дерзостью остряку. Слово за слово завязался споръ, за нимъ поднялась драка, во время которой пріѣзжій кази-кумукъ выстрѣлилъ изъ пистолета и убилъ наповалъ

противника. Опасаясь кровной мести со стороны родственниковъ, обнажившихъ уже кинжалы, онъ бросился въ первыя ворота и захлопнулъ ихъ. Хозяинъ дома, услыша шумъ, прибѣжалъ, узналъ въ чемъ дѣло, схватилъ ружье и попросилъ толпу разойтись, грозя въ противномъ случаѣ убить перваго, кто осмѣлится вломиться во дворъ. Тогда ему говорятъ изъ толпы: „Безумецъ, онъ убилъ твоего сына, убей его скорѣе!"—„Онъ мой гость, замѣтилъ на это хладнокровно старикъ, и пока не вышелъ изъ этого дома, онъ неприкосновененъ". Затѣмъ старикъ выбѣжалъ на улицу и разогналъ толпу. Позднимъ вечеромъ онъ провелъ гостя за аулъ и на прощаньи сказалъ ему: „до сихъ поръ ты былъ у меня гостемъ, съ этого же времени ты мой *душманъ*, т. е. врагъ. Куда бы ты ни скрылся, я вездѣ найду тебя и убью!" Черезъ нѣсколько времени старикъ дѣйствительно подстерегъ своего душмана и убилъ его, отомстивъ, такимъ образомъ, за кровь сына.

Въ прежнее время убійцу или *утул-чу* кази-кумукцы изгоняли изъ общества, и онъ долженъ былъ переселиться въ какой-нибудь другой аулъ. Это повторяется и теперь даже съ убійцами, оправданными по суду, изъ уваженія къ древнему *адату*, или обычаю. Такъ какъ родовая месть сильно развита между кази-кумукцами, то родственники убитаго слѣдятъ за убійцею и при всякомъ удобномъ случаѣ, даже въ мечети, убиваютъ его. Не только хозяинъ того дома, гдѣ находится убійца, но жители всего аула обязаны охранять его отъ враговъ.

Приводимъ такой фактъ. Одинъ изъ такихъ утул-чу долженъ былъ ѣхать въ сосѣдній аулъ. Противники его, развѣдавъ объ этомъ, выѣхали заранѣе и спрятались на дорогѣ за холмомъ, недалеко отъ того аула, гдѣ проживалъ утул-чу. Родственники убійцы съ своей стороны, узнавъ объ этой засадѣ, послали верховаго сообщить объ опасности. Но было поздно, утул-чу уже выѣхалъ. Тогда жители аула вооружились и поскакали верхами въ догонку, чтобы какъ-нибудь спасти его отъ погибели. Они догнали утул-чу въ ту минуту, какъ онъ подъѣзжалъ къ холму, изъ-за котораго уже показались враги. Завязалась отчаянная свалка. Всѣ противники убійцы были страшно избиты и поранены. Такимъ образомъ утул-чу былъ спасенъ.

Посѣщеніе родныхъ и близкихъ знакомыхъ считается обязательнымъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда въ семьѣ является радость или печаль. Если приходятъ или пріѣзжаютъ въ аулъ такіе кази-кумукцы, у которыхъ въ немъ нѣтъ ихъ родственниковъ или знакомыхъ, то такимъ гостямъ отводятъ, по указанію старшины, кунацкія по очереди. Хозяева кунацкихъ обязаны по обычаю кормить, поить и заботиться о спокойствіи и довольствѣ такихъ гостей.

III.

Жилища.

Жилища кази-кумукцевъ расположены аулами, довольно тѣсными, съ узкими улицами, съ небольшими дворами, обнесенными каменными изгородями. *Ккатры*, или дома, строятся большей частью двухъ-этажные, изъ довольно твердаго камня, причемъ цементомъ служитъ простая глина, къ которой подмѣшивается солома. Всѣ дома съ балконами. Окна въ большинствѣ случаевъ безъ рамъ и стеколъ, съ одними ставнями и непремѣнно обращены на югъ къ солнечной сторонѣ. Въ послѣднее время рамы начинаютъ распространяться. Каждый домъ имѣетъ по нѣсколько комнатъ, въ которыя ведутъ отдѣльные ходы. Одна изъ комнатъ, самая большая, называется *„ккун кката"* и служитъ пріемной залой для почетныхъ гостей, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ. Она убрана всѣмъ, что есть лучшаго въ домѣ хозяина. На стѣнахъ развѣшаны дорогія старинныя ружья, отвертки, насѣчки, пистолеты, револьверы и кинжалы. На полкахъ разставлена мѣдная и фарфоровая посуда; громадные шелковые пуховики, стоящіе по 30 рублей и болѣе,—тутъ же къ услугамъ почетныхъ гостей. Полъ устланъ великолѣпными паласами мѣстнаго издѣлья и коврами персидскими и шемахинскими. Зеркала довершаютъ украшеніе *„ккун-ккаты"*. Каждый кази-кумукъ старается какъ можно лучше убрать эту комнату. У бѣдныхъ ситцевые пуховики замѣняютъ шелковые, простая глиняная посуда—фарфоровую, полсти и паласы—ковры. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ своихъ домовъ во дворѣ, болѣе зажиточные кази-кумукцы строятъ отдѣльныя комнаты, которыя носятъ названіе кунацкихъ. Кунацкія комнаты служатъ для пріема пріѣзжихъ гостей—исключительно мужчинъ, гдѣ они располагаются до отъѣзда, оставаясь все время на попеченіи хозяевъ. Такимъ образомъ назначеніе кунацкихъ комнатъ у кази-кумукцевъ совершенно другое, нежели у горскихъ евреевъ, чеченцевъ и др. Во дворахъ имѣются: *„чаркӧ"*—сараи, *„ппаль"*—конюшни и *„ккуру'"*—хлѣбные амбары. Форма домовъ продолговатая безъ всякихъ украшеній снаружи и внутри. Для освѣщенія комнатъ употребляются преимущественно лампы, только у бѣдняковъ освѣщеніе нефтяное и примитивное. Для отопленія употребляются кизяки и дрова, но послѣднія въ маломъ количествѣ, потому что страна почти безлѣсная. Болѣе состоятельные кази-кумукцы ставятъ въ домахъ желѣзныя печи, такъ какъ камины плохо нагрѣваютъ комнаты. Для варки пищи существуютъ очаги, а для хлѣбопеченія переносныя печи особеннаго устройства. Ихъ лѣпятъ изъ особой глины, добываемой въ окрестностяхъ ауловъ. Форма этихъ печей въ видѣ усѣченнаго конуса съ двумя небольшими отверстіями: внизу для отопленія, вверху для прохожденія дыма. Печи эти

отапливаются преимущественно соломой, такъ какъ она даетъ болѣе равномѣрную теплоту для нихъ при нагрѣваніи. Для помѣщенія хлѣбовъ во внутреннихъ стѣнкахъ этихъ печей имѣются вертикальныя углубленія, на которыя кладется тѣсто, замѣшенное накруто. Хлѣбъ изъ такихъ печей очень вкусенъ. Мнѣ говорили, что послѣ возстанія въ Дагестанѣ въ 1877 году, когда много лезгинъ было переселено въ Россію, они ни о чемъ такъ не тосковали, вдали отъ своей родины, какъ о томъ прекрасномъ хлѣбѣ, какой они ѣли въ Дагестанѣ. Самая употребительная посуда у кази-кумукцевъ мѣдная и глиняная, только у богатыхъ въ большомъ употребленіи фарфоровая. Глиняная посуда, обжигаемая въ особо-устроенныхъ для этого въ печахъ, приготовляется мѣстными мастерами, существуетъ даже отдѣльный аулъ, главное занятіе котораго гончарное производство. Для приданія блеска глиняная посуда обливается особаго рода составомъ и сушится на огнѣ.

Необходимыя домашнія орудія кази-кумукцы дѣлаютъ сами изъ желѣза и металловъ, покупаемыхъ въ городахъ, или въ Кумухѣ. Для нападенія и обороны существуютъ кремневыя ружья, пистолеты, шашки и кинжалы мѣстной работы. Наибольшимъ уваженіемъ пользуются кремневыя ружья древняго изготовленія; они и по настоящее время цѣнятся у лезгинъ очень дорого, меньше трехъ-сотъ и четырехъ-сотъ рублей такое ружье купить нельзя. Изъ привознаго оружія наибольшимъ распространеніемъ пользуются наши револьверы системы Лефоше и бульдоги.

IV.

Одежда.

Одежда кази-кумукцевъ состоитъ изъ курпейчатой, громадной папахи, *чухи* или черкески, бешмета, сапогъ, особаго покроя туфель, называемыхъ *пашмакъ*, чувякъ и ноговицъ. На черкески идетъ сукно мѣстнаго приготовленія подъ названіемъ „лезгинскаго"; обувь шьется изъ сафьяна мѣстной выдѣлки. На бешметы употребляются черные и темные цвѣта шелковыхъ матерій, или ластикъ и ситецъ, но изъ послѣдняго шьютъ только бѣдняки. Чуха, или черкеска, опоясывается сверху поясомъ, украшеннымъ серебромъ подъ чернью. На поясѣ носится ежедневно кинжалъ, оправленный въ золото или серебро, а когда кази-кумукцы отправляются въ дорогу, то они навѣшиваютъ на него еще маленькій револьверъ, пистолетъ и ларецъ, гдѣ хранится сало и тряпочки для чистки оружія. Съ кинжаломъ кази-кумукъ не разстается никогда. Во время сна онъ прячетъ его подъ голову, чтобы во всякую минуту дать отпоръ нападающему врагу.

Одежда женщинъ довольно оригинальна. Головной ихъ уборъ называется „*бэк-баху*" и дѣлается изъ ситцу, преимущественно та-

кого, чтобы на темномъ фонѣ были крупные, красные цвѣты. Онъ до половины закрываетъ лобъ и спускается сзади, въ видѣ мѣшка, у спины. Въ немъ женщины прячутъ свои волосы, заплетенные въ косы, иногда очень роскошныя и очень длинныя. Поверхъ головного убора носится еще платокъ или шаль. Замужвія женщины украшаютъ свою грудь и головной уборъ нитями, унизанными дорогими каменьями: кораллами, жемчугомъ, бирюзою, золотыми и серебряными жетончиками. На груди эти драгоцѣнныя нити оканчиваются большимъ золотымъ или серебрянымъ медальономъ, называемымъ *„аммарча"* и усыпаннымъ мелкими дорогими каменьями. Эти украшенія изготовляются особыми мѣстными мастерами. Дѣвушка въ домѣ родителей одѣвается очень просто и не употребляетъ никакихъ украшеній, только по выходѣ замужъ она начинаетъ рядиться. Скромность, по понятіямъ кази-кумукцевъ, должна быть особенно строга у дѣвушекъ, даже въ ихъ одеждѣ. Обувь женская ничѣмъ не отличается отъ мужской. Затѣмъ женщины носятъ шелковые, шерстяные и ситцевые бешметы, смотря по состоянію, и особаго покроя кумачевыя рубахи, замѣняющія наши юбки. Зимою къ той же одеждѣ прибавляются еще шубы. Онѣ бываютъ двухъ родовъ. Однѣ дорожныя, носятся въ рукава, другія широкія, въ видѣ старинныхъ нашихъ бурнусовъ, съ очень узкими рукавами, служатъ обыкновенной одеждой въ зимнее время дома и на улицѣ. Приготовленіе одежды лежитъ исключительно на обязанностяхъ женщинъ. Праздничная одежда почти ничѣмъ не отличается отъ будничной. Одежда богатаго кази-кумукца блеститъ дорогимъ оружіемъ, шелками и изяществомъ работы. Національный костюмъ измѣнился у кази-кумукцевъ въ послѣднее время только въ размѣрахъ, вмѣсто прежнихъ короткихъ черкесокъ и бешметовъ, теперь носятъ длинные, а папахи вмѣсто прежнихъ громадныхъ—маленькія. Мода эта позаимствована въ недавнее время у кабардинцевъ.

Покойниковъ послѣ того, какъ обмоютъ, покрываютъ только однимъ бѣлымъ коленкоровымъ или полотнянымъ саваномъ и оставляютъ до погребенія.

V.

Пища.

Самая употребительная пища у кази-кумукцевъ называется *„хинкалъ"*, родъ галушекъ, затѣмъ хлѣбъ, выпекаемый въ видѣ тонкихъ лепешекъ изъ пшеничной муки. Кукурузная мука, распространенная почти во всѣхъ мѣстахъ Дагестана, у кази-кумукцевъ не въ употребленіи. Они не сѣютъ кукурузы совсѣмъ, потому что мало пахотныхъ мѣстъ. Бѣдняки употребляютъ въ пищу гороховую муку; зерна этого растенія они подсушиваютъ, мелютъ на мель-

ницахъ въ муку и выпекаютъ хлѣбъ, или приготовляютъ хинкалы. Кромѣ хлѣба употребляется еще въ пищу у кази-кумукцевъ „*пни*“. Пни получается изъ сухого ячменя; его немного поджариваютъ, мелютъ, разбавляютъ водой и долго перетираютъ руками, отчего получается очень рыхлое тѣсто, которое ѣдятъ въ сыромъ видѣ. Изъ другихъ кушаньевъ замѣчательны: „*насирэй-чатъ*“, сырные пироги, приготовляемые изъ яицъ и свѣжаго творогу; „*хункуру*“, родъ пельменей, дѣлаемыхъ изъ яицъ и баранины. У женщинъ самое любимое и лакомое блюдо—„*шай-ины*“. Оно состоитъ изъ ячменной муки, сваренной въ водѣ съ конопляным свѣжимъ сѣменемъ. Это тѣсто ѣдятъ кусочками и не иначе, какъ обмакивая ихъ въ коровье масло, потому что они пристаютъ къ небу. Капуста и картофель не употребляются совсѣмъ въ пищу. Сыръ, яйца, медъ, бараньи колбасы, пловъ, привозная кристаллическая соль въ большомъ употребленіи. Хотя до пряностей и сластей кази-кумукцы не большіе охотники, но они по этой части приготовляютъ слѣдующія кушанья: „*ница-кахну*“, или медовой голубь. Это родъ конфетъ, получаемыхъ изъ варки меда съ мукой, „*ккіянна*“—другой сортъ конфетъ, приготовляемыхъ изъ одного только чистаго меда; „*бакукъ*“—третій сортъ сластей, приготовляемыхъ изъ меда или сахару, коровьяго масла и пшеничной муки. Бакукъ напоминаетъ родъ халвы и въ большомъ употребленіи въ дорогѣ.

Изъ животной пищи кази-кумукцы употребляютъ: баранину, обыкновенно въ вареномъ видѣ, домашнюю птицу, а изъ дичи только перепеловъ, утокъ и лѣвый бокъ лисицы; свинья считается за поганое животное. Изъ баранины приготовляютъ шашлыки и „*бастурму*“, особый видъ шашлыка. Изъ растеній въ большомъ употребленіи редиска, морковь, лукъ и крапива. Послѣднюю рубятъ съ яйцами, варятъ и приготовляютъ фаршъ для вареников. Взрослые и дѣти весной лазятъ по горамъ и рвутъ въ пищу особый видъ растенія, извѣстнаго на мѣстномъ языкѣ подъ именемъ „*ккутъ*“. Яблоки, груши, сливы, персики, виноградъ въ большомъ употребленіи.

Кази-кумукцы обыкновенно ѣдятъ три раза въ день. Въ семь часовъ утра у нихъ завтракъ, или „*курхильса*“. Онъ состоитъ изъ хлѣба, сыра, яицъ и *бузы*. Въ полдень „*ахтэнса*“—полдникъ и въ 7—8 часовъ вечера ужинъ „*хантэнса*“, состоящій изъ хинкаловъ съ бараниной. Въ болѣе же зажиточныхъ домахъ утромъ и вечеромъ чай, въ полдень „ахтэнса“, а вечеромъ, часовъ въ 9—10, ужинъ изъ горячей пищи. Ѣдятъ не спѣша, каждый своей ложкой, но изъ общей чашки; мужчины, женщины и дѣти отдѣльно. Порядокъ въ кушаньяхъ не соблюдается, подается все съ одного раза. Въ присутствіи гостей кази-кумукцы ѣдятъ очень мало. Самымъ почетнымъ угощеніемъ считается баранъ или быкъ, зарѣзанный въ честь пріѣзжаго гостя.

Изъ напитковъ у мѣстнаго населенія, какъ и у нѣкоторыхъ

сосѣдей, употребляются слѣдующіе: „*чаба*"—кипяченое виноградное вино, такъ какъ по закону Магомета пить вино въ сыромъ видѣ запрещается. *Буза* приготовляется такъ: ячмень мочатъ въ водѣ до тѣхъ поръ, пока онъ не пуститъ ростки, затѣмъ его просушиваютъ, мелютъ, муку обдаютъ кипяткомъ, подбавляютъ дрожжей и оставляютъ бродить на недѣлю и болѣе. По вкусу буза похожа на крѣпкое пиво и опьяняетъ, если много ея выпить. Затѣмъ еще въ употребленіи напитокъ подъ названіемъ „*куравалуль-ханъ*". Онъ приготовляется изъ того меда, который получается искуснымъ образомъ изъ виноградныхъ осадковъ, при давленіи винограда. Къ меду прибавляютъ на 1 часть 2—3 части кипяченой воды и подвергаютъ броженію на нѣсколько недѣль. Отъ этого получается сладкій, крѣпкій и опьяняющій напитокъ, „*куравалуль-ханъ*". Водка между кази-кумукцами въ громадномъ употребленіи. Пьянство и куреніе табаку развиты въ сильной степени. Женщины не пьютъ ничего, даже бузы. Когда пьютъ, пожеланія выражаются такъ: „*ккинса-біяннавъ!*"—„чтобы тебѣ было все хорошее".

VI.

Занятія и промыслы.

Кази-кумукцы занимаются земледѣліемъ, скотоводствомъ, но главнымъ образомъ мелкими ремеслами и отхожими промыслами. Соколиная охота на перепеловъ служитъ развлеченіемъ только для немногихъ богатыхъ и свободныхъ узденей. Убивать ласочекъ, ласточекъ и касатокъ считается грѣхомъ. Рыболовство совсѣмъ не развито, какъ потому, что рыба у кази-кумукцевъ не въ употребленіи, такъ и потому, что мелководье рѣчекъ страны не даетъ прибыльнаго промысла. Овцеводство находится въ прекрасномъ состояніи: большіе табуны овецъ, барановъ и козловъ кавказской породы, съ курдюками, разгуливаютъ по склонамъ горъ, окружающихъ страну. Коневодство въ плохомъ состояніи: самые большіе косяки отъ двадцати до пятидесяти штукъ. Пчеловодство развито, потому что медъ въ большомъ употребленіи у народа. Устройство ульевъ довольно оригинальное. Они устраиваются въ сапеткахъ—особый видъ плетенокъ, корзинъ, имѣющихъ форму элипсиса. Открытая верхняя сторона такой сапетки подшивается къ доскѣ, гдѣ вырѣзывается маленькое отверстіе, для влета и вылета пчелъ. Сапетка сверху обмазывается глиной, сушится и улей готовъ. Изъ домашнихъ животныхъ существуютъ: лошади, волы, буйволы,— ихъ немного,—коровы, катера и ишаки. Такъ какъ колесныхъ экипажей у кази-кумукцевъ совсѣмъ нѣтъ, то всѣ тяжести перевозятся на ишакахъ. На волахъ пашутъ землю. Уходъ за домашними животными хорошій; особенной заботли-

востью пользуются лошади. Для нихъ устраиваются особыя конюшни съ постелями, гдѣ соблюдается чистота. Для охраненія скота отъ нападенія хищныхъ звѣрей и отъ сосѣднихъ пастуховъ имѣются громадныхъ размѣровъ овчарки, при чемъ сами пастухи вооружены ружьями. Часто сами пастухи воруютъ другъ у друга овецъ; замѣченный воръ преслѣдуется пастухомъ и собаками, поднимаются споръ, драка, кончающіеся нерѣдко убійствами. Для лѣченія домашнихъ животныхъ въ аулахъ существуютъ мѣстные коновалы, довольно опытные и вѣрно опредѣляющіе болѣзнь; искусство лечѣнія выработано практикой. Лошади и катера служатъ у кази-кумукцевъ единственными средствами для передвиженія. Переходъ черезъ рѣки совершается вбродъ, или черезъ мосты, а черезъ горы верхомъ и пѣшкомъ. Земледѣліе развито въ слабой степени, какъ за недостаткомъ пахотной земли, такъ и за ея страшной дороговизной: напр., мѣсто, на которомъ можно посѣять пудъ пшеницы, стоитъ почти сто рублей. Изъ хлѣбныхъ растеній сѣются: пшеница, ячмень, овесъ, горохъ и конопля. Измѣреніе полей производится слѣдующимъ образомъ: покупщикъ вмѣстѣ съ продавцомъ земли идутъ на поле; кто-нибудь изъ нихъ бросаетъ сѣмя, напр., пшеницы, мѣрою одно *дачу*. Пространство земли, которое вмѣститъ въ себѣ вышеназванную мѣру, измѣряется веревками: веревки измѣряются, затѣмъ дальнѣйшее уже измѣреніе земли производится посредствомъ этихъ веревокъ. Послѣ измѣренія начинается договоръ и оканчивается куплей и продажей. Озимые хлѣба сѣются въ началѣ октября, а яровые въ концѣ февралѣ и въ началѣ марта. Уборка начинается въ іюнѣ и въ іюлѣ. Для посѣвовъ оставляется самое лучшее зерно. Жатва производится мужчинами и женщинами вмѣстѣ; каждая семья убираетъ отдѣльно свое поле. Женщины вяжутъ снопы, выдергиваютъ коноплю; мужчины серпами жнутъ пшеницу и складываютъ снопы на ишаковъ и катеровъ. Изъ земледѣльческихъ орудій самыя употребительныя: соха, косы, серпы, которые бываютъ двухъ видовъ: одни такіе же, какъ и у насъ, другіе *„мирхъ"* имѣютъ форму прямоугольника, одна сторона его острая. Поля не боронятъ.

Такъ какъ почва у кази-кумукцевъ не отличается плодородіемъ, ибо горы, окружающія страну, большею частію каменисты и безлѣсны, то на удобреніе и обращается особенное вниманіе. Землю удобряютъ или навозомъ, или горохомъ, или просто даютъ расти травѣ, а послѣ искусственнымъ образомъ подвергаютъ ее гніенію. Первый годъ на такой землѣ сѣется пшеница, второй—ячмень, на третій годъ ее снова удобряютъ навозомъ и опять сѣютъ пшеницу, или же засѣваютъ горохомъ, сбирая съ него плоды, а корни оставляя гнить на почвѣ. Огородничество и садоводство не распространены. Но самое главное и любимое занятіе кази-кумукцевъ, какъ я упомянулъ выше, это разныя реме-

сла. Главныя изъ нихъ: 1) серебряныя и золотыя издѣлія подъ чернью и разными узорами. Вся работа, которая славится въ Россіи подъ названіемъ кавказской, приготовляется исключительно кази-кумукцами и ихъ сосѣдями—кубачинцами. 2) Выдѣлка оружія, приготовленіе отличныхъ кинжальныхъ и сабельныхъ клинковъ, пользующихся извѣстностью подъ названіемъ лезгинскихъ и кавказскихъ. 3) Выдѣлка суконъ, извѣстныхъ въ Россіи и на Кавказѣ подъ названіемъ лезгинскихъ. Эти сукна отличаются прочностью и высокимъ качествомъ. Тонкія идутъ на черкески, и дамскіе наряды. 4) Приготовленіе всевозможныхъ формъ мѣдной посуды: котловъ, чайниковъ, кувшиновъ, блюдъ, ложекъ и т. п. 5) Кузнечное ремесло. 6) Гончарное ремесло. 7) Выдѣлка паласовъ. Вышиваніемъ золотомъ и серебромъ по шелку: туфель, головныхъ украшеній, кисетовъ и подушекъ къ сѣдламъ, занимаются исключительно женщины.

Ежегодно въ августѣ мѣсяцѣ кази-кумукцы тысячами являются въ окружное управленіе за билетами для отхожихъ промысловъ. Получивъ ихъ, они расходятся въ разныя мѣста Кавказа и южной Россіи на заработки. Мастера, поселившись въ какомъ-нибудь городѣ, раздѣляются на группы по спеціальности своихъ занятій. Они обыкновенно нанимаютъ въ базарныхъ рядахъ маленькія лавочки, устраиваютъ здѣсь свои походныя наковальни, мастерскія и начинаютъ работать. Одни дѣлаютъ гозыри, чувяки, ременные пояса, сѣдла; другіе—кинжалы, шашки, оправляютъ ихъ въ золото и серебро; третьи—папахи, ноговицы и т. п. Терпя всевозможныя лишенія, чтобы скопить какъ можно больше денегъ, мастера эти въ половинѣ мая, іюня и іюля слѣдующаго года возвращаются на родину, и тутъ большинство изъ нихъ предается необузданному пьянству и разгулу, затрачивая на это всѣ гроши, принесенные отъ заработковъ.

Торговля ведется въ странѣ нѣкоторыми зажиточными кази-кумукцами. Предметами торговли служатъ: сукна, клинки, шашки, кинжалы, серебряныя издѣлья, мѣдная посуда, расшитыя золотомъ и серебромъ шелковыя и суконныя матеріи; привозныхъ товаровъ—ситцы и бурки. По четвергамъ въ главномъ аулѣ Кумухѣ бываетъ базаръ, по своей многолюдности напоминающій ярмарку. Сюда свозятся слѣдующія предметы торговли: акушинцы привозятъ бревна, хлѣбъ, соль и разные фрукты. Аварцы—лѣсъ и кожи. Ярусы—хлѣбъ и т. д. Мѣрами вѣса у кази-кумукцевъ служатъ: *дачу*, равная почти пуду; *салу* равенъ одной трети *дачу*. Мѣрою длины—„*накъ*", равный двумъ третямъ нашего аршина. Годъ исчисляется по луннымъ мѣсяцамъ. Время опредѣляется днемъ по солнцу, ночью по звѣздамъ, времена года—по восходу солнца; объ этомъ я скажу ниже. Количество предметовъ повѣряется обыкновенно чётками.

VII.

Увеселеніе, игры, музыка, танцы, пѣніе.

Въ свободное время кази-кумукцы предаются разнымъ увеселеніямъ и играмъ. Изъ общественныхъ игръ взрослыхъ наиболѣе распространена игра: *„ккил-тархъ*, очень древняя. Она состоитъ въ томъ, что на концѣ большого, круглаго камня, приподнятаго спереди, кладется особаго устройства чижикъ *„ккилъ"*. Отъ камня идетъ рядъ кучекъ камней на разстояніи 10—50 шаговъ другъ отъ друга. Назначается условная цифра положимъ 500. Ударомъ по концу чижика, приподнимаютъ его отвѣсно вверхъ и ловкимъ ударомъ палкою отбрасываютъ впередъ. Играющіе обыкновенно раздѣляются на двѣ партіи. Та партія, которая первая добьетъ до 500, считается выигравшей и имѣетъ право на угощеніе со стороны проигравшей. Но эта игра въ послѣднее время вытѣсняется играми въ шашки и въ шахматы,—послѣдняя играется съ большимъ азартомъ и привлекаетъ массу любопытныхъ. Шахматныя доски вырѣзываются на скамьяхъ, которыя стоятъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ происходятъ общественныя собранія или *„ккурчъ"*, о чемъ мы скажемъ ниже.

Самымъ любимымъ музыкальнымъ инструментомъ считается у кази-кумукцевъ *чугуръ* [1]), напоминающій нашу гитару, только съ небольшимъ и болѣе глубокимъ дномъ. На чугурѣ натянуты четыре тонкія, большей частью металлическія струны, по нимъ ударяютъ роговой пластинкой, отчего получаются нѣжные и довольно пріятные звуки. На чугурѣ отводятъ свою душу и старикъ, вспоминая былое, минувшее время, и часто рыдая надъ звуками своего инструмента, и юноша огорченный отказомъ родителей на бракъ съ любимой дѣвушкой, которую удалось ему какъ-то подсмотрѣть и полюбить.—Въ Кумукскомъ округѣ есть озеро Кунъ-баръ. Часто приходитъ къ нему юноша-музыкантъ, садится и такъ увлекается игрой на чугурѣ, такъ нравятся ему нѣжные звуки, что онъ невольно начинаетъ пѣть:

Я удивляюсь прозрачнымъ водамъ большого Кунъ-бара [2]),
Какъ онѣ, слушая, дивные звуки чугура,
Могутъ покойно стоять и не обратиться въ шербетъ.
Когда же хочу я напиться воды у ручья,
То часто свою забываю я жажду,
Звукамъ его мелодичнымъ внимая,
Сажусь на траву и слушаю долго...

Изъ другихъ инструментовъ наиболѣе распространены: *балабан-ту*. Онъ состоитъ изъ двухъ маленькихъ соломенныхъ дудо-

---

[1]) Болѣе обычное названіе этого инструмента *чунгуръ*, но авторъ вездѣ называетъ его *чугуръ*. *Ред.*

[2]) Баръ по-кумукски—озеро.

чекъ, вдѣтыхъ въ камышъ, на которомъ вырѣзаны клапаны. Звуки балабан-ту пискливы, игра на немъ сопровождается игрою и на бубнѣ, затѣмъ гармонія и зурна.

Изъ характерныхъ танцевъ у кази-кумукцевъ обращаетъ вниманіе „лезгинка—присядка". Нужно видѣть ее лично, чтобы понять ту изумительную скорость ногъ, грацію тѣлодвиженій, жестовъ, выраженія лица, глазъ,—которыя представляются вашимъ глазамъ, при видѣ танцующаго этотъ танецъ кази-кумукца.

Всѣ пѣсни отличаются заунывнымъ напѣвомъ. Онѣ раздѣляются на боевыя, сложившіяся у народа во время Шамиля, и любовныя. Хоровыхъ пѣсенъ нѣтъ. Изъ пѣсенъ кази-кумукцевъ мнѣ удалось записать только нѣкоторыя.

Когда дѣвушку хотятъ выдать замужъ за нелюбимаго человѣка, она, не называя матери его имени, но указывая на нѣкоторыя примѣты дома, гдѣ онъ живетъ, грустно поетъ:

Ná качá катрá бавай
Ня́к тамàрап дарвазá
Бія́нна бити́ тиссá
Лахмурхирàй яту́л гивч!

Въ виду трудности буквальнаго перевода, тѣмъ еще болѣе, что въ пѣсняхъ кази-кумукцевъ много не договореннаго, много дѣлается намековъ разныхъ, можно передать лишь смыслъ этого стиха, именно что дочь, не желая преступить волю матери, не отказывается отъ своей судьбы связать свою жизнь съ нелюбимымъ человѣкомъ, но проситъ ее подождать не выдавать ее замужъ хоть до тѣхъ поръ, пока не созрѣетъ въ саду яблоко.

На это мать отвѣчаетъ:

Лахмурхирáи ятул ги́вч
Ккинну бія́ни биттарчáн
Алкка уринин бáхну
Химáл áвну гаисари́...

Т. е. если дать яблоку слишкомъ созрѣть, оно можетъ упасть съ дерева въ густую траву и сгнить отъ росы.

Дочь въ горести поетъ:

Зуитáй ту́рлугу шу́нди
Туйн цу́цавугу шу́нди
Турлугу шáх ди́рхунди
Начу шáнах бивхура...

Т. е. я вижу предъ собой горы, покрытыя тучами, и сердце мое сжимается болѣзненно; но я знаю, что тучи спустятся на землю и горы очистятся, душа же моя останется до смерти покрытая грустью.

VIII.

Семейная жизнь. Бракъ и свадебные обычаи.

Полигамія у кази-кумукцевъ существуетъ, но въ послѣднее время обычай этотъ у нихъ начинаетъ ослабѣвать и замѣняется моногаміей. Этотъ видъ брака находятъ они болѣе естественнымъ и разумнымъ. Браковъ, не освященныхъ извѣстнымъ законнымъ обрядомъ, нѣтъ. Женщина у кази-кумукцевъ хотя пользуется уваженіемъ, но на ней лежитъ почти вся домашняя черная работа, а лѣтомъ она трудится въ полѣ, жнетъ, вяжетъ снопы и нанимается на лѣтнія работы къ зажиточнымъ людямъ. Глава семейства, имѣя нѣсколько женъ, въ большинствѣ случаевъ съ нѣкоторыми обращается дурно и въ случаѣ ропота со стороны обиженныхъ, даетъ имъ разводъ. Цѣломудріе жены должно быть обязательно, измѣна карается строго и неумолимо. Мужъ немедленно убиваетъ такую жену и мститъ любовнику, оскорбившему его честь.

Свадьбы у кази-кумукцевъ совершаются во всѣ дни, исключая постовъ, Возрастъ для вступленія въ бракъ опредѣляется такъ: въ самомъ Кумухѣ отъ 20 лѣтъ для мужчины и 16 для женщины, въ другихъ аулахъ 16 лѣтъ, какъ для женщины, такъ и для мужчины. Поздній возрастъ не опредѣляется; самый дряхлый старикъ можетъ жениться на молоденькой дѣвушкѣ, но конечно случаи такіе почти не бываютъ, между тѣмъ какъ у карапапахъ мнѣ приходилось наблюдать такіе печальные факты супружества. Обычаи похищенія невѣстъ становятся у кази-кумукцевъ за послѣднее время все рѣже и рѣже, такъ одно въ два, три года. Похищеніе производится или насильственно, когда дѣвушка не согласна на бракъ, или когда она согласна, но браку противятся родные какой-нибудь стороны,—тогда похищеніе производится съ ея согласія. Въ послѣднемъ случаѣ молодой человѣкъ собираетъ десять, пятнадцать товарищей, вооруженныхъ съ головы до ногъ. Они ѣдутъ въ тотъ аулъ, гдѣ находится дѣвушка. Она ранѣе выходитъ въ условленное мѣсто, гдѣ и поджидаетъ своего возлюбленнаго, боязливо озираясь по сторонамъ, какъ испуганная лань. Завидя ее, юноша пускаетъ въ карьеръ своего коня, а товарищи его въ это время гарцуютъ и джигитуютъ, то бѣшено пуская своихъ лошадей въ карьеръ, то ежеминутно стегаютъ ихъ нагайками, заставляя топтаться на мѣстѣ, и сами въ то же время любуются на взмыленные бока своихъ аргамаковъ и ихъ красиво выгнутыя шеи. Молодой человѣкъ сажаетъ свою возлюбленную на коня и мчится съ дорогой добычей, а за нимъ съ гикомъ и свистомъ несутся его лихіе молодцы, стараясь другъ передъ другомъ выказать свое удальство и неустрашимость. Узнавъ о похищеніи дочери, отецъ немедленно

собираетъ своихъ родственниковъ и, наскоро осѣдлавъ лошадей, всѣ они мчатся въ догоню за дерзкимъ похитителемъ. Нерѣдко несчастному отцу удается нагнать на дорогѣ свою дочь, но отнять ее, не проливъ крови, невозможно. Завязывается драка на кинжалахъ и пистолетахъ. Она другой разъ продолжается нѣсколько часовъ, дѣвушка переходитъ изъ рукъ въ руки, и, если судьбѣ было угодно вручить ее возлюбленному, онъ благополучно вѣнчается съ ней, и отецъ уже не имѣетъ права болѣе мстить ему. Если же отецъ отнимаетъ дочь, онъ выдаетъ ее замужъ за того, кого изберетъ самъ. Бываютъ случаи, что весь аулъ отправляется иногда въ догонку за похитителемъ, и тутъ уже завязывается настоящій бой. Насильственное похищеніе дѣлается очень рѣдко, потому что оно обставлено чрезвычайными трудностями, тѣмъ болѣе, что всѣ дѣвушки у кази-кумукцевъ ведутъ замкнутый образъ жизни. При наступленіи возраста вступить въ бракъ, родители, а главнымъ образомъ мать и сестра, ничего не говоря сыну или брату, начинаютъ подъискивать ему невѣсту изъ дѣвушекъ не только своего аула, но и чужого. Остановивъ свое вниманіе на нравящейся дѣвушкѣ, они сообщаютъ юношѣ, что „мы желаемъ женить тебя на такой-то“. Если юноша слыхалъ раньше, что избранная родителями или родными дѣвушка не красива или дурного поведенія, онъ отказывается. Тогда избирается другая дѣвушка и начинаются переговоры о свадьбѣ. Одна изъ родственницъ, чаще всего замужняя старшая сестра, а то просто аульная сваха, идетъ къ родителямъ дѣвушки просить ея руки. Родители не всегда согласны. Если они видятъ, что женихъ очень бѣденъ, или одержимъ какою-нибудь болѣзнью, они отказываютъ, ссылаясь или на раннюю еще пору своей дочери, или на другія причины. Случается иногда, что разбогатѣвшій холопъ проситъ руки дочери узденя, въ такомъ случаѣ родители просто отказываютъ, потому что уздени стараются выдавать своихъ дѣтей за равныхъ себѣ. Если родители согласны, женихъ посылаетъ невѣстѣ въ подарокъ *ашъ* т. е. серебряный перстень, который она надѣваетъ и носитъ. Затѣмъ назначается время свадьбы, обыкновенно черезъ годъ со дня сватовства, и идутъ приготовленія къ ней.

Женихъ и невѣста до свадьбы не видятся, но часто женихъ, желая увидѣть назначенную ему невѣсту, переодѣвается нищимъ и въ такомъ видѣ является въ домъ невѣсты. Недѣли за двѣ, за три до назначеннаго времени къ свадьбѣ, со стороны жениха его родные снаряжаютъ въ городъ пословъ за покупками для торжественныхъ дней. Они покупаютъ преимущественно водку, чабу, разные фрукты и пряности. Бѣдные этого не дѣлаютъ, а ограничиваются только бузой. Дней за пять или за недѣлю до свадьбы, исключительно въ пятницу или въ среду, отъ жениха назначается нѣсколько женщинъ, разряженныхъ въ самые дорогіе костюмы, чтобы совершить надъ невѣстою обрядъ, называемый *шабитанъ*.

Женщины эти, идя въ домъ невѣсты, несутъ съ собой на блюдахъ всевозможныя кушанья, приготовленныя заблаговременно. Обрядъ шабитанъ состоитъ въ томъ, что женщины, войдя въ комнату, гдѣ помѣщается невѣста, сажаютъ ее въ уголъ и рисуютъ у нея на ладони краскою *хна* круглое небольшое пятно. Родители невѣсты угощаютъ этихъ женщинъ лакомымъ блюдомъ *курчъ*; кушанье это приготовляется также какъ *шай-ины*, о которомъ я говорилъ выше. Послѣ угощенья женщины расходятся по домамъ. Родные же невѣсты приглашаютъ своихъ родственниковъ и близкихъ знакомыхъ и угощаютъ ихъ тѣмъ, что принесли женщины изъ дома жениха. До обряда шабитанъ совершается еще обрядъ кройки всѣхъ платьевъ для невѣсты, исключая бѣлья. Для этого въ домъ невѣсты собираются родственницы и знакомые, они разсматриваютъ матеріи и большинствомъ голосовъ рѣшаютъ, какіе костюмы шить. Женщинъ этихъ угощаютъ блюдомъ курчъ. Этому обряду онѣ придаютъ важное значеніе, и если какая-либо родственница не была приглашена просто по забывчивости, она обижается и не рѣдко не идетъ даже на свадьбу. Невѣста, послѣ совершенія надъ нею шабитанъ, не имѣетъ права никуда выходить изъ своей комнаты. Она проводитъ время въ приготовленіи костюмовъ, а по вечерамъ къ ней собираются ея подруги дѣвушки, приходятъ молодые люди съ чугуромъ, танцуютъ, играютъ, поютъ и веселятся до полуночи. Въ зажиточныхъ домахъ этого обычая не принято. Дня за три до того времени, когда невѣста должна прійти въ домъ жениха, къ нему, смотря по состоянію, собираются по приглашенію молодые люди. Они съ женихомъ идутъ въ домъ *архалчу*, т. е. шафера. Шаферомъ бываютъ обыкновенно зять или одинъ изъ родственниковъ жениха. Шаферъ съ своей стороны приглашаетъ своихъ родственниковъ, друзей и знакомыхъ и открываетъ въ своемъ домѣ торжественный пиръ, который продолжается до двѣнадцати часовъ того дня, когда невѣста приходитъ въ домъ жениха. Женихъ на этомъ пирѣ именуется *наврузъ-бекомъ*. По правую сторону его сидитъ *тошада*, заправитель пира, и есаулы, его помощники. Всѣ почетные гости и старики садятся ближе къ жениху, и если приходитъ старшій, то младшій уступаетъ ему свое мѣсто. Если во время пира приходитъ незнакомецъ, его предварительно распрашиваютъ: кто онъ? откуда и зачѣмъ пришелъ? Затѣмъ уже по указанію помощниковъ тошады онъ садится за общій столъ и принимаетъ участіе въ пирѣ. По утрамъ пирующіе исключительно пьютъ водку, бузу и чабу, а въ полдень обѣдаютъ. Вечеромъ всѣ гости расходятся по домамъ, чтобы на другой день собраться снова на торжественный пиръ. Въ назначенный день, когда невѣста должна прійти въ домъ жениха, отъ него посылаютъ за нею нѣсколько разряженныхъ женщинъ, во главѣ которыхъ идутъ старики и мулла. За нѣсколько часовъ до этого, изъ дома невѣсты идутъ къ же-

ниху женщины, чтобы сдѣлать *пардавъ-дагинъ*", т. е. повѣсить занавѣсъ, или точнѣе убрать новобрачнымъ комнату.

Всѣмъ женщинамъ, по окончаніи этого обряда, раздаютъ по большому куску сахара. Мулла, заручившись предварительно согласіемъ жениха, спрашиваетъ невѣсту, согласна ли она выйти за такого-то замужъ. Если дѣвушка скажетъ, что „да", тогда онъ совершаетъ надъ нею *магаръ*, т. е. обрядъ. Онъ простъ и состоитъ изъ чтенія муллою надъ невѣстой извѣстной на этотъ случай молитвы. Если женихъ или невѣста заявятъ свое несогласіе, мулла не имѣетъ права ни надъ кѣмъ изъ нихъ совершать магаръ. Въ этотъ же день въ домѣ невѣсты собираются приглашенные мужчины и женщины, первые только для обѣда. Въ назначенный часъ невѣсту одѣваютъ въ самый лучшій костюмъ и на голову ея набрасываютъ тонкую, прозрачную кисею, доходящую до земли. Всѣмъ пришедшимъ за нею отъ жениха женщинамъ раздаются кусочки кіянна. Наконецъ настаетъ торжественная минута, и невѣста выходитъ изъ дома отца въ домъ жениха. Ее сопровождаютъ женщины, двѣ изъ нихъ преимущественно родственницы, идутъ по бокамъ невѣсты, шествіе тихое, праздничное. Нѣсколько разъ невѣста останавливается на дорогѣ. У воротъ ее встрѣчаетъ мать или сестра жениха, и осыпаютъ сахаромъ, который знаменуетъ желаніе сладкой супружеской жизни. Затѣмъ невѣсту отводятъ въ назначенную для молодыхъ комнату и до двѣнадцати часовъ ночи, когда долженъ къ ней прійти женихъ, она проводитъ время въ обществѣ замужнихъ молодыхъ женщинъ; онѣ танцуютъ, поютъ, лакомятся фруктами и изысканными блюдами.

Въ это время въ домъ шафера, гдѣ пиръ течетъ обычнымъ порядкомъ, является посланный изъ дома жениха. „Зачѣмъ ты пришелъ?" спрашиваютъ его. Посланный молчитъ. „Какое тебѣ тутъ дѣло?" обращаются снова къ нему съ вопросомъ. Но онъ упорно молчитъ. Тогда легкими ударами кинжала заставляютъ его наконецъ развязать языкъ, и посланный держитъ такую рѣчь: „Мы нашли крѣпость, ее никто не можетъ взять, но мы слыхали, что у васъ есть сильный и могущественный князь наврузъ-бекъ. Не возьмется ли онъ взять крѣпость?".

Эти слова передаютъ наврузъ-беку. Онъ встаетъ, собираетъ толпу молодцовъ и съ этой дружиной, подъ пѣсни и удары бубна, идетъ къ невѣстѣ. Возлѣ воротъ дружина расходится, съ женихомъ, остается только одинъ шаферъ, который передаетъ ему нѣсколько словъ относительно супружеской ночи. При входѣ жениха въ комнату, гдѣ ожидаетъ его нареченная, она встаетъ и подходитъ къ нему. Онъ снимаетъ здѣсь съ ея лица покрывало и даритъ ей тутъ же какой-нибудь подарокъ: перстень, часы или просто одаряетъ деньгами, причемъ у кабардинцевъ принятъ обычай разрѣзывать кинжаломъ кожаный корсетъ невѣсты на груди, который носятъ у нихъ дѣвушки для того, чтобы сохранить строй-

ность и граціозность фигуры. Въ случаѣ нецѣломудрія дѣвушки, что случается у кази-кумукцевъ очень рѣдко, молодой мужъ даетъ ей разводъ. Онъ у нихъ не обставленъ никакими формальностями и совершается очень просто. Мужъ говоритъ женѣ: „До сего дня ты была моей женой, а теперь ты будешь моей сестрой". Между равными по сословію разводъ обезпечивается тридцатью рублями, которые тутъ же обязанъ уплатить женѣ мужъ. А если жена по сословію выше его, тогда заранѣе соглашаются родные обѣихъ сторонъ, сколько долженъ будетъ уплатить мужъ женѣ на случай развода. Родители или родные такой невѣсты назначаютъ часто большую сумму, тысячи до полуторы, чтобы обезпечить свою дочь въ случаѣ развода съ мужемъ, а этому не дать возможности развестись скоро съ своей женой, ибо уплатить такую сумму ей нелегко. Въ этомъ случаѣ деньги эти у кази-кумукцевъ называются *калымомъ*. Слѣдовательно, калымъ у кази-кумукцевъ есть извѣстная сумма денегъ, которую обязанъ уплатить мужъ женѣ при разводѣ. Въ слѣдующіе дни свадебный пиръ переносится изъ дома шафера къ жениху, гдѣ онъ продолжается отъ трехъ дней до недѣли, смотря по его состоянію.

По окончаніи свадебнаго пира, черезъ недѣлю преимущественно въ среду или пятницу, невѣста раздаетъ подарки всѣмъ родственникамъ и близкимъ знакомымъ своего молодого мужа, Подарки эти заключаются въ шелковыхъ матеріяхъ, расшитыхъ золотомъ кисетахъ, платкахъ, ножницахъ,ниткахъ, шелкахъ и т. п. Всѣ, получившіе отъ молодой жены подарки, обязаны подарить ей отъ себя, въ свою очередь, кто что можетъ по своему состоянію. Тутъ ей дарятъ разную посуду или деньги. Черезъ нѣсколько дней послѣ этой раздачи подарковъ, въ домъ новобрачныхъ собираются, по приглашенію, сестры, родственницы и близкіе знакомые для кройки платьевъ изъ матеріи, купленной молодымъ мужемъ. Недѣли черезъ двѣ, или черезъ мѣсяцъ, родители дочери, выданной замужъ, устраиваютъ у себя пиръ, на который сзываются новобрачные и родственники обѣихъ сторонъ. Тутъ играютъ на чугурѣ, поютъ, танцуютъ лезгинку и угощаются бузой, чабой, любимыми кушаньями и фруктами. По возвращеніи молодыхъ домой за ними несутъ приданое, которое даетъ отецъ за дочерью. Оно состоитъ, смотря по состоянію, изъ ковровъ, паласовъ, необходимой посуды, домашнихъ животныхъ и т. п. Но денегъ или надѣла съ земли при этомъ не даетъ отецъ, дочь получаетъ свою часть только послѣ его смерти по раздѣлу. Это объясняется тѣмъ, что отецъ при жизни не желаетъ раздроблять свое имѣніе, чтобы не возбудить ссоры и вражды между братьями и сестрами.

Свадьбы вдовъ отличаются тѣмъ, что свадебный пиръ обставленъ гораздо проще, продолжается только одинъ день, и невѣста изъ своего дома къ жениху шествуетъ по улицамъ безъ покрывала.

IX.

Рожденіе, воспитаніе и обученіе дѣтей.

Беременная женщина у кази-кумукцевъ пользуется заботливостью мужа, но при постороннихъ гостяхъ даже родственникахъ онъ никогда не выражаетъ ей ласкъ, а напротивъ обращается съ ней холодно. Женщина въ такомъ положеніи не исполняетъ домашнихъ тяжелыхъ работъ, ей помогаютъ родственницы и близкіе знакомые. Роды совершаются обыкновенно въ той комнатѣ, гдѣ до этого жила роженица и куда, кромѣ мужа никто не имѣлъ права заходить. Когда подступаютъ первыя схватки, больная ложится въ постель, приглашается бабка и принимаетъ ребенка. Отецъ особенно радъ рожденію сына, и не такъ появленію дочери. Затѣмъ надъ новорожденнымъ совершается обрядъ *цадизанъ.* Онъ состоитъ въ томъ, что родители приглашаютъ муллу, мулла читаетъ положенную на этотъ случай молитву, и торжественно нарекаютъ новорожденному имя, по желанію родителей. Имя обыкновенно дается въ честь умершаго самаго близкаго родственника, такъ что въ семьѣ постоянно чередуются одни и тѣ же имена. Если родился сынъ, при совершеніи этого обряда, родители сзываютъ родственниковъ, друзей и знакомыхъ и устраиваютъ торжественный пиръ. О рожденіи сына или дочери бабки у кази-кумукцевъ узнаютъ такъ. Онѣ берутъ кусокъ квасцовъ, кладутъ его на раскаленный уголь и смотрятъ какую форму приметъ образовавшійся пепелъ. Если получится съ наружной стороны углубленіе, онѣ предсказываютъ дочь, если возвышенность— сына. Лѣтъ шести, семи надъ ребенкомъ совершается обрѣзаніе. Обрядъ этотъ очень простъ и не обставленъ у кази-кумукцевъ никакими торжественностями. Родители призываютъ такого человѣка, который спеціально занимается этой профессіей въ аулѣ. Онъ кладетъ ребенка на постель и производитъ ему обрѣзаніе, не причиняя боли. Всѣхъ тѣхъ, кто приходитъ поздравлять роженицу, угощаютъ по обычаю хлѣбомъ съ медомъ. Мать кормитъ грудью ребенка долго, пока есть возможность. Кормилицъ нѣтъ. Дѣтей пеленаютъ, а мѣстомъ колыбели ихъ служитъ люлька, устройствомъ своимъ не отличающаяся ничѣмъ отъ люлекъ у горскихъ евреевъ, чеченцевъ и другихъ инородцевъ. Ребенокъ, кромѣ того что туго пеленается, еще особыми бинтами и тесьмами привязывается къ люлькѣ и такъ крѣпко, что мать, во время далекихъ переходовъ, закинувъ люльку съ ребенкомъ на спину, ничуть не заботится о судьбѣ своего новорожденнаго. Въ люлькѣ носится ребенокъ до тѣхъ поръ, пока онъ не начинаетъ ходить. Съ качаньемъ люльки связано повѣрье, что никогда не слѣдуетъ качать ее пустую, ибо этимъ можно накликать на ребенка болѣзнь. Если такая постигаетъ дѣтей, кази-кумукцы обращаются преимуще-

ственно къ русскимъ докторамъ; знахарей въ аулахъ по дѣтскимъ болѣзнямъ нѣтъ. Любимыми играми дѣтей служатъ: чихарда, мячъ и самая распространенная альчики. Зимою крученіе деревянныхъ волчковъ по льду, чѣмъ занимались прежде и взрослые.

Съ шести и семилѣтняго возраста дѣтей отдаютъ въ обученіе, тѣмъ мулламъ, которые спеціально занимаются педагогіей. Ученіе начинается съ корана. Дѣти учатся цѣлые дни, увольняясь домой только поѣсть, часа на три въ день. Ученіе продолжается, смотря по способностямъ учащихся, два, три года и болѣе, однимъ словомъ, до тѣхъ поръ, пока дѣти не научатся свободно читать коранъ. Послѣ этого долгаго и тяжелаго почти безплоднаго, не развивающаго дѣтей, ученія, болѣе состоятельные родители продолжаютъ обученіе своихъ дѣтей. Дѣти начинаютъ изучать сначала основательно арабскій языкъ, затѣмъ арабскую, турецкую и персидскую литературу, шаріатъ, или кодексъ арабскихъ уголовныхъ и гражданскихъ законовъ, астрологію и и др. науки. Ученіе это, стоящее громадныхъ, почти адскихъ трудовъ, продолжается иногда до тридцати-лѣтняго возраста и почти безплодно. Ученикъ, прошедшій эту школу, можетъ расчитывать на мѣсто муллы, окружнаго кади или письмоводителя участковаго начальника. Ученіе арабскому языку и литературѣ производится у кази-кумукцевъ въ особаго рода помѣщеніяхъ, нахощихся при мечетяхъ. Они называются *мадрасса*. Здѣсь же живутъ и учащіеся. Муллѣ за обученіе не платится, не смотря на его тяжелый трудъ. Онъ имѣетъ иногда болѣе двадцати учениковъ разныхъ возрастовъ, причемъ съ каждымъ приходится заниматься отдѣльно, потому что успѣхи учениковъ не одинаковы. Распредѣленіе занятій слѣдующее: утромъ мулла задаетъ каждому отдѣльный урокъ, спрашивая заданный вечеромъ, а затѣмъ помогаетъ ученикамъ учить уроки и объясняетъ трудные изъ нихъ. Внутренняя жизнь учениковъ въ „мадрасса" представляетъ небольшую общину, которая содержится частью на средства мечети, получаемыя отъ духовныхъ завѣщаній частныхъ лицъ, причемъ доходы эти выражаютъ всегда натурой: мукой, бараниной, топливомъ, а частью на средства аула.

Ученики по очереди ходятъ по аулу и съ каждаго дома собираютъ нужные предметы: мясо, крупу, муку, масло, яйца, сыръ и топливо. Они же сами приготовляютъ пищу, рубятъ дрова, убираютъ мадрасса, разводятъ огонь, чистятъ посуду и дѣлаютъ хинкалы. Сыновья зажиточныхъ родителей не ходятъ за сборомъ по аулу, а доставляютъ необходимые предметы для пищи изъ своихъ домовъ; они освобождаются также и отъ черной работы въ мадрасса наравнѣ со старшими учениками. Нравственное воспитаніе дѣтей у кази-кумукцевъ преподается публично. Въ свободное время старики собираются въ аулахъ гдѣ-нибудь въ кружкѣ, возлѣ нихъ группируются юноши и дѣти. Эти общественныя

собранія называются „курча“. На нихъ обыкновенно царитъ тишина, прерываемая только рѣчью какого-нибудь старика, убѣленнаго сѣдинами. Молодежь, притаивъ дыханіе, слушаетъ его. Разсказы стариковъ на курча имѣютъ нравоучительный характеръ, дабы повліять на развитіе хорошихъ сторонъ въ молодомъ поколѣніи. Тутъ восхваляется храбрость, мудрость, помощь бѣднымъ, любовь къ Богу, пророку и родителямъ; порицается трусость, обманъ, ложь и воровство. Всѣ разсказы подкрѣпляются примѣрами, и дѣти, слушая стариковъ и вѣря имъ, охотно принимаютъ все хорошее и стараются подражать людямъ храбрымъ и честнымъ. Тутъ разбираются и проступки жителей своего аула, цитируются мѣста изъ шаріата и корана. Чтобы развить въ дѣтяхъ храбрость, ихъ посылаютъ въ темныя ночи на кладбища, приказываютъ имъ оставить тамъ какой-нибудь знакъ своего пребыванія, и дѣти, оказавшія трусость, подвергаются общественному посмѣянію и осужденію. Это часто служитъ началомъ вражды двухъ фамилій: отецъ храбраго сына свысока посматриваетъ на отца труса, къ его воззрѣнію присоединяются родственники, и часто такая вражда обостряется до того, что фамиліи вступаютъ въ драку, случается убійство, а за нимъ и кровная месть.—Дѣти бѣдныхъ родителей, по окончаніи изученія у муллы корана, отдаются ремесленникамъ, для изученія какого-нибудь мастерства. Серебряныхъ дѣлъ мастеру родители платятъ за обученіе 50 и 100 рублей, остальнымъ не платится. Ученикъ, оказавшій успѣхи, становится помощникомъ, у серебряка получаетъ жалованіе отъ 100 до 150 рублей; затѣмъ отходитъ и открываетъ свою мастерскую. Въ Кумухѣ существуетъ русская школа, въ ней обучается около ста мальчиковъ кази-кумукцевъ. Родители неохотно однако отдаютъ туда своихъ дѣтей; особенно противятся этому старики, говоря: „сыновья наши заражаются русскимъвоззрѣніемъ на жизнь и начинаютъ не уважать своихъ обычаевъ“. Только немногіе изъ зажиточныхъ кази-кумукцевъ отправляютъ своихъ дѣтей въ Темиръ-Ханъ-Шуринское реальное училище, гдѣ они принимаются на казенный счетъ.

При болѣе нормальной постановкѣ дѣла, обученіе могло бы вообще давать хорошіе результаты, потому что кази-кумукцы народъ вообще способный, и кромѣ того наблюдательность у нихъ довольно развита. Они стараются объяснить каждое явленіе, которое такъ или иначе поражаетъ ихъ умъ, стремятся уловить причину его, хотя и объясняютъ часто нелѣпо. Земля, по понятіямъ кази-кумукцевъ, держится на рогахъ быка, землетрясеніе происходитъ отъ того, что, когда быку надоѣдаетъ стоять, онъ ворочаетъ головой, и происходитъ колебаніе земли. Какъ долго будетъ существовать, земля и все живущее на ней, это находится въ зависимости отъ терпѣнія быка. Надоѣстъему, наконецъ, держать на себѣ родъ людской, сброситъ онъ съ рогъ землю, и тогда насту-

пить конецъ вѣка. Явленія какого-нибудь свѣтила, напр. кометы, кази-кумукцы объясняютъ грядущимъ бѣдствіемъ для вселенной. О суровости зимы, дождливости или сухости лѣта судятъ на основаніи урожаевъ. Однажды при мнѣ зашелъ споръ между двумя молодыми кази-кумукцами. Одинъ изъ нихъ учился въ реальномъ училищѣ, другой въ мадрасса. Я заинтересовался ихъ горячимъ споромъ и попросилъ переводчика объяснить мнѣ, о чемъ они спорятъ. „Ты знаешь, говорилъ тотъ, который учился въ мадрасса, что каждое тѣло, брошеное вверхъ, стремит-ся къ землѣ. Скажи мнѣ, что будетъ съ тѣломъ, брошеннымъ вверхъ, если сквозь землю продѣлать отверстіе такъ, чтобы тѣло попало въ него?".—„Оно пролетитъ сквозь землю", отвѣтилъ реалистъ. „Нѣтъ, возразилъ ученикъ мадрасса, тѣло это долетитъ до центра земли и остановится".—Такъ какъ начало поста Рамазанъ связано съ новолуніемъ, то кази-кумукцы издавна должны были невольно обращать свой взоръ къ небу, дабы наблюдать за движеніемъ этого небеснаго свѣтила. Въ настоящее время они точно опредѣляютъ всѣ фазы луны и мѣста на небѣ, гдѣ она должна появляться въ разныя времена года. Кромѣ того, они наблюдаютъ за движеніемъ звѣздъ, положеніемъ созвѣздій, чтобы во всякомъ мѣстѣ опредѣлить югъ, дабы во время молитвы стоять лицомъ къ этой сторонѣ горизонта. Наступленіе временъ года кази-кумукцы съ точностью опредѣляютъ по восходу солнца и освѣщеніемъ лучами его неровностей горъ, окружающихъ страну. А это точное и вѣрное опредѣленіе могло выработаться только послѣ продолжительныхъ наблюденій и повѣркою ихъ. Сообразительность развита между кази-кумукцами. Она проявляется часто въ разныхъ ремеслахъ, въ отгадываніи замысловатыхъ загадокъ, въ рѣшеніи ариѳметическихъ задачъ и другихъ многихъ случаяхъ. Изъ всѣхъ душевныхъ способностей у нихъ особенно развита память. Я былъ пораженъ, когда нѣкоторые юноши начинали цитировать шаріатъ мулламъ и тѣ, самодовольно улыбаясь, то и дѣло что покачивали своими головами. Кази-кумукцы охотники выслушивать длинные разсказы, въ которыхъ повѣствуется особенно о сраженіяхъ, храбрости и доблести отдѣльныхъ личностей, любятъ легенды и сказки, и сами мастера заинтересовывать слушателей веселыми разсказами и фактами изъ исторіи своего народа. Имѣя въ виду такія способности и качества кази-кумукцевъ, ихъ терпѣніе при изученіи арабскаго языка, корана, шаріата, астрологіи и т. п. и любознательность, можно смѣло утверждать что народъ этотъ, при разумной и правильной постановкѣ у нихъ русскаго школьнаго дѣла, быстро двинулся бы по пути прогресса. Наиболѣе просвѣщенные кази-кумукцы, индиферентно относящіеся къ своей религіи, говорили мнѣ, что тормазомъ въ умственномъ развитіи страны являются не такъ старики, какъ муллы, а русская школа, находящаяся въ Кумухѣ, въ настоящемъ своемъ по-

ложенія не развиваетъ любознательности въ дѣтяхъ: они учатся читать и писать по-русски, затѣмъ пѣть „козлика", „березу" и только. „Какая же школа должна быть по вашему?"—спросилъ я.—„Такая, сказали они мнѣ, чтобы народъ понималъ то, чему его учатъ". Къ этому слѣдуетъ прибавить, что склонность къ перемѣнамъ, какъ въ образѣ жизни, такъ и въ нѣкоторыхъ обычаяхъ, замѣтна въ молодомъ поколѣніи и въ женщинахъ; старики и люди пожившіе свято чтутъ всѣ обряды и обычаи племени.

X.

Религія; посты; праздники.

Кази-кумукцы—сунниты. Такъ какъ сущность магометанской религіи, которую они исповѣдуютъ, какъ и всѣ горскія племена Кавказа, болѣе или менѣе извѣстна, то я считаю излишнимъ входить здѣсь въ изложеніе догматовъ этой религіи.

Приверженность къ религіи, соблюденіе требованій корана у нихъ, какъ и у всѣхъ магометанъ, на первомъ планѣ. Понятіе о добрѣ и злѣ, о правдѣ и неправдѣ основывается у нихъ на религіи. Они выражаются у нихъ „*ккинса-уръ*, *уусауръ* и *теллосса-уръ*. Если не хочешь, чтобы на будущемъ свѣтѣ тебя постигли мученія ада, читай коранъ, слушайся стариковъ и старайся дѣлать добро тѣмъ, кто не обидѣлъ тебя, если хочешь даже врагамъ своимъ.

Я ограничусь только описаніемъ устройства мечетей у кази-кумукцевъ, ихъ праздниковъ, связанныхъ съ адатами, т. е. обычаями и обрядами, какіе приняты у нихъ въ этомъ случаѣ, а затѣмъ скажу о постахъ. Нужно замѣтить, что каждый аулъ у кази-кумукцевъ дѣлится на нѣсколько приходовъ или *джаматъ*. Притомъ чѣмъ больше аулъ, тѣмъ больше и приходовъ. Въ Кумухѣ, напр., восемь джаматовъ. Въ каждомъ приходѣ должна быть мечеть, такъ что количество ихъ въ аулѣ зависитъ отъ числа джаматовъ. Если аулъ большой, то въ немъ находится кромѣ того еще общая мечеть, въ которой совершается богослуженіе по большимъ праздникамъ и по пятницамъ. Мечети строятся обществами, но иногда и на средства отдѣльныхъ лицъ, желающихъ пребываніе свое на землѣ увѣковѣчить богоугоднымъ дѣломъ. Мечети обыкновенно имѣютъ видъ прямоугольника и строятся по одному образцу. На южной сторонѣ мечети дѣлается конусообразное углубленіе *михравъ*, гдѣ помѣщается мулла во время богослуженія. На той же сторонѣ на крышѣ воздвигается будка, изъ которой *мудумъ*, или помощникъ *дебира*, т. е. муллы призываетъ народъ на богомолье. Призывъ этотъ совершается пять разъ въ сутки: утромъ на разсвѣтѣ, въ двѣнадцать часовъ дня, часа за полтора до заката солнца, при закатѣ солнца, и часа черезъ

два послѣ заката его. Призываніе мудума состоитъ изъ пѣнія извѣстной молитвы *акваръ*. По этому призыву кази-кумукцы, преимущественно мужчины, собираются въ мечеть, совершаютъ омовеніе, складываютъ обувь въ особыя полки и входятъ на молитву. Полы въ мечетяхъ покрываются коврами или паласами, а часть стѣнъ украшена разноцвѣтной бумагой, гдѣ изображены: гробъ Магомета, видъ Мекки, и. т. п. Священная бумага эта привозится изъ Мекки лицами, путешествовавшими на поклоненіе къ гробу пророка. Эти лица называются *хаджи*, такъ что это почетное названіе дается только тѣмъ, кто побывалъ въ Меккѣ. Хаджи пользуются уваженіемъ народа. Оно выражается тѣмъ, что при встрѣчахъ съ ними, хотя бы кто изъ нихъ былъ и моложе, встрѣчающіеся первые привѣтствуютъ ихъ, при входѣ всѣ встаютъ, даже старики, въ мечетяхъ, во время богослуженія они становятся на самыхъ почетныхъ мѣстахъ. Почетнымъ мѣстомъ въ мечети считается то, которое слѣдуетъ сейчасъ же за муллой по правую его сторону. Одежда хаджи состоитъ изъ разноцвѣтныхъ халатовъ, надѣваемыхъ въ торжественные дни, а феска, носимая на головѣ, обвязывается разноцвѣтной чалмой, которая никогда не снимается. Чалму имѣютъ право носить только тѣ, кто ходилъ въ Мекку, муллы, не совершившіе такого путешествія, ходятъ безъ этого внѣшняго знака. До начала богослуженія и послѣ него прихожане ведутъ совершенно постороннюю бесѣду. Богослуженіе состоитъ изъ чтенія муллою извѣстныхъ молитвъ и колѣнопреклоненій. Богослуженіе продолжается не болѣе одного часа. Кромѣ мечетей въ каждомъ приходѣ есть еще молельни, наз. *ккулла*, при нихъ непремѣнно имѣются купальни, гдѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, такъ напр.: послѣ половаго акта, кази-кумукцы совершаютъ омовеніе тѣла. Убранство ккуллъ простое, полъ покрытъ соломой, надзоръ за ними поручается одному изъ прихожанъ.

У кази-кумукцевъ въ году только одинъ постъ. Онъ продолжается въ теченіе цѣлаго мѣсяца Рамазанъ. Постящіеся встаютъ до утренней зари и обѣдаютъ, затѣмъ цѣлый день, до окончательнаго захода солнца, не ѣдятъ, не пьютъ и не курятъ. Послѣ заката солнца снова могутъ ѣсть, причемъ постныхъ кушаньевъ нѣтъ, а во время постовъ употребляютъ въ пищу то, что ѣли и въ остальное время года. Нѣкоторыя старухи и старики-убійцы, кромѣ этого поста, постятся еще два мѣсяца. Убійцы постятся за того, кого они убили, и молятся о ихъ душѣ. Если кто пропустилъ день или нѣсколько дней поста, онъ обязанъ потомъ отпоститься пропущенное время.

Главные праздники у кази-кумукцевъ слѣдующіе: 1) Окончаніе поста Рамазанъ, 2) *Рухирдал-ккини*, или день поминовенія усопшихъ, 3) Курбанъ, 4) Встрѣча весны и 5) Пятница каждой недѣли. Новый годъ и рожденіе Магомета не празднуется.

Праздникъ Рамазанъ празднуется тотчасъ послѣ поста. При

его наступленіи кази-кумукцы встаютъ съ зарею, надѣваютъ лучшіе костюмы и идутъ на молитву въ большую мечеть, куда заблаговременно приходитъ главный мулла въ аулъ. Остальные муллы и хаджи, послѣдніе въ своихъ разноцвѣтныхъ, праздничныхъ халатахъ, собираются по своимъ приходамъ и, припѣвая извѣстныя молитвы, торжественно направляются также въ большую мечеть, гдѣ и занимаютъ почетныя мѣста. Богослуженіе въ этотъ день состоитъ въ слѣдующемъ. Мулла сначала читаетъ стихи изъ корана, затѣмъ читаетъ о жизни святыхъ и наконецъ произноситъ проповѣдь, какъ нужно молиться въ этотъ день, говоритъ о нравственныхъ добродѣтеляхъ, напоминаетъ, что за добрыя дѣла на томъ свѣтѣ ждетъ награда, за злыя наказаніе, и т. п. Женщины мечетей не посѣщаютъ, чтобы при молитвахъ не было соблазна для мужчинъ. Бывать въ мечетяхъ имѣютъ право только старухи, совершившія путешествіе въ Мекку. Для нихъ въ мечетяхъ отгорожены особыя мѣста. По окончаніи богослуженія народъ расходится по домамъ, затѣмъ визитируютъ другъ къ другу, поздравляютъ съ праздникомъ и просятъ въ этотъ день другъ у друга прощенья за обиды, огорченія и т. п. Въ болѣе зажиточныхъ домахъ накрываютъ столы и убираютъ ихъ различными напитками и кушаньями. Праздникъ этотъ продолжается три дня. Онъ относится къ числу подвижныхъ праздниковъ и наступаетъ каждый годъ на десять дней раньше по лунному исчисленію.

Рухирдалъ-ккини, или день поминовенія усопшихъ, празднуется черезъ сорокъ дней послѣ Рамазана. Въ этотъ день жители каждаго аула рѣжутъ барановъ, варятъ бараньи куски и раздаютъ ихъ на кладбищѣ бѣднымъ, при чтеніи муллами молитвъ.

На слѣдующій день наступаетъ Курбанъ. Богослуженіе въ этотъ праздникъ совершается также въ большой мечети и въ томъ же порядкѣ. По окончаніи и когда народъ разойдется по домамъ, каждый дебиръ ходитъ по дворамъ своего прихода и, читая положенныя молитвы, рѣжетъ самъ быка или барана, въ честь извѣстнаго члена семьи. Мясо это въ сыромъ видѣ раздается бѣднымъ.

Съ рѣзаньемъ животныхъ въ этотъ день у кази-кумукцевъ связано такое повѣрье. На томъ свѣтѣ черезъ адъ будетъ выстроенъ мостъ, острый какъ бритва. Люди безгрѣшные пройдутъ невредимо по этому ужасному надъ адской пропастью мосту, грѣшники же порѣжутъ о него себѣ ноги и будутъ падать въ адъ. Принесенные въ жертву бараны въ праздникъ Курбанъ помогутъ тѣмъ, въ честь коихъ они принесены, перейти эту трудную преграду въ жилище святыхъ. Они перевезутъ ихъ на своихъ спинахъ невредимо, и водворятъ въ неописанной красоты рай, наполненный черноокими гуріями.

Начало весны или „*интлил-ху*" встрѣчается у кази-кумукцевъ особенно торжественно. За нѣсколько дней до начала его уже идутъ въ народѣ приготовленія. Въ каждомъ домѣ при-

готовляютъ особаго рода хлѣбъ, называемый *барта*. Онъ имѣетъ форму лиры и украшается орѣхами и изюмомъ. Юноши отливаютъ пули, готовятъ порохъ, дѣти приготовляютъ *турши*. Это кусочки высушенной глины, надѣтые на палочки вершка въ два длины. Особенно торжественъ канунъ праздника встрѣча весны. Тогда на крышахъ домовъ зажигаютъ костры, прыгаютъ черезъ нихъ, дѣти зажигаютъ свои турши, кладутъ ихъ въ пращи и зажженными пускаютъ по воздуху. Повсюду открывается страшная стрѣльба, продолжающаяся иногда до самаго разсвѣта. Въ день самаго праздника мальчики аула раздѣляются на двѣ партіи и ведутъ между собою бой каменьями. Къ нимъ присоединяются иногда и взрослые, и нерѣдко дѣло доходитъ до кинжаловъ.

Въ скоромъ времени послѣ начала весны празднуется еще первый день общественной запашки поля. Предварительно въ этотъ день собираются каждый джамагъ въ домъ какого-нибудь жителя и здѣсь на счетъ прихода рѣжутъ быка и приготовляютъ извѣстное кушанье. Мулла при этомъ читаетъ молитвы и проситъ Бога, чтобы онъ послалъ хорошій урожай. Затѣмъ, послѣ общей трапезы, одинъ житель запрягаетъ быковъ въ соху и, сопровождаемый громадной толпой народа, идетъ на ближайшее поле и проводитъ по немъ нѣсколько бороздъ. Этимъ и кончается праздникъ. Во время засухъ народъ выходитъ въ поле, сюда же собираются всѣ муллы аула и начинаютъ молить Бога о ниспосланіи дождя.

XI.

Болѣзнь, смерть, похороны.

Къ больному, какъ я сказалъ выше, собираются всѣ родственники и знакомые, которые окружаютъ страдальца своими заботами и ухаживаньями. Для оказанія помощи больнымъ стараются пригласить русскихъ врачей, и только жители глухихъ ауловъ пользуются въ этомъ случаѣ совѣтами стариковъ и старухъ, прославившихся по части знахарства и лѣченія. Считаемъ не лишнимъ сказать здѣсь нѣсколько словъ объ оригинальномъ способѣ лѣченія ячменя глазъ, въ который сильно вѣрятъ кази-кумукцы. Болѣзнь эта лѣчится нашептываніемъ. Знахарка, обыкновенно старуха, беретъ кружку съ чистой водой и насыпаетъ въ нее зерна пшеницы и ячменя. Затѣмъ она поднимаетъ эту кружку въ уровень съ головой больного, вынимаетъ изъ нее зерна и сыплетъ ихъ мимо больного глаза, нашептывая все время какія-то безсвязныя слова. Заговоръ этотъ, какъ мнѣ передавали, такъ дѣйствителенъ, что болѣзнь эта очень скоро проходитъ и уже болѣе не повторяется. Не можемъ умолчать также здѣсь и объ оригинальномъ способѣ передачей изъ аула въ аулъ заразительныхъ болѣзней. Лѣтомъ берутъ хлѣбъ съ сыромъ и кладутъ его

въ копну сосѣдняго поля, вѣря, что съ передачей хлѣба должна неминуемо передаться и болѣзнь, зимою же такой хлѣбъ подсовываютъ украдкой въ чей-нибудь домъ другого аула. Въ случаяхъ выздоровленія отъ тяжелой болѣзни больные приносятъ жертвы на могилахъ святыхъ; такихъ могилъ, связанныхъ со множествомъ баснословныхъ разсказовъ, у кази-кумукцевъ двѣ. Жертва состоитъ въ томъ, что на могилахъ этихъ рѣжется быкъ или баранъ, мясо его раздается бѣднымъ, а кровь остается на могилахъ. Когда наступаетъ предсмертная агонія, умирающаго просятъ сдѣлать духовное завѣщанье и сказать свое послѣднее слово. Въ этихъ случаяхъ онъ исполняетъ просьбу родственниковъ, завѣщаетъ землю, если она есть, наслѣдникамъ по положенію, и часть дохода съ извѣстнаго количества земли, обращаетъ въ пользу мечети. Затѣмъ приходитъ мулла и читаетъ надъ умирающимъ до самой его смерти молитвы изъ корана. Послѣ кончины, мулла обмываетъ тѣло покойника тепловатой водой, заворачиваетъ въ бѣлый коленкоръ, не переставая читать положенныя при этомъ молитвы. Если умираетъ женщина, то омовеніе совершаетъ жена муллы.

Узнавъ о смерти извѣстнаго лица, что съ быстротой молніи разносится по всему аулу, мужчины собираются вмѣстѣ и, не заходя въ домъ покойника, спѣшатъ тотчасъ же на кладбище, гдѣ сидятъ уже всѣ родственники покойника по старшинству. Всякій приходящій подходитъ къ нимъ, беретъ каждаго за руку, какъ бы здороваясь, затѣмъ отходитъ на средину, поднимаетъ руки передъ собой и читаетъ извѣстную молитву, послѣ чего садится въ сторонѣ. Если умеръ членъ семьи, пользующійся въ аулѣ особеннымъ уваженіемъ по своему общественному положенію, то о смерти такого лица сообщается въ сосѣдніе аулы, откуда пріѣзжаютъ многіе на похороны. Они въ этомъ случаѣ замедляются для того, чтобы собралось побольше народа. Такимъ образомъ на кладбищѣ иногда собирается нѣсколько тысячъ человѣкъ. Могилу роютъ молодые люди инструментами, которые хранятся всегда при мечети и приносятся на кладбище въ необходимыхъ случаяхъ. Могила роется параллельно югу, гдѣ находится гробъ Магомета. Южная сторона ея подрывается, чтобы приготовить мѣсто для покойника, и обкладывается плитами и камнями. Когда могила готова, всѣ встаютъ и нѣсколько человѣкъ во главѣ съ муллами и стариками быстрой походкой идутъ за покойникомъ. Женщины, узнавъ о покойникѣ, собираются къ нему въ домъ, вмѣстѣ съ ними приходятъ и спеціальныя плакальщицы. Онѣ сначала жалобнымъ голосомъ причитываютъ о достоинствахъ умершаго, потомъ начинаютъ громко рыдать, и ихъ плачевные вопли подхватываются всѣми женщинами. Если умеръ молодой человѣкъ, оставившій послѣ себя молодую жену и сестру, то жена, сестра и близкіе родственницы, находясь по срединѣ двора, под-

нимаютъ страшныя рыданья, причемъ рвутъ на себѣ волосы и царапаютъ руками свои лица такъ, что по нимъ струится кровь. Зрѣлище это представляетъ тяжелую картину. Затѣмъ покойника приготовляютъ къ выносу на кладбище, для чего его кладутъ на *чурту*, носилки, и покрываютъ, смотря по состоянію, чарханомъ, шелковымъ одѣяломъ, или кускомъ шелковой матеріи, а бѣдняки просто буркой. Въ комнату входятъ тѣ люди, которые пришли съ кладбища, поднимаютъ носилки съ покойникомъ и выносятъ осторожно за ворота. Родственницы съ громкими рыданіями провожаютъ умершаго и останавливаются у воротъ, такъ какъ женщины не имѣютъ права присутствовать при похоронахъ на кладбищѣ. Около этого времени всѣмъ присутствующимъ возлѣ могилы раздаются особыя книжки съ молитвами, для того, чтобы они помолились о душѣ покойника. Его, наконецъ, приносятъ, ставятъ возлѣ могилы, муллы читаютъ молитвы и трупъ опускаютъ въ могилу. Покойника кладутъ на правый бокъ, въ одномъ бѣломъ саванѣ, лицомъ на югъ, къ гробу Магомета, въ особый подкопъ въ могилѣ, о которомъ я упомянулъ выше. Затѣмъ этотъ подкопъ закладываютъ плитами и камнями, мулла, читая молитву, первый бросаетъ въ могилу горсть земли, послѣ чего ее начинаютъ засыпать. На первое время въ головахъ покойника ставятъ камень въ стоячемъ положеніи. Когда могила зароется, мулла, прочитывая извѣстную молитву, наливаетъ на могилу ковшъ воды. Какъ только вода эта коснется уха покойника, то по вѣрованью кази-кумукцевъ, онъ просыпается и его начинаетъ допрашивать о земныхъ дѣяніяхъ тотъ самый ангелъ, который, по повелѣнью Бога, умертвилъ жизнь. Ангелъ этотъ вооруженъ мечемъ. Если человѣкъ безгрѣшный, то онъ при этомъ допросѣ посланника Бога не претерпѣваетъ никакихъ мученій, если грѣшный, для него начинаются мученія, которыя тѣмъ сильнѣе и продолжительнѣе, чѣмъ тягче грѣхи умершаго. Мулламъ, участвовавшимъ на похоронахъ, раздаются куски дорогой шелковой матеріи, и всѣ присутствующіе получаютъ по 10, 15 и 20 коп. въ благодарность за то, что они читали молитвы о душѣ покойнаго. Если умершій былъ человѣкъ состоятельный, то надъ могилой его ставится палатка для муллы, котораго нанимаютъ родные читать молилитвы объ умершемъ. Чтеніе это продолжается отъ двухъ недѣль до двухъ мѣсяцевъ. Помимо этого въ день два раза утромъ съ разсвѣтомъ и въ 12 часовъ дня всѣ родные и знакомые посѣщаютъ могилу и читаютъ молитвы. При этомъ существуетъ слѣдующее распредѣленіе времени обязательнаго посѣщенія кладбища. Общество аула ходитъ три дня, приходъ, гдѣ жилъ покойный, недѣлю и родственники мѣсяцъ. Женщины продолжаютъ собираться послѣ похоронъ въ домъ умершаго, здѣсь онѣ плачутъ, причитываютъ о славныхъ дѣлахъ отошедшаго въ вѣчность и стараются всѣми движеніями выразить свое горе и сочувствіе родственникамъ умершаго.

Это продолжается отъ трехъ дней до недѣли. Въ первую же пятницу послѣ похоронъ раздаются бѣднымъ *кула-чатъ*, родъ блиновъ и *баккукъ*, родъ халвы, и на дома къ нимъ посылаютъ куски свѣжей рѣзанной баранины. Эти поминки дѣлаютъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ въ каждую пятницу. Вся одежда умершаго, которую онъ носилъ при жизни, отдается родственниками муллѣ, обмывавшему покойнаго Кази-кумукцы, какъ мусульмане, очень скоро хоронятъ умершихъ, иногда спустя часъ, послѣ смерти, и летаргіи не признаютъ. Между тѣмъ случаи ея бываютъ.

Я записалъ очень интересный фактъ по этому поводу, съ которымъ дѣлюсь съ читателемъ. Когда похоронили послѣдняго хана кази-кумукцевъ Оглара, то надъ могилой его поставили палатку и пригласили нѣсколько муллъ читать по душѣ покойнаго молитвы. Муллы ночевали на могилѣ по очереди. Какъ-то ночью, часа въ два, мулла дежурный сидѣлъ въ палаткѣ и читалъ стихи изъ корана. Вдругъ среди мертвой тишины кладбища раздаются изъ могилы Оглара стоны. Пораженный ими мулла обезумѣлъ отъ страха и бросился бѣжать въ аулъ. На другой день собрался совѣтъ изъ всѣхъ муллъ, и они большинствомъ голосовъ рѣшили разрыть могилу. Тогда глазамъ ихъ представилась страшная картина. Лицо хана Оглара было все исцарапано въ кровь, волосы повыдерганы и кусокъ савана, въ который онъ былъ обвернутъ, проглоченъ умершимъ. Онъ не показывалъ уже никакихъ признаковъ жизни. Несчастный, какъ надо полагать находился въ летаргіи и проснулся въ могилѣ, но не имѣя возможности выйти изъ мрачной могилы, скончался въ ней въ ужасныхъ мученіяхъ. Но муллы разсудили иначе. По ихъ воззрѣніямъ ханъ былъ до того значитъ большой грѣшникъ, что даже въ могилѣ претерпѣвалъ мученія за свои земные грѣхи. Они отрѣзали ему голову, положили въ ногахъ, зарѣзали собаку, бросили ее въ могилу и закопали.

Черезъ годъ, или черезъ нѣсколько мѣсяцевъ надъ покойниками ставятся болѣе или менѣе приличные памятники изъ особаго рода камня, добываемаго въ странѣ, отличающагося бѣлизной и прочностью. Лицевая часть камня полируется и на немъ вырѣзываются: имя умершаго, годъ и число его смерти, и разныя молитвы изъ корана. Постановка памятника сопровождается тѣмъ, что на кладбище собираются родственники и знакомые покойнаго, мулла читаетъ положенныя при этомъ молитвы и всѣмъ присутствующимъ раздаютъ баккукъ. Памятникъ ставится въ головахъ, и лицевой, плоской стороной обращенъ къ могилѣ. На кладбищѣ каждая фамилія имѣетъ свой участокъ. По смерти мужа, брата или сестры, оставшіеся въ живыхъ родные носятъ трауръ. Онъ состоитъ изъ черной, грубой холщевой рубахи и чернаго платка. Одежда эта носится два, три года. По смерти мужа жена обстригаетъ въ знакъ печали свои волосы. Конные всадники при

проѣздѣ мимо дома, гдѣ лежитъ покойникъ, и при встрѣчѣ съ похоронной процессіей, слѣзаютъ съ коней. Похороны дѣтей не отличаются отъ похоронъ взрослыхъ.

XII.

Кровная месть.

Обычай родовой кровавой мести у кази-кумукцевъ, какъ вообще у всѣхъ кавказскихъ горцевъ, сохранился въ настоящее время въ видѣ остатковъ вымирающей системы. Хотя онъ существуетъ и даже въ сильной степени, но не такъ все-таки, какъ онъ господствовалъ до покоренія Шамиля. Корень обычая родовой мести лежитъ у кази-кумукцевъ отчасти въ религіозныхъ вѣрованіяхъ,—око за око, зубъ за зубъ,—а скорѣе всего въ правилахъ общежитія кази-кумукцевъ, которые, обладая самолюбивымъ и вспыльчивымъ характеромъ, считаютъ постыднымъ для себя дѣломъ, позоромъ, не отомстить противнику за нанесенную имъ обиду, или причиненный вредъ. Не отомстить —значитъ покрыть позоромъ всю фамилію. У кази-кумукцевъ въ большомъ распространеніи слѣдующее выраженіе: *„бунан бумур ккабарчан гумучиричу акара,“* что значитъ въ переводѣ: „если кто не отомститъ своему врагу за оскорбленіе или вредъ, то онъ не кази-кумукъ“. По духу родовой мести слѣдуетъ, чтобы мститель нанесъ своему противнику равное оскорбленіе или пораненіе, такъ если кто у кого, напримѣръ, отрубитъ руку, то и пострадавшій долженъ своему обидчику отрубить руку, но въ дѣйствительности этого не бываетъ, а жертвѣ наносятся раны тамъ, гдѣ попало.

Я упоминалъ раньше, что кази-кумукцы всякаго убійцу изгоняли обществомъ на житье, на опредѣленное время, отъ одного года до двадцати пяти лѣтъ, въ другой аулъ. Родственники пострадавшаго все время слѣдятъ за убійцей и, если имъ удается гдѣ-нибудь подкараулить его, то они убиваютъ и тѣмъ смываютъ съ себя обязанности родовой мести. Отомстители не отвѣчали передъ закономъ. Затѣмъ, по истеченіи времени ссылки, убійца, уплативъ *дъятъ* въ размѣрѣ двухсотъ пятидесяти рублей за кровь убитаго, могъ возвратиться домой въ свой прежній аулъ. Но фамиліи продолжаютъ враждовать, и эта вражда переходитъ изъ рода въ родъ. Такъ было у кази-кумукцевъ въ прежнія времена. Та же самая форма мести осталась и теперь, но съ той разницей, что убійца, привлеченный къ нашему суду и оправданный имъ, все-таки не можетъ, по древнему народному адату, оставаться въ прежнемъ аулѣ, его изгоняютъ въ другой аулъ; а родственники убитаго при первомъ удобномъ случаѣ убиваютъ оправданнаго убійцу, сознавая въ то же время, что они сами должны

будутъ пострадать по закону за умышленное убійство,—такъ еще сильно въ народѣ уваженіе къ адату. До чего между кази-кумукцами развитъ обычай родовой мести, можно вывести изъ слѣдующаго факта.

Одинъ торговецъ изъ кази-кумукцевъ ѣздилъ въ Чечнѣ и продавалъ оружіе, шелковыя матеріи и другіе товары. Въ одинъ прекрасный день на него нападаютъ разбойники, производятъ грабежъ товара, а самого продавца убиваютъ. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ объ этомъ печальномъ событіи узналъ братъ убитаго. Пораженный горемъ, онъ однако не потерялъ присутствія духа, и поклялся, что онъ не вернется въ аулъ до тѣхъ поръ, пока не откроетъ убійцъ и не отомститъ имъ за кровь убитаго брата. Если это удастся ему сдѣлать, тогда онъ въ благодарность Богу совершитъ пѣшкомъ путешествіе въ Мекку, къ гробу своего пророка. Кази-кумукъ этотъ оставилъ своей семьѣ нѣсколько денегъ, осѣдлалъ коня, надѣлъ на себя необходимое оружіе и выѣхалъ въ Чечню. Здѣсь онъ пробылъ пятнадцать лѣтъ въ безплодныхъ поискахъ убійцъ, истратилъ всѣ деньги, продалъ коня, часть оружія и наконецъ поступилъ работникомъ къ одной знатной чеченкѣ, чтобы не умереть съ голоду. Въ одно прекрасное время, онъ поѣхалъ на арбѣ въ лѣсъ за дровами. Здѣсь онъ нечаянно встрѣтилъ нѣсколько чеченцевъ, которые сидѣли на лужайкѣ возлѣ зарѣзаннаго быка. Чеченцы по обычаю пригласили его раздѣлить съ ними трапезу. Кази-кумукъ согласился, подошелъ къ нимъ и за разговоромъ упомянулъ о своемъ убитомъ братѣ. Разбойники переглянулись. „А что бы ты сдѣлалъ съ тѣмъ, спросилъ кумука одинъ изъ нихъ, кто убилъ твоего брата?"—„Все, что могу," отвѣтилъ кумукъ. Тогда разбойники начали описывать примѣты его брата, перечислять товаръ, который былъ ими разграбленъ, и наконецъ признались, что они убійцы его брата. Кази-кумукъ сначала былъ пораженъ этимъ сообщеніемъ, но затѣмъ скоро оправился, вынулъ кинжалъ, и съ такой яростью и стремительностью бросился на своихъ кровныхъ враговъ, что, не давъ имъ опомниться, онъ поранилъ двухъ, убилъ на поваль трехъ, а остальные, улучивъ удобную минуту, разбѣжались и скрылись въ лѣсу. Когда они опомнились и пришли на мѣсто кровавой распри, чтобы отомстить дерзкому убійцѣ, его уже не было, онъ скрылся. Пріѣхавъ на родину, кази-кумукъ исполнилъ свое обѣщаніе, сходилъ пѣшкомъ въ Мекку и живетъ еще нынѣ. Родовую месть порождаютъ слѣдующія преступленія: убійство, пораненіе, имущественный вредъ и даже оскорбленіе на словахъ, причемъ, если напримѣръ убійство произошло нечаянно, при явныхъ на то доказательствахъ, то въ этомъ случаѣ обычай кровавой мести не примѣняется. Убійство малолѣтняго малолѣтнимъ хотя не служитъ поводомъ къ родовой мести, но фамиліи начинаютъ враждовать и эта вражда переходитъ наконецъ въ родовую месть.

Мстить обыкновенно стараются самые близкіе родственники. Бываютъ случаи мщеній и со стороны женщинъ. Въ 1873 году одна кази-кумучка, у которой былъ убитъ братъ, встрѣтилась нечаянно съ своимъ врагомъ. Она подошла къ нему и за разговоромъ убила его кинжаломъ, за что была привлечена къ суду и сослана въ Сибирь. Мужъ, убившій свою жену, преслѣдуется родственниками послѣдней. Кровная месть падаетъ не только на лицо, замѣченное въ преступленіи, но и на прочихъ членовъ его семьи или рода. Мечети не служатъ спасеніемъ для тѣхъ, кто преслѣдуется кровниками. Такъ напр.: у кази-кумукцевъ враждовали двѣ фамиліи. Одна изъ нихъ сговорилась раньше и во время богослуженія въ мечети, яростно напала съ кинжалами на другую, молившуюся въ то время. Завязалась рукопашная схватка, потекла кровь, и черезъ нѣсколько времени много труповъ валялось на дорогихъ коврахъ и паласахъ, устилавшивъ полъ мечети.

XIII.

Власть хановъ; суды.

Въ прежнія времена кази-кумукцы судились исключительно по шаріату. Всѣ возникавшіе у нихъ недоразумѣнія, преступленія или проступки судились ханами, на основаніи шаріата и адатовъ страны, при чемъ правосудіе не отличалось правдивостью, и часто имѣла силу деспотическая власть хановъ, которые управляли народомъ неограниченно и жестоко. Власть хановъ переходила къ старшему въ родѣ, вслѣдствіе чего часто происходила вражда между родственниками изъ-за обладанія ханскаго престола. Въ этой враждѣ принимали участіе и знатнѣйшія фамиліи кази-кумукцевъ, такъ что если нѣсколько такихъ фамилій были возбуждены несправедливостями и жестокостями того или другого хана, то они примыкали къ сторонѣ его противника, низвергали нелюбимца и сажали на престолъ своего избранника. Нѣкоторые ханы имѣли при себѣ приближенныхъ людей, набранныхъ большею частью изъ хановъ, и позволяли имъ творить безнаказанно всевозможныя жестокости и тиранства въ народѣ. За обиду, нанесенную кому-нибудь изъ этихъ людей, ханъ наказывалъ смертью или же тѣмъ, что несчастнаго бросали въ глубокія ямы, наполненныя разными нечистотами. Эти холопы нѣсколько напоминали нашихъ опричниковъ въ царствованіе Іоанна Грознаго. Для того, чтобы удержать въ своихъ рукахъ власть, ханы ссорили между собою знатныя фамиліи, или во время пира, или въ другихъ случаяхъ. Они призывали къ себѣ члена одной фамиліи и говорили ему, что другая фамилія отзывается о немъ, какъ о трусѣ, продѣлывая въ то же время то же самое и съ другой фамиліей. Это служило обыкновенно началомъ вражды между ними, которая переходила въ ненависть, драку и кончалась ро-

довой местью. Само собой разумѣется, что эти фамиліи, враждуя между собою, нуждались въ покровительствѣ того самаго хана, который поссорилъ ихъ. Если ханъ замѣчалъ въ какой-нибудь фамиліи умнаго и выдающагося человѣка, пользующагося любовью народа, онъ угнеталъ его, дабы не видѣть въ немъ нечаяннаго соперника на престолъ. Во время послѣдняго кази-кумуцкаго хана Оглара былъ такой фактъ. Въ одной извѣстной фамиліи былъ молодой человѣкъ, по имени Магометъ. Онъ отличался храбростью, ловкостью во играхъ, словомъ, гдѣ бы ни являлся, онъ повсюду былъ первымъ. Завидуя отчасти такимъ качествамъ Магомета, видя въ немъ опаснаго врага для себя, такъ какъ послѣдній имѣлъ много приверженцевъ, ханъ Огларъ рѣшилъ убить его во что бы то ни стало. Такъ какъ открытымъ убійствомъ онъ могъ навлечь на себя неудовольствіе народа, уважавшаго Магомета, то ханъ прибѣгъ къ слѣдующему средству. Онъ устроилъ у себя блистательный пиръ и напоилъ Магомета. Послѣ пира, участники его рѣшили устроить джигитовку на коняхъ. Выйдя на балконъ, ханъ крикнулъ холопамъ: „Выведите для Магомета вороного коня!“ Конь, нужно замѣтить, отличался бѣшенымъ характеромъ и не всякому позволялъ на себя садиться. Холопы, по тайному приказанію хана, подтянули на сѣдлѣ слабо подпруги, имѣя въ виду то обстоятельство, что когда конь понесетъ сѣдока, то сѣдло неминуемо перевернется на бокъ. Замыселъ хана удался вполнѣ. Лишь только Магометъ съ прочими джигитами выѣхалъ въ поле и пустилъ коня въ карьеръ, какъ сѣдло свалилось на бокъ, въ стремени застряла одна нога Магомета, и разъяренный конь, почуявъ свободу, понесъ несчастнаго Магомета по полю, убивъ и обезобразивъ ужасною смертью. Такимъ образомъ ханы, спасая себя подобными средствами отъ опасныхъ людей и въ то же время держа въ своихъ рукахъ значительнѣйшія фамиліи кази-кумукцевъ, управляли народомъ жестоко и мало обращали вниманія, какъ на шаріатъ, такъ и адаты страны. Но съ введеніемъ въ странѣ русскихъ судебныхъ уставовъ послѣдовало коренное измѣненіе въ отправленіяхъ правосудія.

Бросимъ, въ заключеніе нашей статьи о кази-кумукцахъ, краткій взглядъ на устройство судовъ. Въ каждомъ аулѣ, для наблюденія въ немъ порядка, имѣется старшина, а для разборки маловажныхъ проступковъ, возникающихъ между жителями, имѣются сельскіе суды, состоящіе изъ членовъ или *ккартъ*, избираемыхъ жителями. Суды эти стараются примирить враждующихъ и судятъ, основываясь больше на свидѣтельскихъ показаніяхъ. Затѣмъ окружной словесный судъ, одинъ на весь Кази-кумуцкій округъ. Онъ состоитъ изъ членовъ, по одному изъ каждаго участка, окружного кади и переводчика. Предсѣдательствуетъ въ этомъ горскомъ судѣ помощникъ начальника округа. Здѣсь дѣла разбираются по шаріату и адату народа, при помощи кади, кото-

рый смотритъ въ шаріатъ и объявляетъ черезъ переводчика, какое наказанье слѣдуетъ за извѣстный проступокъ. Недовольные рѣшеніемъ этого суда получаютъ отъ начальника округа копію рѣшенія и переносятъ жалобы въ областной судъ, а на рѣшеніе этого обращаются въ Кавказскій окружной судъ. Весь кази-кумуцкій округъ раздѣляется на четыре *магала* или участка, каждый участокъ управляется участковымъ приставомъили наибомъ. Наибы слѣдятъ за порядкомъ въ своихъ участкахъ и производятъ предварительныя слѣдствія въ случаяхъ убійства, пораненія и т. п.

При этомъ необходимо упомянуть также о томъ, что по принятому обычаю у кази-кумукцевъ лицо, подозрѣваемое въ совершеніи какого-нибудь преступнаго дѣянія, можетъ, по шаріату, смыть съ себя такое подозрѣніе. Для этого родственники подозрѣваемаго лица, преимущественно по мужской линіи, начиная съ самыхъ близкихъ и кончая дальними, численностью отъ пятидесяти до ста, собираются въ какомъ-нибудь условленномъ мѣстѣ въ аулѣ. Сюда же собираются родственники того, кто имѣетъ подозрѣніе. Предварительно подозрѣваемое лицо передъ кораномъ, положивъ на него палецъ, произноситъ страшныя клятвы, что онъ не совершалъ того, въ чемъ его подозрѣваютъ. Затѣмъ клянутся въ томъ же и его родственники. Послѣ этого съ виновнаго снимается подозрѣніе, и никто не имѣетъ права упрекнуть его когда-нибудь въ томъ, въ чемъ онъ подозрѣвался.

У кази-кумукцевъ существуетъ еще третейскій судъ, существовавшій у нихъ и во времена хановъ. Къ третейскому суду прибѣгаютъ въ настоящее время старики, не желающіе тягаться по разнымъ мировымъ и окружнымъ судамъ, до которыхъ большіе охотники молодые. Въ случаѣ недоразумѣнія между двумя стариками, они избираютъ съ обоюднаго согласія третье лицо, объясняютъ ему свое дѣло, и рѣшеніе этого лица считается авторитетнымъ и безапелляціоннымъ. При раздѣлахъ наслѣдства призывается мулла, нѣсколько почетныхъ личностей, выносится на дворъ все движимое имущество и дѣлится по соглашенію между родственниками.

А. Т. Васильевъ.

Александрополь, Эрив. губ.
1890 года.

Отношенія къ дѣтямъ у горныхъ таджиковъ.

Нигдѣ, кажется, дѣти не пользуются такимъ попеченіемъ и внимательностью, какъ у горцевъ-таджиковъ. Чадолюбіе вообще присуще всѣмъ среднеазіатскимъ таджикамъ; всюду дѣти у нихъ составляютъ предметъ особенно нѣжной любви, которая въ нѣкоторыхъ своихъ проявленіяхъ у равнинныхъ обитателей заходитъ иногда даже за предѣлы приличія. Но дѣти-горцы, живущіе въ патріархальной неиспорченой средѣ своихъ отцовъ, пользуются особенно нѣжною любовью и привязанностью своихъ родителей и окружающихъ ихъ взрослыхъ. Дѣтей ласкаютъ, нѣжатъ и при первой возможности спѣшатъ ихъ хоть чѣмъ-нибудь порадовать. Ихъ не бьютъ, не наказываютъ и даже дать небольшой щелчокъ или подзатыльникъ считается позоромъ. Да и какъ не ласкать, не любить малютокъ горцу-таджику, если съ момента зачатія до наступленія совершеннолѣтія дѣтская жизнь туземца ужъ много сотенъ лѣтъ окружается цѣлымъ рядомъ легендъ и повѣрій, иногда наивныхъ и трогательныхъ по своей простотѣ.

Когда еще ребенокъ находится въ утробѣ матери, о немъ печется самъ Промыслитель „Худо", который даетъ ему умъ, дыханье и жизнь и посылаетъ къ нему, еще не родившемуся, ангела, который даетъ ребенку глаза, языкъ и питаетъ его все время до появленія на свѣтъ. По смерти же малютки въ первое время по рожденіи этотъ ангелъ, его питатель, беретъ его душу и несетъ къ „Худо", который и помѣщаетъ ее съ прочими душами младенцевъ въ самомъ прекрасномъ мѣстѣ рая. По первому моменту появленія ребенка на свѣтъ судятъ о всей его послѣдующей жизни. Если дитя родилось съ крикомъ или же въ сорочкѣ,—значитъ, въ жизни онъ будетъ счастливъ и уменъ; если же при рожденіи ребенокъ молчалъ, стало-быть въ дальнѣйшей жизни онъ будетъ несчастливъ и вдобавокъ недалекъ. Почти тотчасъ же по-

рожденіи ребенка обмываютъ и завертываютъ въ кусокъ хлопчатобумажной ткани своего издѣлія. Мѣстомъ пребыванія новорожденнаго до тѣхъ поръ, пока онъ будетъ въ состояніи ходить, служитъ деревянная колыбель („говора“), на которую сверху набрасываютъ пологъ. Эта колыбель очень низка и нѣсколько напоминаетъ наши дѣтскія качалки.

Уходъ за новорожденнымъ и кормленіе ребенка составляютъ самую главную заботу туземной женщины. Она отдаетъ дѣтямъ всѣ свои силы, здоровье и молодость; цѣлые дни она проводитъ у крохотной постельки своего малютки, укачиваетъ его, заботливо поправляетъ, осыпаетъ его милліонами поцѣлуевъ и называетъ самыми разнообразными ласкательными именами, какія только можетъ подсказать ея безгранично-любящее материнское сердце. Въ первое время по рожденіи надзоръ за младенцемъ бываетъ особенно бдителенъ. Долго ли сдѣлать его калѣкой на всю жизнь?

На землѣ живутъ добрые духи „пари“ и много злыхъ съ разными названіями, изъ нихъ особенно страшны „дэвы“ и „шайтаны“. Какъ „шайтаны“ и „дэвы“, такъ и „пари“ могутъ причинить ребенку зло. Первые могутъ его похитить и унести безвозвратно, „пари“, хоть и добрый геній таджика, тоже иногда не прочь жестоко пошутить надъ новорожденнымъ. Пользуясь отсутствіемъ при немъ людей, „пари“ заглядываетъ въ дѣтскую колыбель, ударяетъ ребенка по какой-либо части тѣла, отчего происходятъ увѣчья тѣхъ или другихъ членовъ, напримѣръ: отнимается рука, нога, появляется горбъ, перекашивается ротъ, бываютъ пораненія и т. д. По сну младенца мать судитъ о томъ, что̀ ея дорогое дитя видитъ во снѣ. Если ребенокъ смѣется, то, стало-быть, ему снится кто либо изъ небожителей или добрыхъ духовъ, если же онъ плачетъ, то это означаетъ, что дитя боится злобнаго дэва или шайтана, котораго онъ увидалъ во снѣ. И по этой причинѣ, изъ боязни различныхъ дурныхъ послѣдствій, мать еще болѣе ревностно смотритъ за своимъ ребенкомъ, никуда не отлучаясь отъ его колыбели и всюду таская его за собою. Какъ часто можно наблюдать въ садахъ и огородахъ горныхъ кишлаковъ женщинъ, занятыхъ какою либо работою—сборомъ овощей, подчисткою деревьевъ и проч.—и подлѣ многихъ изъ нихъ стоятъ колыбели съ дѣтьми. Оставить дома маленькаго ребенка, на попеченіе чужихъ таджичка никогда не рѣшится.

Дѣти—это великая награда за всю тяжелую трудовую жизнь туземной женщины, единственная отрада за тѣ невзгоды и непріятности, которыми такъ полно ея существованіе, и любовь къ дѣтямъ и безграничное желаніе имѣть ихъ такъ велики у каждой туземки, что если дѣти умираютъ, то для предотвращенія этого беременная женщина тайно идетъ къ муллѣ. Тотъ за извѣстный подарокъ читаетъ надъ тряпкою, палкою, костью или иною какою-либо вещью извѣстное заклинаніе или молитву, потомъ отдаетъ наговорный предметъ пришедшей женщинѣ. Она бережно прячетъ его и при первомъ удобномъ случаѣ кидаетъ наговоръ къ дому того сосѣда, у котораго много дѣтей, въ надеждѣ, что теперь смерть минуетъ будущее ея дѣтище и унесетъ дитя сосѣда.

Въ нѣкоторыхъ же мѣстахъ, гдѣ сохранились еще кое-какіе остатки магдеизма, таджичка беретъ лоскутъ какой либо ткани и идетъ съ нимъ къ священному дереву обѣтовъ. Здѣсь она привязываетъ тряпицу на одну изъ вѣтвей и, произнеся горячую молитву Худо, даетъ при этомъ клятву, что если Богъ-Творецъ исполнитъ ея мольбу и желаніе—ея ребенокъ не умретъ,—то она поставитъ столько-то зажженныхъ свѣчей въ углубленіи священнаго камня, который обыкновенно находится подлѣ мечети или въ старомъ мазарѣ.

Когда дитя подростетъ и начнетъ ходить,—это, приблизительно, бываетъ на второмъ году,—ему впервые брѣютъ или просто коротко стригутъ волосы. Эта операція происходитъ обыкновенно безъ всякихъ церемоній. Потомъ лѣтъ до 7—10 волосы стригутся довольно аккуратно, но мальчикамъ въ это время не полагается еще носить „токы" (ермолки). Происходитъ ли это отъ крайней бѣдности таджика, у котораго подчасъ у самого не бываетъ на головѣ ничего, или же, просто, не принято,—не знаю. Дѣвочкамъ послѣ первой стрижки больше не стригутъ волосъ; когда послѣдніе отростутъ, ихъ заплетаютъ въ двѣ косы по обѣимъ сторонамъ головки. Иногда болѣе зажиточные родители при этомъ вплетаютъ въ косу малютки какую-нибудь ленту или, просто, полоску окрашенной хлопчато-бумажной ткани. Въ такомъ возрастѣ мать нерѣдко надѣваетъ на шею своей дѣвочки свое ожерелье изъ мелкихъ полированныхъ камней или простыхъ стекляныхъ бусъ. Это считается необыкновеннымъ щегольствомъ. Когда ребенокъ начнетъ ходить, его освобождаютъ отъ того тряпья, въ которое онъ за-

вернуть, и впервые надѣваютъ на него длинную, доходящую до лодыжекъ, рубашку. Этотъ костюмъ обыкновенно одинъ на годъ и на два, словомъ, какъ износится; другая рубашка для смѣны по бѣдности не полагается. Нужно ли при этомъ добавлять, что грязь и засаленность дѣтской рубашки превосходятъ всякое вѣроятіе?

Съ того момента, какъ ребенокъ уже въ состояніи ходить, къ нему на всю жизнь Худо приставляетъ двухъ ангеловъ, они незримо для людей сидятъ на плечахъ каждаго человѣка и охраняютъ его отъ всего злого, дурного и предостерегаютъ его отъ порочной жизни. Дитя находится подъ ихъ непосредственнымъ покровительствомъ и охраною. Эти два небожителя строго слѣдятъ за тѣмъ, чтобы ребенку жилось, по возможности, хорошо, и никто бы его не обижалъ, въ противномъ случаѣ жалуются Худо, и тотъ строго караетъ виновнаго. Когда дитя умираетъ, два ангела-хранителя берутъ его душу и несутъ на небо по свѣтлой дорогѣ всѣхъ праведниковъ и добродѣтельныхъ людей. Въ звѣздныя ясныя ночи этотъ небесный путь умершихъ дѣтей и святыхъ всякій можетъ наблюдать; у нѣкоторыхъ горцевъ таджиковъ онъ такъ и называется „дорога ко Всевышнему“ (роибапеши Худо) у насъ же—„Млечный путь“.

Въ возрастѣ до 10 лѣтъ дѣти пользуются особенною любовью родителей и окружающихъ ихъ взрослыхъ. Отцы во время отдыха отъ работъ находятъ покой и развлеченіе въ кругу дѣтей. И по кишлакамъ часто можно видѣть, особенно подъ вечеръ, какъ партіи мужчинъ сидятъ подъ тѣнью какого-нибудь дерева, окруженные дѣтворою; особенно маленькія дѣти сидятъ на колѣняхъ, часто по-двое, по-трое. Мозолистыя, загорѣлыя руки отцовъ съ необыкновенною нѣжностью и любовью ласкаютъ эти черныя и бѣлокурыя головки и грязныя, испачканныя личики, и подъ дѣтскій лепетъ и ласки таджикъ забываетъ всѣ свои невзгоды и тяжелую бѣдность. На вопросъ, сколько у него дѣтей, горецъ всегда вамъ отвѣтитъ на это съ какою-то внутреннею радостью, что дѣтей у него столько-то, и при этомъ всегда раздѣлитъ ихъ, назвавъ мальчиковъ отдѣльно отъ дѣвочекъ. При этихъ, словахъ: столько-то „бача“ (мальчикъ), столько-то „духтаръ“ (дѣвочка), лицо горца складывается въ самую сладкую улыбку. Самое лучшее лакомство, которое только можно достать, горецъ-таджикъ никогда не станетъ ѣсть самъ, а всегда отдаетъ своимъ дѣтямъ. Каждый горецъ,

котораго судьба занесетъ въ города равнины (Самаркандъ, Кокандъ и друг.), считаетъ своимъ долгомъ принести на родину не только своимъ дѣтямъ, но и постороннимъ хоть что-нибудь-такое, что могло бы ихъ обрадовать. Человѣкъ, не любящій дѣтей, едва ли найдется въ горныхъ кишлакахъ: на него стали бы смотрѣтя съ отвращеніемъ и даже съ ужасомъ. Часто можно слышать въ горахъ фразу, что кто дѣтей не любитъ, того и Худо не любитъ и постоянно наказываетъ его, ни въ чемъ не давая удачи. Горецъ-таджикъ смотритъ на ребенка, какъ на даръ божій, какъ на самое чистое проявленіе божества; въ немъ онъ видитъ все лучшее въ своей жизни, всю отраду и надежду. Ласкать и баловать дѣтей—святая обязанность не только каждой матери, но и каждаго мужчины. Всякое жестокое обращеніе съ маленькими дѣтьми способно вызвать горькія слезы у взрослыхъ. У заѣзжаго чужестранца таджикъ съ трогательными просьбами выпрашиваетъ хоть какую-нибудь бездѣлушку или кусокъ сахару, только бы отнести своимъ „бача“ или „духтаръ“. При отказѣ онъ будетъ молить васъ, выпрашивать и для большаго состраданія путешественника ведетъ и несетъ къ нему дѣтвору. И надо видѣть его радость, если дѣти получаютъ какое-либо лакомство или ничтожный подарокъ: таджикъ съ неподдѣльною искренностью благодаритъ дающаго и призываетъ на него всѣ благословенія Худо и всякія пожеланія земныхъ и будущихъ благъ. „Кто любитъ дѣтей, у того сердце чистое, незапятнанное ничѣмъ“, говорятъ горцы. И изъ подобнаго воззрѣнія на подростающее поколѣніе нерѣдко происходятъ такія явленія: умираетъ отецъ и мать, послѣ нихъ остаются круглыми сиротами ихъ дѣти; въ другомъ бы мѣстѣ они, пожалуй пошли бы по міру или бы разбрелись по нѣсколькимъ домамъ чужихъ людей, гдѣ и влачили бы жалкую, скорбную жизнь безпріютныхъ сиротъ; у таджиковъ же этого почти никогда не случается. Сиротъ всегда беретъ на свое попеченіе ближайшій родственникъ и воспитываетъ ихъ наравнѣ со своими дѣтьми, при этомъ любви къ нимъ бываетъ еще больше, чѣмъ къ своимъ дѣтямъ. „Они сироты, не имѣютъ ни отца, ни матери, грѣхъ не заботиться о нихъ“, говорятъ окружающіе. Помню, какъ въ одномъ дарвазскомъ кишлакѣ пришлось встрѣтить одного туземца, у котораго было своихъ 5 человѣкъ дѣтей и, кромѣ того, онъ воспитывалъ еще 4 своихъ племянниковъ, остав-

шихся послѣ смерти его брата. При этомъ, когда приходилось раздавать дѣтямъ леденецъ и разныя сласти, этотъ таджикъ просилъ дать побольше сиротамъ; „модар на́дбра, падар на́дбра“ (ни отца, ни матери не имѣютъ) добавлялъ онъ всякій разъ, гладя грязныя головки сиротъ. Девять человѣкъ дѣтей всюду обуза порядочная, но въ горахъ Центральной Азіи, среди страшной окружающей бѣдности, прямо таки удивительно, какъ ухитряется туземцъ прокормить столько ртовъ и такъ нѣжно заботиться о нихъ. Въ крайнихъ случаяхъ, когда по смерти родителей дѣти остаются совсѣмъ безпріютными, не имѣя никого родственниковъ, ихъ кормитъ и воспитываетъ все селеніе сообща до самаго ихъ совершеннолѣтія, причемъ, если сирота—дѣвушка, ее выдаютъ замужъ всѣмъ кишлакомъ, если же это мужчина, то съ момента совершеннолѣтія, его земляки перестаютъ заботиться о немъ и предоставляютъ его своему собственному усмотрѣнію.

На третьемъ или на четвертомъ году оканчивается кормленіе ребенка грудью. Послѣ этого въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Дарваза и Каратегина дѣтямъ для праздничныхъ дней болѣе зажиточные родители дѣлаютъ рубашки изъ бѣлой хлопчато-бумажной ткани, рукава и вороты которыхъ украшаются оторочками изъ небольшихъ перламутровыхъ кружковъ, покрытыхъ различными рѣзными узорами. Это называется по мѣстному „садаф“, по имени вообще жемчужныхъ раковинъ, которыя встрѣчаются въ верхнемъ теченіи Аму и въ нѣкоторыхъ ея притокахъ правой стороны. Въ этихъ лѣтахъ на дѣвочекъ впервые надѣваютъ шальвары и въ большинствѣ случаевъ въ уши вставляютъ серьги. Въ возрастѣ отъ 6 до 10 лѣтъ надъ мальчиками производится обрѣзаніе („чукборони“). Въ назначенный день родители приглашаютъ мастера этого дѣла („усто“)—обыкновенно кого-либо изъ мѣстныхъ жителей, постоянно производящаго эту операцію, и, если имѣютъ достатокъ, сзываютъ много гостей и всѣхъ тѣхъ мужчинъ кишлака, которые имѣютъ лошадей. Когда явится „усто“ и соберутся гости, начинается угощеніе: появляются неизбѣжные—пловъ, кебобъ „тухмбуріонъ“ (жареныя яйца въ маслѣ), вареное мясо, „шурбо“ (супъ) и проч. туземныя кушанья. Во время пира конные тѣшатся извѣстною игрою „бузкаши“—разрываніе козла,—котораго имъ жертвуетъ отецъ мальчика. Послѣ пира и окончанія игры происходитъ самое „чукборони“. Мальчика кладутъ навзничь и дер-

жать его по рукамъ и ногамъ; мастеръ беретъ короткую камышевую палочку, расщепленную съ одного конца. Въ этотъ расщепъ зажимается крайняя плоть, такъ что ея верхняя часть нѣсколько выдается изъ расщепа наружу. Туго сдавивъ камышъ, „усто“ быстро срѣзаетъ острымъ ножемъ или бритвой выдавшуюся въ верхъ кожицу. При этомъ, чтобы унять кровь, на рану сейчасъ же накладывается зажженная вата. Этимъ и заканчивается операція.

Послѣ обряда обрѣзанія мальчику дается лукъ и деревянныя стрѣлы. Онъ, такъ сказать, съ этого момента начинаетъ готовиться быть мужемъ и воиномъ. Стрѣльбѣ изъ лука его учатъ отецъ или же болѣе старшіе сверстники. Отъ прежнихъ малолѣтнихъ своихъ товарищей мальчикъ ужъ отдѣляется и примыкаетъ къ болѣе старшимъ. Стрѣльба изъ лука составляетъ одну изъ самыхъ любимѣйшихъ дѣтскихъ занятій въ горахъ. Кромѣ этого едва ли даже существуютъ какія либо игры у большинства туземныхъ мальчиковъ. Съ луками въ рукахъ партіи дѣтей рѣзвятся подъ тѣнью исполинскихъ карагачей, чинаръ и широколиственныхъ платановъ, забавляются стрѣльбою въ птицъ, въ стволы деревъ и проч. Эти небольшіе дѣтскіе отряды можно видѣть играющими и за кишлаками въ лугахъ, и при дорогахъ, и на скатахъ горъ. Самый старшій изъ нихъ обыкновенно является предводителемъ, его слушаются и ему повинуются всѣ остальныя дѣти. При этомъ нельзя удержаться отъ улыбки, когда, проѣзжая, видишь, что самыя маленькія дѣти не обращаютъ на тебя никакого вниманія и безпечно роются гдѣ нибудь въ пескѣ или на берегу какого либо ручья, тогда какъ болѣе взрослыя, завидя незнакомца, выстраиваются при дорогѣ или гдѣ нибудь въ сторонѣ и молча провожаютъ долгимъ серьезнымъ взглядомъ. Въ нѣкоторыхъ уголкахъ горныхъ трущобъ встрѣчаются партіи дѣтей, которыя напоминаютъ своимъ видомъ что-то первобытное. На этихъ маленькихъ воинахъ обыкновенно ничего не надѣто, за исключеніемъ только волчьей шкуры, которая наброшена на плечи, и кожанаго передника; на ногахъ, и головѣ ничего нѣтъ. Съ луками въ рукахъ эти полуголыя дѣти имѣютъ какой-то крайне дикій и воинственный видъ. Тѣмъ болѣе странно видѣть полуголыми почти взрослыхъ дѣтей, что 3—4 лѣтнія малютки, которыя бѣгаютъ здѣсь, имѣютъ на себѣ хоть какія-нибудь рубашонки. Спросите любого изъ такихъ

подростковъ, почему онъ такъ жалко одѣть, вы всегда услышите одинъ простодушный отвѣтъ: „лабосо на́до́рум" (платья не имѣю). Малышей хоть какъ нибудь, въ ущербъ иногда себѣ, родители стараются прикрыть какою-нибудь рубашкою, такъ какъ безъ одеждъ они легко могутъ простудиться по слабости организма, а эти болѣе взрослые и потому, какъ ихъ ни жалко, по бѣдности приходится положиться на волю Худо, авось они вытерпятъ и не простудятся.

Само сабою понятно, причина такого отношенія къ подросткамъ кроется не въ скупости горца-таджика, который для дѣтей ничего не пожалѣетъ, а въ его бѣдности. Хлопокъ, засѣваемый въ горахъ въ большомъ количествѣ и то только тамъ, гдѣ его позволяетъ разводить климатъ, не удовлетворяетъ мѣстнымъ потребностямъ населенія, и потому горцы вынуждены покупать ткани или хлопчато-бумажную пряжу въ городахъ, отдавая за это различныя свои незатѣйливыя произведенія и скотъ. Глядя на этихъ до нельзя оборванныхъ, полуголыхъ дѣтей, прикрытыхъ грязными, страшно засаленными лохмотьями, невольно думается, какую бы могли сослужить драгоцѣнную службу волокна конопли и кунджута, которыя здѣсь засѣваются только изъ-за масла. Но, къ сожалѣнію, эти растеніи другого примѣненія въ горахъ не имѣютъ, кромѣ упомянутаго. Въ праздничные дни,—а таками бываютъ: Новруз (новый годъ, 8 марта) и Курбанъ Байрамъ,—дѣтей наряжаютъ или, вѣрнѣе, надѣваютъ на нихъ чистыя рубашки. Кромѣ того въ, день Нов-руза наравнѣ съ взрослыми имъ красятъ хеною ногти рукъ, ногъ и концы пальцевъ. Волосы, какъ у персіянъ, въ Средней Азіи никогда не красятся. Хена, по мнѣнію таджиковъ, обладаетъ свойствомъ укрѣплять ногти и придаетъ имъ красивый изгибъ и гладкость; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Каратегина и Дарваза хену употребляютъ не только въ день Нов-руза, но и въ другіе праздники въ году, причемъ дѣтямъ красятъ кромѣ того подошвы ногъ. Это дѣлаетъ, по мнѣнію туземцевъ, кожу на подошвахъ твердою и и нечувствительною, что очень важно, если принять во вниманіе постоянную ходьбу дѣтей по гористой мѣстности и острымъ камнямъ.

Желая хоть чѣмъ нибудь порадовать своихъ дѣтей въ торжественные дни, родители накануне окрашиваютъ яица, часть отдаютъ дѣтямъ, часть оставляютъ у себя. Нечего и говорить, что радость

дѣтей въ такіе дни бываетъ безмѣрна. Да и мудрено ли, если такое счастье выпадаетъ имъ въ году только разъ или два! И маленькій горецъ всегда съ затаенною радостью и нѣкоторою тревогою передъ праздниками спрашиваетъ своихъ родителей, много ли будутъ красить яицъ и какихъ больше, красныхъ или желтыхъ (окрашиваютъ только въ эти два цвѣта). Въ самый день праздника, особенно если это бываетъ весною или лѣтомъ, весь кишлакъ выходитъ на улицу: взрослые, здороваясь другъ съ другомъ, обмѣниваются крашеными яйцами, а дѣти въ чистыхъ рубашонкахъ, съ выбритыми или стрижеными головками, бережно прижимая къ груди такія же яица, съ ликующимъ видомъ спѣшатъ подъ тѣнь деревъ, на зеленѣющіе берега ручьевъ, гдѣ всѣ вмѣстѣ, дѣвочки и мальчики, такъ же, какъ и у насъ на Пасху, начинаютъ катать яйца. И въ этой игрѣ проводятъ весь день съ утра до поздняго вечера. Радости дѣтей радуются и взрослые: это катанье дѣтьми яицъ и ихъ ликованье при этомъ, по вѣрованію горцевъ-таджиковъ, есть прославленіе дѣтскими сердцами всемогущаго Худо-Парвардигор'а (Бога-питателя), Который милостивымъ взоромъ вѣчнаго покровителя взираетъ на безгрѣшныя созданія—на дѣтей, и доволенъ, что они своею радостью чтятъ Его праздникъ.

А. Семеновъ.

Свадебные обряды и обычаи у великоруссовъ.

I.

Описаніе сельской свадьбы въ Сенгилеевскомъ уѣздѣ, Симбирской губерніи.

Бракъ въ жизни каждаго человѣка составляетъ эпоху, такъ какъ съ этого времени онъ вступаетъ въ кругъ новыхъ обязанностей—гражданина и семьянина. Но особенно бракъ составляетъ одно изъ важнѣйшихъ событій въ жизни русскаго крестьянина, который, въ лицѣ новаго члена семьи, видитъ и пріобрѣтаетъ еще и теперь преимущественно только рабочую силу, подспорье въ своемъ хозяйствѣ. Въ самомъ дѣлѣ, жизнь нашего простолюдина менѣе всего можетъ мыслиться безъ женщины. Вращаясь съиздѣтства серди крестьянъ, будучи постояннымъ свидѣтелемъ ихъ жизни, намъ пришлось убѣждаться въ этомъ множество разъ, наблюдая жизнь такъ-называемыхъ „одиночекъ". Сплошь и кряду бываютъ такіе случаи: у крестьянина умираетъ жена, оставивъ ему 3—4 дѣтей, какъ говорится, малъ-мала-меньше; нѣтъ у него помощника, горе большое—и вотъ мужичекъ начинаетъ пить и пьетъ безшабашно, по народному выраженію, т. е. излишне. Но вотъ онъ женится во второй разъ съ тѣмъ, какъ самъ свидѣтельствуетъ, чтобы „баба" сварила ему щи и кашу, да убрала ребятишекъ, т. е. приготовила бы имъ бѣлье, обмыла предъ праздникомъ въ банѣ и т. п. Что́ же оказывается? Послѣ второго брака этотъ самый мужикъ, предавшійся было пьянству, подъ вліяніемъ жены бросаетъ пить водку и снова принимается за трудъ; его энергія увеличивается при видѣ работающей и трудящейся жены, и онъ начинаетъ поправляться въ своемъ хозяйствѣ. Конечно, не каждая женщина способна такъ благотворно вліять на своего мужа и не каждый второй бракъ оканчивается такъ хорошо; но вообще-то должно сказать, что жизнь крестьянина безъ женщины, только въ рѣдкихъ случаяхъ, можетъ идти правильно и безъ ущерба для хозяйства и пр., когда съ нимъ живутъ уже

взрослыя и способныя работать дѣти. Вотъ поэтому-то издревле крестьянская свадьба совершается съ различными, освященными временемъ, обрядами; они считаются необходимыми, и несоблюденіе ихъ, по мнѣнію народа, влечетъ за собою дурныя послѣдствія.

Въ настоящемъ очеркѣ мы опишемъ крестьянскую свадьбу такъ, какъ она совершается въ селѣ Зеленцѣ, Сенгилеевскаго уѣзда, Симбирской губерніи. Городскіе жители и вообще всѣ тѣ лица, которыя не видѣли, какъ совершается и празднуется сельская свадьба, думаемъ, найдутъ не мало интереснаго въ описаніи ея. Кромѣ того, должно замѣтить, что съ вымираніемъ старыхъ людей безвозвратно исчезаетъ много такого, что́ можно было бы занести на страницы народной литературы. Потому предлагаемый очеркъ имѣетъ въ виду, между прочимъ, и то, чтобы присловья и обряды, совершаемые и произносимые при свадьбѣ, передать памяти потомства. Интересна сельская свадьба и въ томъ отношеніи, что здѣсь во всемъ блескѣ проявляется крестьянская вѣжливость и изысканность въ обращеніи, приправляемыя вмѣстѣ съ тѣмъ и русскимъ безобразіемъ, котораго, кажется, никогда не бываетъ нигдѣ и столько, какъ на свадьбѣ.

Свадьбы здѣсь преимущественно совершаются осенью, когда крестьянинъ уберется съ своимъ хлѣбомъ въ полѣ и опредѣлитъ приблизительно свой годовой доходъ или, выражаясь его словами, свою „казну", когда у него не такъ много дѣла „по домашности".

Пришла пора жениться доброму молодцу. Отецъ и мать его давно уже толкуютъ между собою, гдѣ бы добыть ясному соколу бѣлую лебедушку. Они поспрашиваютъ сына, какая ему „рнавится" молодка: въ своемъ-ли селеніи, или гдѣ-либо на сторонѣ. Нерѣдко родители подсмѣиваются надъ своимъ дѣтищемъ, предлагая ему, якобы серьезно, взять въ замужество дѣвицу, не пользующуюся доброю репутаціею. Послѣ долгихъ разсужденій и поисковъ, — иногда мнимыхъ, такъ какъ родителямъ жениха небезызвѣстны бываютъ его симпатіи къ какой-либо дѣвушкѣ, — родители его засылаютъ къ отцу и матери дѣвицы, на которой остановилось ихъ и ихъ сына вниманіе, сваху, обыкновенно, близкую родственницу, женщину ловкую, балясницу (т. е. умѣющую хорошо и складно говорить безъ умолку), чтобы могла расхваливать жениха.

Помолившись въ домѣ жениха, сваха отправляется въ домъ невѣсты. Входя въ послѣдній, она шагаетъ черезъ порогъ непремѣнно прежде правою ногою; а войдя въ домъ и истово помолившись, она отвѣшиваетъ поклонъ родителямъ невѣсты и самой невѣстѣ, если та случится дома. Затѣмъ сваха садится на лавку подъ *матицей* (бревно, поддерживающее потолокъ) и самымъ этимъ даетъ уже понять, зачѣмъ она пришла. Усѣвшись, нежданная, а иногда и давно желанная, сваха начинаетъ разговоръ. Нѣкоторыя свахи прямо приступаютъ къ цѣли своего путешествія, а болѣе ловкая

и искусная сваха сначала заводитъ какой-нибудь незначащій разговоръ, а потомъ уже умѣючи обращаетъ его къ цѣли своего посѣщенія. Вотъ примѣръ такого разговора.

— Здорово живете, добрые люди,—привѣтствуетъ сваха хозяевъ дома.

— Добро пожаловать, милости просимъ; проходи-ка да садись,—отвѣчаютъ ей.

Усѣвшись на лавкѣ подъ матицей, сваха начинаетъ:

— Вотъ, родимые, у насъ пропала овечка. Нѣтъ-ли у васъ какой приставшей? Покажите, пожалуйста, своихъ овечекъ.

Родители невѣсты, будто не понимая этой аллегорической рѣчи, говорятъ, что овечки у нихъ загнаны на калду (отгороженное во дворѣ или за дворомъ для скота мѣсто) и притомъ только свои. Разговоръ завязывается; дальше—больше, и сваха, наконецъ, уловивъ моментъ, подводитъ разговоръ къ цѣли своего посѣщенія дома невѣстиныхъ родителей. Послѣдніе прямо говорятъ, что „нонѣшній годъ“ у нихъ „отдашной дѣвки“ нѣтъ. Такъ отказываютъ, дѣйствительно не намѣревающіеся въ этотъ годъ отдавать свою дочь за-мужъ. Если же родители невѣсты намѣрены освободиться отъ лишняго рта, то, поблагодаривъ за честь, начинаютъ разспрашивать сваху, кто женихъ, живы ли у него родители, чѣмъ занимаются и пр.,—словомъ, разспрашиваютъ про все женихово *заведеніе*, т. е. состояніе. Конечно, съ перваго раза родители невѣсты не даютъ положительнаго отвѣта, а особенно, если невѣста не изъ одного прихода съ женихомъ. Кромѣ того, отецъ и мать невѣсты всегда найдутъ какую-нибудь причину, чтобы уклониться отъ прямого отвѣта: то невѣстѣ года не вышли, то къ свадьбѣ не готовились, слѣдовательно—надлежащаго для этого матеріала не припасено Само собою разумѣется, что сваха очень хорошо понимаетъ эти фиктивныя причины, имѣющія цѣлью, какъ говорится, поводить сваху за носъ и показать ей, что извѣстная дѣвушка—не очень-то простая и какая-нибудь, что родители ея не намѣрены отдать свою дочь за перваго присватавшагося жениха, что, благодаря ея красотѣ и другимъ достоинствамъ, у ней постоянно будетъ много жениховъ... Нечего уже и говорить, что положительнаго отвѣта нельзя ожидать, когда женихъ и невѣста принадлежатъ къ разнымъ приходамъ. Въ этомъ случаѣ уклончивый отвѣтъ дѣлается и для того, чтобы какъ-нибудь стороной разузнать о состояніи жениха, или лучше—о состояніи его родителей. Наконецъ, послѣ многихъ побывокъ у невѣсты, сваха получаетъ отъ родителей ея согласіе и приглашеніе—привести жениха въ ихъ домъ, чтобы онъ посмотрѣлъ на невѣсту, а послѣдняя на жениха. Въ одинъ изъ ближайшихъ послѣ этого дней женихъ, нарядившись въ лучшую одежду, отправляется съ родителями своими и другими родственниками въ домъ невѣсты на такъ называемыя *смотрины*, или просто *смотры*.

Женихъ садится за столъ на почетное мѣсто, подъ иконы. Съ правой его стороны садятся отецъ крестный, отецъ родной и прочіе родственники мужескаго пола, по старшинству; а по лѣвую—мать крестная, мать родная и другія родственницы въ такомъ же точно порядкѣ. На смотринахъ нѣтъ ничего особеннаго. Невѣста сидитъ въ чуланѣ со своими подругами. Черезъ нѣсколько времени послѣ того, какъ всѣ усядутся, ее выводятъ изъ чулана на показъ жениху. На смотринахъ же родители жениха и невѣсты договариваются объ условіяхъ, на которыхъ должна быть сыграна свадьба. Родители невѣсты выговариваютъ ей вина (отъ $^1/_2$ до 3 ведеръ), шубу, обувь, харчу (говядины), пива (отъ 5 до 25 ведеръ;) тутъ же условливаются относительно *кладки* (вѣно, выкупъ), которую долженъ заплатить женихъ невѣстѣ [1],—о томъ, съ дарами ли будетъ свадьба, или безъ даровъ. Если съ дарами, то сколько человѣкъ дарить и т. п. Дары покупаются невѣстою на кладку, которая простирается отъ 10 до 50, а иногда и до 80 рублей. Конечно, чѣмъ больше кладка, тѣмъ бо́льшее число людей должна одарить невѣста и тѣмъ богаче будутъ дары. На смотринахъ же условливаются о днѣ *рукобитья*, или *запоя*, и *свадьбы*.

На запой, бывающій постоянно въ домѣ родителей невѣсты, приходятъ съ женихомъ большею частію мужчины: женщинъ бываетъ здѣсь не болѣе одной трети всѣхъ пришедшихъ. Каждая изъ женщинъ, со стороны жениха, приноситъ невѣстѣ какой либо гостинецъ: орѣховъ, жомковъ (дешевыхъ пряниковъ), лепешекъ домашняго приготовленія и т. п. Когда всѣ усядутся за столомъ вышеуказаннымъ образомъ, то ударяютъ по рукамъ, отчего этотъ свадебный моментъ и называется *рукобитьемъ*. Это происходитъ такъ. Шаферъ со стороны жениха, обыкновенно называемый *дружкою*, встаетъ и приглашаетъ отца крестнаго, отца родного, мать крестную и мать родную и другихъ невѣстиныхъ родственниковъ ударить по рукамъ. Родной отецъ невѣсты подходитъ къ столу и кладетъ на него свою правую руку ладонью вверхъ, на нее ему кладетъ дружка приготовленный ему чистый платокъ, а на платокъ кладетъ ладонью внизъ свою руку родной отецъ жениха, такъ что ладони обоихъ отцовъ раздѣляются платкомъ. Затѣмъ, на руку женихова отца кладетъ руку ладонью вверхъ отецъ крестный невѣсты, а на его руку—отецъ крестный жениха ладонью внизъ, но безъ всякой перекладки. Въ такомъ же точно порядкѣ кладутъ свои руки матери жениха и невѣсты—родныя и крестныя, а затѣмъ и всѣ остальные родственники той и другой стороны до тѣхъ поръ, пока нельзя будетъ составлять паръ. Такимъ образомъ, составляется цѣлый столбъ ручныхъ кистей, положенныхъ одна на другой. Когда образованіе этого столба кончится, дружка вызы-

[1]) У крестьянъ не невѣста приноситъ денежное приданое жениху, а этотъ послѣдній даетъ его ей.

взѣтъ кого либо изъ постороннихъ и проситъ его разложить эту кучу рукъ. Призванный приходитъ къ столу и, начиная съ верхней руки, не торопясь, беретъ одну руку за другой и отпускаетъ ихъ владѣльцевъ на свое мѣсто. Послѣ этого женихова родня цѣлуется съ невѣстиной родней. Поздоровавшись, всѣ садятся по своимъ мѣстамъ. Когда всѣ усядутся, женщины съ жениховой стороны идутъ съ своими подарками въ чуланъ къ сидящей тамъ невѣстѣ, здороваются съ нею и ея подругами и отдаютъ ей принесенные съ собою гостинцы, послѣ чего чинно садятся за столъ. Дружка начинаетъ обносить принесеннымъ съ собою пивомъ невѣстиныхъ сродниковъ. Въ это время невѣста выходитъ съ подругами изъ чулана и кланяется жениху. Имъ обоимъ дружка подноситъ по стакану пива, они трижды обмѣниваются ими, пьютъ и цѣлуются. Затѣмъ сестра невѣсты или какая либо другая родственница подходитъ къ ней съ подносомъ, на которомъ лежатъ или шерстяныя перчатки, или шарфъ, или еще что-нибудь, и подаетъ ей; та беретъ и подноситъ жениху въ даръ. Послѣ этого невѣста уходитъ въ чуланъ, а дѣвушки—ея подруги—начинаютъ пѣть величанія жениху и невѣстѣ (больше никому не поютъ на запоѣ).

Жениху:

Раскудрявчикъ, кудрявчикъ ты мой,
Кудреватая головушка твоя,
Свѣтъ Иванъ Матвѣевичъ,
Кто тебя спородилъ, молодца?
—Спородила меня матушка;
Вспоилъ, вскормилъ батюшка,
Возлелѣяла чужая сторона;
Завивала кудри родимая сестра,
Свѣтъ Лександра Матвѣевна.
Завивая, приговаривала:
Когда рѣчушки разольются,
Въ тѣ-поры кудри разовьются
По едину русу волосу,
По черняному кафтанчику.

Или:

У дородна добра молодца,
Свѣтъ Михаила Василича,
Въ три ряда кудри завиваются,
А въ четвертый рядъ
По плечамъ лежатъ--разстилаются,
По чернымъ бровямъ разсыпаются.
Не сами кудри завивалися:
Завивала кудри красна дѣвица-душа,
Свѣтъ Графена-то Васильевна,
На серебряну булавочку
По едину русу волосу.

По окончаніи пѣсни дѣвушки обыкновенно приговариваютъ:

Слышишь ли, Михайла Василичъ?
Тебѣ пѣсенку поемъ,
Тебѣ честь воздаемъ.

Послѣ первой пѣсни женихъ долженъ дать дѣвушкамъ какую-нибудь монету, а послѣ другихъ пѣсенъ можно ограничиться одною словесною благодарностію.

Невѣстѣ:

Вечоръ-то мы, красныя дѣвушки,
Во пиру были, во бесѣдушкѣ
У любезной подруженьки
Катерины Ивановны.
Ужъ мы пили ее, пропили
Не за сто рублей, не за тысячу—
За едину винну чарочку;
Не за князя, не за барина—
За дородна добра молодца
Свѣтъ Никифора Петровича.

Или:

Не пташечки слеталися:
Красны дѣвушки сходилися
Ко любезной своей подруженькѣ,
Свѣтъ Татьянѣ Петровнѣ.
Онѣ думали за единое (вмѣстѣ),
Онѣ пили, ее пропили и пр.

Или же поютъ общую пѣсню жениху и невѣстѣ:

Какъ по саду было садику,
По зелену винограднику
Ходилъ, гулялъ молодецъ,
Добрый молодецъ—отцовскій сынъ,
Алексѣй-ятъ свѣтъ Степановичъ.
Ходилъ онъ ко кусту розову,
Срывалъ онъ розовый цвѣтокъ.
На цвѣточекъ-отъ любуется,
Красотѣ своей дивуется:
Былъ я въ городѣ въ Казани, въ Москвѣ,
Не нашелъ невѣсты по себѣ;
Лучше въ городѣ Симбирскѣ я женюсь,
Возьму дѣвицу-красавицу,
Свѣтъ Авдотью Николаевну.

Или:

Черная ягода смородина
Зеленёхонька заломана,
Во пучки перевязана,
На дороженьку разбросана...
Молода́ душа засватана,
Молодая запорочена (запоручена?)
Свѣтъ Наталья Алексѣевна.
Что засватала ее свахонька
Татьяна Ѳедоровна,
По-часту въ гости ходючи,
По-низёхоньку кланяючись,
Умныя рѣчи говариваючи:
Вы отдайте свою умную дочь,
Свою умну дочь, разумную
За удала добра молодца
За Ивана свѣтъ Андреича.
У насъ молодецъ умнехонекъ,
Разудаленькій смирнехонекъ.
Онъ не пьетъ пива пьянаго,
Не курить зелена́ вина,
Опричь меда сладкаго,
Опричь кушанья сахарнаго.

По уходѣ гостей, невѣста считаетъ своею непремѣнною обязанностью проплакать заунывно слѣдующее:

Сидѣла-то я, горькая,
У родимаго батюшки
Въ новой горенкѣ;
Всѣ-то я думушки
Передумала;
Одна-то мнѣ думушка
Съ ума нейдетъ:
Какъ-то мнѣ, горькой,
Въ чужихъ людяхъ жить.

На слѣдующій послѣ рукобитья день женихъ отправляется въ сопровожденіи 2—3 своихъ товарищей къ невѣстѣ „мѣрить шубу“. Онъ снимаетъ съ невѣсты мѣрку, по которой обязанъ сшить своей суженой ко дню свадьбы выговоренную на смотрахъ ея родителями шубу. Ихъ угощаютъ. А на другой день къ жениху приходятъ подруги невѣсты (безъ нея) „мѣрить рубашку“ съ жениха. Ихъ также угощаютъ. Затѣмъ имъ даютъ рубашку жениха, по которой невѣста должна ко дню свадьбы сшить своему нареченному новую—подвѣнечную. Въ моментъ передачи рубашки дѣвушкамъ, послѣднія поютъ:

На Иванѣ рубашечка,
На Петровичѣ рубашечка,
Она тонка, полотняная.
Кто эту рубашечку
Шилъ-вышивалъ?
Вышивала эту рубашечку
Родимая сѐстрица;
Она шила, приговаривала:
Долго-ль тебѣ, братецъ,
Эту рубашечку носить
Холостому неженатому?
Возьмемъ мы за тебя
Душу красну дѣвицу,
Свѣтъ Марину Ивановну.

Послѣ угощенія женихъ долженъ потѣшить дѣвушекъ: прокатить ихъ на лошадяхъ нѣсколько разъ по селенію и непремѣнно съ колокольчикомъ.

Не особенно давно въ описываемой мѣстности стали употребляться такъ называемыя *вечёрки* (вечеринки), занесенныя изъ чужихъ краевъ. Крестьяне данной мѣстности—по преимуществу швецы крестьянской одежды, валяльщики теплой обуви и шерстобиты. Уходя на заработки очень далеко, верстъ за 300—400, въ Вятскую, Уфимскую и Самарскую губерніи, они, по возвращеніи оттуда, вносятъ въ обычную жизнь своихъ односельчанъ чуждые обычаи. Сюда относятся и вечерки. Откуда собственно онѣ занесены, гдѣ ихъ родина,—на этотъ вопросъ мы получили отвѣтъ:— „изъ-за Волги". Выраженіе „за Волгой" въ данной мѣстности присвоояется исключительно Самарской губерніи, а потому, вѣроятно, здѣсь и должно искать родину вечерокъ. Нужнымъ, однако, считаемъ оговориться, что это—личное наше предположеніе, которое не выдаемъ за несомнѣнное.[1])

Вечерки обыкновенно бываютъ въ томъ случаѣ, когда между днемъ рукобитья и днемъ свадьбы промежутокъ времени довольно порядочный, не менѣе 3—4 недѣль. Онѣ состоятъ въ слѣдующемъ. Женихъ въ сопровожденіи товарищей (человѣкъ 5—6) по вечерамъ ходитъ къ невѣстѣ, разумѣется, не ежедневно. Всѣ парни (такъ у крестьянъ называютъ молодыхъ, неженатыхъ кавалеровъ,—такъ и мы будемъ называть ихъ) садятся за столъ, на который ставится какое-либо угощеніе, напр.: дешевые пряники, сѣмена подсолнуха и т. п. Женихъ съ невѣстою садятся въ передній уголъ. Когда приготовленные припасы немного поистощатся, когда парнямъ поднесутъ по 2—3 добрыхъ стакана водки, то послѣдніе, поблагодаривъ за угощеніе, начинаютъ собственно вечерку.

Дѣвушки садятся на лавкѣ подъ-рядъ, и противъ нихъ на скамьѣ садятся парни. Женихъ, взявъ невѣсту за правую руку, ходитъ съ нею по избѣ взадъ и впередъ, а сидящіе поютъ имъ слѣдующую пѣсню:

Какъ за нашимъ за дворомъ,
За зеленымъ садомъ
Растетъ трава-мурава,
Муравая шелкова.
По травинкѣ пава шла,
За павой павлинъ идетъ.
Скажи, пава, гдѣ была?
Чего, пава, видѣла?
— Я видѣла молодца
Павла свѣтъ Никитича.

— Поздравляемъ васъ, Павелъ Никитичъ, съ пѣсенкой,—говорятъ дѣвушки, обращаясь къ жениху.

— Благодарю,—отвѣчаетъ тотъ.

— Чѣмъ благодарить, лучше подарить,—замѣчаютъ ему на это дѣвушки. И женихъ долженъ дать пѣвицамъ какую-либо монету.

[1]) Это предположеніе подтверждается нижеслѣдующимъ описаніемъ свадьбы въ Самарской губ. *Ред.*

Подаривши дѣвушекъ, онъ садится съ невѣстою на лавку, а дѣвушки посылаютъ ходить по избѣ какого-нибудь парня и поютъ ему:

Не дивуйтесь, люди добры,
Я жениться хочу:
Я сейчасъ судьбу найду,
Я за рученьку возьму,
Вдоль горенки проведу,
Поцѣлую да пойду.

Въ то время, какъ поются послѣдніе четыре стиха, парень, ходящій по избѣ, беретъ за руку какую-либо дѣвушку, ведетъ ее съ собою, цѣлуется съ нею, садится на свое мѣсто, а оставленная имъ дѣвушка должна ходить по избѣ. Ей поютъ:

Не дивуйтесь, люди добры,
Я весной за-мужъ пойду:
Я сейчасъ судьбу найду
и т. д.

Повторяется только что описанное.

Бываетъ и иначе. Оставленная парнемъ дѣвушка, ходя по избѣ, сама поетъ:

Вольная пташечка канареечка
Стосковалася, сгоревалася,
Давно съ миленькимъ
Не видалася.
Кто меня любитъ,
Тотъ ко мнѣ подойдетъ.

Или:

Горенка, горенка новенькая,
Въ Горенкѣ печки муравленыя,
Печки печурочки серебряныя.
Долго-ль, долго-ль
Мнѣ по горенкѣ ходить?
Долго-ль долго-ль
Мнѣ по миленькомъ тужить?
Миленькій соскучится,
Самъ подойдетъ,
За рученьку онъ возьметъ,
Вдоль горенки проведетъ,
Поцѣлуетъ да уйдетъ.

Къ дѣвушкѣ подходитъ парень, беретъ ее за руку, идетъ по избѣ, цѣлуетъ и отводитъ на мѣсто, самъ замѣнивъ ее собою. Это продолжается до тѣхъ поръ, пока перечередуются всѣ парни и дѣвицы.

Въ другой разъ парни затѣваютъ *игру въ старосты*. Она состоитъ въ слѣдующемъ. Изъ своей среды парни выбираютъ одного болѣе или менѣе расторопнаго въ старосты, который и ставитъ всѣхъ дѣвушекъ въ рядъ, а противъ нихъ— своихъ товарищей тоже въ рядъ, такъ, чтобы противъ каждаго парня стояла дѣвушка. Затѣмъ онъ беретъ полотенце, свертываетъ его жгутомъ и выходитъ изъ избы въ сѣни. Пробывъ тамъ нѣсколько минутъ, онъ возвращается и говоритъ:

— Былъ я, братцы, во всѣхъ городахъ. Пришелъ изъ города указъ—дѣвкамъ предъ парнями на колѣнкахъ стоять.

Всѣ дѣвицы немедленно становятся на колѣни. Староста снова выходитъ изъ избы, а дѣвицы, между тѣмъ, должны стоять все это время на колѣняхъ и не говорить ни слова—ни другъ съ другомъ, ни съ кѣмъ-либо изъ кавалеровъ. Наконецъ староста приходитъ и говоритъ:

— И не стыдно дѣвушкамъ стоять предъ парнями на колѣняхъ?

Сказавъ это, онъ ударяетъ каждую слегка жгутомъ, а тѣ все стоятъ на колѣняхъ. Затѣмъ староста подходитъ къ крайнему парню и спрашиваетъ его:

— Чтó это у те (т. е. у тебя) дѣвка-то на колѣняхъ стоитъ?

— Помилуйте, ваше степенство, отвѣчаетъ тотъ: она у меня провинилась.

— Въ чемъ провинилась?

— Щей не сварила.

Староста подходитъ къ слѣдующимъ парнямъ, предлагаетъ имъ тѣ же вопросы и получаетъ въ отвѣтъ, что дѣвка за то стоитъ на колѣняхъ, что—или хлѣба не испекла, или ухватъ сломала, или постель не приготовила и т. п. Выспросивъ, такимъ образомъ, у каждаго парня, въ чемъ виновата стоящая предъ нимъ на колѣняхъ дѣвушка, староста говоритъ:

— Ну, чтó, братцы, простите вы ихъ, али нѣтъ?

— Нѣтъ, отвѣчаютъ парни.

Староста уходитъ въ сѣни, а дѣвицы все стоятъ на колѣняхъ. Черезъ нѣсколько времени онъ возвращается и снова спрашиваетъ:

— Ну, чтó? Простите дѣвокъ-то, али нѣтъ?

Если отвѣтъ послѣдуетъ отрицательный, то староста снова выходитъ изъ избы и, возвратившись, снова предлагаетъ тотъ же вопросъ. Это продолжается до тѣхъ поръ, пока парни простятъ мнимо провинившихся дѣвицъ.

— Ну, теперь поцѣлуйтесь! командуетъ староста.

Дѣвушки поднимаются, цѣлуются съ кавалерами и садятся на лавкѣ, а староста снова удаляется изъ избы и, возвратившись, говоритъ:

— Ну, братцы, былъ я во всѣхъ городахъ; пришелъ изъ города указъ—парнямъ передъ дѣвками на колѣняхъ стоять.

Парни, какъ прежде дѣвушки, становятся предъ послѣдними на колѣни и происходитъ тоже, что описано выше—при стояніи дѣвушекъ на колѣняхъ: уходъ старосты изъ избы въ сѣни, пристыживаніе парней въ стояніи на колѣняхъ предъ дѣвушками, удары жгутомъ по спинѣ и спрашиваніе, за какую провинность парни преклонили свои колѣни предъ прекрасными дѣвицами. Одна изъ нихъ говоритъ, что парень дровъ не купилъ, а потому печь топить нечѣмъ; другая—парень муки не заготовилъ, хлѣбы не изъ чего приготовить; третья—парень сильно пьетъ; четвертая—кочергу не снесъ въ кузницу для починки и т. п. Затѣмъ повторяются вопросы о томъ, простятъ-ли дѣвицы парней, или нѣтъ; словомъ, повторяется описанное. По прощеніи, обѣ стороны цѣлуются, садятся по своимъ мѣстамъ и начинаютъ пѣть пѣсни. Женихъ и невѣста не принимаютъ участія въ этой игрѣ.

Ягодка съ вишенкой
Съ поля на поле шли,
Навстрѣчу встрѣчалися.

Ягодка вишенку
Стала спрашивати:
Вишенка Назаръ (женихъ),

Сударь Михайловичъ,
Гдѣ ты былъ—пребывалъ?
— Ягодка Оксинья (невѣста),
Душа Ѳедоровна,
Во твоемъ саду.
— Что дѣлалъ ты тамъ?
— Я малинку бралъ.
— Ты во что ее клалъ?
— Въ твой платочекъ завязалъ.
— Ты куда ее дѣлъ
— Твоей мамынькѣ отнесъ.

Эта пѣсня относится къ жениху. Затѣмъ дѣвушки повторяютъ ту же пѣсню, только спрашиваетъ уже не ягодка вишенку, а наоборотъ, вмѣсто платочка поется шляпа, вмѣсто мамынькѣ—батюшкѣ. Затѣмъ слѣдуетъ поздравленіе жениха и невѣсты съ пѣсенкой безъ требованія подарить. Наконецъ, каждому кавалеру поется величаніе:

Кто у насъ холостъ?
Кто у насъ не женатъ?
А Иванъ-атъ холостой,
Василичъ-атъ не женатъ.
Время, вѣдь, тебѣ жениться,
На добра коня садиться;
Время тебѣ ѣхати
Ко тестеву ко двору,
Ко тещиному крыльцу,
Къ невѣстину терему.
На широкій дворъ въѣзжалъ,
Громкимъ голосомъ кричалъ:
Ты, дѣвица, выдь сюда.
— Я бы рада къ тебѣ вышла
Больно вѣтеръ сильно бьетъ,
Головушку, свѣты, рветъ.

Затѣмъ поздравляютъ съ пѣсенкой.

Наканунѣ свадьбы, поутру, дѣвушки *водятъ невѣсту въ баню* гдѣ раздѣваютъ ее, моютъ и парятъ вѣничкомъ, а невѣста нѣтъ-нѣтъ да и поплачетъ. Подруги невѣсты не выпустятъ ее изъ бани до тѣхъ поръ, пока она назоветъ по имени и отчеству своего жениха. Если невѣста сразу назоветъ своего нареченнаго, то впослѣдствіи надъ нею будутъ смѣяться: „вотъ-де, такая-то очень рада была, что выходила за-мужъ“, и пр. Во избѣжаніе такого нареканія, невѣсты обыкновенно уклоняются, по возможности, долго отъ отвѣта.

Предъ выходомъ изъ бани дѣвушки поютъ:

Какъ на морѣ
Сѣра уточка купалася,
На синемъ—полоскалася;
Полоскавшись,
Сѣра уточка встрепенулася,
Встрепенувшись,
Сѣра уточка возгаркнула:
Какъ мнѣ, сѣрой уточкѣ,
Подниматися?
Со крутыми бережками
Разставатися?
Прійдетъ зима—
Зима студеная,
Прійдутъ морозы—
Морозы крещенскіе,
Закуетъ-ли мать Волгу рѣченьку
Тонкимъ льдомъ,
Занесетъ круты бережки
Молодымъ снѣжкомъ...
Въ теремѣ свѣтъ Татьяна душа
Умывалася,
Бѣлилами свѣтъ Петровна
Набѣлилася,
Румянами красна дѣвица
Нарумянилась,
Во цвѣтно платье
Наряжалася,
Подъ златы вѣнцы
Собиралася.

На пути изъ бани къ дому невѣста начинаетъ *вопить*; подруги уговариваютъ ее, а она не унимается:

Не сине моречко
Всколыхнулося,
Не сѣра уточка
Съ моря поднималася;
Поднималась-то я, горькая,
Изъ новой горенки—
Изъ банюшки
Со красными дѣвушками,
Со любезными подружками..
Свѣти, мѣсяцъ,
Свѣти, звѣзды,
Просвѣти пути-дороженьки
Вплоть до батюшкинова двора.

Возвратившись изъ бани домой, невѣста приговариваетъ:

— Спасибо вамъ, братцы, на дубовыхъ дровцахъ; спасибо тебѣ, любезная невѣстушка, Марина Ивановна, на шелковомъ вѣничкѣ, а вамъ, красныя дѣвушки, на пару — на банькѣ.

Накануне же свадьбы всегда бываетъ *дѣвичникъ*, *зватые и дары*.

Названіе дѣвичника произошло оттого, что въ этотъ разъ дѣвушки проводятъ съ невѣстою дѣвицею послѣдній вечеръ.

Около обѣденнаго времени этого дня женихъ и невѣста посылаютъ — первый мужчину, а послѣдняя дѣвушекъ-подругъ— звать каждый своихъ родныхъ и знакомыхъ на дѣвичникъ. Послы, придя къ кому-либо и помолившись Богу, обыкновенно такъ приглашаютъ, напр., приходскаго священника, къ которому обязательно заходятъ за благословеніемъ:

— Батюшка и матушка! Петръ Василичъ и Пелагея Спиридоновна (родители жениха) вамъ кланяются и просятъ на вечеринку посидѣть, пивца испить, пѣсенокъ послушать, пожалуйста, не оставьте!

Посланные отъ невѣсты просятъ отъ имени ея родителей. Когда посланники невѣсты обойдутъ всѣхъ ея сродниковъ и знакомыхъ, которыхъ заранѣе рѣшено было пригласить на дѣвичникъ, то отправляются къ жениху, просятъ его побывать на вечеринкѣ и затѣмъ у него остаются. Женихъ къ этому времени заранѣе наряжается въ рубашку, которую ему сшила невѣста къ вѣнцу. Обыкновенно невѣста отсылаетъ ее своему нареченному утромъ въ этотъ день. Посланца угощаютъ пивомъ или сыченымъ квасомъ (настой на меду) и, прокативъ нѣсколько разъ по селенію, ссаживаютъ у дома невѣсты.

Женихъ, въ сопровожденіи своихъ родителей, отца крестнаго и матери крестной, братьевъ съ ихъ женами (если, разумѣется, они женаты) и съ прочими родственниками, съ дружкою и поддружьемъ (помощникъ дружки), или — по выраженію крестьянъ—„полдружьемъ", отправляется къ невѣстѣ вечеромъ, „при огняхъ", т. е. когда стемнѣетъ и въ избахъ зажгутъ огни. Лишь только женихъ ступитъ за порогъ дома невѣсты, дѣвушки запоютъ:

Соколъ летитъ, (2)
Колоколъ звонитъ.
А ты, ласкова тещенька,
Не всполахивайся

Я къ тебѣ, я къ тебѣ
Съ небольшими гостями,—
Только со мной
Три тысячи:
Первая-то тысяча
Собирательная;
Вторая-то тысяча
Соряжательная,
А третья-то тысяча—
Я самъ съ гостьми.

Пока дѣвушки поютъ эту пѣсню, дружка, идущій впереди всѣхъ, женихъ и пришедшіе съ нимъ родственники молятся Богу и затѣмъ разсаживаются. Женихъ садится за столъ на почетное мѣсто—подъ иконы; по правую его сторону садятся сродники мужескаго пола, по лѣвую — женскаго, по степенямъ родства и старшинства, описаннымъ выше порядкомъ. Разсаживаніемъ занимается дружка, говоря: Василій Петровичъ (женихъ), изволь-ка садиться; проходи впередъ. Отецъ крестный, мать крестная, проходите: ты (отецъ крестный) вотъ сюда (указываетъ мѣсто рядомъ съ женихомъ на правой сторонѣ), а ты (мать крестная) вотъ сюда (указываетъ мѣсто рядомъ съ женихомъ на лѣвой сторонѣ) и т. д. Когда всѣ усядутся, дружка обращается къ поддружью:

— Эй ты, поддружье! Давай-ка штофъ вина, да жбанъ пива.

— Петръ Иванычъ,—обращается дружка къ родному отцу жениха,—выняй-ка каравай хлѣба, да подавай сюда!

Всѣ эти припасы жениховы сродники приносятъ съ собою.

— А ты, сватушка,—обращается дружка къ отцу невѣсты,—дай-ка мнѣ аршинчикъ (небольшой стаканъ), ни малъ и ни великъ.

— Экаси, какéи сватья-то добрѣющи,—замѣчаетъ кто-нибудь изъ невѣстиной родни:—чего только они не принесли!.. какъ есть всего!..

— Дайте-ка еще пустое ведерко,—продолжаетъ дружка: а ты, поддружье, вылей туда пиво изъ лагуна-то (жбана).

Когда подадутъ „аршинчикъ", ведро, когда перельютъ послѣднее изъ жбана пиво и когда все смолкнетъ или, точнѣе говоря, немного поугомонится, дружка наливаетъ изъ принесеннаго женихомъ штофа водки стаканчикъ, а поддружье въ другой стаканчикъ наливаетъ жениховскаго пива. Затѣмъ дружка кричитъ:

— Иванъ Иванычъ (отецъ невѣсты), иди-ка, поздоровайся (съ отцомъ жениха).

Жениховъ отецъ беретъ у дружки стаканъ съ виномъ, а невѣстинъ—стаканъ пива у поддружья; затѣмъ передаютъ стаканы другъ другу трижды, крестясь по три раза, выпиваютъ и цѣлуются также трижды. Послѣ этого вызываются родныя матери жениха и невѣсты, отецъ крестный, мать крестная и другіе сродники невѣсты по степени родства и старшинства для здорованія съ соотвѣтствующими жениховыми родственниками, и повторяется тоже самое. Когда, такимъ образомъ, всѣ невѣстины родственники перездороваются съ жениховою роднею, а вино еще осталось недопитымъ, то дружка, наливъ стаканъ виномъ, подаетъ его невѣстиному, говоря:

— Какъ хошь сватушка, а мы вино затѣмъ принесли, чтобы пить. Подноси, кому хошь.

Тутъ отецъ невѣсты обноситъ виномъ своихъ сосѣдей и кого попало, пока оно все истощится. Когда вино выйдетъ все, дружка, опрокинувъ штофъ на бокъ, а аршинчикъ вверхъ дномъ, говоритъ:

— Не обезсудьте, сватушка и свахонька, на винцѣ.—И затѣмъ присовокупляетъ:

— А ну-ка, сватушка и свахонька, выведите намъ невѣсту съ даромъ жениху.

Во время здорованія своихъ родственниковъ съ жениховыми невѣста сидитъ обыкновенно подъ покрываломъ на „конникѣ" (такъ называется близъ входной двери лавка, отъ которой идутъ вплоть до полу досчатыя загородки; такимъ образомъ, „конникѣ" представляетъ собой крытый четыреугольникъ; верхняя его доска поднимается). Тотчасъ послѣ вызова со стороны дружки, къ невѣстѣ подходятъ близкія родственницы, снимаютъ покрывало съ головы, кладутъ его ей на плечо и выводятъ къ столу, за которымъ возсѣдаетъ женихъ со своею роднею. Во время этого выхода невѣсты дѣвушки поютъ:

Не вылетай, сѣра уточка,
Изъ-за острова:
Увидитъ тебя
Младъ сизый орелъ,
Ощиплетъ тебѣ
Сизы перушки.

Подошедши къ столу и помолившись Богу, невѣста кланяется въ поясъ—жениху, на правую и лѣвую стороны, затѣмъ выпрямляется и опускаетъ глаза внизъ. Съ правой ея стороны становится поддружье съ ведромъ пива и ведромъ сыченаго кваса, а съ лѣвой — дружка, позади ея близкая родственница, держащая подносъ съ дарами. Послѣдніе состоятъ изъ рукодѣлій невѣсты, а большею частью изъ матерій, купленныхъ на взятую съ жениха „кладку". Поддружье наливаетъ стаканъ пивомъ или сыченымъ квасомъ, смотря по тому, кто что́ употребляетъ, и передаетъ невѣстѣ. Та беретъ и передаетъ прежде всего жениху, низко кланяясь. Женихъ встаетъ съ своего мѣста, беретъ изъ рукъ невѣсты стаканъ пива также съ поклономъ, затѣмъ кланяется всѣмъ сидящимъ за столомъ, выпиваетъ и пустой стаканъ возвращаетъ невѣстѣ. Она принимаетъ его, отдаетъ поддружью и, взявъ отъ стоящей позади ея родственницы подносъ съ даромъ, подаетъ его съ поклономъ жениху. Дружка въ это время причитаетъ:

— Хвалится наша невѣста своими шитыми дарами, своимъ чистымъ рукодѣльемъ; дарокъ-отъ примите, рыльце утрите, невѣсту поцѣлуйте, за дарокъ заплатите.

Женихъ беретъ даръ, утираетъ имъ свой ротъ, трижды цѣлуется съ невѣстой, кладетъ на подносъ сколько-нибудь денегъ, кланяется ей и садится на свое мѣсто. Затѣмъ дружка вызываетъ

родителей жениха, его отца крестнаго, мать крестную и прочихъ родственниковъ, которые выходятъ изъ-за стола къ невѣстѣ, принимаютъ отъ нея стаканъ съ напиткомъ и получаютъ что-либо въ даръ. Все совершается точно такъ же, какъ и при дарѣ жениха. Каждый, получившій даръ, долженъ отплатить. Когда женихова родня будетъ одарена вся, дружка выкрикиваетъ:

— А не будетъ ли подарочка дружкѣ?

И онъ получаетъ даръ, а потомъ вопрошаетъ:

— Ну, что? всѣхъ ли одарили?

— Нѣтъ,—отвѣчаютъ ему: невѣста будетъ дарить свою родню.

— Ну, это ваше дѣло,—говоритъ дружка; свое дѣло я справилъ, больше съ меня ничего не требуется, я вы—какъ хотите. А ты, невѣста, оборачивайся къ своимъ и выдаривай.

Невѣста оборачивается задомъ къ сидящимъ за столомъ гостямъ и начинаетъ такъ же, какъ и прежде, выдаривать своихъ братьевъ, сестеръ и другихъ родственниковъ, кромѣ снохъ (если, разумѣется, онѣ есть), которыхъ никогда при этомъ случаѣ не дарятъ.

Въ это время, какъ невѣста подноситъ по стакану пива или сыченаго кваса и выдариваетъ, дѣвушки поютъ:

Жениху.

Вы цвѣты-ли мои, цвѣтики,
Вы цвѣты мои лазоревы,
Васъ немножечко посѣяно,
Очень много уродилося:
Васъ три поля, васъ три чистыхъ.
Перво поле—до батюшки,
Второ поле—до матушки,
Третье поле—до суженой
Что до суженой до ряженой;
До дородна добра молодца,
До Григорія Иваныча.
Въ него дѣвица влюбилася,
Въ красавица волестилася [1]);
Во его ли щечки алыя,
Во его ли брови черныя,
Во его ли кудри русыя,
Во его ль часту походочку.

Или:

Не шелкова ниточка
Къ стѣнкѣ льнетъ;
Иванъ (женихъ) Варварушку (невѣста)
Къ сердцу жметъ.
Скажи-ка, Варварушка,
Скажи-ка, Еѳимовна,
Кто тебѣ милъ,
Кто по душѣ?
—Милъ-то мнѣ милехонекъ
Батюшка родной.
—Не правда, Варварушка,
Не истинная.

Затѣмъ дѣвушки поютъ эту пѣсню снова и на вопросъ: кто милъ, кто по душѣ?—въ пѣснѣ поется:

—Милъ-то мнѣ милёхонекъ
Иванъ сударь свѣтъ Матвѣевичъ.
—Правда, Варварушка,
Правда истинная.

Отцу жениха.

По городу по новому
Звоны пошли,
По терему по высокому
Дары понесли.

1) Въ высшей степени влюблась.

Прими мой даръ,
Свекоръ батюшка,
Прими мой даръ,
Не прогнѣвайся.
Мои дары не спасеные,
Моя свадьба не знамая [1]).

Или:

У Миколы у Святителя
Трижды въ колоколъ ударили;
У Прохора Иваныча
Трижды сердце возрадовалось:
Впервой возрадовалось—
Сынокъ родился;
Въ другой возрадовалось—
Сынокъ на возрастѣ;
Въ третій возрадовалось—
Женить собрались;
Еще сердце возрадовалось—
Невѣстушку взяли.

Матери жениха поютъ тѣ же самыя величанія,—только съ перемѣною именъ.

Женатому гостю или замужней женщинѣ поютъ:

Какъ у нашего голубя
Золотая голова,
У голубки—
Алой лентой увита.
У Ивана-то хорошая жена...
Пришелъ деверь,
Позавидовалъ снохѣ.
Кабы это да моя жена была,
Могъ бы чѣмъ
Утѣшить—воскрасить (нарядить):
Весной бы я—
Воскрашеной косой
По осени бы я—
Въ коляскѣ золотой,
А зимой-то я—
Въ новыхъ лаковыхъ саняхъ.

Или:

Въ огородѣ трава
Зеленымъ-зелена;
У Степана-то жена
Молодымъ-молода,
Молодехонька;
Точно бѣленькій груздочекъ—
Бѣлявушка.
Душка-женушка
Марьюшка,
Спороди-ка ты мнѣ сына,
Какъ ясного сокола,
Каковъ я у тебя.
Отдадимъ мы его
Въ Москву грамотѣ учить,
Мы не ради учьбы (ученья),
Ради чести-хвалы.

Или:

Какъ у рюмочки,
У серебряной
Золотой вѣнокъ.
У Еѳима-то Дементьича
Дорогой разумъ-обычай:
Гдѣ ни ходитъ, ни гуляетъ,
Ночевать домой приходитъ,
Воротечки отворяетъ,
Жену вызываетъ:
Ты встрѣчай меня, хозяйка,
Встрѣчай, молодая.
—Мнѣ и некогда встрѣчать;
Сына милаго качаю (2)
Перемѣны чаю;
Я такую перемѣну—
Сноху молодую,
Я сноху-ли молодую,
Какъ дочку родную.

Или:

Во шандальчикахъ свѣчки
Ясно горятъ,
Яраго воска отаиваютъ.
Ольга Захарьевна
По сѣничкамъ похаживаетъ,
Нянюшекъ, мамушекъ укладываетъ.
Нянюшки, мамушки,
Ложитеся спать,
Вамъ некого ждать;
А мнѣ молоденькѣ

[1]) Не особенно цѣнные подарки и не особенно извѣстная свадьба.

Всю ночь не засыпать:
Кровать убирать;
Убравши кроватушку,
Постелюшку стлать;
Постеля́ постелюшку,
Изголовьице класть;
Положивши изголовье,
Мила дружка ждать.
Погодя маленько,
Соколъ изъ-за горъ, изъ-за горъ,
Ясенъ изъ-за долъ, изъ-за долъ;
Василій-атъ на дворъ,
Спиридоновичъ на дворъ.
Онъ на дворъ-то ѣдетъ,
Дворъ-атъ веселится;
На крылечю входитъ,
Оно жиблется (трясется).
Въ сѣнички входитъ,
Сапожки скрипятъ; (2)
Двери не стоятъ,
Рѣчь говорятъ:
Гдѣ ты былъ, соколъ,
Гдѣ былъ-пребывалъ?
Гдѣ былъ, ясный,
Гдѣ былъ-пребывалъ?
—Былъ-то я, соколъ,
У тестя въ гостяхъ,
Былъ-то я, ясный,
У ласковаго.
—Чѣмъ тебя тестюшка
Дарилъ, жаловалъ?
—Дарилъ меня тестюшка
Воронымъ конемъ;
Дарила меня тещенька
Стольнымъ городомъ;
Большой шуринъ—
Черкасскимъ сѣдломъ;
Большая своячна—
Шитымъ ковромъ.

Или:

Какъ по сѣнямъ, было сѣничкамъ,
По новымъ сѣнямъ рѣшечитаимъ
Ходила, погуливала
Молода больша боярыня
Огаѳья Васильевна.
Будила, побуживала
Молодого своего барина
Петра-то Василича:
Встань-ка, проснись, баринъ мой;
Пробудись, душа-надеженька!
Случилося у насъ несчастьице:
Разыгрался у насъ добрый конь,
Поломалъ сады зеленые,
Изломалъ цвѣты лазоревые.
—Не тужи, душа Огаѳьюшка,
Не тужи, душа Васильевна.
Насъ Господь-то Богъ помилуетъ,
Господинъ-атъ царь пожалуетъ;
Надѣлитъ онъ насъ треми городами:
Первой-то городъ—Казань городокъ;
Другой городъ—Москва городокъ;
Третій городъ—Симбирскъ городокъ.
Въ Казани-то будемъ сына женить,
Въ Москвѣ-то будемъ дочь отдавать,
Во Симбирскѣ-то будемъ сами поживать.

Или:

Въ горенкѣ во но́вой, во но́вой,
Стоялъ столикъ кедровой, кедровой,
Серебряный съ бахрамой (2), [1])
Накрытъ доской золотой (2).
Алексѣй-ять господинъ (2),
Семенычъ-атъ господинъ (2),
Онъ по горенкѣ ходилъ (2),
Ко столику подходилъ (2),
Вина въ рюмки наливалъ (2),
Татьянушкѣ (женѣ) подносилъ (2),
Ѳедоровнѣ подносилъ (2):
Татьянушка, ты моя (2),
Ѳедоровна, ты моя (2),
Кушай рюмку у меня (2);
Роди сына сокола (2)
Бѣлымъ лицомъ во тебя (2),
Разумомъ во меня (2),
Отдадимъ мы сынка (2)
Грамотѣ мы учить, мы учить,
По-нѣмецки, по-французски говорить (2).

Или:

Летѣли двѣ птички
Собой не велички;
Гдѣ онѣ летѣли,
Тутъ люди глядѣли;
Гдѣ онѣ садились,
Тутъ люди дивились.

---

[1]) Циѳра 2 означаетъ здѣсь повтореніе послѣднихъ словъ въ стихѣ, тогда какъ въ другихъ случаяхъ мы обозначаемъ ею повтореніе всего стиха.

Сѣли на калинку
На саму вершинку.
Стали онѣ пѣти,
Пѣти-распѣвати
И васъ уважати.
Иванъ-атъ Сергѣичъ
По горницѣ ходитъ,
Ѳеодосью Петровну (жену)
За рученьку водитъ,
Ручку пожимаетъ,
Душой называетъ.
Душка-женушка,
Ѳедосья Петровна,
Спороди-ка ты мнѣ сына,
Какъ бѣлаго сыра.
Отдадимъ мы сына
Грамотѣ учиться,
„Вѣрую“ читати
И перомъ писати.

Холостымъ.

У сахарной яблонки
Отрасли вѣтки до сырой земли;
У прекраснаго молодца,
У Ивана свѣтъ-Иваныча,
Прилегли кудри ко бѣлому лицу,
Ко бѣлому ко румяному.
Его личико—
Точно бѣленькій снѣжокъ;
Щечки алы—
Въ саду розовый цвѣтокъ;
Брови—черны;
Взглядъ—веселые глаза;
На головушкѣ—
Кудрявы волоса...
Кто тебя споролилъ, молодца?

Или:

Намъ сказали, что Никифоръ-атъ богатъ,
Алексѣичъ-атъ богатъ:
Онъ и сотенку на сотенку считаетъ,
Милліонами по городу ссыпаетъ[1]),
Онъ и тыщами въ окошечко бросаетъ.
Изъ неволя сиротъ выпускаетъ:
Изъ неволи—невольниковъ,
Изъ острогу—острожниковъ.
За него-ли Богу молятся,
За удала добра молодца,
За Никифора Лексѣича.

Или:

Андрея-то матушка,
Митрича, сударыня,
Въ воскресенье спородила,
Въ воскресенье, во заутреню;
Пеленала лентой алою,
Первивала, приговаривала:
Ты, дитятко, Андрей сударь,
Что и милый Митріевичъ!
Ты когда будешь на возрастѣ,
Ты задумаешь жениться,
На добра коня садиться.
Ты подъѣдешь ко двору тестеву,
Ко тестеву—ко невѣстину.
Ты возъѣдешь на широкій дворъ,
Не пускай коня по́-двору:
Привяжи коня ко́ столбу,
Ко тому столбу точеному,
Ко крылечку позлащеному.
Ты взойдешь на красенъ крылецъ—
Не клади плохо плёточку:
Повѣсь плеточку на скобочку.
Ты взойдешь во новы сѣни—
Не клади плохо шапочку:
Отдай шапочку батюшкѣ.
Ты взойдешь въ высокъ теремъ—
Ты не много Богу мо́лися (=молись),
Ты пониже тестю кланяйся,
Еще ниже—своей тещенькѣ,
Въ особливицу—своячинѣ.
Выбирай свою сужену,
Выбирай свою ряжену.
Твоя сужена наряжена,
Впереди за столъ посажена,
Отъ дѣвушекъ отмѣнилася (=отличается),
Ея личко перемѣнилося,
Рѣзвы ноги подкосилися,
Бѣлы руки опустилися,
Съ плечъ головушка скатилася,
Изъ глазъ слезы покатилися.

Или:

Кто у насъ уменъ,
Кто у насъ разуменъ?
Свѣтъ Лексѣй-атъ уменъ,
Лексѣичъ разуменъ
По горницѣ ходитъ,
Въ зеркало глядится,

[1]) Дѣлаетъ милліонные обороты.

Самъ себѣ дивится:
Какой я хорошій,
Какой я пригожій!
Хорошъ уродился,
Пригожъ нарядился.
По горницѣ ходитъ,
Сапогъ надѣваетъ,
Чулокъ не мараетъ.
На коня садится,
Конь-то веселится.
Онъ плёточкой машетъ,
Подъ нимъ конь-атъ пляшетъ.
Со двора съѣзжаетъ,
Луга объѣзжаетъ,
Луга зеленые,
Травы шелковыя.
Къ саду подъѣзжаетъ,
Пташки распѣваютъ,
Дѣвушки гуляютъ,
Ворота (о)творяютъ,
Лексѣя встрѣчаютъ,
За руку примаютъ:
Поѣжжай, нашъ хорошій
Поѣжжай, нашъ пригожій...
За руки примаютъ,
За столы сажаютъ,
За столы дубовы,
За скатерти браны,
За яства сахарны,
За пойла медвяны.
Стаканъ водки наливаютъ,
На подносичкѣ подносятъ,
Его милость просятъ:
Ты, Лексѣй, сударь, выпей,
Лексѣичъ, воскушай.
— Я не пью хмельного
Вина зеленого;
Выпью-ль я, не выпью
Стаканъ водки сладкой:
Съ водки не спьянишься,
Лучше взвеселишься...

Или:

Долина, долинушка,
Раздолье широкое;
По этой долинушкѣ
Гуляетъ дѣтинушка—
Иванъ сиротинушка.
Повѣсилъ головушку
На праву сторонушку;
Опустилъ онъ очи ясны
Въ мать сыру землю.
Увидала его матушка
Съ высокаго терема,
Изъ красна́ окошечка.
—Что ты, мое дитятко,
Что ты, мое милое,
Не весело ходишь?
Не смѣло ступаешь?
—Родимая матушка,
Къ чему веселитися
Всѣ люди женилися,
А я у васъ, матушка,
Хожу холостъ—не женатъ.
—Женись, женись, дитятко,
Женись, мое милое.
Возьми, возьми, дитятко,
У купчика дочку
Ты ее, богатую,
Еще тароватую,
Въ дѣлѣ расторопную,
Въ рѣчахъ разговорчиву.

Свахѣ.

Ходила свахонька по́ двору,
На ней лисья шубонька до́ полу.
Правая полынька—въ тыщу рублей,
Лѣвая полынька—во́ сто рублей.
А свахонька, догадайся,
За златъ кошель принимайся;
Въ кошелькѣ казна золотая.
Отъ той казны хоть гривнёшку,
Отъ гривнешки хоть грошишка;
Тотъ грошишка ребромъ становится,
Въ стопочку норовится, [1])
Намъ, дѣвушкамъ, пригодится.

Дружкѣ.

Какъ у дружечки бородка...
За то его цари любятъ,
Господа-то почитаютъ,
На большо мѣсто сажаютъ,

1) Намѣревается попасть въ чашку.
2) Хранитель.

Слышишь-ли, дружка,
Тебѣ пѣсню поемъ,
Тебѣ честь воздаемъ,
Воеводой называемъ.
Воевода ты нашъ, воевода,
Крѣпокъ ты нашъ содержитель!..

По окончаніи пѣсни дѣвушки обыкновенно поздравляютъ съ пѣсенкой того, кому пропѣто величаніе. На „благодарю“ онѣ отвѣчаютъ:

Чѣмъ благодарить,
Лучше подарить.

Если и послѣ этого не воспослѣдуетъ вещественной благодарности, то онѣ поютъ слѣдующую ироническую пѣсенку:

Поѣхалъ Ларивонъ, сударь, воевати
На добрымъ конѣ—на коровѣ,
Со вострой саблей—со лучиной,
По дикимъ степямъ—по подлавкамъ,
За такими за звѣрями—за мышами.

Когда невѣста выдаритъ всѣхъ жениховыхъ и своихъ родственниковъ и, поклонившись сидящимъ за столомъ гостямъ, уйдетъ въ чуланъ, то ея родители угощаютъ пришедшихъ на дары ужиномъ. Дружка и теперь командуетъ. Онъ приговариваетъ:

— Гости званы, гости браны (избранные), гости возлюбленны! Полюбите у нашего сватушки и свахоньки хлѣба и соли; въ куть [1]) по лавочкѣ, отъ кута по скамеечкѣ; не всякаго на имя (т. е. не каждаго приглашать по имени), а всѣ заразъ, не всякому челомъ и низкой поклонъ... Прошу покорно, покушайте.

На дарахъ же за ужиномъ дружка приглашаетъ въ поѣздъ, кого слѣдуетъ, напр., женихова крестнаго отца, такъ:

— Иванъ Иванычъ! Прошу покорно послужить князю нареченному: съ добрымъ конемъ и сѣдломъ и со всею сбруей ратной во храбрый поѣздъ пожаловать.

Точно также онъ приглашаетъ и прочихъ поѣзжанъ. Тутъ же онъ проситъ кого-нибудь быть разносчикомъ пива, кого—стоять у воротъ и охранять ихъ и пр., словомъ, онъ назначаетъ въ это время разнаго рода чиновниковъ для дня свадьбы въ очень большомъ количествѣ и всякому найдетъ дѣло.

За ужиномъ въ этотъ свадебный моментъ подаютъ только три кушанья: холодное, горячее и курникъ (круглый пирогъ съ курицею). Первыя два кушанья уничтожаются; но лишь только подадутъ курникъ, гости тотчасъ же поворачиваютъ вилки съ ножами и ложки черенками къ курнику и, не прикасаясь къ нему, выходятъ изъ-за стола. Гостей потчуютъ преимущественно виномъ: чуть-ли не послѣ каждой ложки радушные хозяева подносятъ по аршинчику водки. Надобно замѣтить, что вино—самая необходимая принадлежность свадьбы, оно фигурируетъ на самомъ первомъ планѣ, и безъ него свадьба—не свадьба. Будь на свадьбѣ одно вино и закуска простой черный хлѣбъ съ капустой или солеными огурцами—и довольно. Послѣ будутъ говорить:

[1]) Куть, первое, почетное мѣсто подъ иконами, въ переднемъ углу.

у такого-то такъ была свадьба!... виномъ хоть обливайся... и накатились же всѣ тогда!.. Словомъ, объ этой свадьбѣ будутъ ходить только самые лестные отзывы. Но окажись на свадьбѣ хотя бы только небольшой недостатокъ въ винѣ, а разнаго рода кушанья вдоволь, въ народѣ заговорятъ: ну, что за свадьба была у такого-то! и вина-то не было: всего-то по 2—3 стаканчика поднесли; а что толку въ кушаньяхъ-то!.. Извѣстное дѣло, было бы вино... и пр.

Лишь только начнутъ ужинать,—дѣвушки запоютъ величанія:

Жениху съ невѣстой.

Во горницѣ гусли лежали,
Во новыя, во звончатыя,
Никто не взыграетъ,
Варварушку (невѣсти) не утѣшаетъ.
Ивана-то (женихъ) дома нѣтъ,
Сударика не случилось:
Онъ у тестюшки пируетъ,
У тещеньки зять столуетъ.
Теща зятя угощала,
Вина рюмку наливала,
На подносѣ подносила,
Ему говорила:
Ужъ ты пей, зятекъ,
Пьяный не напейся;
Надъ Варварушкой не изломайся,
Надъ Ефимовной не взвеличайся;
Не заставь ее тебя разувати;
У тебя, зятюшка, ноги грязны,
У Варварушки руки бѣлы,
На рукахъ-то перстни золотые,
Во перстняхъ камни дорогіе.
Бѣлы рученьки замараетъ,
Золоты перстни поломаетъ,
Дороги камни растеряетъ.

Или:

Убита дороженька бархатомъ,
Убита широкая алымъ.
Кто эту дороженьку
Торилъ, убивалъ?
Убивалъ дороженьку
Ѳедоръ, сударь,
Свѣтъ-Степановичъ,
Онъ ко тестюшкѣ
Въ гости ходючи,
Дороги гостинцы носючи.
Первой-то гостинецъ—черносливъ,
Другой-то гостинецъ—виноградъ,
А третій гостинецъ—самъ на дворъ,
Чтобы его тестюшка встрѣчалъ,
На широкій дворъ впускалъ.
Ласкова тещенька
За бѣлы руки примала,
За дубовый столъ сажала.
Чтó это за скатерти,
Чтó это за браныя?
Что это за яства за сахарныя?
Что эта за пойла за медвяныя?
Вы сборы, сборы
Авдотьи Ивановны...
Собирала дѣвушекъ
Она насъ на пиръ,
Сажала подруженекъ
Высоко-высоко,
Сама то садилась
Выше всѣхъ,
Клонила головушку
Ниже всѣхъ,
Думала думушку
Крѣпче всѣхъ.
Подумавши думушку,
Слово молвила:
Вы, подружки мои,
Вы, голубушки!
Вы придумайте
Моей больной головушкѣ,
Какъ-то мнѣ
Во чужихъ людяхъ жить?
Чужого отца
Назвать батюшкой,
Чужую-то мать
Матушкой?

Прочимъ гостямъ повторяются прежнія пѣсни.

Поужинавъ и нагрузившись виномъ, гости поднимаются съ

своихъ мѣстъ и прощаются со сватьями. Какъ только женихъ перешагнетъ за порогъ, дѣвушки запоютъ ему:

Лексѣй, сударь, воротися,
Степановичъ, воротися:
Позабылъ ты рукавички
На поличкѣ.

Считается признакомъ худого тона, если женихъ возвратится; дѣвушки осмѣютъ его.

Когда дорогіе гости выйдутъ со двора, невѣста, молчавшая весь вечеръ, начинаетъ жалобно причитать нараспѣвъ:

Сударь ты мой, батюшка,
Ефимъ Өеодоровичъ!
Лебедушка бѣлая,
Родимая матушка,
Настасья Петровна!
Что это у васъ, батюшка,
Были за люди за торговые?
Что за пиры за бесѣды?
Чего они, батюшка,
Чего торговали?
Чего они у васъ, матушка,
Чего закупали?
Не мою-ли косыньку
Они торговали?
Не мою-ли русу
Они закупали?
Свѣтъ-то моя буйная головушка
Не дочесана;
Свѣтъ-то моя руса косынька
Не доплетена;
Шелковая ала ленточка
Не доношена.
Не далъ ты мнѣ, батюшка,
Дочесать буйну головушку;
Не дала ты мнѣ, матушка,
Доплести русу косыньку;
Не дала ты мнѣ, любезная сестрица,
Александра Ефимовна,
Доносить шелковую алу ленточку.

Обращаясь послѣ этого исключительно къ сестрѣ, она продолжаетъ:

Лебедушка бѣлая,
Любезная сестрица,
Лександра Ефимовна!
Покрасуйся, голубушка,
Пока у родимаго батюшки
У Ефима Өеодорыча;
А еще-то, голубушка,
У родимой матушки,
Настасьи Петровны.
А я-то, горькая, открасовалася,
А я-то, безсчастная, отнѣжилась.

Невѣстины подруги станутъ уговаривать ее и просить, чтобы она не роняла напрасно слезъ и словъ. А та продолжаетъ:

Лебедушки бѣлыя,
Любезны подруженьки!
Не унимайте, голубушки,
Меня, горькую,
Меня безсчастную.
Какъ мнѣ, горькой,
Какъ мнѣ не плакати?
Какъ мнѣ не тужити?
Все мое сердечушко переныло,
Все ретивое переболѣло,
На васъ смотрючи.
Придетъ ко мнѣ, горькой,
Большой праздничекъ,
Выйду я, горькая,
Изъ воротъ на улицу;
Погляжу я, безсчастная,
На красныхъ дѣвушекъ,
На своихъ любезныхъ подружекъ:
Мои-то подружки
Точно макъ цвѣтутъ.
А я-то, горькая,
А я-то, безсчастная,
Какъ во-полѣ былинушка,
Горькая травынька,
Полынушка подкошеная,
Въ рядахъ подсушеная.

Обращаясь, затѣмъ, снова къ родителямъ, она причитаетъ:

Сударь ты мой, батюшка,
Сударь родимый,
Ефимъ Өеодорычъ!
Лебедушка бѣлая,

Родимая матушка,
Настасья Петровна!
Что это вы, голубчики,
На меня больно осердилися,
На чтó глядя, прогнѣвались?
Отдаете во чужи люди,
Во чужи люди въ незнамые,
Въ незнамые-незнакомые [1]).
Во чужихъ-то людяхъ
Жить надо умѣючи,
Про все разумѣючи.
Али я вамъ, батюшка,
Была не работница?
Али я вамъ, матушка,
Была не скорый посолъ?
Не слуга вѣрная?
Запоручили вы мнѣ, батюшка,
Мою буйную головушку
Великой кручиной;
Сплели вы мнѣ, матушка,
Мои бѣлы рученьки
Травою великой (павиликой?)
Подкосили вы мнѣ, батюшка,
Мои рѣзвы ноженьки
Травою особкой.
Во чужихъ-то людяхъ
Я не смѣю избою пройти,
Избою пройти—слово молвити
Я не смѣю назвать
Свекора батюшкой,
А свекровушку—матушкой,
А чужое-то чадо—
Имямъ (именемъ)-отчествомъ,
Иваномъ Матвѣичемъ.

Дѣвушки остаются ночевать у невѣсты и уже не покидаютъ ее до тѣхъ поръ, пока отвезутъ въ церковь—на бракосочетаніе.

На слѣдующій день, въ день свадьбы, невѣста встаетъ раньше всѣхъ и, умывшись и помолившись Богу, садится на лавку и снова принимается выть:

Вставайте-ка, родимый батюшка
И родимая матушка!
Сударь ты мой, батюшка,
Ефимъ Өедоровичъ;
Лебедушка бѣлая,
Родимая матушка,
Настасья Петровна!
Спалась-ли вамъ
Темная ноченька?
А мнѣ-то, горькой,
Мало спалось,
Много видѣлось.
Приснился мнѣ, горькой,
Сонъ не радошенъ,
Сонъ—крутая гора,
Крутая гора, быстра рѣка,
Быстра рѣка не забывчива.
Ходила я, горькая
По крутой горѣ, (2)
По быстрой рѣкѣ.
Потеряла я, горькая,
Трое золотыхъ ключиковъ:
Первы-то ключики
Отъ волюшки батюшкиной,
Други-то ключики
Отъ нѣги матушкиной,
Третьи-то ключики
Отъ дѣвичьей красоты.
Свѣтъ-то моя честь-хвала,
Дѣвичья красота
Русая косынька
У родимой матушки,
Настасьи Петровны;
Свѣтъ-то моя волюшка
У родимаго батюшки,
Ефима Өедорыча;
Свѣтъ-то мое сидѣньице
У родимаго братца,
У Кирилла Ефимыча,
Въ углу подъ окошечкомъ
Со красными дѣвушками.

Домашніе невѣсты и ея подруги, безпокоимые ея причитаніями, встаютъ. По требованію подругъ, невѣста снова умывается.

Сосѣди и прочіе поселяне, зная, что въ данный день имѣетъ совершиться бракосочетаніе такой-то дѣвицы съ такимъ-то, спозаранку приходятъ послушать, умѣетъ ли невѣста искусно при-

[1]) Если дѣвушка выходитъ замужъ въ другое селеніе, то прибавляетъ:

А еще больше—
На чужую сторону.

читать. Увидя кого-нибудь входящаго, напр., сосѣдку, невѣста причитаетъ:

Поди-ка, лебедушка,
Поди-ка, бѣлая,
Къ намъ, горькіимъ,
Къ намъ, безсчастныимъ,
На мою свадьбу красную.
Не прогнѣвайся, голубушка,
Что я тебя не встрѣтила
Среди пути-дороженьки,
Среди двора широкаго,
Среди крыльца высокаго,
Среди новой горницы.

Если у невѣсты нѣтъ кого-либо изъ родителей, напр., матери, то она, вставши раньше всѣхъ, будитъ своихъ подругъ и проситъ ихъ *сходить съ нею на кладбище* или, какъ говорятъ крестьяне, на „мазарки"—попросить у умершей матери благословенія на бракъ. Она причитаетъ:

Вставайте-ка, лебедушки,
Любезны подруженьки!
Сослужите службу вѣрную,
Службу вѣрную—послѣднюю:
Пойдемте-ка, лебедушки,
Любезныя подруженьки,
Со мною во чистое поле
Будить родимую матушку
Графену Петровну.

Собравшись, всѣ они молча идутъ на кладбище. Пришедши къ могилѣ матери, невѣста вопитъ:

Поднимитесь, вѣтры-сиверки,
Со крутыхъ горъ, со высокіихъ,
Раздуйте-ка матушку сыру землю
По чистому по полю.
Раскройся, матушка,
Гробова доска.
Размахни-ка, матушка,
Свои бѣлы рученьки,
Распахни полотно тонкое,
Раскрой свои очи ясныя,
Разожми уста сахарныя.
Ты промолви-ка, матушка,
Ласково словечушко,
Утѣшь мое сердечушко:
Собрать-срядить меня есть кому,
А благословить меня нѣкому.

Также точно причитаетъ невѣста, если у нея нѣтъ въ живыхъ отца, только перемѣняя „матушка" на „батюшка".

Когда, при возвращеніи съ кладбища, станутъ подходить къ дому, то дѣвушки запоютъ:

Ты рѣка ли моя, рѣченька,
Ты рѣка-ли моя быстрая!..
Течетъ рѣчка, не колыхнется,
Бѣжитъ рѣчка, не уплеснется.
Вы, крутые бережки,
Стойте, не (о)сыпайтеся.
А ты, красна дѣвица,
Марія Ивановна,
Стоишь—не улыбнешься,
Говоришь рѣчь— не усмѣхнешься.

Невѣста отвѣчаетъ на это:

Ужъ вы, люди добрые,
Подружки любезныя,
Мнѣ чему-ли радоватися,
На что глядя, веселитися?
Полна гостей горница,
Полна свѣтлая свѣтлица;
Только нѣтъ гостьюшки любимой—
Матушки родимой,
Татьяны Ивановны.
Собрать-срядить меня есть кому,
А благословить меня нѣкому.

Входя въ избу и встрѣтивъ, нпр., брата, она обращается къ нему:

Ужъ ты, братецъ,
Братецъ родимый,
Михайла Петровичъ!
Сослужи-ка мнѣ службу вѣрную,
Службу вѣрную—послѣднюю:
Ты сходи-ка на конюшенъ дворъ,
Сними съ крюку тесмяну узду,
Обротай коня вòрона.
Ты пыжжай ко Божьей церкви,
Ударь трижды въ колоколъ,
Разбуди родиму матушку.

Обращаясь, затѣмъ, къ какой-либо родственницѣ, напр., теткѣ, невѣста причитаеъ:

Лебедушка бѣлая,
Любезная тетушка,
Улита Спиридоновна!
Встрѣчай-ка, голубушка,
Меня, горькую,
Меня, безсчастную;
Встрѣчай меня
Изъ чиста полечка
Со красными дѣвушками,
Со любезными подружками.
Ходила я, горькая, во чистое поле
Будить родимую матушку.
Будила я, горькая,
Будила, безсчастная,
Своимъ громкимъ голосомъ,
Горючьми слезми,
Горючьми слезми—горячими.
Не могла я, горькая,
Не могла, безсчастная,
Разбудить свою родимую матушку,
Анисью Егорьевну.
Скрѣпила она
Свое ретиво сердечушко
Крѣпче камешка горючаго,
Не могла она мнѣ
Словечко промолвити.

Послѣ этого невѣста обращается къ ней же или еще къ какой-либо другой родственницѣ съ просьбою—простить ее за грубости, привѣтить добрымъ словечкомъ, а если это—мать, то и благословить ее; если же другая родственница, то благословить ее вмѣсто матери:

Лебедушка бѣлая,
Любезная тетушка,
Акулина Степановна!
Не стой-ка, голубушка,
Позадь людей добрыихъ;
Не попомни, тетушка,
Моихъ досадъ горькiихъ.
Не я тебѣ досаждала,
Не я тебѣ согрубляла:
Досаждалъ-то тебѣ, тетушка,
Мой глупый разумъ,
Глупый, неразумный.
Вступи-ка, тетушка,
Мѣсто родимой матушки,
Авдотьи Семеновны.
Пойди-ка ко мнѣ, горькой,
Пойди-ка ко мнѣ, безсчастной!
При эдакомъ горькомъ времячкѣ
Не покинь меня, горькую,
Не покинь меня, безсчастную,
Ни судушкой, ни сподобушкой (совѣтомъ).
Привѣть ты меня, тетушка,
Ласковымъ словечушкомъ
Вмѣсто родимой матушки,
Авдотьи Семеновны.
А еще-то, горьку,
Облагослови меня
Во чужи люди—
Въ незнакомые.
Придумай ты, тетушка,
Моей буйной головушкѣ:
Какъ-то мнѣ, горькой,
Въ чужихъ людяхъ жить?
Чужiе-то люди
Безъ вѣтра, безъ вихрю сушатъ,
Безъ краснаго солнышка
Глаза выпекутъ.

Если у невѣсты родная мать еще жива, то въ приведенномъ причитанiи „тетушка" измѣняется на „матушка".

Подругамъ невѣста причитаетъ:

Любезны мои подруженьки,
Красныя дѣвушки!
Покрасуйтесь вы
У родимаго батюшки
И у родимой матушки.
А я-то, горькая, открасовалася:
Отплела-то я свою
Мелку косыньку,
Износила я свой шелковъ косникъ.

Предъ вѣнцомъ обыкновенно сестра или какая-либо другая родственница заплетаетъ невѣстѣ косу. При этомъ невѣста причитаетъ:

Лебедушка бѣлая,
Любезная сестрица,
Катерина Васильевна!
Не расплетай, голубушка,
Мою русу косыньку;
Не раскладывай на двѣ стороны,
Не дѣли на три прядочки [1]).

Заплетанье дѣвичьей косы въ послѣдній разъ происходитъ въ чуланѣ. Выходя оттуда, невѣста обращается къ пришедшимъ зрителямъ съ слѣдующими словами:

Посторонитесь, добры люди,
На всѣ четыре стороны,
Пропустите меня, горькую,
Пропустите меня, безсчастную,
Ко столу ко дубовому,
Ко скатерти браной;
А еще-то, горькую,
Ко батюшкинымъ ногамъ
И еще ко матушкинымъ
Ко бѣлымъ рукамъ.

Отецъ ея подходитъ къ ней и приглашаетъ сѣсть за столъ на приготовленный заранѣе войлокъ, а она причитаетъ:

Сударь ты мой, батюшка,
Сударь родимый,
Леонтій Никитичъ!
Не сажай, родимый,
Меня, горькую,
Меня, безсчастную,
Впередъ подъ окошечко
За столы дубовые,
За скатерти браныя.
Не мое тутъ, батюшка, сидѣньице:
Мое-то сидѣньице
Въ углу подъ окошечкомъ
Со красными дѣвушками,
Со любезными подружками.

Обращаясь, наконецъ, къ отцу и матери вмѣстѣ, она проситъ ихъ благословить ее:

Стою-то я, горькая,
На половыхъ доскахъ,
Предъ родимымъ батюшкой
И родимой матушкой.
Не бѣлая березынька
Къ землѣ клонится;
Клонюсь то я, горькая,
Клонюсь я, безсчастная,
Родимому батюшкѣ
И родимой матушкѣ
Во рѣзвы ноги [2]).
Прошу-то я, горькая,
Прошу-то я, безсчастная,
У родимаго батюшки
И у родимой матушки
Великаго благословеньица.

Послѣ этого родители невѣсты *благословляютъ* ее иконой и хлѣбомъ съ солью. Самый обрядъ благословенія совершается такъ: съ лавки берутъ войлокъ и разстилаютъ его на полу въ переднемъ углу близъ стола; на войлокъ становятся родители невѣсты, обратившись задомъ къ иконамъ и держа въ рукахъ—отецъ икону, а мать хлѣбъ съ солью. Отецъ становится на правой сторонѣ, а мать на лѣвой. Невѣста, обратившись къ нимъ лицомъ, дѣлаетъ предъ иконою три земныхъ поклона. Когда она встанетъ, то отецъ дѣлаетъ трижды иконою крестное знаменіе надъ ея головою, послѣ

---

[1]) До замужества дѣвушки заплетаютъ свои волосы въ одну косу, а по выходѣ замужъ—въ двѣ косы, разбивая каждую на три части (пряди).

[2]) Кланяется въ ноги отцу и матери.

чего она цѣлуетъ у отца—икону, у матери—хлѣбъ съ солью, а потомъ цѣлуется трижды съ отцомъ. Затѣмъ, родители ея мѣняются предметами: отецъ беретъ у матери хлѣбъ съ солью, передавая ей икону. Невѣста снова кланяется въ землю предъ иконою трижды и получаетъ благословеніе отъ матери. Порядокъ остается тотъ же. Также точно благословляютъ невѣсту и духовные ея родители. Послѣ благословенія икону беретъ кто-нибудь изъ родственниковъ, обыкновенно отецъ крестный, завязываетъ ее въ чистую скатерть и въ поѣздѣ отвозитъ въ церковь на время бракосочетанія. Невѣста еще разъ цѣлуется со всею своею роднею, послѣ чего, въ ожиданіи женихова поѣзда, всѣ садятся, гдѣ кому придется; сама же невѣста снова принимается за причеты. Обращаясь къ брату или кому-либо изъ родственниковъ, она плачетъ:

Родимый мой братецъ,
Гаврила Лексапдрычъ!
Сослужи мнѣ службу вѣрную,
Службу вѣрную—послѣднюю:
Сходи на конюшенъ дворъ,
Сними съ крюку тесмяну узду,
Обротай коня вбропа,
Поѣзжай во темны лѣса,
Сруби бѣлую березыньку,
Загороди-ка, братецъ,
Всѣ пути-дороженьки,
Чтобы нельзя было
Ни пройти, ни проѣхати
Грубіяну—мому недругу,
Андрею Иванычу.

Приглашая мать посидѣть съ собою, она причитаетъ:

Не кукуй, кукушечка,
Позадь лѣса темнаго,
Позадь саду зеленаго.
Не стой-ка, лебедушка,
Не стой-ка, бѣлая,
Родимая матушка,
Глафира Ивановна,
Позадь людей добрыихъ.
Подойди, голубушка,
Ко мнѣ, горькой,
Ко мнѣ, безсчастной.
Раскрой, лебедушка,
Шелкову фату,
Погляди, лебедушка,
На мою красоту—
Русу косыньку
Въ первые и въ остаточки.

Или:

Лебедушка бѣлая,
Родимая матушка,
Дарья Михайловна!
Ввейся ты, голубушка,
Горькою кукушечкой,—
Прилети-ка, матушка,
Вольной пташечкой
Ко мнѣ, горькой,
Ко мнѣ, безсчастной,
Впередъ—подъ окошечко,
Послушай моихъ
Пѣсенъ горькіихъ.
Сядь-ка ты, матушка,
Ко мнѣ подъ правое крылышко,
Подумай-ка, лебедушка,
Со мной думу крѣпкую...

Мать, обнявши свою дочь, также начинаетъ причитать:

Дитятко ты мое,
Дитятко милое,
Дочка Аннушка!
Слуга моя вѣрная,
Мой скорой посолъ!
Не воркуй-ка, дитятко,
Не кукуй, мое милое,
Впереди подъ окошечкомъ
За столомъ за дубовыимъ,
За скатертью браной,
У родимаго батюшки
И меня—родимой матушки.

Накукуешься, дитятко,
Во чужихъ людяхъ,
Во чужихъ людяхъ —
Во незнамыхъ:
У чужого батюшки
И чужой матушки.

Теперь посмотримъ, что дѣлается въ день свадьбы въ домѣ жениха.

Къ назначенному времени въ домъ жениха собираются всѣ его родственники, которые должны ѣхать въ свадебномъ поѣздѣ, какъ-то: отецъ крестный (называемый *тысяцкимъ*), мать крестная, дядья съ женами, тетки съ мужьями, дружка (который можетъ быть и не родственникъ, а лишь бы только былъ расторопнымъ человѣкомъ и умѣлъ бы причитать, гдѣ что́ слѣдуетъ), поддружье, свахи съ мужьями и пр. Когда всѣ поѣзжане соберутся, ихъ угощаютъ завтракомъ и подносятъ по доброму стакану водки. Женихъ въ это время ничего не ѣстъ. Послѣ завтрака всѣ расходятся по разнымъ угламъ, а женихъ одинъ садится за столъ на заранѣе постланный войлокъ на лавкѣ. Родители его также становятся среди зрителей, наполняющихъ обыкновенно собою весь домъ и располагающихся, гдѣ только возможно. А дружка съ поддружьемъ беретъ послѣ завтрака каравай хлѣба и жбанъ пива и отправляется съ ними къ приходскому священнику, прося принять эти дары и возвѣщая этимъ самымъ, что все уже готово къ поѣзду. Дары эти отвозятся въ указанное время въ томъ лишь случаѣ, если женихъ и невѣста живутъ въ одномъ селѣ; въ противномъ случаѣ ихъ привозятъ одновременно со свадебнымъ поѣздомъ.

Возвратившись отъ священника, дружка повелѣваетъ жениху встать съ своего мѣста, отодвигаетъ столъ, снимаетъ съ лавки войлокъ, разстилаетъ его у ногъ жениха и, выпрямившись, выкрикиваетъ:

— Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ! Есть-ли у воротъ притворнички, у дверей—придвернички? Дверь притворьте, печь прислоньте!..

Сказавъ это, дружка садится на заранѣе приготовленную скамейку и, перекрестившись трижды, снова встаетъ, говоря:

— Нѣтъ-ли старухи на печномъ столбѣ? Ну-ка, я съ нею перевѣдаюсь!..[1]) При этомъ онъ сильно ударяетъ по столу ременною плеткою. Затѣмъ продолжаетъ:

---

[1]) Крестьяне до сихъ поръ твердо увѣрены, что злые люди во время свадьбы портятъ „молодуху“ чрезъ посредство какой-нибудь колдуньи или вѣдьмы. Послѣдняя, напр., можетъ въ орѣховый свищъ пустить съ извѣстнымъ наговоромъ пару блохъ и положить въ „пятку воротнюю“ предъ отправленіемъ поѣзда и этимъ попортить молодымъ; или, напр., та же колдунья можетъ пустить къ ногамъ молодымъ „наговореннаго поросенка“, когда они пойдутъ куда-либо вечеромъ во время медоваго мѣсяца. Вотъ дружка и хочетъ своимъ громкимъ голосомъ и дѣйствіемъ устранить эти непріятности.

— Нѣтъ-ли у нашего князя нареченнаго родимаго батюшки и родимой матушки? Облагословите свое чадо милое.

Родители жениха являются и благословляютъ его точно такъ же, какъ благословляютъ и невѣсту. Послѣ благословенія всѣ садятся. Спустя нѣсколько мгновеній дружка поднимается и проситъ у родителей жениха благословенія—двинуться поѣзду въ путь-дороженьку.

— Есть-ли у нашего князя молодого батюшка и матушка? Облагословите свое чадо милое встать изъ-за столовъ дубовыихъ, изъ-за скатертей шитыихъ-браныихъ, изъ-за кушаньевъ сахарныихъ, изъ-за питья медвянаго, изъ-за блюдечковъ тарельчатыихъ, изъ-за ложечекъ точеныихъ, до добра коня ступить (дойти), стать во стремя булатное, въ сѣдельце черкасское, взять въ лѣву руку тесьмянъ поводъ, во праву́—шелковую плеть, по коню ударить, по пути къ Божьей церкви подъѣхать, на бѣлымъ подножьи постоять, золотыми перстнями обмѣняться, подъ златъ вѣнецъ стать, законъ Божій принять.

— Богъ благословитъ, отвѣчаютъ родители жениха.

Получивъ благословеніе отправляться въ путь-дороженьку, дружка тотчасъ же беретъ икону, которою благословляли жениха, выходитъ съ поддружьемъ изъ избы раньше всѣхъ и встаетъ впереди всего поѣзда. Когда поѣзжане усядутся, онъ обходитъ весь поѣздъ трижды и, снова ставши впереди первой пары лошадей (обыкновенно каждая телѣга въ свадебномъ поѣздѣ запрягается парой и при томъ непремѣнно съ колокольчиками), громогласно взываетъ:

— Всѣ-ли поѣзжане сѣли по своимъ мѣстамъ, какъ ясны соколы по гнѣздамъ? И кто съ нами—садись въ сани; кто не съ нами—долой, прочь!..

Послѣ этого дружка отдаетъ икону отцу крестному жениха и самъ садится въ свою повозку. Поѣздъ трогается съ мѣста и направляется къ деревнѣ, въ которой живетъ невѣста. Особымъ шикомъ считается *свадьба съ казаками*, т. е. верховыми провожатыми, не менѣе двухъ. Ихъ обязанность состоитъ въ томъ, чтобы во время шествія поѣзда селеніемъ къ церкви и обратно выстрѣлить въ воздухъ по нѣскольку разъ изъ пистолетовъ. Доѣхавъ до деревни, поѣздъ останавливается въ полѣ—около самыхъ избъ, у околицы, а въ деревню въѣзжаетъ только дружка съ поддружьемъ, чтобы возвѣстить невѣстѣ о прибытіи поѣзда и отвезти нареченной молодой княгинѣ платье (подвѣнечный сарафанъ, если женихъ состоятеленъ) и шубу, выговоренную родителями невѣсты на смотринахъ. Если же невѣста выходитъ замужъ въ томъ же селеніи, въ которомъ и сама живетъ, то дружка съ поддружьемъ отвозятъ ей указанныя вещи незадолго передъ отправленіемъ поѣзда въ путь.

Подъѣхавъ къ невѣстину дому, дружка одинъ входитъ въ из-

бу, оставивъ поддружье въ повозкѣ. Помолившись Богу и поклонившись присутствующимъ, онъ говоритъ:

— Здоро́во живете!..

— Кто ты? Отколь?—огорошиваютъ его невѣстины сродники.

Плохой дружка, нехожалый, какъ говорятъ, конфузится и не находится, что отвѣчать на этотъ вопросъ. Тогда его, по выраженію крестьянъ, поднимаютъ на смѣхъ. А ловкій дружка отвѣчаетъ:

— Сватушка и свахонька! Не прогнѣвайтесь на насъ, что мы побезпокоили васъ. Занесла насъ неволя, Божье опредѣленье, царское дозволенье, человѣческое прошеніе. Ѣхали мы изъ-за горъ вавилонскихъ, изъ-за черныхъ морей астраханскихъ, изъ-за лѣсовъ муромскихъ. Ѣхали мы путемъ-дорогою, горами, долами, лугами, полями, темными лѣсами. Сталъ нашъ тысяцкій прозябать, меня, дружку, впередъ засылать; а дружка скоро поѣхалъ, засвисталъ, своего сватушку отыскалъ, безъ допросу воротечки отворялъ, тесовую подворотню надъ дворъ бросалъ, безъ докладу на широкій дворъ въѣзжалъ, средь широка двора становился, на красенъ крылецъ взмостился, трожды перекстился (трижды перекрестился), въ новы сѣни восходилъ, трожды молитву сотворилъ, въ высокъ теремъ восходилъ, средь мраморнаго пола становился, лику Божьему молился, всѣмъ людямъ добрымъ поклонился, сватушкѣ и свахонькѣ—челомъ, нареченной княгинѣ—низкій поклонъ. Сватушка и свахонька! Дружку встрѣтьте, цвѣтно платьице примите, дружку посадите, а нареченную княгиню нарядите, чтобы нареченная княгиня была преображена (наряжена, чисто одѣта), на княжое мѣсто посажена; а нашъ князь стоитъ во чистомъ полѣ подъ большимъ шатромъ, забавляется яснымъ соколомъ; меня, дружку, посылалъ съ отвѣсьемъ (поклономъ).

Послѣ этого монолога дружка отдаетъ дѣвушкамъ шубу и подвѣнечное платье для невѣсты. Ему подносятъ стаканъ вина, выпивъ которое, онъ прощается, уходитъ къ поддружью и съ нимъ отправляется къ жениху, возвѣщая, что у невѣсты все готово.

Лишь только дружка удалится изъ избы, невѣста запоетъ:

Что́ это были за купцы, за торговы?
Чего они привозили?
Чего они подарили?
Не мнѣ *ли*, батюшка,
Цвѣтно платьице
Они изготовили?

Когда послѣ этого станутъ надѣвать на нее привезенное дружкою подвѣнечное платье, она причитаетъ:

Лебедушка бѣлая,
Крестная матушка,
Анна Павловна! [1])
Не въ цвѣтно платьице
Меня наряжаете;
Наряжаете меня, горькую,
Наряжаете меня, безсчастную,
Въ великую кручинушку,
Въ большую обидушку.

---

[1]) Крестная именно мать всегда справляетъ это дѣло, если, конечно, жива, а за ея смертью—какая-либо родственница.

Между тѣмъ поѣздъ уже во главѣ съ дружкою двигается впередъ—къ невѣстиному дому съ крикомъ и гамомъ. Но ворота уже оказываются запертыми: ихъ запираютъ тотчасъ же по отъѣздѣ дружки къ поѣзду. Около воротъ обыкновенно становятся мужчины. Лишь поѣздъ приблизится къ воротамъ, дружка, ѣдущій въ первой повозкѣ, выходитъ оттуда и, обращаясь къ стоящимъ, говоритъ:

— Вы что тутъ стойте? Чего вамъ надо?

— А ты что пріѣхалъ? отвѣчаютъ ему.

— За суженой.

— Ишь какой ловкій! Давай-ка на штофъ; не то поворотишь оглобли-то назадъ...

— Полно вамъ обижать старика-то, сострить какой-нибудь изъ зрителей, а потомъ, обращаясь къ дружкѣ, говоритъ:

— А ты, дядя, раскошеливайся!.. А вы, олухи, чего смотрите? обращается тотъ же голосъ къ стражамъ воротъ: есть чего штофъ!.. Четверть—не меньше!..

— Смилосердуйтесь,—говоритъ дружка,—вотъ вамъ на полштофчикъ...

— Лучше и не бай, не пустимъ; меньше штофа не возьмемъ.

Начинаются торги. Обыкновенно остаются довольны тѣмъ, что́ даетъ дружка. Но если женихъ очень состоятеленъ, то стражники требовательнѣе, настойчивѣе и не такъ сговорчивы, такъ что дружка вынужденъ бываетъ уступить имъ.

Иногда ворота стерегутъ не мужчины, а дѣвушки, окружающія невѣсту въ послѣдніе дни ея пребыванія въ родительскомъ домѣ. Въ такомъ случаѣ дѣвушки стоятъ за воротами во дворѣ. Дружка подходитъ къ воротамъ и говоритъ молитву: „Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ“.—Ему не отвѣчаютъ. Онъ говоритъ молитву во второй разъ; отвѣтъ тотъ же. Онъ — въ третій разъ—и въ отвѣтъ получаетъ „аминь“. Послѣ этого дружка говоритъ:

— Сватушка и свахонька! встрѣтьте гостей.

— Сперва выкупьте ворота, отвѣчаютъ ему дѣвушки.

Дѣлать нечего, — дружка долженъ дать дѣвушкамъ нѣсколько копеекъ, напр., 15—20. Послѣ этого поѣздъ торжественно въѣзжаетъ на дворъ. Женихъ, окруженный съ лѣвой стороны свахами —„коренной“ (старшей годами) и пристяжной (младшей годами), а съ другой—дружкой, поддружьемъ и отцомъ крестнымъ, идетъ къ крыльцу, которое всегда къ этому времени бываетъ биткомъ набито зрителями. Дружка оставляетъ жениха у крыльца, а самъ отправляется въ избу *выкупать невѣстину косу*. Помолившись на иконы и отвѣсивъ поклоны, кому слѣдуетъ, онъ освѣдомляется о здоровьѣ невѣсты; потомъ подходитъ къ столу, за которымъ сидитъ невѣста. Съ ея правой стороны сидитъ мать, а съ лѣвой обыкновенно сажаютъ маленькихъ братьевъ или племянниковъ

(лѣтъ 8—10). Подойдя къ столу, дружка сильно ударяетъ по немъ заранѣе припасенною плетью и, обращаясь къ малышамъ, говоритъ:

— Вонъ изъ-за стола! Не то я васъ вотъ чѣмъ... (разумѣется—угощу, т. е. плетью).

Но, ребята, наученные заранѣе, не сдаются сразу. Они отвѣчаютъ:

— Не больно боимся: у самихъ не хуже твоей,—и при этомъ они вытаскиваютъ изъ-подъ стола заранѣе припасенную мутовку [1]). Сперва косу выкупи!.

— Дѣлать неча,—говоритъ дружка, видя, что малые не оробѣли отъ его напускной суровости:—видно, ребятишкамъ надо дать на калачишко, прибавляетъ онъ и одѣляетъ сидящихъ за столомъ ребятъ монетами мелкаго достоинства, а тѣ, получивъ выкупъ за косу, уходятъ съ своихъ мѣстъ и оставляютъ невѣсту съ одною матерью. Дружка, положивъ плеть на мѣсто, гдѣ сидѣли ребята, возвращается къ жениху.

Въ отсутствіе дружки коренная сваха, перекинувъ вокругъ шеи, черезъ оба плеча, чистое полотенце, идетъ къ той телѣгѣ, въ которой находится жбанъ съ пивомъ; наливаетъ пива въ стаканъ, предварительно положивъ въ него какую-либо монету, и отправляется на свое мѣсто, держа стаканъ въ рукѣ. Когда дружка возвратится послѣ выкупа невѣстиной косы, коренная сваха идетъ со стаканомъ пива въ избу угощать соотвѣтствующую невѣстину сваху. При проходѣ черезъ крыльцо и сѣни ее берутъ зрители за уши, но слегка, стараясь, чтобы не пролилось несомое ею пиво. Наконецъ, она входитъ въ избу, подходитъ къ невѣстиной свахѣ и проситъ послѣднюю откушать пивца. Та пьетъ, а монету отдаетъ дѣвушкамъ, которыя или хвалятъ сваху, или порицаютъ, смотря по достоинству монеты. Вотъ одобреніе свахѣ:

Сказали намъ про свахоньку,
Что блага (дурна) она благохонька,
У ней личико чернехонько;

А наша-то свахонька
Хорошимъ хорошохонька,
У ней личико бѣлёхонько.

Порицаніе состоитъ изъ тѣхъ же стиховъ, только въ обратномъ порядкѣ:

Сказали намъ про свахоньку,
Что хороша она хорошохонька,
У ней личико бѣлёхонько;

А наша-то свахонька
Благимъ благохонька,
У ней личико чернёхонько.

Угостивъ невѣстину сваху, женихова коренная возвращается назадъ къ жениху, до котораго однако добирается не скоро: на крыльцѣ ей снова приходится платиться своими ушами,—теперь ей задаютъ настоящую дёрку за уши. Это продолжается до тѣхъ

[1]) Обдѣланная гладко палка съ природными крючьями на одномъ концѣ. Женщины затѣваютъ ею блины, мѣшаютъ сметану для масла и пр.

поръ, пока она сойдетъ съ крыльца; а съ крыльца ее нарочито не пускаютъ съ тѣмъ, чтобы подрать подолѣе за уши. Наконецъ, сваха кое-какъ спрыгиваетъ съ крыльца и тѣмъ прекращаетъ терзаніе своихъ ушей.

По окончаніи этой предварительной церемоніи угощенія дружка беретъ жениха за руку и идетъ съ нимъ и прочими своими гостями въ домъ; но предъ дверью останавливается и творитъ туже молитву и столько же разъ, какъ и предъ выкупомъ воротъ. Послѣ третьяго раза получается отвѣтное „аминь“, что служитъ знакомъ того, что онъ теперь можетъ войти съ женихомъ въ избу. Выкупа за дверь не полагается. Лишь только женихъ ступитъ за порогъ, дѣвушки запоютъ:

Не было вѣтру, да навѣйнуло;
Не было гостей, да наѣхало.
Полонъ дворъ вороныхъ коней,
Полонъ сарай золотыхъ каретъ,
Полны сѣни всё князей да бояръ,
Полонъ теремъ княженецкихъ женъ,
Полонъ столъ дорогихъ гостей,
Полонъ чуланъ красныхъ дѣвушекъ.
Подломили сѣни новы,
Разломали золотую чару,
Выпугнули соловья изъ саду.
Расплакалась Лизавета душа,
Растужилась свѣтъ Петровна:
Свѣтъ-то мои сѣни по еньки,
Свѣтъ-то моя золотая чарочка,
Свѣтъ-то мой соловей въ саду!..
Кто меня по утру разбудитъ?
Подалъ голосъ свѣтъ Егоръ сударь,
Свѣтъ Захарьевичъ:
Не плачь, не тужи, Лизавета душа,
Свѣтъ Петровнушка.
Сѣни новыя поставить я велю,
Золотую чару перелить прикажу,
Вмѣсто соловья самъ разбужу.

Между тѣмъ, женихъ, вошедши въ домъ и помолившись на св. иконы, садится по правую стороны невѣсты, вмѣсто ея матери, которая удаляется. Дѣвушки поютъ:

Не соколъ залетаетъ,
Свѣтъ Андрей заѣзжаетъ,
Свѣтъ Ивановичъ.
Онъ рукой-то обнимаетъ
Татьяну Петровну.
Обнимая, приговариваетъ:
Ты не плачь, не плачь,
Татьяна душа,
Не тужи, Петровнушка!
Ужъ я дамъ тебѣ волю
Пуще батюшки родного,
Ужъ я дамъ тебѣ нѣгу
Пуще матушки родимой:
Ты, куда пойдешь, спросись;
Отколь пріидешь, доложись.
—Чтó это за воля?
Чтó это за нѣга?
Я у батюшки жила,
Безъ спросу гуляла;
Я у матушки живала,
Безъ докладу приходила.

Здѣсь должно замѣтить, что если невѣста выходитъ за-мужъ изъ своего селенія въ другое, то поѣзжанъ угощаютъ завтракомъ; если же женихъ и невѣста проживаютъ въ одномъ селеніи, то закуски не полагается. Во всякомъ случаѣ, женихъ и невѣста ничего не ѣдятъ.

Обращаясь къ невѣстинымъ родителямъ, дружка говоритъ, что пора ѣхать ко Божьей церкви. Жениха и невѣсту родители послѣдней благословляютъ указаннымъ выше образомъ.

Въ то время, какъ происходитъ описанное, одна часть *выкупаетъ невѣстину коробью съ постелью.* Нѣсколько дѣвушекъ из-

внутри, напр., въ конюшнѣ или хлѣвѣ, стерегутъ коробью невѣсты съ ея приданымъ и постель. Лишь поѣздъ въѣдетъ на дворъ, означенная часть поѣзда направляется туда, гдѣ спрятались дѣвушки, и начинаетъ стучать въ дверь; а дѣвушки поютъ:

У насъ на столѣ не кнутъ-ли?
У насъ поѣздъ-отъ не плутъ-ли?
У насъ на столѣ не лукъ-ли?
У насъ поѣздъ-отъ не глухъ-ли?
У насъ на столѣ не стклянницы-ли?
У насъ поѣздъ-отъ не пьяницы-ли?
У насъ на столѣ не мосолъ-ли?
У насъ поѣздъ-отъ не косой-ли?
У насъ на столѣ не квашенникъ-ли?
У насъ поѣздъ-отъ не мошенникъ-ли?

Поѣзжане напираютъ на дверь до тѣхъ поръ, пока изломится запоръ: въ противномъ случаѣ имъ не отдадутъ скоро коробью съ постелью. Прежде, чѣмъ отдать невѣстино приданное, дѣвушки требуютъ съ поѣзжанъ выкупъ—копѣекъ 15—20. Получивъ коробью съ постелью, поигравъ съ дѣвушками и расцѣловавъ ихъ, поѣзжане спѣшатъ *отнести на рукахъ* это въ домъ жениха и распить тамъ съ полуштофчикъ водки до пріѣзда новобрачныхъ. Если они не успѣютъ этого сдѣлать, если дружка застанетъ ихъ за водкой, та вкладываетъ каждому плетью ударъ въ спину: вотъ почему дѣвушки и стараются, насколько возможно долѣе, задержать тѣхъ поѣзжанъ, которые должны получить невѣстины коробью и постель. Само собою разумѣется, что это имѣетъ мѣсто только въ въ томъ случаѣ, когда женихъ и невѣста живутъ въ одномъ селеніи; а если невѣста выходитъ въ другое селеніе, то дѣвушки сравнительно смирнехонько поспѣшаютъ получить выкупъ и отдаютъ безъ особеннаго промедленія приданое невѣсты.

Но обратимся къ поѣзду. Послѣ благословенія жениха и невѣсты, послѣднюю выводятъ дѣвушки на дворъ, подводятъ къ повозкѣ жениховыхъ свахъ, и братъ или кто-нибудь изъ родственниковъ (мужчина), но ни въ какомъ случаѣ не женихъ, сажаетъ ее въ повозку. Когда поѣздъ тронется совсѣмъ, дѣвушки грустнымъ напѣвомъ произносятъ двустишіе.

Пріѣзжали не лапотники,
Увезли нашу башмачницу.

Уѣзжаютъ. Отъѣхавъ недалеко отъ дома невѣстиныхъ родителей, дружка возвращается къ нимъ съ поддружьемъ—звать въ гости на *горнóй столъ*, устраиваемый обыкновенно въ домѣ жениха вечеромъ того дня, когда бываетъ бракосочетаніе. Входитъ въ избу, молится Богу, кланяется и возглашаетъ:

— Сватушка и свахонька! Князь со княгиней приказали васъ въ гости звать, поклонъ отдать, челобитье справить. А нашъ князь нареченный стоитъ средь луговъ неженецкіихъ (указаніе, что бракосочетанія еще не было), стрѣляетъ гусей—лебедей про васъ, гостей званыихъ, возлюбленныхъ. Пожалуста, не оставьте! Затѣмъ прощайте!

Подъѣхали къ церкви. Женихъ подходитъ къ невѣстѣ и проситъ ее пожаловать въ храмъ. А дружка подходитъ къ повозкѣ,

на которой привезенъ жбанъ пива, наливаетъ послѣдняго въ стаканъ и подносить каждому, кто бы ни подошелъ, до тѣхъ поръ, пока не истощится все пиво.

Предъ обрученьемъ съ невѣсты снимаютъ фату, а послѣ обрученья жениху и невѣстѣ подстилаютъ подножье—обрывокъ холста, аршина въ $1^1/_2$, а невѣста кромѣ того даетъ священнику подъ крестъ и евангеліе полотенце своей работы. Подножье идетъ въ пользу псаломщика.

При самомъ окончаніи бракосочетанія причетникъ подзываетъ къ себѣ сваху, которая обыкновенно стоитъ посади невѣсты и держитъ при себѣ глубокое блюдо, наполненное орѣхами, испеченными изъ сдобнаго тѣста на сковородѣ; орѣхи покрываются сдобною же лепешкою. Эту лепешку причетникъ беретъ себѣ, а орѣхи расхватываются у свахи чуть-ли не въ драку тутъ же въ церкви парнями; нѣкорые изъ нихъ спеціально приходятъ за тѣмъ, чтобы полакомиться сдобными орѣхами, за которыми ходилъ не одинъ разъ и авторъ настоящаго описанія [1]).

Послѣ вѣнчанія молодую сажаютъ въ церкви же у западныхъ дверей на табуретъ и заплетаютъ ей волосы на двѣ косы, какъ обыкновенно носятъ ихъ замужнія женщины, и, закрывъ фатою, выводятъ изъ церкви. Свахи иногда немилосердно дерутъ волосы у молодухи,—особенно, если она угодила противъ чьего-либо желанія за своего суженаго.

Женихъ подводитъ только что полученную молодую жену къ повозкѣ и самъ сажаетъ ее туда. Поѣздъ направляется къ дому жениха. Здѣсь молодыхъ встрѣчаютъ родители послѣдняго съ иконой, хлѣбомъ и солью въ рукахъ. Лишь поѣздъ въѣдетъ на дворъ, дружка закричитъ, обращаясь къ родителямъ жениха:

— Поликарпъ Андреичъ и Татьяна Степановна! Посмотрите своихъ дѣтей: тѣхъ ли привезъ?

Съ невѣсты снимаютъ покрывало, когда она войдетъ на крыльцо, и отвѣчаютъ: „тѣхъ".

Въ нѣкоторыхъ окрестныхъ селеніяхъ привился занесенный съ чужой стороны обычай: родители жениха одѣваются въ вывороченныя наизнанку овчинныя шубы и держатъ—одинъ метлу, а другая—ухватъ; какъ-только молодая ступитъ на крыльцо, дружка говоритъ ей:

— Бойся, молодуха, новаго батюшки и новой матушки, какъ боишься вотъ этого (указываетъ на метлу съ ухватомъ).

Затѣмъ начинается благословеніе молодой четы. Обыкновенно заранѣе на крыльцѣ разстилается войлокъ; молодые трижды крестятся, трижды кланяются въ землю, трижды цѣлуютъ икону,

[1]) Очеркъ свадьбы съ натуры взятъ осенью 1879 года; быть можетъ, теперь этого нѣтъ; авторъ очерка съ того времени не жилъ и не живетъ въ селѣ Зеленцѣ.

хлѣбъ, соль и родителей жениха. Ихъ вводятъ въ домъ и сажаютъ за столъ—въ передній уголъ и подносятъ по стакану вина и сыченаго квасу. Изрѣдка соблюдается обычай—въ это время *давать молодымъ въ руки младенца* на нѣсколько минутъ, съ одной стороны, чтобы узнать, умѣетъ-ли молодая няньчить малютокъ, съ другой—пожелать этимъ, чтобы у нихъ у самихъ были дѣти. Если нѣтъ ребенка у кого-либо изъ родственниковъ, то берутъ взаймы у знакомыхъ. Каждый изъ молодыхъ долженъ дать что-либо ребенку, напр., крестикъ, поясокъ и т. п.

Чрезъ нѣсколько времени дружка встаетъ и проситъ у родителей жениха отвести молодыхъ въ подклѣть—въ постель. Благословеніе родительское получается, и дружка отводитъ молодыхъ, куда слѣдуетъ, т. е. туда, гдѣ имъ приготовлено брачное ложе. Здѣсь свахи раздѣваютъ сперва молодого, потомъ молодую, укладываютъ ихъ обоихъ на постель, желаютъ имъ добраго здоровья и оставляютъ вдвоемъ. По уходѣ молодыхъ въ подклѣть, въ домѣ начинается, какъ говорится, пиръ горой и пѣсня во всю ивановскую, кто во что́ гораздъ; особенно отличаются теперь удалью свахи и дружка.

Передъ наступленіемъ сумерокъ дружка идетъ въ подклѣть и освѣдомляется о здоровьѣ молодыхъ. Когда онъ, по возвращеніи, объявитъ, что *дѣти здоровы*, то свахи тотчасъ же отправляются въ подклѣть съ водой—„обмывать новобрачныхъ“; вслѣдъ за свахами идетъ дружка и торжественно ведетъ молодыхъ въ избу [1]).

Около этого времени къ жениху приходятъ невѣстины сродники на такъ называемый *горнд́й* или *княжд́й столъ*. Здѣсь сажаютъ за столъ всѣхъ, даже и постороннихъ лицъ, если только окажется мѣсто, и угощаютъ ужиномъ. Дружка и теперь не прекращаетъ своей дѣятельности, а подъ сильнымъ вліяніемъ Бахуса кричитъ во всё горло:

— Есть-ли у нашего князя молодого и княгини молодой гвоздари и поддатчики (виночерпія?) Давайте намъ пива двоёнаго, или троёнаго; нѣтъ троёнаго—давайте простого, только безъ простою (не скисшагося, не безвкуснаго); гдѣ хошь, бери, а на столъ давай, а нѣтъ пивца, столкну съ крыльца...

---

[1]) Дружка и здѣсь не обходится безъ присловья,—и здѣсь онъ складно приговариваетъ. Такъ, прося у родителей жениха благословенья отвести молодыхъ въ подклѣть, онъ говоритъ: „Сватушка и свахонька! Облагословите дѣтей во чисто поле ѣхать, черну пашенку вспахать, уставить сошку, поднять заложку“. Залогомъ, залежью называется ни разу не воздѣланная земля, дѣвственная почва, выражаясь фигурально. Поэтому послѣднія слова причета дружки содержатъ въ себѣ указаніе на чистоту, непорочность, цѣломудренность невѣсты.—О здоровьѣ молодыхъ вечеромъ онъ возвѣщаетъ такъ. „Дѣти здоровы, дѣло исправилось; дружка идетъ, вѣсточку несетъ: поросеночекъ два яичка снесъ, курочка съ обновочкой пришла. Добрый молодецъ залогъ поднималъ, коня вопотилъ, въ томъ желобочкѣ напоилъ“.

По этому требованію дружки на столѣ являются разныя „кушанья сахарныя и пойла медвяныя". Дружка угощаетъ присутствующихъ точно такъ же, какъ и на дарахъ, перемѣняя только названія сватушки и свахоньки на князя молодого, княгиню молодую и княжаго отца и матери:

— Гости званы, гости браны, гости возлюбленны! Полюбите хлѣба и соли у нашего князя молодого и княгини молодой, у княжаго отца и матери. Въ кутъ по лавочкѣ, изъ кута по скамеечкѣ; не всякаго на̀-имя, а всѣхъ за-разъ; не всякому челомъ и низкой поклонъ. Прошу покорно, покушайте!

Въ этотъ вечеръ молодые должны угостить каждаго гостя стаканомъ пива или вина. Дружка наливаетъ стаканъ тѣмъ или другимъ напиткомъ и, подавая гостю, говоритъ:

— Кланяется князь молодой со княгиней молодой ковшомъ съ медкомъ, низкимъ поклономъ (или: ковшомъ съ пивцомъ, головой съ челобитьемъ), а я, дружка, своей буйной головой, не о рублѣ, не о полтинѣ, а о золотой гривнѣ, а отъ золотой гривны — чѣмъ Богъ послалъ. Намъ денежки надобны: молодой на шильце, на мыльце, на зеркальце, на банное построеніе, на голики, на вѣники, на окатнички [1]... Стопочку (стаканъ) примите, пивца (винца, медку) воскушайте, донышко посеребрите, молодыхъ надѣлите.

Во время этого причитанія молодые лежатъ ницъ передъ угощаемымъ гостемъ и не встаютъ до тѣхъ поръ, пока онъ опорожнитъ стаканъ; а гость долженъ посеребрить донышко стакана какою-либо монетою. Нѣкоторые изъ шутниковъ, взявъ отъ дружки стаканъ и немного отпивъ, говорятъ: „а пивцо-то что-то горьковато... Нельзя-ли тово... подсластить". Молодые должны встать и подсластить горькое пиво, т. е. поцѣловаться, послѣ чего снова падаютъ ницъ передъ гостемъ. А этотъ шутникъ между тѣмъ чванится и нарочно медлитъ выпивкой, заставляя молодыхъ подслащивать одинъ и тотъ же стаканъ раза 3—4. Все бы это ничего, только досадно бываетъ, когда шутникъ платится скупо: отвѣситъ копѣечку или пятакъ на ассигнацію ($1^1/_2$ коп.),—вотъ тутъ съ нимъ, что хочешь, то и дѣлай... А впередъ узнать нельзя!..

На другой день молодые съ родственниками отправляются къ родителямъ новобрачной, обыкновенно утромъ,—*на блины*. Невѣстина мать печетъ блины, готовитъ яичницу и угощаетъ на славу своего молодого зятюшку, чтобы онъ всегда былъ благосклоненъ къ ея дочери.

Послѣ этого свадебное гульбище продолжается дня два или три, а затѣмъ все входитъ въ свою колею и совершаетъ свой путь обычнымъ порядкомъ коловращенія.

---

[1]) На заячью лапку, на дѣвичью ранку.

Такъ совершается свадьба у болѣе или менѣе зажиточныхъ крестьянъ. Въ случаяхъ нужды всѣ обряды сокращаются. Особенно это надобно сказать о такъ называемыхъ *самокруткахъ*. Этимъ именемъ называются тѣ свадьбы, которыя совершаются какъ бы негласно, безъ посторонней публики, при однихъ только свидѣтеляхъ—поручителяхъ. Нельзя сказать, чтобы это происходило оттого, что женихъ беретъ за себя дѣвушку противъ воли своихъ родителей, или послѣдняя уходитъ тайно отъ своихъ за любимаго парня. Нѣтъ, это почти всегда дѣлается съ вѣдома и согласія родителей обѣихъ сторонъ; а дѣлается это во избѣжаніе предсвадебныхъ расходовъ, съ цѣлью справить только вторую половину брачнаго торжества. Для отвода же глазъ, какъ говорятъ, и для успокоенія совѣсти дѣлается примиреніе между двумя якобы враждующими сторонами. Въ послѣднее время самокрутки исчезаютъ совершенно.

Въ своемъ описаніи сельской свадьбы мы привели далеко не всѣ пѣсни: ихъ такъ много, что изъ нихъ можно бы составить порядочный сборникъ; мы ограничились приведеніемъ только немногихъ пѣсенъ, обративъ главнымъ образомъ вниманіе на причитанья невѣсты и причёты дружки.

Пр. В. Е—ій.

II.

Описаніе свадебныхъ обычаевъ и обрядовъ въ Бузулукскомъ уѣздѣ Самарской губерніи [1]).

1. *Сватовство; „кладка"; дары.*

Раннимъ утромъ, преимущественно до восхода солнца, чтобы, въ случаѣ отказа, сватовство осталось въ тайнѣ, къ родителямъ дѣвушки, вошедшей въ возрастъ, невѣсты или „проневѣстившейся", какъ говорятъ здѣсь,—являются сватъ и сваха.

Сватъ, въ ознаменованіе своего значенія, подпоясанъ бѣлымъ „утиральникомъ" (полотенцемъ), съ вышитыми цвѣтными нитками концами, въ роспускъ. Полотенце это загодя заготовляется въ семьѣ парня, котораго задумали женить, и вышивается всѣми имѣющимися въ распоряженіи цвѣтами и узорами, ярко, пестро и замысловато.

---

1) Запис. въ с. Троицкомъ.

Сватъ и сваха, войдя въ избу, молятся на образа, кланяются, и между сватомъ и хозяиномъ или —за отсутствіемъ на лицо такового—хозяйкою происходитъ такой разговоръ:

— Здравствуй, хозяинъ съ хозяйкою! А мы къ вамъ въ гости.

— Что же, милости просимъ!—отвѣчаютъ имъ.—Садитесь на лавочку.

— Намъ бы не на лавочку, а лучше бы подъ маточку!—говоритъ сватъ и, хотя противорѣчія на сіе и не полагается, все же ждетъ приглашенія сѣсть подъ „маточку".

— Ну, садитесь хоть подъ маточку!

Маткой, какъ извѣстно, называется толстый брусъ потолка, пересѣкающій избу поперекъ и служащій основаніемъ досчатаго настила потолка.

Хотя бы парень, за котораго пришли сватать, вовсе не подходилъ подъ стать невѣстѣ и для родителей таковой вовсе не былъ желательнымъ, но сватамъ сѣсть „подъ маточку" отказывать не принято; это былъ бы черезчуръ рѣзкій и высокомѣрный отказъ, равносильный изгнанію сватовъ съ позоромъ и со стыдомъ.

Сватъ и сваха садятся на лавку такъ, чтобы брусъ, называемый маткою, находился надъ ними и между нихъ.

Очередь говорить теперь за свахой.

— Вотъ руки озябли,—говоритъ она, потирая руки. Это такъ установилось, что эту фразу говорятъ и лѣтомъ; надо полагать, вслѣдствіе того, что большинство свадебъ совершается зимою, въ Рождественскій мясоѣдъ.

— Вотъ, погрѣйте объ печку,—говоритъ хозяйка.

— Погрѣть бы, да не объ печку, а объ вашу дочку!—говоритъ сваха.

— Наша дочка еще молода да зелена, куда ужъ тамъ!—церемонится по положенію мать невѣсты.

— Ничего,—перебиваетъ сваха:—и зеленую купимъ! У насъ купецъ на вашъ товаръ находится!

А въ иныхъ случаяхъ говорятъ:—У васъ курочка водится, у насъ пѣтушокъ,—не сойтись ли имъ въ одинъ хлѣвушокъ?

— Дѣло-то такое,—раздумчиво говорятъ родители: — покажется ли нашъ товаръ купцу, да и купецъ-то по товару ли... Посмотримъ!

Этимъ обыкновенно и кончается первый подходъ сватовъ.

— Ну, коли такъ, прощенья просимъ! Потомъ поглядимъ!—говорятъ сваты, кланяясь въ поясъ и уходятъ.

Если родители невѣсты намѣрены совсѣмъ отказать, то говорятъ, что „товаръ-де въ продажу не вышелъ", но сваты,—такъ или иначе имъ отвѣтятъ,—разговора далѣе не ведутъ, а уходятъ и приходятъ вторично въ этотъ же день, но когда совсѣмъ уже

смеркнется. Садятся опять подъ матку. Тутъ разговоръ ведется ужъ въ болѣе откровенной формѣ. Обыкновенно, сватъ начинаетъ такъ:

— Вы ужъ насъ далече не ведите... Коли думано—по рукамъ давайте, коли не думано—гнѣваться нельзя!... Купецъ-то—ой—не плохъ!..

Если со стороны невѣстиной слѣдуетъ согласіе, то отвѣчаютъ такъ:

— Ужъ видно судилъ Господь породниться, сватушки!

Сваты кланяются, имъ отвѣчаютъ тѣмъ же. Мать невѣсты зажигаетъ передъ образами свѣчу или лампаду и начинаютъ сообща молиться. Затѣмъ опять усаживаются, и разговоръ ведется о „*кладкѣ*", т. е. сколько женихъ даетъ за невѣсту денегъ.

Жениховская кладка, разумѣется, бываетъ разная, по состоянію, но у богатыхъ не превышаетъ 50 р., и у бѣдныхъ весьма рѣдко бываетъ ниже 10 р. На обязанности сватовъ лежитъ выговорить изъ этихъ денегъ „дары" жениховой роднѣ. Обыкновенно жениховому отцу—рубашку и штаны, матери—сарафанъ или хотя только рукава ситцевые къ рубашкѣ, станъ, которой шьется изъ холста, брату жениха—рубаху, сестрѣ—платокъ, если дѣти есть у брата или сестры жениха, то и имъ по поясу или платку; притомъ и себя сваты не забываютъ и выговариваютъ: сватъ—нѣсколько полотенцевъ, сваха—платокъ, полотенце или рукава.

А родители невѣсты кромѣ обусловленной уже „кладки", состоящей исключительно изъ денегъ, выговариваютъ, шубу невѣстѣ, башмаки, валенки, войлоковъ на постель; подушки же, одѣяла (по здѣшнему „шепталки" названіе, вѣроятно, произошедшее отъ того, что такъ какъ всѣ спятъ въ одной избѣ, то, въ случаѣ какого разговора между мужемъ и женою, который имъ не желательно, выдавать передъ другими, разговоръ этотъ ведется ночью подъ одѣяломъ, укрывшись съ головою), а также „дерюги", т. е. простыни—приносятъ невѣсты.

Ужъ отъ щедрости невѣстиныхъ родныхъ зависитъ посулить „на поклонъ", т. е. на первое посѣщеніе молодыхъ на другое послѣ свадьбы утро,—принести барана или овцу. Богатые, конечно, даютъ не одну, а десять и больше.

Этимъ удачное сватовство и заканчивается.

Въ случаѣ же отказа, намекъ на который сдѣланъ еще при первомъ посѣщеніи сватовъ, имъ говорятъ такъ:

— Спасибо за честь, да товаръ-то къ продажѣ не дошелъ. Дочка молода еще. Не судьба видно! Не обезсудьте и не гнѣвайтесь!.. и т. п.

Но, получивъ такой отказъ, сваты приходятъ и еще, въ третій разъ, на другой день рано утромъ. Это уже пустая формальность, такъ какъ сваты никакой надежды не имѣютъ, и почти что никогда не случается, чтобы третье посѣщеніе имѣло результатъ желательный; но все-таки приходятъ и выслушиваютъ опять то же,

что и при второмъ „всходѣ“, и послѣ этого уже сватовство считается не состоявшимся.

2. „Запой“.

На другой день послѣ состоявшагося сватовства въ обоихъ семьяхъ съ ранняго утра готовятся къ запою. И тѣ, и другіе закупаютъ „вина“, т. е. водки, жарятъ баранину, пекутъ лапшовникъ, блинчики, „маковцы“, аладьи, яичницу и т. п. снѣдь, послѣ чего въ домѣ какъ жениха, такъ и невѣсты собираются родичи обѣихъ сторонъ. Сначала идутъ родные жениха, всѣ вкупѣ, но безъ него, къ роднымъ невѣсты и несутъ съ собою водку и все заготовленное съѣдобное. У жениха же тѣмъ временемъ собираются товарищи его, холостые парни. Женихова родня, прійдя къ невѣстиной, усаживаетъ ту за столъ, а сами, отнюдь не садясь, начинаютъ потчевать тѣхъ принесеннымъ съ собою виномъ. Первый стаканъ водки подносится родителю невѣсты сватомъ, при чемъ тотъ, принимая стаканъ, относится къ родителямъ жениха и проситъ ихъ не обижать его дочь, когда она войдетъ въ ихъ домъ, жалѣть ее, не обременять непосильной работою и т. п., и когда затѣмъ выпиваетъ вино, тутъ невѣста должна начать „голосить“ или „выть“, т. е. плакать и причитывать:

Заунывны ударили колокола,
Ударилъ мой батюшка
По бѣлымъ рукамъ,
Пропилъ меня, горькую,
Въ чужіе люди, незнамые,
Незнамые, незнакомые.
Гуляла я, проклажалася
Во красныхъ дѣвушкахъ
Со милыми подружками...
Отжилася я, отнѣжилась
У своего кормильца-батюшки,
У своей кормилицы-матушки...

Вопитъ она и, кончивъ, плачетъ, хотя безъ словъ, но обязательно громко, навзрыдъ и съ „воемъ“. Родные ея угощаются, родные жениха подносятъ. Дѣвушки же, подруги невѣсты, все это время просидѣвъ около нея, тутъ всѣ гурьбой уходятъ въ домъ къ жениху.

Женихъ и всѣ его товарищи, увидя ихъ, прячутся за печь или въ чуланъ, въ избѣ остается лишь одна какая-нибудь старушка, родственница жениха. Дѣвушки входятъ и заявляютъ, что невѣсту уже „пропили“, и просятъ показать жениха.

— Пропили, нѣтъ ли—мы не знаемъ, а вы, дѣвоньки, докажите!—говоритъ имъ старушка. Тутъ дѣвушки поютъ:

Во бору ли сосенка стояла,
Зеленая, кудрявая стояла,
Около сосенки дороженька лежала,
По той стежкѣ, по дорожкѣ сестра брата провожала,
Проводивши въ сыромъ бору заночевала,
Подъ зеленой сосенкой ложилась спать.
Тутъ ѣхалъ удалъ-добрый молодецъ
Свѣтъ (имя и отчество жениха),
Хотѣлъ сосенку сѣчь-рубить...
Не сѣки, не руби въ сыромъ бору сосенку,
Не для тебя сосенка сажена,
Не для тебя зеленая взрощена,
Уродилась для тебя красна дѣвица-душа
Свѣтъ (имя отчество невѣсты)

— Поздравляемъ васъ съ пѣсенкой! Ну, покажите же намъ жениха!—говорятъ дѣвки.

Тутъ изъ-за печи или изъ чулана выходитъ одинъ изъ парней, но не женихъ, и старуха говоритъ дѣвушкамъ, что это женихъ. Парень цѣлуется со всѣми дѣвушками поочередно и отходитъ въ сторону, тогда дѣвушки заявляютъ, что это, значитъ, не женихъ (котораго онѣ, конечно, отлично знаютъ), и просятъ опять показать жениха. Такъ поочередно и съ тою-же церемоніей появляются одинъ за другимъ всѣ парни и цѣлуются съ дѣвками, и, наконецъ, послѣднимъ выходитъ самъ женихъ. Онъ съ дѣвушками не цѣлуется, а кланяется имъ „во поясъ". Дѣвушки объявляютъ ему, что невѣсту уже пропили, и тутъ-же просятъ у него лошадей кататься.

Лошадей у жениха заранѣе должно быть заготовлено достаточное количество. Онъ посылаетъ парней запрягать, а самъ усаживаетъ дѣвокъ за столъ и угощаетъ ихъ вмѣстѣ со старухою всѣмъ, что на ихъ долю оставлено. Послѣ того садятся всѣ, смотря по времени года, въ телѣги или сани, дѣвки и парни вмѣстѣ, во главѣ съ женихомъ, и катаются по селу съ пѣснями. (Болѣе употребляемыя пѣсни, не составляющія чего-либо обязательнаго а поющіяся въ разбивку,—прилагаю отдѣльно). Уѣзжая кататься, они должны обязательно проѣхать мимо дома невѣсты, что служитъ сигналомъ для пирующихъ тамъ вставать и отправляться въ домъ къ жениху. Невѣста остается дома съ какою-нибудь старушкою. Родные всѣ въ домѣ жениха опять начинаютъ пить и гулять—и опять на счетъ жениховой родни.

Парни и дѣвки, накатавшись, ѣдутъ къ невѣстѣ, парни высаживаютъ дѣвокъ, а сами уѣзжаютъ къ жениху и стараются пріѣхать туда не ранѣе, какъ тамъ отпируютъ уже.

Когда дѣвки приходятъ къ невѣстѣ, она опять плачетъ и голоситъ:

Вы пойдите, мои милыя подруженьки,
Къ моему ко горю горькому,
Къ моему ко горю великому.
Не прогнѣвайтесь, мои милыя,
Что не вышла я, васъ не встрѣтила
Среди пути-дороженьки,
Среди двора широкого,
Среди сѣней новыихъ,
Только встрѣтила я, горькая,
Среди свѣтлой горенки.
Вы послушайте, мои милыя,
Что я вамъ буду сказывать,
Что я вамъ буду приказывать:
Вы сидите, мои милушки,
Вѣкъ во красныхъ дѣвушкахъ
У своихъ кормильцевъ-батюшковъ
И чешите свои буйны-головушки
Вы все гладехонько,
Плетите русы косыньки
Вы ихъ все милехонько...
А я то, горькая, несчастная,
Отсидѣлась въ красныхъ дѣвушкахъ,
Отчесала свою буйную головушку,
Отплела свою русу косыньку...

Дѣвушки утѣшаютъ ее и сидятъ съ нею до прихода ея родныхъ отъ жениха. Этимъ, собственно, „запой" и кончается. Родные всѣ расходятся по домамъ, остаются родители и дѣвки и готовятся къ первому пріему жениха на „вечёрку".

3. *„Вечёрки“*.

Когда все готово къ пріему, дѣвушки идутъ гурьбой, но безъ невѣсты, за женихомъ.

— Милости просимъ къ нашей невѣстѣ въ гости васъ и съ товарищами вашими!—говорятъ онѣ ему, и всѣ вмѣстѣ идутъ къ невѣстѣ.

Невѣсты въ избѣ нѣтъ. Женихъ съ парнями здоровается съ родителями ея и садится въ сторонку. Входитъ невѣста, кланяется жениху и садится у стола. Тогда женихъ подходитъ, цѣлуетъ ее и садится за столъ рядомъ съ нею.

Тогда дѣвки поютъ имъ:

Какъ у голубя золотая голова,
У голубушки-свѣтъ серебряная.
У (имя и отчество жениха) невѣста хо-
(Имя) свѣтъ (отчество). [роша—
Какъ ему большіе братцы завидовали:—
Кабы у меня, молодца, такова жена была,
Я бы этаку жену не билъ, не ругалъ,
Не билъ, не журилъ,
Чаемъ, кофеемъ поилъ,
Во каретушкахъ возилъ,
А зимой-то, зимой я во санкахъ, въ санкахъ,
Во санкахъ, во саняхъ, да на парѣ лошадяхъ!
Пріударьте вы, ребята! Пріударьте, молодцы,
Пріударьте, молодцы, чтобы кони лучше шли,
Чтобы кони лучше шли, мою барыню везли!..
Моя барыня—свѣтъ (имя отчество невѣсты).

Женихъ говоритъ:

— Спасибо на той, другую запой!

Дѣвушки еще поютъ:

Убита дороженька бархатомъ,
Убита широкая алыимъ.
Кто эту дороженьку убивалъ?
Убивалъ дороженьку (имя отчество жениха)
Онъ ко тестюшкѣ ѣздючи,
Дороги подарки возючи,
Первый подарокъ—чай сахаръ,
Другой подарокъ—весь приборъ,
За приборомъ—самъ во дворъ.
Его тестюшка встрѣчаетъ,
За бѣлы руки примаетъ,
За дубовый столъ сажаетъ,
Чаемъ, кофеемъ угощаетъ,
Своей дочкою даритъ.
— Береги подарокъ, не теряй
И въ обиду не давай.
Не напивайся до пьяна.
Не заставляй ее раздѣвать,
Не заставляй ее разувать,
Моя дитятко нѣжная,
У ней рученьки бѣлыя,
Золоты перстни дорогіе!
А зять до пьяна напился,
Онъ заставилъ раздѣвать,
Онъ заставилъ разувать,
Бѣлы рученьки замарать,
Золоты перстни сломать,
Дороги камни растерять.

По окончаніи пѣсни невѣста подноситъ жениху стаканъ „вина“; женихъ выпиваетъ и на дно стакана кладетъ деньги для дѣвушекъ. За нимъ угощаютъ его товарищей, и они кладутъ, кто имѣетъ, деньги (кто двѣ, кто три, рѣдко кто больше, копѣекъ)—дѣвушкамъ же.

Тутъ вечерка принимаетъ видъ обыкновенной вечеринки: парни и дѣвушки поютъ пѣсни, пляшутъ „чижика", „сѣни", „что шумитъ, что гудитъ" и „кандрель" (занесенный изъ города) и, вообще, веселятся. Не поютъ и не пляшутъ только старики и женихъ съ невѣстой. Такъ продолжается до полночи, послѣ чего всѣ расходятся по домамъ. Вечерки продолжаются дня два или три, смотря по состоянію семей.

На другой день утромъ въ домѣ невѣсты собираются дѣвушки и приглашаются нѣсколько молодухъ, т. е. недавно вышедшихъ замужъ женщинъ, которымъ вручается нѣсколько концовъ холста или ситцу, и онѣ съ пѣснями идутъ къ жениху *рубахи кроить*. Въ домѣ жениха ихъ ждетъ угощенье. Угостившись, молодухи выкраиваютъ нѣсколько рубахъ, а дѣвушки прыгаютъ по лавкамъ, пробуя, крѣпки-ли лавки у жениха. Накроивъ рубахъ и испробовавъ лавки, идутъ къ невѣстѣ и тутъ до вечера работаютъ: шьютъ на жениха и невѣсту; вечеръ заканчивается обыкновенной вечеринкой.

На третій день дѣвки опять идутъ къ жениху за вѣникомъ и мыломъ—*невѣсту въ баню вести*. Тутъ ихъ опять угощаютъ, вручаютъ кусокъ мыла и вѣникъ, который онѣ украшаютъ цвѣтами, лентами и лоскутьями, носятъ по селу съ пѣснями и пляской.

Вѣникъ, въ этихъ случаяхъ, пріобрѣтаетъ названіе „дѣвичья краса". Женихъ выѣзжаетъ къ нимъ на лошадяхъ и катаются по селу съ пѣснями, крикомъ и хохотомъ, потомъ опять до вечера шьютъ у невѣсты, а вечеромъ опять вечеринка. Такимъ образомъ, проходятъ три, четыре, а у богатыхъ и всѣ семь дней въ вечеркахъ.

4. *Канунъ свадьбы.*

Утромъ дѣвушки ведутъ невѣсту въ баню. Возвратясь изъ бани, невѣста благодаритъ отца съ матерью за баню, причитывая:

Спасибо тебѣ, батюшка,
Спасибо тебѣ, матушка,
На парѣ, на банюшкѣ,
На шелковомъ вѣничкѣ,
На мылкомъ щелокѣ.

Потомъ обращается къ подругамъ:

Не обезсудьте, мои милыя,—
Не сама я банюшку топила,
Не сама я ее приготавливала,
Истопила родна матушка,
Приготавливала невѣстушка (жена брата).

Ее сажаютъ на стулъ и *плетутъ ей косу*. Она подзываетъ свою любимую подругу и обращается къ ней:

Милая (имя-отчество),
Возьми частый гребешочекъ,
Причеши мою буйную головушку
Послѣдній разочекъ!
Заплети мою русу косыньку
Съ корня-тугохонько,
Съ середочки—милехонько,
Въ конецъ вплети ленту алую,
Запри ее замочкомъ,
Забрось ключъ въ быстру рѣченьку,
Чтобъ не нашли мои разлучники!..

Дѣвушки, плетя косу, поютъ ей:

Затрубили трубоньки ранымъ-рано на зарѣ
Заплакала (имя невѣсты) по русой косѣ:—
Коса-ль моя, косынька, коса-ль моя русая,
Нынче тебя, косыньку, дѣвоньки плели,
По утру ранешенько сваха расплететъ,
Раздѣлитъ косыньку на шесть долей,
Положитъ косыньку вокругъ головы,
Надѣнетъ на косыньку кривой волосникъ,
На кривъ волосникъ—шелкову фату
На шелкову фату—красную кичу...
Такъ тебѣ, косынька, вѣкъ вѣковать,
А мнѣ съ тобой, русою, горюшко мыкать!..

Послѣ этого садятся обѣдать; невѣсту сажаютъ въ переднiй уголъ; подруги потчуютъ ее, говоря:

— Покушай (имя отечество) хлѣба, соли у батюшки въ остальный разокъ!..

Но невѣста молча кланяется и плачетъ. Она ничего не ѣстъ. Послѣ обѣда невѣста въ причитыванiяхъ благодаритъ всю родню, какъ-бы за всю свою прежнюю, дѣвичью жизнь и какъ бы прощается:

Спасибо тебѣ, батюшка,
Спасибо тебѣ, матушка,
Спасибо вамъ, братенники,
Спасибо снохушкѣ,
Спасибо и золовушкамъ
За хлѣбъ, за соль,
За житье за милое!..

Обращается къ дѣвушкамъ.

Не взыщите, мои милыя,
Какой хлѣбъ-соль случилася!..
Не сама я припасала,
Не сама я приготавливала.
Припасалъ родной батюшка,
Приготавливала родимая матушка
Подавала снохушка.

Тутъ къ ней подходитъ мать ея и причитываетъ:

Отгостилась наша гостюшка,
И не годъ тебѣ жить, не недѣлюшку,
А послѣднiе часы, минуточки...
Ужъ прости ты, моя доченька,
Можетъ чѣмъ тебя я пообидѣла,
Можетъ чѣмъ тебя я прогнѣвала,..
Ты спроси, моя доченька,
Каково жить въ чужихъ людяхъ:
Въ чужихъ людяхъ—жить умѣючи,
Въ чужихъ людяхъ жить труднехонько...
Куда пойдешь—все спросись,
Откуда придешь—доложись...

Послѣ сего дѣвушки покидаютъ невѣсту и идутъ къ жениху, нарядившись во всё невѣстино приданое (казать приданое), разумѣется, самое лучшее: сарафаны, шали, кофты, фартуки кромѣ предназначеннаго подъ вѣнецъ. И несутъ ему платокъ, перчатки и поясъ. Перчатки и поясъ вязаны самой невѣстой. У жениха ихъ угощаютъ, при чемъ дѣвки должны украсть стаканъ водочный и двѣ ложки. Возвращаются отъ жениха съ пѣснями и пляской.

Мать жениха посылаетъ невѣстѣ кусокъ жаркого съ костью, говоря:

— Отдайте моей снохушкѣ мосолъ, чтобы она была мой посолъ!

Женихъ посылаетъ невѣстѣ сдобную лепешку, которую самъ предварительно надкусываетъ. По укусу лепешки судятъ о характерѣ жениха: мало откушено—тихій и добрый, много — сердитый.

Вечеромъ женихъ съ родными и товарищами, предводительствуемые дружкой, идутъ къ невѣстѣ. Невѣсту дѣвушки прячутъ; дружка долженъ „выкупа̀ть". Чтобы, кромѣ „выкупа", заставить дружку разориться на угощенье, ему поютъ:

Мы всѣ пѣсни перепѣли,
У насъ горлышки пересохли,
Мы невѣстина пива не пивали,
Мы женихова—не видали,
Невѣстино пиво—какъ полйво,
Жениховo—какъ помои.

Тутъ дружка долженъ опровергнуть такое нелестное мнѣніе, угостивъ дѣвицъ водкою и пивомъ. Если угощеніе недостаточное, то дѣвки опять поютъ что-либо вродѣ вышеприведеннаго, опять получаютъ угощеніе, затѣмъ берутъ съ дружки выкупъ деньгами (обыкновенно не много, 20—50 копеекъ) и выпускаютъ невѣсту. Невѣста подходитъ къ жениху, беретъ его за руку выводитъ изъ-за стола и вмѣстѣ съ нимъ начинаютъ угощать родныхъ обѣихъ сторонъ, товарищей и подругъ.

Въ другой избѣ, рядомъ, приготовляются къ вечеркѣ молодыхъ. Туда уходятъ парни и дѣвки, а потомъ приходятъ къ жениху съ невѣстой и начинаются пѣсни и пляски.

5. *Свадьба.*

Утромъ, до солнца, невѣста должна встать ранѣе другихъ. Она встаетъ и причитываетъ:

Вы не пойте, кочета раннія,
Не будите мово батюшку,
Не будите мою матушку.
Я встану сама ранешенько,
Умоюсь я бѣлешенько,
Разбужу сково батюшку тихохонько,
Свою матушку смирнехонько:
Вставай, мой кормилецъ батюшка,
Вставай, моя кормилица матушка,
Поглядите на меня горькую
Послѣдній денечекъ,
Въ послѣдній разочекъ.
Не долго мнѣ у васъ въ гостяхъ гостить:
Мнѣ ни годъ, ни недѣлюшку,
А послѣдній денечекъ!..

Тутъ она будитъ отца съ матерью и идетъ будить подружекъ, при чемъ причитываетъ:

Вы не пойте, кочета ранніе,
Вы не будите моихъ подруженекъ...

(и такъ все вышеприведенное до словъ „А послѣдній денечекъ").

Всю ноченьку то мнѣ не спалося,
Не спалося, много видѣлось:
Ходила я по крутымъ горамъ.
Потеряла я свои золоты ключи,
Первой ключъ—отъ воли батюшкиной,
Второй ключъ—отъ нѣги матушкиной,
Третій ключъ отъ прекраснаго житья дѣвичьяго...
Вы послушайте, мои милыя подруженьки,
Что я вамъ буду сказывать,
Что я вамъ буду приказывать:
Вы сидите, мои милыя,
Вѣкъ во красныхъ дѣвушкахъ,
У своихъ родимыхъ батюшковъ,
У своихъ кормилицъ матушекъ!..
Свѣтъ ты, моя волюшка,

Свѣтъ ты, моя дѣвичья,
Всѣ гульбы мои, прохладушки,
Всѣ дѣвичьи забавушки!
Я гуляла прохлаждалася,
Я во красныхъ дѣвушкахъ
У свово роднова батюшки,
У своей кормилицы-матушки,
Со красными дѣвушками,
Со милыми подруженьками.

Потомъ обращается къ брату, если таковой есть, или же къ дядѣ, къ зятю, однимъ словомъ, къ ближайшему послѣ отца родственнику, съ причитываніемъ:

Родимый мой братецъ (зятечекъ),
Съѣзди во зеленый лѣсъ,
Наруби бѣлыхъ березинокъ,
Завали ты путь-дороженьку,
Чтобы нельзя было проѣхати
Моимъ злымъ разлучникамъ.

Дѣвушки и всѣ родные садятся за завтракъ. Не ѣстъ и не пьетъ одна невѣста; она все время плачетъ. За ѣдою дѣвушекъ для веселости потчуютъ виномъ, пивомъ, а послѣ завтрака везутъ кататься.

Женихъ тѣмъ временемъ собираетъ своихъ товарищей и приглашаетъ ихъ въ „свадебный поѣздъ". Товарищи всѣ пріѣзжаютъ на своихъ лошадяхъ, у кого есть двѣ лошади—тотъ на парѣ, а у кого одна—тѣ по двое соединяются и запрягаютъ тоже пару. У жениха ихъ ждетъ „холостая пирушка".

Послѣ парни ѣдутъ кататься и соединяются съ дѣвками, а „дружка" ѣдетъ къ невѣстѣ съ „повѣстью", везетъ ей шаль и, смотря по временамъ года,—башмаки или валенки.

Какъ только подруги возвратятся съ катанья, невѣсту начинаютъ „собирать" подъ вѣнецъ. Невѣсту, первымъ долгомъ, умываютъ, потомъ приходитъ братъ обувать. Невѣста причитываетъ:

Куда вы меня собираете?
Куда вы меня снаряжаете?
Въ какую путь-дороженьку,
Въ какую сторонушку?

Въ самомъ обрядѣ одѣванія невѣсты есть нѣкоторыя странности: прямо на рубашку надѣваютъ поясъ и непремѣнно отцовскій, сверху сарафанъ, но распущенный, безъ пояса или фартука; подъ вѣнцомъ невѣста стоитъ въ салопѣ, или въ овчинномъ тулупѣ, даже тогда, если свадьба происходитъ лѣтомъ.

Когда невѣста одѣта, подруги приступаютъ къ *расплетенію косы*. Невѣста косы не даетъ, плачетъ и причитываетъ, закрутивъ косу на руку:

Милыя подруженьки,
Охъ, не троньте мою косыньку.
Въ моей русой косынькѣ
Три булатныхъ ножика,
Три булатныхъ ножика—
Порѣжутъ бѣлы рученьки.

Но косу у нея отнимаютъ силой и расплетаютъ, причемъ ленты подруги берутъ себѣ. Распущенные волосы покрываютъ маленькимъ платкомъ, а сверху шалью, привезенной отъ жениха, и покрываютъ съ лицомъ. Одѣтую невѣсту благословляютъ отецъ и мать родные и отецъ и мать крестные.

— Родимый (или крестный) мой батюшка! Родимая (также—крестная) моя матушка! Не прошу я у васъ ни злата, ни серебра, а прошу великаго благословеньица! Благословите меня горькую, благословите меня несчастную въ путь во дороженьку, въ чужіе люди во незнамые!..—обращается невѣста по очереди къ родителямъ, потомъ къ крестнымъ. Они стоятъ въ переднемъ углу на кошмѣ (войлокѣ), и каждому изъ нихъ дочь должна поклониться три раза въ землю и три раза въ поясъ.

Тутъ ее благословляютъ, сажаютъ въ передній уголъ подъ образа за столъ и кругомъ обсаживаютъ и загораживаютъ. Вскорѣ является у ихъ избы и „свадебный поѣздъ". На первой парѣ ѣдетъ дружка съ иконою, хлѣбомъ и солью, на второй сваха съ женихомъ. У дружки и свахи бѣлыя полотенца, у него повязано черезъ правое плечо, у нея виситъ на шеѣ, концомъ на передъ.

При въѣздѣ „поѣзда" во дворъ дѣвушки поютъ:

Не было вѣтра—вспопавянуло,
Не было гостей—вспопаѣхало:
Полны конюшни вороныхъ коней,
Полны поднавѣсы золотыхъ каретъ,
Полно крыльцо молодыхъ бояръ,
Полны сѣни все боярскихъ женъ,
Полонъ теремъ родныхъ сродниковъ,
Полонъ чуланъ [1]) красныхъ дѣвушекъ.
Подломились сѣни новыя,
Заплакала (имя и отчество невѣсты).
(Имя и отчество жениха) ее уговаривалъ:
Ты не плачь, свѣтъ-боярыня моя,
Наживемъ мы сѣни лучше тѣхъ.

Въ это время дружка вводитъ за руку жениха; въ рукахъ у дружки плеть; дѣвушки поютъ:

Щука рыбица мечись, мечись,
Ты жива въ руки не давайся, не давайся.
(Имя и отчество невѣсты) догадайся, догадайся
Идетъ (имя и отчество жениха) тебя цѣловать, цѣловать,
Черезъ три стола дубовые, дубовые,
Черезъ три скатерти шиты-браны, шиты-браны...

Дружка подводитъ къ столу жениха и велитъ всѣмъ уйти и пустить жениха къ невѣстѣ, но ему въ этомъ отказываютъ.

— Что же вамъ надо?—спрашиваетъ дружка.

— Сидимъ мы у стола. У стола четыре угла—четыре рубля! А посередки—штофъ водки!—отвѣчаютъ дѣвки.

Дружка даетъ денегъ и ставитъ водки, дѣвушки уходятъ; рядомъ съ невѣстой остается одинъ братъ ея со скалкой въ рукахъ.

— А ты чего здѣсь сидишь?—обращается къ нему дружка.

— А вотъ продаю сестрину косу,—отвѣчаетъ братъ.

— Вонъ отъ стола, это не твое мѣсто!—показывая ему плеть, кричитъ дружка.

— Плетью обуха не перешибешь!—говоритъ братъ и стучитъ скалкой по столу.

— Ну, а дорого ли у твоей сестры коса стоитъ?—вопрошаетъ тотъ.

---

[1]) Часть избы за перегородкой, куда выходитъ чело печи.

— У моей сестрицы по рублю косица, по денежкѣ волосокъ!—

Начинаетъ рядиться, и дружка покупаетъ косу. Братъ съ сестрой прощается, цѣлуетъ ее и уходитъ. Женихъ, прежде чѣмъ сѣсть, обводитъ вокругъ себя три раза платкомъ, который обернутъ у него на указательный палецъ правой руки, потомъ здоровается съ невѣстой и садится съ нею рядомъ. Всѣ поѣзжане тоже садятся, кто на что случится.

Дружка, тѣмъ временемъ, съ шутками и прибаутками торгуетъ у дѣвокъ сундукъ невѣсты съ приданнымъ. Выкупивъ сундукъ, онъ обращается къ родителямъ невѣсты, величая ихъ по имени и отчеству:

— Благословите нашего князя новображнаго (sic) со княгинюшкой ѣхать къ суду Божьему, въ церковь Божую, стать подъ златъ вѣнецъ, кольцами помѣняться, три раза поцѣловаться.

Родители благословляютъ жениха и невѣсту, и всѣ выходятъ изъ избы къ „поѣзду". Дружка орудуетъ здѣсь и распоряжается, разсаживая всѣхъ, онъ же даетъ сигналъ выѣзжать, провозглашая на весь домъ:

— Гости званы, гости браны, господа поѣзжане, садитесь по мѣстамъ, какъ ясны соколы по гнѣздамъ!

Женихъ сажаетъ невѣсту, а самъ садится со свахою.

Дружка три раза обходитъ поѣздъ съ иконою, распоряжается, чтобы сундукъ и постель невѣсты отвезли къ жениху, потомъ садится въ свои сани во главѣ „поѣзда," и весь „поѣздъ" трогается въ церковь, при чемъ принято три раза проѣхаться по селу, прежде чѣмъ подъѣхать къ церкви. Вокругъ церковной ограды тоже объѣзжаютъ три раза, потомъ ужъ останавливаются у воротъ и идутъ въ церковь.

По окончаніи обряда вѣнчанія, поѣздъ направляется опять къ родителямъ невѣсты. Поѣзжане всѣ садятся за столы, молодыхъ же уводятъ въ чуланъ кормить. Мать молодой повязываетъ ее тутъ уже по „молодушечьи" и, покормивъ, покрываетъ ее шалью опять съ лицомъ и выводитъ въ общую избу. Родные жениха встрѣчаютъ ее и просятъ мать ея показать молодушку, при чемъ за „раскрыву" даютъ, кто что можетъ: деньгами, мелкими подарками, богатые обѣщаютъ даже овцу. Женихъ съ невѣстой опять уходятъ въ чуланъ, а родные пируютъ, потомъ собираются и, захвативъ молодыхъ, ѣдутъ въ домъ къ жениху. На крыльцѣ молодыхъ встрѣчаютъ его родители хлѣбомъ и солью и обсыпаютъ ихъ хмѣлемъ.

Женихъ съ невѣстой и здѣсь уходятъ въ чуланъ, а родные пируютъ, послѣ чего, съ наступленіемъ сумерокъ, расходятся по домамъ, а новобрачныхъ ведутъ спать.

6. Дарнóй столъ.

На другой день, ни свѣтъ ни заря, въ домъ молодыхъ собираются уже всѣ сродники и знакомые, тогда дружка и сваха идутъ „подымать молодыхъ". Когда молодые входятъ, то дружка подаетъ молодому клокъ зажженой кудели, которую молодой (что, конечно не всегда бываетъ: въ иномъ случаѣ ему ничего и не подаютъ) бросаетъ отъ себя говоря: „пожаръ", тутъ всѣ присутствующіе хватаютъ всякую посуду и бьютъ объ полъ. Для этого заранѣе покупается на базарѣ плохая посуда, а что получше — прячутъ. Дружка вручаетъ молодому блюдо, на которомъ этотъ подноситъ родителямъ своимъ вино и „дары", обыкновенно на рубашку отцу и рукава или кофту матери, а самъ съ молодою становятся на колѣна; ихъ тутъ заставляютъ цѣловаться, говоря: „горько", и когда ужъ скажутъ: „сладко" и выпьютъ — тѣ встаютъ и цѣлуются съ ними. Та же церемонія продѣлывается и относительно родителей молодой. Мать молодой уходитъ домой, а немного погодя, молодые на тройкѣ, украшенной наручниками и лентами, съ дѣвками и въ сопровожденіи одного парня, товарища молодого, ѣдутъ къ матери молодой на „блинки". Въ домѣ же молодыхъ, послѣ ихъ отъѣзда, начинается „разливное море", т. е. пьютъ, ѣдятъ, поютъ, кричатъ и бѣснуются, потомъ ѣдутъ по селу и заѣзжаютъ въ каждый домъ по очереди къ каждому изъ присутствующихъ на свадьбѣ, гдѣ всюду заготовлено вино и всякая снѣдь.

Пированіе, смотря по богатству породнившихся семействъ и по численности родства, продолжается два, три дня, а то и недѣлю, но ужъ безъ всякихъ церемоній, или обрядовъ, а просто какъ всякое веселое событіе, сопровождаемое пѣснями, пляской и неизбѣжнымъ пьянствомъ.

ПРИБАВЛЕНІЕ.

Свадебныя пѣсни, которыя поются на свадебныхъ вечеринкахъ.

Плясовыя.

1. Ой, матушка, не могу,
Сударыня, не могу,—
Комаръ ступилъ на ногу,
На ногу, да на ногу,
Всѣ суставчики,
Суставчики раздробилъ...
Подай мнѣ, мать, чекуна,
По русскому—топора,
Рубить, казнить комара...
Комарова голова
Покатилася,
Покатилась со двора
За заднія ворота.
На улицѣ то срамота:
Жена мужа продала,
Жена мужа продала
За дешево—три рубля,
По русскому—полтора.

2. У Катюши мужъ гуляка [1]).
А, барыня ты моя, сударыня ты моя!
По всей ноченькѣ гуляетъ,
На зарѣ домой прибываетъ.
Онъ пришелъ то разъ не рано,
Привелъ цѣлаго барана.
У барана три кармана.
Во одномъ-то все орѣхи,
Во другомъ-то все изюмъ.
Ахъ, съ орѣховъ зубы ломитъ,
А съ изюму животъ дуетъ,
Нельзя Богу помолиться,
Нельзя въ землю поклониться.

3. Ахъ, чу-чу-чу!
Я горохъ молочу.
На чужомъ току
На прилипочкѣ.
Ко мнѣ куры летятъ
И вороны летятъ.
Я по курицѣ цѣпомъ,
По воронѣ молоткомъ.
Изъ курицы зерно,
Изъ вороны перо.
Какъ и это перо
Покатилось далеко, (2)
Подъ Иваново село.
Тамъ тынъ городятъ,
Тамъ капусту садятъ,
Поповы ребята
Горохъ молотили,—
Цѣпы поломали,
Въ лѣсъ покидали,
А попадья-то со двора
Растворила ворота,
А на её ли горе—гости,
Ужъ всего-ли взяли по горсти,
Зацѣпили за пенекъ,
Простояли весь денекъ.
Сашенька, Машенька,
Сшейте мнѣ рубашку.
Ударюсь въ доску,
Я поѣду въ Москву.
Шило-жигало по полю скакало.
Меренъ лысый,
Кобыла совраса
Со двора сорвалася,
Къ намъ пришла,
По рукамъ пошла.
Бѣжитъ, бѣжитъ заинька,
За нимъ—горностаинька
На низенькихъ ножкахъ,
Въ зеленыхъ сапожкахъ.
Куда, заинька, бѣжишь?
Куда, сѣренькій, бѣжишь?
Къ медвѣдю на свадьбу.
Медвѣдь—дядя,
Медвѣдица—тетя,
Комаръ—сватомъ,
Комаръ—позыватомъ,
Муха стряпуха,
Муха банюшку топила,
Блоха щелокъ щелочила,
Вошка парилася,
Объ полъ грянулася.
Какъ на улицѣ народъ,
Не водятъ-ли хороводъ.
Тамъ бабы орутъ,
Сарафанъ дерутъ:
Кому клинъ дать, кому два,
Кому дать рукава,
Кому дать бы весь станъ,
Кому весь бы сарафанъ.

4. Отдаютъ меня, молоду,
Какъ за Волгу за рѣку,
Въ малую деревню
Въ несогласну семью.
Еще свекоръ, да свекровь,
Да семеро деверьевъ,
Двѣ золовки, да двѣ тетушки.
Еще свекоръ говоритъ:
Къ намъ медвѣдицу везутъ,
А свекровь-то говоритъ:
Надоѣдницу везутъ.
Деверья-то говорятъ:
Къ намъ неряху везутъ,
А золовки галдятъ:
Къ намъ непряху везутъ;
А двѣ тетушки стоятъ,
Все про то-же говорятъ.
Свекоръ батюшка.
Свекровь матушка!
Вы позвольте-ка мнѣ
Вдоль по горницѣ пройти, (2)
Слово вымолвити:—
Деверья вы—соколы,
У васъ жены каковы?
Вы золовки, колотовки,
Вамъ самимъ замужъ итти.
Ужъ вы, тетушки,
Вы лебедушки,
Вы въ чужомъ-то дому
Не указчицы.
Мужъ тутъ руку отвелъ,
По щекѣ жену оплелъ;

[1]) Каждый стихъ повторяется два раза, затѣмъ слѣдуетъ припѣвъ: А барыня и пр.

Жена обѣ отвела
По всей рожѣ оплела,
Поставила на порогъ,
Да въ три шеи до воротъ.

5. У воротъ, воротъ соловей поетъ,
Соловей поетъ, высвистываетъ;
Свекровья невѣстку возбуживаетъ:
Ужъ вставай-же ты, невѣстка, вставай,
Какъ у насъ ли на дворѣ,
Да небольно все въ добрѣ:
Замки сбиты, кони сведены,
Кони сведены въ заднія ворота.
—Что это за житье у свекора во дому,
У свекровьи во дому—за проклятое,
Всѣ рано встаютъ, уснуть не даютъ.
Я у батюшки жила, тамъ я нѣженкой [росла,
Бѣлой зореньки не видывала,
Раннихъ пѣтуховъ не слыхивала,
Коровокъ дойныхъ не даивала,
Телятъ-пострѣлятъ не загонивала.
—Ужъ ты, сынъ, сынокъ, ясный соколокъ,
Что жену не бьешь, шельму не журишь?..
Взялъ мужъ плеть
Да повелъ жену въ клѣть...

Пѣсни жениху и невѣстѣ.

1. Какъ по саду было, садику,
По зелену виноградному,
Тамъ ходилъ добрый молодецъ
Свѣтъ (имя и отчество жениха),
Самъ съ кудрями разговаривалъ,
Самъ съ русыми разговоръ держалъ:
Прилипайте, кудри русые,
Ко моей буйной головушкѣ,
Къ моему лицу ко бѣлому,
Къ моему лицу румяному.
Привыкай, душа ты, дѣвица,
Свѣтъ (имя и отчество невѣсты),
Къ моему уму ты разуму.
Ужъ ты пой-ка, гостей потчевай,
Наливай-ка въ рюмки водочки,
Наливай-ка, не расплескивай.
Какъ у (имя невѣсты) руки трясутся,
Изъ рюмокъ водка плещется,
По подносу разливается.
Какъ (имя жениха) говоритъ ей, улыбается:
Ты не лей изъ рюмокъ водочку,
У насъ водочка-то купленная,
Своими трудами нажитая.

2. Вы-ль, цвѣты мои, цвѣтики,
Вы-ль, цвѣты мои, лазоревые,
Много васъ было посѣяно,
Васъ посѣяно было три полечка,
Три раздольица широкія.
Первое полечко для батюшки,
Второе полечко для матушки,
Третье полечко для суженаго,
Что для суженаго, для ряженаго,
Для (имя и отчество жениха).
Вы-ли, душеньки, красны дѣвицы,
Еще много-ль васъ было въ теремѣ?
Сорокъ дѣвицъ со дѣвицею.
Какъ одна-ли у насъ измѣнщица,
Измѣнница, лицемѣрница
Свѣтъ (имя и отчество невѣсты).
Говорила наша дѣвица,
Что я замужъ не пойду,
Не пойду и не подумаю,
Чужихъ рѣчей не послушаю,
Я, дѣвушки, въ монастырь пойду,
Я васъ, дѣвушки, съ собою возьму;
Я сама буду игуменей,
А вы будете монашками.
Анъ пошла замужъ, надумала,
Чужихъ рѣчей послушалась,
За удалого добра-молодца
За (имя и отчество жениха).

Пѣсня невѣсты, у которой нѣтъ матери.

3. Ты-ль, рѣка моя, рѣченька,
Ты-ль, рѣка моя быстрая,
Бѣжитъ рѣчка не всколышнется,
Со волнами не расплещется,
Съ бережками не всполнится,
Желтымъ песочкомъ не замутится.
—Вы глупы-ли, круты бережки,
Не разумны, пески желтые,
Къ чему буду я колыхаться,
Зачѣмъ буду я плескаться?
Нѣтъ ни вѣтру, нѣтъ ни вихорю,
Нѣтъ и часта дожжика осенняго,
Нѣтъ морозу, снѣгу бѣлаго.
Какъ во теремѣ было, теремѣ,
Какъ на стулѣ, шитомъ золотомъ,
Тамъ сидѣла красна дѣвица
Свѣтъ (имя и отчество невѣсты).
Сидитъ она—не улыбнется,
Съ подругами не разсмѣивается.
—Вы глупы-ли, красны дѣвицы,

Неразумныя головушки,
Къ чему было бы мнѣ смѣяться,
Почемъ было бы улыбаться?
Кабы была у меня родна матушка...
Благословить меня есть кому,
А собрать меня некому.

Пѣсня жениху.

4. Долина, долинушка,
Раздолье широкое,
По этой долинушкѣ
Гулялъ дѣтинушка
(Имя и отчество жениха).
Увидала матушка
Изъ высока терема.
Дитё-ль мое, дитятко,
Дитё-ль мое милое,
Что ходишь не весело,
Гуляешь не радостно?
Ахъ, родима матушка,
Къ чему веселитися?
Всѣ мои товарищи
Да все поженилися,
А я у васъ, матушка,
Хожу холостъ, не женатъ!
—Женись, женись, дитятко,
Женись, мое милое,
Бери, бери, дитятко,
Которая понравится.
—Понравилась, матушка,
У сосѣда дѣвушка.
—Сосѣдова дѣвушка
Будетъ твоя женушка,
Будетъ твоя женушка,
А моя невѣстушка
Свѣтъ (имя и отчество невѣсты).

Величанья жениху (поютъ дѣвушки).

1. На дубочкѣ два голубчика сидятъ,
Они воркуютъ, говорятъ:
Не было такого молодца
(Имя и отчество жениха)
Ни въ Казани, ни во городѣ.
Проявился таковъ молодецъ у насъ,
Онъ со тысячи на тысячу ступатъ,
Пятистами онъ ворота запиратъ,
Милліономъ по улицѣ бросатъ,
Изъ неволи сиротинокъ выкупатъ.
Вы, сиротушки, батюшки мои,
Помолитесь, попросите обо мнѣ,
Чтобы Господь меня помиловалъ,
Государь чиномъ пожаловалъ—
При полку-то быть полковникомъ,
При губерни—губернаторомъ,
При своемъ домѣ—хозяиномъ.

2. Розанъ мой розанъ, виноградъ зеленый! [1])
А кто у насъ уменъ, кто у насъ разуменъ?
Розанъ мой розанъ, и т. д
(Имя жениха) у насъ уменъ, онъ у насъ разуменъ:
По горницѣ ходитъ, манежно ступаетъ,
Манежно ступаетъ, сапогъ не ломаетъ,
Сапогъ не ломаетъ, чулокъ не мараетъ.
Въ зеркало смотрѣлся, самъ себѣ дивился,
Хорошъ уродился, пригожъ снарядился,
На коня садился, конь-отъ веселился,
Онъ плеточкой машетъ, подъ нимъ конь-отъ пляшетъ,
Со двора съѣзжаетъ—слуги провожаютъ.
Онъ улицей ѣдетъ—вся улица стонетъ.
Лугами онъ ѣдетъ—луга зеленѣютъ,
Цвѣтики алѣютъ, пташки распѣваютъ,
Пташки распѣваютъ, дѣвушки встрѣчаютъ.

М. Е. Михѣевъ.

---

[1]) Это припѣвъ, повторяющійся затѣмъ послѣ каждаго стиха.

III.

Свадебные обычаи и пѣсни въ Тотемскомъ уѣздѣ, Вологодской губ.

Въ Тотемскомъ уѣздѣ, какъ и во всей Вологодской губерніи, богатство семьи вполнѣ зависитъ отъ числа рабочихъ рукъ, находящихся въ семьѣ. Чѣмъ въ семьѣ больше рабочихъ, тѣмъ больше у нея и заработокъ. Поэтому, если парню не придется отбывать воинскую повинность, то семейники стараются его поскорѣе женить, чтобы такимъ образомъ получить и еще рабочія руки. При выборѣ невѣсты главнымъ образомъ обращаютъ вниманіе не на красоту („красота приглядится, а умъ пригодится"), а на здоровье и нравственныя ея качества, но главнымъ образомъ на здоровье; хилыхъ и малосильныхъ по возможности обѣгаютъ чисто изъ экономическихъ интересовъ,—вездѣ нужны не „лишній ротъ", „ѣдокъ", а „рабочія руки".

Приданое состоитъ изъ домашняго скота, холста и разныхъ нарядовъ для невѣсты. Земли и денегъ въ приданое не даютъ. Правда, бываютъ иногда и исключенія, но рѣдко.

Когда задумаютъ женить молодца, то сбираютъ сначала семейный совѣтъ для выбора невѣсты. На этомъ совѣтѣ перебираютъ всѣхъ невѣстъ ближайшихъ деревень и разсуждаютъ о ихъ достоинствахъ и недостаткахъ. Нерѣдко на этихъ совѣтахъ бываютъ и ссоры. Послѣ совѣта запрягаютъ пару лошадей (если нѣтъ у кого пары, то берутъ у сосѣдей, а также если плоха сбруя, одежда— все берется на время у другихъ) въ хорошую сбрую и сани и къ дугѣ привязываютъ не одинъ, а два или нѣсколько колокольцевъ. Сватами ѣдутъ отецъ жениха и ближній родственникъ, но непремѣнно женатый, а не холостой.

Пріѣхавши въ домъ невѣсты, сначала ведутъ посторонніе разговоры, но потомъ родственникъ жениха встаетъ съ лавки и говоритъ, что они пріѣхали сюда по дѣлу.

— Какое же дѣло?—спрашиваетъ хозяинъ.

— Да у насъ, видишь ли, есть деньги, а у васъ товаръ! При этихъ словахъ свата отецъ жениха вынимаетъ бумажникъ и кладетъ его на столъ.

— Какой же вы товаръ покупаете?

— Чтобъ веселѣе про торгъ говорить, то не мѣшало бы и за водкой послать.

Невѣстина родня, конечно, уже раньше догадалась, что это сваты (хорошая упряжь, нѣсколько колокольцевъ у дуги); кто женихъ—тоже знаютъ или предполагаютъ. Но теперь собственно предложенъ вопросъ, согласны ли они на этотъ бракъ? При согласіи отецъ жениха, если недалеко находится питейное заведеніе,

выдаетъ деньги на четверть ($^1/_4$ ведра) водки, а если далеко, то сваты обыкновенно привозятъ съ собой и теперь только посылаютъ кого-нибудь принести ее изъ саней. Тѣмъ временемъ собирается ближайшая родня невѣсты, и начинается такъ называемое „пропиваніе невѣсты". Хозяева потчуютъ. „Чѣмъ богаты,—тѣмъ и рады". И вотъ за выпивкой, за закусываніемъ идутъ разговоры о достоинствахъ жениха и невѣсты. Это пропиваніе невѣсты тянется иногда нѣсколько дней. Каждый разъ женихова родня или привозитъ водку, или выдаетъ на покупку ея деньги, а невѣстина каждый разъ выставляетъ съѣстное. Чѣмъ богаче невѣста, тѣмъ дольше ее пропиваютъ. На второй или третій день условливаются насчетъ приданаго, даровъ, кому платить причту за совершеніе брака, и т. п. вопросовъ. Женихова родня осматриваетъ платья и прочее богатство невѣсты, а невѣстина ѣздитъ въ домъ жениха (какъ здѣсь говорится: „ѣздитъ смотрѣть мѣсто"), смотритъ домъ, сколько скотины, хлѣба и т. д.

Иногда свадьба разстраивается (какъ говорятъ: „разсвадьбилась") и послѣ пропиванія невѣсты. Тогда или каждая сторона остается при своихъ расходахъ, или же всѣ расходы падаютъ на ту сторону, которая отказалась.

Но вотъ кончилось „пропиваніе", и всѣ вопросы, къ обоюдному согласію, рѣшены, и назначаютъ день „образовокъ" или „образованія", т. е. благословенія родителями жениха и невѣсты на вступленіе въ бракъ. Особыхъ обрядовъ на „образовкахъ" не бываетъ, поэтому я только замѣчу, что „образовка" бываетъ всегда въ домѣ невѣсты и что постороннихъ, кромѣ самыхъ близкихъ родныхъ съ той и другой стороны, на этихъ „образовкахъ" никого не бываетъ.

Вскорѣ послѣ „образовки" женихъ устраиваетъ прощальную посидѣнку. Эта посидѣнка устраивается въ чьемъ-нибудь чужомъ домѣ, а не въ домѣ жениха или невѣсты; но если невѣста не изъ той деревни, въ которой живетъ женихъ, то и посидѣнка устраивается въ невѣстиной деревнѣ. За помѣщеніе, освѣщеніе и угощеніе платитъ женихъ. Угощеніе обыкновенно состоитъ изъ кедровыхъ орѣховъ, подсолнечныхъ сѣмянъ и дешевыхъ пряниковъ. На эти посидѣнки сбирается много „молодежнику". Поютъ пѣсни, подъ пѣсни или подъ игру на гармоникѣ устраиваются пляски и разныя игры.

Передъ тѣмъ какъ расходиться, невѣста поетъ. Она благодаритъ въ этой пѣснѣ хозяевъ за „тихую бесѣду" и затѣмъ, обращаясь къ подругамъ, проситъ ихъ проводить ее „со бесѣдушки со смирёныя въ достальные, во послѣдніе", такъ какъ ей не бывать больше съ „подружками-голубушками" „ни въ бесѣдушкѣ смиреной, ни въ гуляніяхъ веселыхъ".

Невѣсту провожаютъ подруги; она идетъ и поетъ:

Свѣти, свѣтелъ мѣсяцъ,
Во всю ночку темную,
Надъ моей свѣтлой свѣтлицей,
Надъ столовой надъ горницей

Надъ моей красовитою,
Надъ моей любовитою!
Ужъ ты встрѣть меня, батюшка,
Ужъ ты встрѣть меня, матушка,
Во своей-то любовитой,
Во бесѣдушкѣ смиреной.
Отказали мнѣ, батюшка,
Со подружкамъ, со голубушкамъ
Со послѣднія бесѣдушки,
Со бесѣдушки смиреныя
Въ достальные, во послѣдніе.
Не бывать мнѣ, молодешенькѣ,
Не бывать мнѣ, зеленешенькѣ,
Со подружками голубушками
Во своей-то дѣвьей красотѣ,
Во своей-то красовитой.
Отказали мнѣ, матушка,
Мнѣ подружки, голубушки,
Отъ бесѣдушки смиреныя.

Въ домѣ невѣсты подругъ ея садятъ за столъ и угощаютъ ужиномъ. Невѣста въ это время поетъ:

Ты красуйся, моя краса,
У родимаго батюшки,
У родимыя матушки,
У соколиковъ братцевъ-рóдныихъ,
У сестричекъ, голубушекъ,
Въ достальные, во послѣдніе
Во своей свѣтлой свѣтлицѣ,
Во столовой во горницѣ.
Запримѣть-же ты, батюшка,
Запримѣть-же ты, матушка,
И соколики братцы-рóдные,
И сестрицы голубушки,
Мою дѣвью красоту
Въ достальные, во послѣдніе.
Поглядико ты, батюшко,
Поглядико ты, матушка,
На подружекъ, на голубушекъ.
Какъ у подружекъ-то, у голубушекъ,
Русы косыньки плотно заплетены,
Что въ каждой волосиночкѣ
По жемчужной бисериночкѣ,
А у меня у молодешеньки,
У меня у зеленешеньки
Плотно не заплетено.
У меня у молодешеньки,
У меня у зеленешеньки
На каждой волосиночкѣ
Вмѣсто бисериночки
По горючей слезиночкѣ.

Послѣ ужина подруги провожаютъ невѣсту спать, и въ то время, когда ей расчесываютъ волосы, она поетъ:

Расплетите-ка, подруженьки,
Мои милыя голубушки,
Что мою-то дѣвью красоту
Въ достальные, во послѣдніе.
Не бывать мнѣ молодешенькѣ,
Не бывать мнѣ зеленешенькѣ
Съ подружками-голубушками
На веселыхъ гуляньицахъ.
Какъ о лѣтнихъ было праздничкахъ
Гуляли мы молодешеньки
Что по травушкѣ по шелковой,
По цвѣточкамъ по лазоревымъ;
Подъ вамъ травушка не мялася
И цвѣточки не ломалися.
Надъ намъ люди дивовалися,
Дивовались-любовалися:
Чьи это, баютъ, идутъ дѣвицы,
Чьи это красавицы?
Не родимыя-ли сестрицы,
Не одной-ли мати дѣточки?

Я уже говорилъ, что во время „пропиванія невѣсты“ родственники жениха и невѣсты условливаются на счетъ приданаго, „даровъ“, кому платить причту за совершеніе брака и т. п. вопросовъ. Когда эти „дары“ будутъ приготовлены, то извѣщаютъ жениха, и онъ со своею роднею пріѣзжаетъ къ невѣстѣ. Одариваніе невѣстою бываетъ обыкновенно во время ужина предъ послѣднимъ кушаньемъ. Невѣста одариваетъ сначала отца и мать жениха, затѣмъ болѣе близкихъ его родныхъ, наконецъ и второстепенныхъ. Нерѣдко бываютъ недовольны и даже ссоры, если невѣста одаритъ сначала одного не такъ близкаго, а потомъ болѣе

близкаго, или если кому покажется, что его одарили хуже, чѣмъ этого. Дары раздаются такъ:

Невѣста на подносѣ подноситъ рюмку водки и поетъ:

Тебѣ добро, да добро пожаловать,
Государь (имя и отчество),
Рюмочку зелена вина.
Пей винцо на здоровьеце,
Сударь (имя и отчество),
Отъ меня, отъ молодешеньки.

Тотъ выпиваетъ водку и кладетъ на подносъ денегъ (даютъ отъ 3 до 10 копеекъ). Эти деньги поступаютъ въ пользу невѣсты. Получивши деньги, она подноситъ „даръ". Въ это время поетъ:

Ты прими отъ меня, молодешеньки,
Государь (имя и отчество),
Не осуди молодешеньку
За дары мои, за малые.

Дарами бываютъ полотенца, ситцевые платки и концы холста. Иногда этихъ даровъ раздаютъ рублей на 10 и болѣе.

Наканунѣ свадьбы невѣста съ подругами моется въ банѣ, гдѣ она слѣдующей пѣсней прощается съ „дѣвьей красотой":

Вы помойте-ка, подруженьки,
Вы помойте-ка, голубушки,
Что мою-то дѣвью красоту,
Что мою-то красовитую
Во теплóй банѣ-парушѣ
Въ достальные, во послѣдніе.
Какъ во теплой во парушѣ
Три окошечка косящатыхъ.
Что на первомъ на окошечкѣ
Все мазила румяныя,
На второмъ на окошечкѣ
Все бѣлила бѣлыя,
А на третьемъ на окошечкѣ
Моя дѣвья крáсота.
Туть не мѣсто ей, не мѣстечко,
Не мѣсто вѣковѣчное.
Возьму-ка я крáсоту
Со окошечка косящата,
Положу-ка я крáсоту
На березу кужлявую.
Какъ придутъ люди недобрые
Съ топорами со острыми,
Срубятъ они дѣвью красоту
Со березынки кужлявыя.
Тутъ не мѣсто, ей не мѣстечко,
Не мѣсто вѣковѣчное.
Возьму-ка я крáсоту
Со березынки кужлявыя,
Положу-ка я красоту
На цвѣточки лазоревы.
Какъ придутъ люди недобрые
Со ногами со острыми
И сносятъ опи дѣвью красоту
Со цвѣточковъ лазоревыхъ.
Нѣтъ, не мѣсто тутъ ей, не мѣстечко,
Не мѣсто вѣковѣчное.
Положу-ка я красоту
На сестрицу-голубушку,
Тутъ и мѣсто ей, и мѣстечко,
И мѣсто вѣковѣчное.
Ты возьми-ка, сéстрице,
Мою дѣвью красоту,
Мою красовитую
Со окошечка косящата.
Береги-же, сестрица,
Мою дѣвью красоту,
Береги ее, не снашивай,
Носи—не изнашивай.

Въ день свадьбы, передъ отправкой въ церковь, невѣстѣ отъ жениха приносятъ подарки: башмаки, чулки, бѣлила, „мазила" (румяна), зеркало, кусокъ мыла. Когда ее одѣваютъ къ вѣнцу, она поетъ слѣдующую пѣсню:

Сяду я, молодешенька,
Въ куть [1]) подъ окошечко,
На кручинное мѣстечко,
На дубовую лавочку.
Ничего мнѣ не высидѣть
Ни въ кути подъ окошечкомъ,
Ни въ почетномъ углу [2]) на лавочкѣ,
Ни у батюшки, ни у матушки.

---

[1]) Куть—уголь передъ печью.
[2]) Почетное мѣсто—въ правомъ углу, подъ иконами.

Лучше встану я молода,
Лучше встану я зелена
На свои на рѣзвы ноженьки
Во обновкѣ пригоженькой.
Вы идите, рѣзвы ноженьки,
Ко родимымъ отцу, матушкѣ.
Живучи вы не подгибалися,
Живучи вы не подламывались.
Протянитесь, рѣзвы рученьки,
Обнимите отца, матушку.
Живучи вы не согибывались,
Живучи вы не ломалися.
Вы глядите, ясны оченьки,
Во слезахъ не мутитеся.
Ты не гнися, половочка,
Не ломайся, переводочка,
Не тяжеле же я прежняго;
Развѣ тѣмъ я тяжелѣе,
Что со горемъ да съ кручиною.
Ужъ мнѣ дайте увидѣти,
Ужъ мнѣ дайте усмотрѣти
Моего батюшку родимаго,
Мою матушку сердечную.
Ну спасибо тебѣ, батюшко,
Ну спасибо тебѣ, матушка,
И спасибо великое
Что на хлѣбѣ да на соли.
Что родная хлѣбъ-соль сладкая,
Слаще меду медвянаго.
Не жалѣлъ же ты, батюшко,
Для меня, молодешеньки,
Ты ни платьеца цвѣтнаго,
Ни башмачковъ сафьяновыхъ,
Ни чулочковъ бумажныихъ,
Ни поясьеца тканаго,
Ни мѣховъ лисіихъ.
Не спрошу я теперь у батюшки
Ни платья-то цвѣтнаго,
Ни башмачковъ сафьяновыхъ,
Ни чулочковъ бумажныихъ,
Ни поясьеца тканаго,
Ни мѣховъ лисіихъ;
А спрошу я у батюшки
Да у родимыя матушки
Благословеньеца великаго
Отъ сердца ретиваго—
Итти мнѣ молодешенькѣ
Ко вѣнцу позлаченому.

Когда невѣста одѣта, молодыхъ благословляютъ родители сначала иконой, затѣмъ хлѣбомъ и солью. Послѣ этого ѣдутъ въ церковь. Передъ невѣстой и женихомъ, когда они идутъ, чтобы сѣсть въ сани, и при выходѣ изъ саней въ церковь, метутъ дорогу вѣникомъ изъ опасенія, чтобъ кто не „испортилъ" молодыхъ. Съ этою же цѣлью невѣста втыкаетъ въ подолъ рубашки „протошь" (безухую иглу).

Женихова и невѣстина родня ѣдутъ въ церковь вмѣстѣ, только въ разныхъ повозкахъ. Подъ молодыхъ запрягаютъ лучшихъ лошадей въ лучшую сбрую и сани. Кромѣ массы мелкихъ колокольцевъ, привѣшенныхъ не только къ дугѣ, но и къ сбруѣ, еще украшаютъ лошадей вплетеніемъ въ ихъ гривы разноцвѣтныхъ ситцевыхъ лоскутковъ.

При входѣ въ церковь замѣчаютъ: кто первымъ встанетъ изъ молодыхъ на подножникъ, тотъ, по мѣстному увѣренію, и будетъ „большничать". Одинъ мой знакомый увѣрялъ меня, что онъ видѣлъ, какъ невѣста хотѣла встать на подножникъ первою, но женихъ сердито отдернулъ ее за руку и самъ всталъ первымъ на подножникъ.

Невѣста въ церкви стоитъ съ распущенными волосами и подъ покрываломъ. Когда запоютъ: „Слава Тебѣ Боже нашъ", покрывало съ нея снимаютъ, а когда молодыхъ обведутъ вокругъ налоя,—тутъ же въ церкви волосы невѣсты заплетаютъ въ косы. Послѣ обряда вѣнчанія молодая кланяется въ ноги каждому изъ мужниной родни.

Первый пиръ послѣ брака бываетъ въ домѣ молодого. На этомъ пиру молодые ѣдятъ одной ложкой и пьютъ изъ одного стакана. Разносить кушанья, наливать водку и пиво въ стаканы и угощать—обязанность „дружекъ", т. е. шаферовъ. Во время этого пированія въ избу набирается много постороннихъ, которые также просятъ угощенія. Они обыкновенно поютъ пѣсни вродѣ слѣдующихъ:

Тысяцкій—неумоя,
Сватушко кукомоя,
Сунься въ лоханку, умойся.
На́ тебѣ рогожу, утрися,
На́ тебѣ лопатку, молися!

Или:

Сваха неряха,
Не мытая рубаха,
Не колоченая,
Не молоченая.
Свахоньку надо выколотить,
Свахоньку надо вымолотить.
Надо пива наварить,
Надо сваху напоить.

Послѣ каждой такой пѣсни угощаютъ пришедшихъ пивомъ или водкой. Послѣ „стола" молодыхъ уводятъ въ „клѣть" и оставляютъ ихъ однихъ, а сами нерѣдко допировываютъ и даже иногда до тѣхъ поръ, пока тутъ же за столомъ и не уснутъ.

Молодая обязана снять сапоги съ ногъ мужа. Въ сапогъ на этотъ случай кладутъ нѣсколько копеекъ, которыя и поступаютъ въ полное владѣніе молодой. Она не можетъ лечь въ постель до тѣхъ поръ, пока не позволитъ мужъ. Нерѣдко бываетъ, что молодая раздѣнется, а молодой не позволяетъ ей лечь, и вотъ она должна стоять у его постели, пока не получитъ разрѣшенія. Нѣкоторые, чтобы показать свою власть, не позволяютъ ей лечь съ часъ и болѣе.

На другой день „разыскиваютъ" молодую. Утромъ собирается родня молодой и ищетъ молодую, какъ похищенную вещь, и обращаются къ свату, какъ къ похитителю. Онъ ихъ ведетъ, конечно, въ клѣть, но тамъ молодой уже нѣтъ, и вотъ начинается потѣха. Свата одѣваютъ въ рогожи, опутываютъ его веревками, на голову надѣваютъ узду, въ руки даютъ корзину и водятъ его по всей деревнѣ, допытывая, куда дѣвалъ украденое. Въ каждомъ домѣ, какъ преступнику, даютъ милостыню. Обойдя всю деревню, свата ведутъ вновь къ молодымъ, которые уже одѣтыми дожидаются гостей, чтобы итти пировать въ домъ родителей молодой.

Этимъ пиромъ заканчиваются свадебные обряды.

П. Дилакторскій.

СМѢСЬ

Экскурсы въ область русской народной пѣсни.

III [1]).

Произведенія русскихъ поэтовъ въ народной пѣснѣ.

Благодаря вліянію школы, распространенію грамотности, вообще, и другимъ условіямъ, за послѣднее время въ нашу русскую народную пѣсню стали все болѣе и болѣе проникать произведенія нашихъ русскихъ поэтовъ, распѣваемыя наравнѣ съ чисто-народными пѣснями. Одни изъ такихъ произведеній цѣликомъ вошли въ число народныхъ пѣсенъ, не потерпѣвъ существеннаго измѣненія ни въ своемъ содержаніи, ни въ формѣ, другія, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ отношеніяхъ, потерпѣли значительныя измѣненія, такъ сказать, ассимилировались сообразно съ народными вкусами и понятіями, и третьи, наконецъ, дали для народной пѣсни только отдѣльные поэтическіе образы или выраженія.

Насколько мало иногда измѣняются и по содержанію и по формѣ стихотворенія, вошедшія въ число народныхъ пѣсенъ, можетъ служить примѣромъ слѣдующая пѣсня, записанная нами въ Пошехонскомъ уѣздѣ Ярославской губ. (деревня Овчинкино):

Близъ крутыхъ бережковъ
Волга рѣчка течетъ,
Вслѣдъ за нею съ волной
Легка лодка плыветъ.
Въ этой лодкѣ сидитъ
Удалой молодецъ,
Шапка съ кистью на немъ
И веревка въ рукахъ,
Правитъ лодку весломъ.
Примкнулъ къ берегу онъ,
Самъ на берегъ взошелъ,
Соловьемъ просвисталъ.
Видитъ—теремъ высокъ;
Растворилось окно,
Тамъ дѣвица-краса
По веревкѣ въ окно
Молодца приняла,
Всю онъ ночь пировалъ
Съ чернобровой душой,
Чернобровой душой,
Милой дѣвицею.

Въ Даниловскомъ уѣздѣ, Ярославской губерніи, намъ неоднократно приходилось слышать на деревенскихъ бесѣдахъ, какъ поется стихотвореніе

[1]) См. Этнограф. Обозр. XXIX—XXX и XXXIII.

Пушкина «Сквозь волнистые туманы пробирается луна». Стихотвореніе это вошло въ число народныхъ пѣсенъ рѣшительно безъ всякихъ измѣненій. Точно также безъ всякихъ измѣненій поется въ Пошехонскомъ уѣздѣ и другое стихотвореніе Пушкина: «Буря мглою небо кроетъ, вихри снѣжные крутя». Стихотвореніе это вошло въ число плясовыхъ пѣсенъ, подъ которыя «играется» кадриль. Должно замѣтить, что большинство «книжныхъ» стихотвореній, вошедшихъ въ число народныхъ пѣсенъ, и принадлежитъ къ первой изъ вышеупомянутыхъ нами категорій, т. е. большинство ихъ перешло въ народную пѣсню цѣликомъ, не потерпѣвъ существенныхъ измѣненій ни по содержанію, ни по формѣ. Мы говоримъ «существенныхъ», такъ какъ несущественныя измѣненія въ словахъ и выраженіяхъ встрѣчаются и въ пѣсняхъ этой категоріи.

Такъ, напримѣръ, стихотвореніе Пушкина «Узникъ», вошедшее въ число народныхъ пѣсенъ (д. Кочкина,, Пошех. у. Ярославской губерніи) поется такъ:

Сижу за рѣшеткой въ темницѣ сырой.
Вскормленный въ неволѣ орелъ молодой,
Мой *бѣдный* (вмѣсто грустный) товарищъ, махая крыломъ,
Поганую (вм. кровавую) пищу клюетъ подъ окномъ и т. д.

Въ извѣстномъ романсѣ: «Ахъ о чемъ ты проливаешь слезы горькія тайкомъ», вошедшемъ въ число народныхъ пѣсенъ, начальныя строфы поются такимъ образомъ:

Ахъ, зачѣмъ ты проливаешь
Слезы горькія тайкомъ,
И украдкой вытираешь
Полотнянымъ (вмѣсто кисейнымъ) рукавкомъ?

Число книжныхъ стихотвореній, вошедшихъ въ число народныхъ пѣсенъ и подвергшихся кореннымъ, капитальнымъ измѣненіямъ, сравнительно очень не велико. Мнѣ, напримѣръ, пришлось записать не болѣе двухъ-трехъ такихъ пѣсенъ, представляющихъ изъ себя не передѣлку подлинника, а скорѣе его сплошное искаженіе. Нѣсколько такихъ передѣлокъ изъ книжныхъ стихотвореній можно найти въ пѣсняхъ, записанныхъ въ Ярославской губ. г. Архангельскимъ (См. «Яросл. губ. Вѣд.» ч. н. 1888 г, №№ 46. 47. 48. 49. 52. 56 и дальн.). Такой фактъ объясняется очень просто: большинство нашихъ книжныхъ стихотвореній—стихотворенія риѳмованныя и, какъ таковыя, они весьма трудно поддаются передѣлкѣ. Достаточно измѣнить въ строфѣ одно слово, и гармонія стиха нарушится: «не складно будетъ», какъ говоритъ народъ. Совсѣмъ иное дѣло нериѳмованныя пѣсни,—онѣ поддаются передѣлкѣ очень легко. Неудивительно, что одна и та же народная пѣсня, нериѳмованная, является иногда въ нѣсколькихъ варіантахъ, существенно различающихся между собою и по своему содержанію, и отчасти по своей формѣ. Кореннымъ измѣненіямъ подвергаются почти исключительно только стихотворенія лирическія.

Иногда, наконецъ, какъ мы уже говорили и выше, въ народную пѣсню входятъ изъ книжныхъ стихотвореній только отдѣльныя картины и образы. Такъ, напримѣръ, извѣстныя строфы:

«Не слышно шума городского,
На невской башнѣ тишина,
И на штыкѣ у часового
Блеститъ полночная луна»,—

въ измѣненномъ, а иногда и въ неизмѣненномъ почти видѣ вошли и встрѣчаются въ нѣсколькихъ записанныхъ мною народныхъ пѣсняхъ.

Чтобы дать понятіе о томъ, какія именно стихотворенія книжныя сдѣлались достояніемъ народной пѣсни, я привожу ниже списокъ такихъ стихотвореній, которыя поются въ качествѣ пѣсенъ въ той или другой мѣстности Ярославской губ., а именно:

1) «Сквозь волнистые туманы пробирается луна»... Стих. Пушкина. Поется почти безъ измѣненій, какъ плясовая пѣсня.

2) «Зимній вечеръ» («Буря мглою небо кроетъ»...) Стих. Пушкина. Тоже поется безъ всякихъ измѣненій, какъ плясовая пѣсня.

3) «Въ одной знакомой улицѣ я помню старый домъ»... Стих. Пушкина. Поется какъ протяжная пѣсня и пользуется широкою распространенностью; поется грустнымъ напѣвомъ. Во многихъ строфахъ сильно измѣнена.

4) «Подъ вечеръ осени ненастной въ пустынныхъ дѣва шла мѣстахъ»... Стих. Пушкина. Точно также распространена, въ нѣкоторыхъ строфахъ измѣнена; поется точно также, какъ протяжная пѣсня.

5) «Ахъ, о чемъ ты проливаешь слезы горькія тайкомъ?» Стих. Пушкина. Поется какъ протяжная пѣсня.

6) «Талисманъ», Пушкина. («Тамъ, гдѣ море вѣчно плещетъ на пустынныя скалы»...). Поется какъ протяжная пѣсня.

7) «Утопленникъ». Баллада Пушкина: «Прибѣжали въ избу дѣти, второпяхъ зовутъ отца» и т. д. Поется цѣликомъ, съ незначительными измѣненіями, какъ плясовая пѣсня, подъ которую играется кадриль.

8) «Узникъ» («Сижу за рѣшоткой» и пр.) Стих. Пушкина.

9) «Воздушный корабль». Баллада Лермонтова: «По синимъ волнамъ океана»... Поется какъ протяжная пѣсня; пользуется извѣстностью во многихъ мѣстахъ.

10) «Колыбельная пѣсня», Лермонтова: «Спи младенецъ мой прекрасный, баюшки баю»... и т. д. Поется какъ протяжная пѣсня. Довольно распространенная.

11) «Въ рѣкѣ бѣжитъ гремучій валъ»... Стих. Лермонтова. Протяжная пѣсня.

12) «Терекъ воетъ, дикъ и злобенъ, межъ утесистыхъ громадъ»... Стих. Лермонтова. Поется какъ протяжная пѣсня, съ значительными измѣненіями противъ оригинала.

13) «Хазъ Булатъ удалой, бѣдна сакля твоя»... Поется какъ протяжная пѣсня, съ значительными искаженіями [1]).

---

[1]) Это стихотвореніе изъ кавказскихъ нравовъ сочинено, въ подражаніе Лермонтову, однимъ русскимъ офицеромъ, служившимъ на Кавказѣ. *Ред.*

14) «Хуторокъ» («За рѣкой на горѣ лѣсъ зеленый шумитъ»). Стих. Кольцова. Входитъ въ число протяжныхъ пѣсенъ.

15) «Не шуми ты, рожь, спѣлымъ колосомъ» ... Стих. Кольцова. Входитъ въ число протяжныхъ пѣсенъ.

16) «Что ты спишь, мужичекъ, вѣдь весна на дворѣ» ... Стих. Кольцова. Поется какъ протяжная пѣсня.

17) «Отворите мнѣ темницу, дайте мнѣ сіянье дня»... Стих. Кольцова. Поется, какъ плясовая пѣсня, подъ которую играется кадриль.

18) «По надъ Дономъ садъ цвѣтетъ» ... Стих. Кольцова. Употребляется точно также, какъ пѣсня плясовая.

19) «Ахъ, ты, воля, моя воля, золотая ты моя» ... Поется какъ протяжная пѣсня.

20) «На краю села избушка, внучка съ бабушкой живетъ» . . (Стихотвореніе, кажется, Розенгейма). Поется какъ пѣсня плясовая.

21) Строфы изъ «Коробейниковъ» Некрасова, начиная словами: «Хорошо было дѣтинушкѣ сыпать ласковы слова, да трудненько Катеринушкѣ парня ждать до Покрова», и кончая: «Думы дѣвичьи завѣтныя, гдѣ васъ, думы, угадать! Легче камни самоцвѣтные на днѣ моря сосчитать!»

22) «Огородникъ»: «Не гулялъ съ кистенемъ»... Некрасова. Протяжная пѣсня.

23) «Что такъ жадно глядишь на дорогу?» Стих. Некрасова. Протяжная пѣсня.

24) Извѣстный романсъ: «Стрѣлочекъ»: «Я хочу вамъ разсказать».

25) «Сроду не любила»... Старинный романсъ, встрѣчающійся во многихъ печатныхъ пѣсенникахъ.

26) Начальныя строфы изъ «Людмилы», Жуковскаго.

27) «Въ полдневный жаръ въ долинѣ Дагестана съ свинцомъ въ груди лежалъ недвижимъ я...» Стиховореніе Лермонтова, въ сильно извращенномъ видѣ, поется какъ протяжная пѣсня.

28) «Февраля 29-го цѣлый штофъ вина проклятаго вилилъ Касьянъ въ угробу грѣшную» и т. д. Стих. Л. Трефолева (Камаринская). Поется какъ плясовая пѣсня.

Въ вышеприведенный перечень вошли только тѣ изъ книжныхъ стихотвореній, употребленіе которыхъ въ качествѣ народныхъ пѣсенъ наблюдалось лично нами въ Ярославской губерніи. Въ дѣйствительности же число ихъ должно быть гораздо больше. Дѣло въ томъ, что большая часть этнографовъ, собирателей народныхъ пѣсенъ, допускаютъ ту большую ошибку, что, записывая пѣсенный матеріалъ, сортируютъ его по качеству: все носящее слѣды народнаго творчества, они включаютъ въ свои записи, а напротивъ, все то, что носитъ на себѣ печать «книжной» литературы,—то выключаютъ изъ своихъ записей. Нѣкоторые допускаютъ въ сортировкѣ матеріала и бо́льшую еще крайность, выбрасывая изъ записей или даже и совсѣмъ не записывая всѣ народныя пѣсни, неудачныя по своему замыслу, содержанію или формѣ, или, по ихъ мнѣнію, незаслуживающія вниманія этнографовъ. На такую ошибку

мы указывали уже въ одномъ изъ предъидущихъ нашихъ очерковъ о народныхъ «коротенькихъ» пѣсняхъ, или «припѣвкахъ». Не смотря на свою кажущуюся безсмысленность, на свои недостатки и въ содержаніи, и въ формѣ, эти «припѣвки» представляютъ изъ себя богатый этнографическій матеріалъ, отражающій въ себѣ народную жизнь, съ одной стороны, а съ другой стороны, дающій возможность прослѣдить, хотя отчасти, и самый процессъ народнаго творчества. Какъ мы указали ранѣе, одни изъ такихъ пѣсенъ представляютъ изъ себя обломки старинныхъ протяжныхъ пѣсенъ, другія—конгломератъ изъ нѣсколькихъ коротенькихъ пѣсенокъ и т. д.

Какъ ни какъ, а большая часть этнографовъ-собирателей не записываютъ «книжныхъ» стихотвореній, употребляющихся въ народѣ въ качествѣ пѣсенъ. Между тѣмъ такія записи могли бы дать незамѣнимый матеріалъ для изученія процесса народнаго творчества. Правда, мы можемъ видѣть этотъ процессъ и на чисто народныхъ пѣсняхъ, записанныхъ во многихъ варіантахъ. Но въ послѣднемъ случаѣ необходимо бываетъ опредѣлить, какой изъ варіантовъ является родоначальникомъ всѣхъ остальныхъ и въ какой послѣдовательности происходили на немъ различныя наслоенія, встрѣчающіяся въ другихъ варіантахъ данной пѣсни. И, къ сожалѣнію, со стороны изслѣдователя здѣсь могутъ быть только предположенія,—и то, конечно, болѣе или менѣе гадательныя. Выяснить условія, вслѣдствіе которыхъ произошли тѣ или иныя наслоенія или измѣненія въ пѣснѣ, не представляется для изслѣдователя никакой возможности. Совсѣмъ другое дѣло представляютъ изъ себя варіанты книжныхъ стихотвореній, обращающихся въ народѣ въ качествѣ пѣсенъ и записанныхъ изъ устъ народа. Здѣсь уже прародитель всѣхъ варіантовъ—извѣстное стихотвореніе книжное—на лицо. Изслѣдователь здѣсь имѣетъ дѣло съ фактомъ, а не съ предположеніями и догадками. Въ большинствѣ случаевъ для него не составитъ затрудненія выяснить и то, какимъ образомъ извѣстное стихотвореніе, попавъ въ уста народа, измѣнилось такъ, а не иначе. Выводы, полученные въ данномъ случаѣ, съ полнымъ правомъ можно потомъ примѣнить и къ процессу видоизмѣненія въ чисто народной пѣснѣ.

Какъ совершается ассимиляція книжныхъ стихотвореній въ устахъ народа и ихъ переработка, могутъ служить примѣры, указанные выше.

Въ Стихотвореніи «Узникъ», распѣваемомъ въ Пошехонскомъ уѣздѣ, сравнительно съ подлинникомъ вмѣсто слова «грустный» употреблено слово «бѣдный» и вм. «кровавую»—«поганую». Первая замѣна объясняется тѣмъ, что въ народномъ говорѣ Пошехонскаго уѣзда слово «грустный» «грустить», «грусть» почти совсѣмъ не употребляется. Вмѣсто нихъ употребляются: «тоска», «тосковать», «тоскующій», «тоскливый». Такъ какъ ни одно изъ этихъ словъ не подходитъ къ размѣру и риѳмѣ, то слово «грустный», неупотребительное въ народѣ, и замѣнено подобозначущимъ ему словомъ «бѣдный». Вторая замѣна произошла такимъ образомъ: птица орелъ извѣстна крестьянамъ только по наслышкѣ. Естественно, что въ представленіи крестьянина орелъ надѣляется тѣми признаками, какіе

имѣютъ другія извѣстныя крестьянину хищныя птицы; коршунъ и воронъ — единственныя мѣстныя птицы, наиболѣе подходящія къ орлу. (Наружность орла извѣстна отчасти народу по многочисленнымъ изображеніямъ на картинкахъ и т. п.). Между тѣмъ, и коршунъ и воронъ питается падалью, т. е. «поганою» пищею. Неудивительно, что народъ и замѣнилъ слово «кровавый» словомъ «поганый». Такой замѣнѣ способствовало и то обстоятельство, что слово «кровавый» въ народѣ не употребительно. Вмѣсто его говорятъ: «кровяной», «кровянистый». Пища, покрытая кровью, по мѣстнымъ народнымъ понятіямъ, считается нечистою, «поганою».

Въ извѣстномъ романсѣ: «Ахъ, о чемъ ты проливаешь слезы горькія тайкомъ и украдкой вытираешь ихъ кисейнымъ рукавомъ», народъ поетъ «и украдкой вытираешь *полотнянымъ* рукавомъ». Вещь вполнѣ понятная: кисейныя платья и рубаха въ данной мѣстности для народа вещь положительно неизвѣстная... Такія видоизмѣненія можно встрѣтить не только въ отдѣльныхъ словахъ, но и въ цѣлыхъ образахъ и выраженіяхъ. Повторяемъ, что дословная запись изъ устъ народа стихотвореній книжныхъ, обращающихся въ народѣ въ качествѣ пѣсенъ, представляетъ собою много интереснаго въ различныхъ отношеніяхъ.

Какимъ образомъ попадаютъ въ народную пѣсню книжныя, искусственныя стихотворенія?

Первою посредницею въ этомъ, какъ мы сказали, является школа. Въ школѣ крестьянскія дѣти заучиваютъ наизусть различныя мелкія стихотворенія. Нѣкоторыя изъ такихъ понравившихся заученныхъ стихотвореній крестьянская молодежь распѣваетъ на своихъ «бесѣдахъ», «посидѣнкахъ» и «сходахъ». Пѣсни эти поются на мотивъ какой-нибудь извѣстной народной пѣсни, къ которой онѣ подходятъ своимъ размѣромъ. Стихотворенія «Зимняя дорога», «Зимній вечеръ», «Утопленникъ» и т. п. находятся чуть ли не во всякой христоматіи, они заучиваются и крестьянскими дѣтьми въ школахъ. Такимъ путемъ они проникли и въ пѣсни. Вышеупомянутыя три стихотворенія поются на мотивъ народной пѣсни: «И шумитъ и гудитъ», передѣланной съ малорусскаго.

Очень многія стихотворенія заносятся изъ столицъ молодыми людьми, живущими на отхожихъ промыслахъ, а равно и возращающимися изъ военной службы. Должно замѣтить также, что очень многія пьески, производившія въ свое время фуроръ въ устахъ театральнаго пѣвца или пѣвицы на театральныхъ подмосткахъ въ столицѣ или въ цыганскомъ хорѣ, переходятъ затѣмъ на улицу, на бульваръ и рано или поздно дѣлаются достояніемъ народа. Такъ, въ народъ проникъ «стрѣлочекъ», такъ народъ познакомился съ «конфеткой леденистой» и «парой гнѣдыхъ». Очень многіе деревенскіе парни обладаютъ весьма развитымъ слухомъ и быстро усваиваютъ мотивы разъ или два слышанныхъ ими напѣвовъ. Возвращаясь съ отхожихъ промысловъ домой, они приносятъ съ собою и «новыя пѣсни». Пѣсни эти обыкновенно быстро прививаются въ деревнѣ. А между такими пѣснями встрѣчаются зачастую и искусственныя книжныя стихотворенія.

Проводникомъ новыхъ пѣсенъ, а среди нихъ и «книжныхъ» стихотвореній, въ народѣ является, наконецъ, и мѣстная деревенская интеллигенція въ лицѣ сельскихъ учителей, фельдшеровъ, волостныхъ писарей, дѣтей духовенства и т. п. Молодежь изъ этой интеллигенціи зачастую бываетъ на крестьянскихъ бесѣдахъ не въ качествѣ зрителей только, но и участниковъ. Съ другой стороны, и болѣе состоятельная, «чистая» часть крестьянской молодежи участвуетъ въ увеселеніяхъ интеллигентной молодежи. На «вечеринкѣ», напримѣръ, даваемой дочерьми священника, можно увидѣть зачастую и молодого человѣка фельдшера, и сына мѣстнаго трактирщика, и сельскую учительницу, и дочь волостного старшины, и дочь богатаго мѣстнаго лавочника и т. д., и т. д.

Послѣдній путь есть самый широкій и вѣрный въ дѣлѣ распространенія въ народѣ «новыхъ» пѣсенъ, а въ томъ числѣ и книжныхъ стихотвореній.

А. Баловъ.

Изъ преданій и легендъ Кадниковскаго уѣзда, Вологодской губерніи.

1. Преподобный Діонисій, основатель Глушицкаго монастыря въ Кадниковскомъ уѣздѣ, построилъ, кромѣ нѣсколькихъ обителей, три приходскія церкви, одна изъ которыхъ Троицко-Двиницкая находится въ Двиницкой волости Кадниковскаго уѣзда. Въ этой же Двиницкой волости находится, верстахъ въ полутора отъ церкви, въ полѣ крестьянъ деревни Шадрина, часовня, у часовни колодезь, затѣмъ на волоку (въ лѣсу) вблизи Вологодско-Архангельской большой дороги, верстахъ въ 12—13 отъ гор. Кадникова, есть деревянный крестъ. Крестъ, по преданію, водруженъ преподобнымъ, когда онъ шелъ изъ Глушицы на мѣстѣ его молитвы. Крестьянами ближайшихъ деревень на этомъ мѣстѣ постоянно старый, свалившійся крестъ замѣняется новымъ.

Пришелъ преподобный на Двиницу и, не спросивъ крестьянъ ближайшихъ деревень, желаютъ они или нѣтъ имѣть монастырь, приступилъ къ постройкѣ его на понравившемся ему мѣстѣ. Выкопавъ собственноручно колодезь, преподобный принялся рубить лѣсъ и строить обитель. Но хозяинъ (Лукьяновъ—за вѣрность фамиліи не ручаюсь), на чьей землѣ строилась обитель, не желалъ уступить землю преподобному и ночью ломалъ все выстроенное за день преподобнымъ. Три дня принимался строить преподобный, и три раза у него Лукьяновъ ломалъ. Разсердился преподобный и проклялъ Лукьянова, говоря что онъ, Лукьяновъ, будетъ жить бѣдно и весь его родъ будетъ вѣчно нуждаться.

Окрестные крестьяне, узнавъ о намѣреніи св. Діонисія построить обитель, собрались и уговорили преподобнаго построить имъ не монастырь, а приходскую церковь. Лукьяновъ же или его сыновья, видя, какъ все ихъ богатство мало-по-малу уходитъ, чтобы умилостивить пре-

подобнаго, построили на мѣстѣ его работы у колодца часовню. Каждый годъ въ день памяти преподобнаго Діонисія Глушицкаго чудотворца (1 іюня) причтъ Двиницкой церкви съ иконами идетъ въ часовню и служитъ молебенъ. Многіе крестьяне еще съ вечера наканунѣ молебствія собираются въ часовню и всю ночь проводятъ въ молитвѣ.

Потомки Лукьянова бѣдствуютъ и до сей поры. По увѣренію крестьянъ, не смотря на то, что владѣніе черезполосное, у нихъ хлѣбъ родится гораздо лучше, чѣмъ на полосахъ Лукьяновыхъ. (Двиницкая волость).

2. Былъ на землѣ только Богъ и дьяволъ. Богъ сотворилъ человѣка—и дьяволъ попробовалъ сотворить, но сотворилъ не человѣка, а чорта, и какъ онъ ни старался, ни трудился, все же не могъ сотворить человѣка, все у него выходили черти. Богъ увидѣлъ, что дьяволъ уже сотворилъ нѣсколькихъ чертей, разсердился на дьявола и велѣлъ Архангелу Гавріилу (старшему изъ всѣхъ ангеловъ) свергнуть ихъ (сатану и всю нечистую силу) съ неба. Гавріилъ свергнулъ. Кто упалъ въ лѣсъ сталъ—лѣшій, кто въ воду—водяной, кто на домъ- домовой, «кормилецъ».

(Двиницкая волость).

3. Вотъ какая существуетъ легенда, почему сарыча зовутъ *канюкомъ.* Всѣмъ птицамъ и звѣрямъ Богъ, по сотвореніи земли, велѣлъ копать въ землѣ углубленія для воды. Всѣ птицы послушались, только одинъ канюкъ, боясь замарать о землю свои красивыя ноги, ослушался повелѣнія Божія. Богъ за это ослушаніе повелѣлъ ему пить воду только съ листьевъ деревьевъ, когда они бываютъ влажны послѣ дождя и росы, а не изъ рѣкъ, ручьевъ, лужъ и т. п. водоемовъ.

Канюку во-первыхъ трудно такъ пить, а во-вторыхъ и не всегда древесныя листья бываютъ влажны, поэтому канюкъ часто «жаждетъ» и постоянно проситъ у Бога дождя. Не нужно забывать, что существуетъ народное слово: „канючить" т. е. ханжить, усиленно просить [1]).

(Больш. Мургинская волость).

4. Никогда не слѣдуетъ клясть другихъ.—Давно, очень давно былъ такой случай. Въ одномъ селѣ жила вдова съ сыномъ. Однажды въ Христовскую (пасхальную) заутреню мать съ сыномъ не пошли въ церковь. Мать обряжалась—творогъ дѣлала. Вышла она зачѣмъ-то изъ избы, какъ сынъ схватилъ ложку и хлебнулъ раза два-три творогу. Увидѣла мать, что сынъ ѣлъ, и давай его ругать. Какъ же можно оскоромиться, когда еще православные не пришли изъ церкви,—грѣхъ! Всяко она ругала сына и «будь ты проклятъ», и «пропади ты пропадомъ», и «унеси тебя нечистый», всяко, всяко ругала. Изругала сына да и послала его посмотрѣть, есть ли у скотинки кормъ. Ушелъ сынъ изъ избы,

---

[1]) Срв. сходное польское повѣрье, выражающееся въ пословицѣ: „Pragnie, jak kania dżdżu". (См. *Samuel Adalberg*: „Księga przysłów" etc. Warszawa, 1894, стр. 432). Пословица объяснена *K. Wojcicki*'мъ („Przysłowia narodowe," t. II. Warsz. 1830. p. 251) и *Const. Wurzbach*'омъ (Die Sprichwörter der Polen historisch erläutert". Wien, 2 Ausg., 1852, p. 211, съ указаніемъ на греч. писателя схоліаста Joh. Tzetzes'а). *Ред.*

да и нѣтъ его, нѣтъ и нѣтъ. Пождала, пождала и пошла за нимъ. Пришла въ хлѣвъ—его нѣтъ; сходила къ сосѣдямъ—вездѣ заперто, все еще не возвратились православные изъ храма Божія. Такъ сынъ у нея и сгинулъ, пропалъ.

Прошло много времени. Приходитъ въ деревню отставной солдатикъ и просится ночевать. Нигдѣ его не пустили, не пустила и вдова; указала она солдатику пустой, нежилой домъ. Обрадовался и этому служивый, —все не подъ дождемъ проведетъ ночь. Легъ онъ спать, и только сталъ засыпать, какъ изъ «го́убца» выбѣжала цѣлая гурьба ребятишекъ и всѣ плачутъ, а одинъ таково «яственно» выговариваетъ, что его прокляла мать въ Христовскую заутреню. Какъ стало бить въ церкви полночь, всѣ ребятишки вновь убѣжали въ го́убецъ. Пришелъ на утро солдатъ въ село и разсказалъ, что́ видѣлъ онъ за ночь. Сходили мужики всѣмъ міромъ въ избу, обшарили всѣ ея углы, но ничего не нашли. «Есть у тебя три непочатыхъ конца (куска) холста?»—спросилъ солдатъ вдову и на утвердительный ея отвѣтъ сказалъ: «Какъ начнетъ смеркаться, такъ и ступай съ концами въ избу, лягъ на печь, да тихо лежи. Выскочатъ ребятишки, ты запримѣть, который будетъ причитать, что его прокляла мать въ Христовскую заутреню, слѣзь потихоньку съ печи да и обмотай его холстомъ».

Такъ вдова и поступила. Взяла она три непочатыхъ конца холста и, когда начало смеркаться, пошла въ избу. Легла на печь. Лежитъ тихо, чуть дышитъ. Вышли изъ «гоубца» мальчики и плачутъ, а одинъ все причитаетъ, что его прокляла мать въ Христовскую заутреню. Сошла тихонько вдова съ печи и обмотала вокругъ него весь холстъ. Какъ стало въ церкви бить полночь, всѣ ребятишки побѣжали, а онъ не можетъ; подскочили они къ нему и сразу разорвали холстъ и всѣ убѣжали. Пришла вдова къ солдату и разсказала все, что случилось за ночь. «А есть у тебя шелковое подвѣнечное платье?»—«Есть».—«Вотъ ужъ его не разорвутъ». Какъ стало опять смеркаться, вдова взяла свое подвѣнечное платье и пошла въ избу. Какъ прибѣжали опять мальчуганы, она сошла съ печи и обмотала шелковымъ подвѣнечнымъ платьемъ того мальчика, который все причиталъ, что его прокляла мать въ Христовскую заутреню. Какъ стало бить полночь, всѣ мальчуганы побѣжали, одинъ только обмотанный платьемъ не можетъ бѣжать. Подбѣжали къ нему мальчики и хотѣли разорвать, но, какъ ни рвали, не могли разорвать шелковаго подвѣнечнаго платья. Такъ они и убѣжали въ гоубецъ, оставивъ его на полу. Сошла вдова съ печи, взяла на руки мальчика и принесла домой. Размотала платье и видитъ, что ея сынъ спитъ; перекрестила его и спать легла. Такъ съ той поры вдова съ сыномъ и жила.

Но это давно было, давно. (Пелышемская волость).

Сообщилъ **Прок. Дилакторскій.**

Башкирскіе батыри Кабанбай и Узянбай.

(Этнографическій очеркъ, составленный по разсказамъ стариковъ).

Ровно 100 лѣтъ тому назадъ деревня Бурамбаева, находящаяся въ 1-й Бурзянской волости, Орскаго уѣзда, состояла не болѣе, какъ изъ десяти полуразвалившихся башкирскихъ домиковъ, расположенныхъ въ ущельѣ горы Ирандыкъ (вѣтвь Уральскаго хребта). На самомъ концѣ деревни стояла избушка, которая своею бѣдностью производила довольно грустное впечатлѣніе. Около нея даже негдѣ было въ ненастное время укрыться не только человѣку, но и животному. Но, не смотря на то, что съ виду она походила на необитаемую, все-таки въ ней проживала семья, состоявшая изъ отца, матери, двухъ сыновей и четырехъ дочерей. На взглядъ хозяину дома было отъ роду не болѣе лѣтъ тридцати пяти; онъ былъ высокаго роста и крѣпкаго тѣлосложенія; во всѣхъ движеніяхъ его проглядывала неустрашимость и необузданная отвага. Человѣкъ этотъ былъ не кто иной, какъ замѣчательный батырь Кабанбай.

При имени Кабанбая трепетала почти вся киргизская страна. Мало того, что онъ отбивалъ ихніе табуны, случалось часто, что онъ въ схваткахъ не жалѣлъ своихъ враговъ, жестоко имъ мстилъ, истребляя нерѣдко цѣлыя селенія. Разумѣется, въ такихъ случаяхъ помогали ему вѣрные его друзья, которыхъ въ его шайкѣ было не мало; всѣ они преимущественно были вооружены копьями и стрѣлами. Въ числѣ его друзей второе мѣсто послѣ его самого занималъ по своему удальству Узянбай, родной братъ его. Несмотря на свои выгодные набѣги въ матеріальномъ отношеніи, Кабанбай съ семействомъ терпѣлъ великую нужду. Однажды вечеромъ Кабанбай, какъ будто желая стряхнуть съ себя гнетущую его тяжесть, быстрыми шагами приблизился къ стѣнѣ и дрожащими отъ волненія руками взялъ висѣвшій тамъ лукъ, попробовалъ натянуть его тетиву, вѣроятно, желая убѣдиться, не поврежденъ ли онъ. Послѣ осмотра, самодовольно улыбаясь, повѣсилъ оружіе на прежнее мѣсто, подошелъ къ другой стѣнѣ, гдѣ сберегался колчанъ со стрѣлами, тщательно перебралъ всѣ стрѣлы и, вполнѣ убѣдившись, что онѣ находятся въ должномъ порядкѣ, вновь повѣсилъ колчанъ. Затѣмъ отошелъ отъ него въ сторону, присѣлъ и предался размышленіямъ. Въ такомъ положеніи онъ оставался недолго, потому что мысли его внезапно были прерваны приходомъ Узянбая.

Кабанбай, увидѣвъ младшаго брата, не привѣтствовалъ послѣдняго у порога своего жилья, какъ требовалъ того обычай, но продолжалъ сидѣть и молча указалъ ему мѣсто возлѣ себя. Когда тотъ расположился, то Кабанбай, долго не думая, тихо, почти шопотомъ, сказалъ: «Братъ! Я съ семействомъ умираю съ голоду: вотъ уже другой день во рту у насъ не было ни росинки; запасъ, что былъ пріобрѣтенъ мной во время набѣга, до послѣдняго кусочка истощился, а оставаться въ такомъ положеніи нечего и думать, нужно на что нибудь рѣшиться: или покончить съ собой, или же, во что бы то ни стало, какъ можно скорѣй до-

быть пищу. Обладая силой, просить милостыни не приходится, откажутъ, скажутъ: «ты здоровъ, не лѣнись, работай!» А руки поднять на себя—это будетъ противно Аллаху. Такъ не лучше ли будетъ, братъ Узянбай, воспользоваться намъ темнотой сегодняшней ночи, закатиться къ Абрахману и стащить у него одного барана, чтобы и обезпечить себя на короткое время?»—«Жаль, что я засталъ тебя при такихъ обстоятельствахъ,—сказалъ Узянбай:—я думалъ, что я одинъ нахожусь въ несчастіи, между тѣмъ оказывается, что и ты голоденъ не менѣе меня, поэтому охотно принимаю твое приглашеніе».

Сказано—сдѣлано. И вотъ черезъ нѣсколько времени половина барана была сварена и съ большимъ аппетитомъ съѣдена. По окончаніи трапезы бесѣда была возобновлена Кабанбаемъ: «Украсть барана было намъ сущая бездѣлица, но воровать у ближняго—величайшій грѣхъ, который ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть прощенъ Богомъ; кромѣ того, за ничтожнаго барана еще потеряешь репутацію среди своихъ сосѣдей. Остается одно: завтра же набрать желающихъ отправиться съ нами въ киргизы, гдѣ въ широкихъ степяхъ можно будетъ разгуляться безъ всякихъ опасеній, и добычею могутъ послужить намъ табуны ненавистныхъ враговъ нашихъ, киргизовъ».

На слѣдующее утро въ дер. Бурамбаевой и другихъ окрестныхъ деревушкахъ началась большая суета. Почти во всѣхъ домахъ раздавались голоса башкиръ, и съ большимъ нетерпѣніемъ готовились къ какому-то предпріятію. Приготовленія, повидимому, были мирнаго настроенія; однако, тщательному наблюдателю легко можно было замѣтить, что всѣ чистили оружіе, привязывали къ сѣдламъ провизію и т. п.; все это старались скрыть отъ взора любопытныхъ, не участвующихъ въ задуманномъ предпріятіи.

Въ этихъ сборахъ прошелъ день, и когда стемнѣло, то по узкой, мало протоптанной тропинкѣ, ведущей въ киргизы, до 60-ти конно-вооруженныхъ башкиръ, подъ предводительствомъ любимаго ихъ батыря Кабанбая, потянулись гуськомъ, предполагая, что вышли никѣмъ не замѣченными. У всѣхъ ихъ было одно желаніе, чтобы какъ можно скорѣе достигнуть вражьихъ селеній, и, не страшась жертвъ, они думали только о томъ, какъ бы побольше отбить лошадей и угнать ихъ домой. Въ такомъ воинственномъ настроеніи они ѣхали трое сутокъ; на четвертый день, предъ закатомъ солнца, были уже недалеко отъ одного киргизскаго аула, надъ жителями котораго должна была разразиться неожиданная буря.

Сильная темнота ночи благопріятствовала грабителямъ. Кабанбай раздѣлилъ свою шайку на нѣсколько частей и приказалъ имъ безъ шума окружить селеніе, врасплохъ напасть на спящихъ киргизовъ, перерѣзать ихъ и овладѣть скотомъ. Со стороны селенія положительно не слышно было никакого крика и шума, почему можно было предположить, что жители покоятся мирнымъ сномъ. Между тѣмъ, напротивъ, предупрежденные о грозящемъ нападеніи, киргизы ловко притаились подлѣ своихъ хижинъ и съ нетерпѣніемъ поджидали незванныхъ гостей.

Кабанбай, въ сопровожденіи 15 башкиръ, приблизился къ аулу почти на разстояніе 5 саженъ, какъ вдругъ съ противоположной стороны раздался пронзительный крикъ: «Алла!» Кабанбаю почудилось, будто голосъ ему знакомъ, и онъ, дѣйствительно, не ошибся. Этотъ отчаянный крикъ вырвался изъ устъ его близкаго товарища, который наповалъ былъ убитъ стрѣлой киргиза. Это неожиданное обстоятельство привело Кабанбая въ бѣшенство; онъ забылъ всякую предосторожность и закричалъ: «жгите дома проклятыхъ!»—чтó и было очень быстро исполнено. Когда огненные языки появились на нѣкоторыхъ домахъ, при свѣтѣ зарева Кабанбай и его товарищи увидѣли толпу вооруженныхъ киргизовъ, отчаянно вломились въ ихъ средину и стали топорами и острыми стрѣлами разить враговъ. Сѣча была страшная, кровопролитная, продолжавжаяся почти до восхода солнца. Несмотря на свою малочисленность, башкиры одержали полнѣйшую побѣду надъ киргизами. Кое-гдѣ оставшіеся въ живыхъ киргизы спѣшили спасаться бѣгствомъ, но и тутъ несчастныхъ пронизывали насквозь башкирскія стрѣлы.

Изъ 200 жителей, проживавшихъ въ аулѣ, едва ли могли избѣгнуть страшной участи душъ 15, и на мѣстѣ прежде обитаемаго селенія остались только однѣ торчащія трубы и груды пепла. По окончаніи жестокой расправы, оказалось, что и башкиры въ стычкѣ потеряли до 20 самыхъ отборныхъ воиновъ, которыхъ они постарались разыскать и, собравши ихъ всѣхъ въ одну кучу, предали сырой землѣ, по обычаю магометанской религіи.

Не теряя времени, Кабанбай велѣлъ согнать нѣсколько косяковъ киргизскихъ лошадей и поспѣшить въ обратный путь. На слѣдующій день вечеромъ они расположились на отдыхъ на полянѣ, подлѣ которой, примѣрно въ 100 саженяхъ, возвышалась высокая гора, подъ названіемъ Чакча. Съ наступленіемъ утра, когда башкиры усердно хлопотали надъ приготовленіемъ завтрака, вдругъ на вершинѣ Чакчи точно изъ земли выросли человѣкъ 10 киргизъ, которые вскорѣ опять скрылись за горой. Башкиры смекнули, что дѣло не ладно, и, ожидая нападенія, приготовились къ оборонѣ. Непріятель не долго заставилъ себя ждать: съ противоположнаго склона горы до 70 наѣздниковъ скакали уже во весь опоръ. Не доѣзжая на выстрѣлъ до стана башкиръ, они остановились и, выбравъ изъ своей среды четырехъ человѣкъ, отправили къ башкирамъ для переговоровъ.

Кабанбай, вскочивъ на ноги, закричалъ: «не приближайтесь! если желаете сообщить что либо, то можете сдѣлать это издали». Слыша повелительный голосъ предводителя башкиръ и видя его гигантскую фигуру, посланные невольно подчинились требованію и волею-неволею должны были держать рѣчь на почтительномъ разстояніи отъ лагеря башкиръ. «Мы пріѣхали,—говорили они,—отъ имени нашего грознаго бея, которому угодно было просить васъ выдать ему Кабанбая и Узянбая, а остальнымъ отправиться, куда желаютъ».

Выслушавъ это, Кабанбай не могъ удержаться отъ гнѣва и съ дерзостью отвѣтилъ: «вернитесь къ вашему бею, проклятой собакѣ, и пере-

дайте ему, чтобы онъ, злодѣй, на будущее время не смѣлъ подсылать ко мнѣ съ такимъ дерзкимъ предложеніемъ! Не то, я постараюсь сдѣлать такъ, что онъ вѣчно будетъ помнить меня».

Прежде чѣмъ посланные успѣли вернуться къ своимъ и разсказать слышанное, живо Кабанбай отрядилъ троихъ башкиръ для гоньбы лошадей, а самъ совмѣстно съ другими, слѣдуя позади ихъ, покинулъ стоянку. Киргизы, видя, что враги уходятъ, собрались толпою и стали держать совѣтъ.

Кабанбай былъ убѣжденъ, что безъ битвы дѣло не обойдется, и сталъ убѣждать своихъ: «Друзья мои! вамъ извѣстно, что мы многократно бывали окружаемы въ десять разъ сильнѣйшимъ непріятелемъ и въ такихъ критическихъ обстоятельствахъ не падали духомъ, а всегда оставались побѣдителями; точно также и нынѣ не робѣйте, ребята! сражайтесь мужественно! Лучше умереть съ оружіемъ въ рукахъ, нежели попасться къ злодѣямъ на поруганіе».

Едва было выговорено послѣднее слово, какъ надъ головами башкиръ со свистомъ пролетѣла цѣлая туча стрѣлъ, смертельно ранивъ одного изъ нихъ, который свалился съ сѣдла и въ страшныхъ мученіяхъ скончался. Въ то время, когда уже начинало казаться, что спасенія нѣтъ, башкиры на всемъ скаку осадили своихъ коней и моментально повернулись назадъ, начали перестрѣлку, которая, впрочемъ, длилась не долго — не болѣе часа, такъ какъ дружнымъ наступленіемъ башкиры заставили киргизъ совершенно отступить и отказаться отъ дальнѣйшаго преслѣдованія. Благодаря такому счастливому исходу дѣла радости башкиръ не было границъ. Отстранивъ грозящую бѣду, они продолжали путь безъ малаго два дня, и безъ всякихъ приключеній прибыли въ дер. Бурамбаеву. Тамъ родные вышли имъ на встрѣчу съ радостью, но, видя, что въ числѣ пріѣхавшихъ недостаетъ нѣкоторыхъ родственниковъ, и узнавъ что они убиты, огласили воздухъ плачемъ и воплемъ.

Кабанбай и его товарищи, раздѣливъ награбленную добычу между собой безъ обиды, зажили припѣваючи и нерѣдко, сидя у родного очага, вспоминали про свои удалыя похожденія.

Время шло незамѣтно: день за днемъ, недѣля за недѣлей; такимъ образомъ наступилъ уже третій годъ со дня послѣдняго ихъ набѣга.

Вдругъ, въ одно прекрасное весеннее утро, къ немалому удивленію жителей, по дорогѣ, ведущей въ д. Бурамбаеву, съ горы стали спускаться повозки, запряженныя тройками хорошихъ башкирскихъ лошадей. Съ ужасомъ услышали Бурамбаевцы звонъ колокольчиковъ и готовы были уже разбѣжаться въ разныя стороны, какъ сопровождающіе повозки конные казаки и кантонный начальникъ помѣшали имъ въ ихъ замыслѣ. При видѣ чиновниковъ и отряда вооруженныхъ ружьями и шашками русскихъ казаковъ, башкиры съ замираніемъ сердца ожидали чего-то страшнаго. Дѣйствительно, они не обманулись. Это была комиссія, командированная правительствомъ для разбора дѣла объ убійствѣ жителей киргизскаго аула шайкою удалого Кабанбая. Послѣ двухъ-недѣльнаго судебнаго слѣдствія по направленію къ городу Верхнеуральску, за строгимъ

конвоемъ, закованные въ огромнѣйшія деревянныя колодки, слѣдовали 37 человѣкъ башкиръ-арестантовъ. Въ числѣ таковыхъ обращалъ на себя особенное вниманіе Узянбай, человѣкъ выше средняго роста, съ огромной головой, открытымъ лбомъ и маленькими проницательными, постоянно движущимися, черными глазами. Преступники были приговорены судомъ къ ссылкѣ на поселеніе въ Сибирь. Что касается главнаго виновника, то онъ, по своей смѣткѣ, счелъ за лучшее избѣгнуть рукъ правосудія и скрыться. Многократно башкиры ухитрялись поймать его для передачи властямъ, но старанія ихъ оставались безплодными, такъ какъ Кабанбай, владѣя необыкновенною силою, жестоко избивалъ нападающихъ на него башкиръ и самъ спасался. Нѣкоторые-же просто сами отказывались отъ поимки, опасаясь навлечь на себя его грозный гнѣвъ.

Прошло два съ лишнимъ года. Однажды, въ жаркое лѣтнее время, когда стояла засуха и солнце невыразимо жгло, одинъ всадникъ, желая освѣжиться прохладной водой озера Колтыбана, слѣзъ съ лошади и сталъ раздѣваться, чтобы выкупаться; въ это время со всѣхъ сторонъ человѣкъ до двадцати обступили его съ намѣреніемъ схватить. Онъ моментально вскочилъ на лошадь, но въ это же время лошадь, пораженная стрѣлою, замоталась и упала вмѣстѣ съ своимъ всадникомъ. Потеря нѣсколькихъ секундъ стоила бы ему жизни или свободы, но онъ въ моментъ паденія своей лошади, быстро спрыгнулъ съ нея, и не успѣли преслѣдователи ахнуть, какъ онъ отбѣжалъ уже отъ нихъ саженъ на двѣсти. Это и былъ Кабанбай. Онъ сталъ своими мѣткими стрѣлами поражать враговъ, и они, оставивъ на мѣстѣ восемь башкиръ убитыми и троихъ раненными, безъ оглядки пустились отъ Кабанбая.

Кабанбай поймалъ одну клячу, принадлежавшую убитому имъ башкиру, и на ней къ вечеру доѣхалъ до горы Уварашъ, находящейся отъ озера Колтыбана примѣрно въ 30-ти и отъ дер. Бурамбаевой—въ пяти верстахъ, гдѣ вздумалъ пристать на ночлегъ. Рано утромъ, желая утолить голодъ, онъ развелъ костеръ; затѣмъ, доставъ изъ кожанаго мѣшка сушеную конину, положилъ ее на огонь, самъ же въ ожиданіи предался размышленіямъ. Мысли быстро мелькали въ его буйной головѣ, смѣняясь однѣ другими; на сердцѣ одинокаго изгнанника становилось все тяжелѣе и тяжелѣе. Впрочемъ, состояніе это длилось весьма непродолжительно: неподалеку отъ него раздались голоса многихъ башкиръ. Встревоженный неожиданнымъ крикомъ, Кабанбай въ одну минуту былъ уже на ногахъ, и, не думая о лошади, которая паслась въ отдаленіи, схватилъ въ одну руку провизію, а въ другую оружіе и сталъ гигантскими шагами взбираться на гору Уварашъ. Онъ напрягъ всѣ силы, и, наконецъ, ему удалось дойти до маленькой площадки, окруженной съ трехъ сторонъ громадными скалами, откуда онъ сталъ наблюдать надъ своими противниками.

Вскорѣ онъ увидѣлъ, что возлѣ оставленной имъ лошади, внизу, появилось нѣсколько десятковъ башкиръ, которые напрасно старались найти его. Въ это время одному случайно удалось замѣтить человѣческіе слѣды по направленію вверхъ. Только что сдѣлалъ онъ нѣсколько ша-

говъ кверху на гору, какъ, будучи смертельно раненъ стрѣлой Кабанбая, упалъ и покатился внизъ, обрушивъ вмѣстѣ съ своимъ паденіемъ массу камней, посыпавшися на его товарищей. Имъ стало ясно, что преступникъ имѣетъ хорошее убѣжище на верху, но отказаться отъ опаснаго приступа имъ ни въ какомъ разѣ не приходилось, такъ какъ ими руководилъ помощникъ кантоннаго начальника Галій Бикчуринъ, подъ угрозою строжайшей отвѣтственности. Въ то же время и Кабанбай рѣшилъ до послѣдней капли крови защищаться и отстаивать свою голову. Онъ поднималъ огромные камни и, бросая ихъ внизъ, уложилъ ими на мѣстѣ нѣсколькихъ человѣкъ. Потомъ, вскарабкавшись на край своей берлоги, сталъ стрѣлять въ осаждавшихъ и въ такомъ возбужденномъ состояніи не видѣлъ предъ собой ничего, въ то время, какъ ему со всѣхъ сторонъ угрожала смерть. Положивъ стрѣлу на тетиву, онъ могучими руками натягиваетъ лукъ, какъ съ противоположной стороны вражья стрѣла, направленная не менѣе искусною рукою, попала прямо въ его лукъ, раздробивъ его своимъ стальнымъ наконечникомъ. Лишившись единственнаго оружія, Кабанбай потерялъ всякую надежду на спасеніе. Только благодаря своей стальной кольчугѣ онъ оставался невредимъ и крѣпко стоялъ противъ осыпавшихъ его стрѣлъ. Наконецъ, башкиръ Кабіулла стрѣлой ранилъ его въ ногу, и онъ упалъ на землю; прежде чѣмъ онъ попробовалъ приподняться на рукахъ, человѣкъ 15 разомъ накинулись на него и, сильно избивъ, скрутили его по рукамъ и по ногамъ веревками и, взваливши въ телѣгу, съ торжествомъ повезли въ деревню. Бикчуринъ распорядился заковать Кабанбая въ крѣпкіе кандалы и, назначивъ караулъ изъ 12 человѣкъ, отправилъ его въ городъ Верхнеуральскъ, откуда онъ былъ препровожденъ въ Уфу.

Рана, полученная Кабанбаемъ, оказалось тяжкою, и здоровье его все ухудшалось. Тяжело было видѣть душевную борьбу этого нѣкогда могучаго богатыря. Онъ не переставалъ бормотать безсвязно, повторяя главныя событія изъ его грѣшной жизни, обвиняя то себя, то сосланнаго въ Сибирь брата Узянбая въ безразсудномъ поведеніи. Онъ просилъ у Аллаха прощенія за все имъ сдѣланное и къ вечеру на шестой день скончался.

Справедливость требуетъ сказать, что не смотря на всѣ совершенныя злодѣянія, въ Кабанбаѣ были и хорошія наклонности, но мощная и необузданная натура не пожелала покоряться разуму. Страсти, заглушивъ въ немъ хорошія побужденія, вели его къ дурнымъ дѣламъ,—и погибъ онъ отъ своего корыстолюбія и самонадѣянности.

Вражда, существовавшая когда-то между этими двумя упомянутыми народами, исчезаетъ безслѣдно, такъ что въ настоящее время не только забывается старая привычка дѣлать набѣги другъ на друга, забирать людей въ плѣнъ, зашивать несчастныхъ въ кошмы, красть дѣтей и т. д., что̀ было въ употребленіи даже и въ неособенно отдаленное отъ насъ время,—но башкиры съ киргизами, находясь между собою въ частыхъ сношеніяхъ въ обыденной жизни, или черезъ разныя побратимства, или

чрезъ неоффиціальные браки киргизъ на башкирскихъ дѣвушкахъ, стали замѣтно сближаться; вмѣстѣ съ тѣмъ окончательно забываются и кровавыя мщенія, которыя сохранялись изъ рода въ родъ съ самыхъ отдаленныхъ временъ между потомками этихъ двухъ когда-то могущественныхъ народовъ приуральскихъ странъ восточной Россіи.

Батыръ-Гарей Мухаметовъ Юлуевъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

(По адресу С. Г. Рыбакова).

Печатая настоящій очеркъ нашего давнишняго сотрудника г. Юлуева[1]), пользуемся случаемъ, чтобы оправдатся въ незаслуженномъ обвиненіи по нашему адресу, встрѣченномъ нами на страницахъ почтеннаго академическаго изданія: «Музыка и пѣсни уральскихъ мусульманъ съ очеркомъ ихъ быта», *С. Г. Рыбакова.* (Записки Имп. Акад. Наукъ, VIII серія, по историко-филологическому отдѣленію, т. II, № 2 СПБ. 1897 г.). Авторъ этого труда, на стр. 273, коснувшись личности нашего сотрудника, г. Юлуева, какъ перваго писателя среди башкиръ, говоритъ между прочимъ слѣдующее: «владѣя довольно удовлетворительно русскимъ языкомъ, онъ напечаталъ рядъ статей по этнографіи башкиръ въ московскомъ журналѣ «Этнографическое Обозрѣніе», но первое время, по словамъ молодого Юлуева, одно лицо, близко стоящее къ редакціи, пользовалось его сообщеніями и печатало ихъ подъ своей фамиліей. Фактъ страный для нравовъ Московскихъ журналистовъ»... Еще болѣе странно,— скажемъ мы отъ себя,—для петербургскихъ ученыхъ прибѣгать къ подобнаго рода голословнымъ инсинуаціямъ, которыми печатно оскорбляется не одно частное лицо и не редакція, а цѣлое учрежденіе, т. е. ученое общество, при которомъ нашъ журналъ издается. Автору слѣдовало, въ видахъ выясненія истины, назвать по имени это неизвѣстное лицо, «близко стоящее къ редакціи», или указать статьи, подписанныя чужимъ именемъ, иначе такого рода утвержденіе имѣетъ видъ публичной клеветы, которую ни подозрѣваемое авторомъ лицо, ни Общество не имѣетъ возможности опровергнуть. Смѣемъ увѣрить автора и его читателей, что и Обществу Любителей Естествознанія, и редакціи «Этнографическаго Обозрѣнія» настолько извѣстны ихъ сочлены и сотрудники, что въ изданіяхъ Общества или его отдѣловъ не могутъ появляться краденыя статьи подъ чужими именами. Нельзя не пожалѣть о томъ, что И. Академіей Наукъ на страницахъ ея изданія было допущено такое непозволительное отношеніе къ чести другого ученаго учрежденія.

---

[1]) См. его статьи въ XIII кн. „Этнографическаго Обозрѣнія“ (1892 г.)

КРИТИКА и БИБЛІОГРАФІЯ.

Пѣсни русскаго народа. *Собраны въ губерніяхъ Архангельской и Олонецкой въ 1886 году. Записали слова* **Ѳ. М. Истоминъ,** *напѣвы* **Г. О. Дютшъ.** Издано И. Р. Геогр. Обществомъ на средства, Высочайше дарованныя. СПБ. 1894 г.

Поводомъ къ этой моей запоздалой рецензіи послужило мое путешествіе, совершенное лѣтомъ этого 1899 года по Архангельской губерніи съ этнографической цѣлью, при чемъ мнѣ пришлось побывать въ нѣкоторыхъ изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ была экспедиція гг. Истомина и Дютша.

Цѣлью экспедиціи было «собираніе чисто-русскихъ народныхъ пѣсенъ съ напѣвомъ». Экспедиція, слѣдуя изъ Петрозаводска въ Сумскій посадъ и Кемь на Бѣломъ морѣ, сдѣлала записи въ 1) Сѣнногубскомъ погостѣ, 2) Сельгѣ (именно въ Любосельгѣ и Кондѣ), 3) Боярщинѣ, 4) Великогубской в. (именно въ д. Оятевщинѣ), 5) Космозерѣ, 6) Толвуѣ, 7) Шуньгской в. (именно въ деревнѣ Кузарандѣ), 8) Масельгѣ, 9) Выгозерскомъ п., 10) Габъ-Наволокѣ, 11) Корельскомъ, 12) Кой-кинницахъ, 13) Сумскомъ посадѣ, 14) г. Кеми и 15) Подужемьѣ. Пріѣхавъ изъ г. Кеми въ г. Онегу и избравъ послѣднюю исходнымъ пунктомъ, экспедиція сдѣлала записи въ 16) Онегѣ, 17) Малошуйкѣ (на западъ отъ Онеги), 18) Корельскомъ, 19) Усольѣ, 20) Полѣ, 21) Чекуевѣ, 22) Пянтовомъ, 23) Хачелѣ—на юго-востокъ отъ г. Онеги по рѣкѣ Онегѣ и ея притоку и 24) Андозерѣ, на сѣверо-востокъ отъ г. Онеги. Слѣдуя изъ г. Онеги въ Архангельскъ, экспедиція сдѣлала записи въ 25) Кяндѣ, 26) Унскомъ посадѣ и 27) Ненонсѣ. На пути изъ Архангельска въ Вологду она дѣлала записи въ 28) Коскогорской, 29, Емецкомъ, 30) Моржегорскомъ, 31) Шестозерской, 32) Березникѣ, 33) Шеговарской, 34) Шенкурскѣ, 35) Верховажьѣ и 36) Мосѣевской. Такимъ образомъ, въ теченіе трехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ экспедиція изъѣздила 4500 верстъ и на записи употребила 47 дней. За это время было записано: «слова 183 пѣсенъ, въ томъ числѣ духовныхъ стиховъ 11, былинъ 15, пѣсенъ: протяжныхъ 98, свадебныхъ 28, хороводныхъ 20; причети: свадебной 6, похоронной 4, 1 рекрутская и почти столько же напѣвовъ».

Записи дѣлались двумя способами: во-первыхъ, экспедиція по пріѣздѣ въ деревню собирала при содѣйствіи сотскаго, десятника или урядника народъ и, объяснивъ ему цѣль своего пріѣзда, дѣлала затѣмъ записи его пѣсенъ; во-вторыхъ, свои записи она дѣлала отъ гребцовъ во время переѣзда на лодкахъ.

Изъ 183 пѣсенъ, записанныхъ ею, экспедиція напечатала только 119. Въ изданіе не вошли по своей немногочисленности пѣсни Вологодской губерніи; не вошли въ него нѣкоторыя пѣсни и другихъ губерній «вслѣдствіе строгаго выбора ихъ при изданіи». Къ изданію приложены 1) «указатель мѣстностей съ обозначеніемъ пѣвцовъ и пѣвицъ, пропѣвшихъ вошедшія въ сборникъ пѣсни», 2) «алфавитный списокъ сказителей и сказительницъ» былинъ, 3) «списокъ мѣстностей, гдѣ записывались пѣсни, съ обозначеніемъ взаимныхъ разстояній и времени ихъ посѣщенія», 4) «алфавитный указатель къ пѣснямъ» и 5) карта пути экспедиціи. Пѣсни записывались «съ мѣстными особенностями народной рѣчи» вмѣстѣ съ напѣвами.

Названный сборникъ представляетъ большую цѣнность для русской этнографіи въ музыкальномъ и діалектическомъ отношеніяхъ, не говоря уже о томъ, что онъ увеличиваетъ наши знанія о пѣсняхъ новыми экземплярами и варьянтами и, притомъ, по большей части изъ такихъ мѣстностей, о которыхъ до того времени у насъ было мало свѣдѣній.

Но несмотря на это, по поводу этого изданія можно сдѣлать нѣсколько замѣчаній. Прежде всего, можно было бы пожелать, чтобы помѣщенныя въ сборникѣ пѣсни сопровождались счетомъ стиховъ, такъ какъ это представило бы болѣе удобства при пользованіи сборникомъ. Было бы также хорошо, если бы стихи, представляющіе въ музыкальномъ отношеніи цѣлое, всегда печатались отдѣльнымъ куплетомъ, какъ напр., напечатана «Книга Голубиная», и какъ объ этомъ уже говорилось въ XXIII кн. «Этн. Обозр.» при записяхъ былинъ И. Т. Рябинина. Затѣмъ, было бы желательно, чтобы свадебныя пѣсни сопровождались болѣе подробнымъ описаніемъ обрядовъ, при исполненіи которыхъ онѣ поются, такъ какъ эти обряды въ разныхъ мѣстностяхъ могутъ быть различны, такъ что однихъ оглавленій, какъ. «когда къ столу ведутъ» или «за столомъ» можетъ быть недостаточно. Потомъ, на основаніи моей личной поѣздки по Архангельской губерніи и отчасти по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ была экспедиція, я долженъ замѣтить, что не могу согласиться съ мнѣніемъ, высказаннымъ въ сборникѣ относительно положенія нашего эпоса. Здѣсь мы читаемъ: «относительно Заонежья нужно признать выдающимся явленіемъ сохраненіе въ немъ эпической старины, обнаруживающейся въ обиліи сказителей и сказительницъ. По мѣрѣ удаленія къ сѣверу эпосъ значительно ослабѣваетъ: въ Обонежьѣ сказителей уже несравненно меньше... Въ Архангельской губерніи былина уже явленіе рѣдкое (стр. XIII) и «что касается до эпоса, то онъ достаточно уже исчерпанъ почтенными собирателями П. Н. Рыбниковымъ и А. Ѳ. Гильфердингомъ». Съ послѣднимъ замѣчаніемъ трудно согласиться, такъ какъ въ самой Олонецкой губерніи осталось много мѣстъ, куда изслѣдователи еще не заглядывали. Я самъ во время своей поѣздки получилъ свѣдѣнія о двухъ изъ такихъ мѣстъ. Затѣмъ, нельзя признать спеціальной привилегіей Заонежья «сохраненіе въ немъ эпической старины»; нельзя также признать истиннымъ замѣчаніе, что «въ Архангельской губерніи былина уже явленіе рѣдкое». Правда, основываясь на собран-

номъ матеріалѣ, экспедиція въ правѣ была это сказать: экспедиція записала въ Архангельской г., а именно въ г. Онегѣ, только одну былину. Между тѣмъ, мнѣ удалось при посѣщеніи г. Онеги и близкой къ ней деревни Каменихи, деревень Нюхчи и Колежмы записать 35 былинъ, а А. В. Маркову въ одной Зимней Золотицѣ свыше 100 былинъ, притомъ въ Онегѣ и Каменихѣ я записалъ 6 былинъ. Но число шесть при этомъ не выражаетъ числа былинъ, которыя тамъ находятся. Я записалъ ихъ въ послѣдніе дни своего тамъ пребыванія, а въ Каменихѣ у одной сказительницы я побоялся много записывать, такъ какъ у нея, по ея словамъ, уже кто-то записывалъ. Я думалъ, что у нея записывала экспедиція, и боялся повтореній. Въ нѣкоторыхъ изъ посѣщенныхъ мною деревень есть по нѣсколько сказителей и сказительницъ. Что касается остальныхъ пѣсенъ, то и ихъ, кажется, въ тѣхъ мѣстностяхъ можно собрать также больше. Причиной такой сравнительной неполноты служитъ, по моему мнѣнію, прежде всего быстрота, съ которой экспедиція двигалась, и которая не позволяла подольше побыть на одномъ и томъ же мѣстѣ. А между тѣмъ, это—существенное условіе для успѣха, такъ какъ на первыхъ порахъ для населенія странна самая мысль, что образованныя лица интересуются пѣснями настолько, что спеціально ѣздятъ записывать ихъ. Населеніе примиряется съ этой мыслью только черезъ день, два, такъ что я изъ своей поѣздки вынесъ убѣжденіе, что для того, чтобы можно было сказать что-нибудь опредѣленное о состояніи эпоса или, вообще, поэзіи въ какомъ-нибудь поселеніи, въ немъ нужно пробыть, по крайней мѣрѣ, съ недѣлю; тогда на пятый, шестой день сами крестьяне и крестьянки останавливаютъ изслѣдователя, съ предложеніемъ пропѣть что-нибудь. Неудобнымъ, затѣмъ, фактомъ для записыванія являлось то обстоятельство, что экспедиція прибѣгала къ помощи начальствующихъ лицъ, хотя бы они примѣняли не свою *власть*, а *авторитетъ*, такъ какъ населеніе, привыкнувъ видѣть начальствующихъ лицъ, по большей части, въ непріятныхъ для себя случаяхъ и не будучи въ состояніи отличать требованіе ихъ отъ ихъ авторитетной просьбы, относится къ нимъ вообще недовѣрчиво, а въ особенности, если не понимаетъ, къ чему клонится эта просьба [1]). Впрочемъ, надо отдать справедливость тому, что сама экспедиція сознавала неудобство быстроты своей поѣздки и пользованія содѣйствіемъ начальствующихъ лицъ, какъ это, по крайней мѣрѣ, видно изъ ого-

[1]) Вѣсть о томъ, что собраніемъ народныхъ пѣсенъ интересуется самъ Государь Императоръ, не могла служить гарантіей готовности населенія сообщать свои знанія. Доказательствомъ является слѣдующій случай, происшедшій со мною въ Андоверѣ, деревнѣ на сѣверо-востокѣ отъ г. Онеги, въ которой экспедиція записала нѣсколько пѣсенъ. Я явился въ эту деревню вечеромъ. Въ тотъ же вечеръ мнѣ удалось записать наговоръ и одну пѣсню. Но на слѣдующій день вчерашній мой сказитель наотрѣзъ отказался мнѣ сообщить что-либо, равно какъ и другая сказительница. Видя такое недовѣріе къ своему изслѣдованію, я отправился въ обратный путь. Везшая меня крестьянка, убѣдившись изъ разговора со мной, что я безопасный человѣкъ, выяснила причину недовѣрія ко мнѣ народа: „Мы думали, что ты подосланъ къ намъ отъ царской семьи". Очевидно, здѣсь сыграло роль воспоминаніе объ экспедиціи Географическаго Общества (г. Истомина здѣсь еще помнятъ).

ворокъ въ предисловіи (IX-XI). Жаль только, что она не обратила на это обстоятельство достаточно сильнаго вниманія для того, чтобы замедлить нѣсколько свою поѣздку. Для цѣлей такой экспедиціи, располагающей средствами, можно считать наилучшимъ способъ собиранія тотъ, которымъ пользовался покойный А. Ѳ. Гильфердингъ. Онъ, близко сошедшись со сказителемъ Абрамомъ Евтихіемъ, пригласилъ его сопутствовать ему въ его поѣздкѣ, и этотъ сказитель, по собственному признанію А. Ѳ. Гильфердинга, былъ ему «весьма полезенъ», такъ какъ, знакомый съ мѣстностью и ея жителями, онъ отыскивалъ сказителей и уговаривалъ ихъ отправляться къ А. Ѳ. и пѣть ему свои былины, вслѣдствіе чего на долю А. Ѳ. приходилось только записываніе.

Наконецъ, я долженъ указать, что среди протяжныхъ пѣсенъ есть двѣ историческія пѣсни: первая о графѣ Чернышовѣ (№ 50), а вторая о Платовѣ (51), встрѣчающіяся довольно часто. Затѣмъ слѣдуетъ отмѣтить сходство «Паньей пѣсни» (№ 49), гдѣ возвращающіеся съ поля князи и бояри сообщаютъ княгинѣ, что конь ея мужа рыщетъ по полю, а самъ онъ лежитъ подъ ракитовымъ кустомъ, — съ тѣмъ эпизодомъ былины *Неудачной женитьбы Алеши*, гдѣ жена Добрыни узнаетъ отъ приходящаго изъ поля калики, Алеши или князя Владимира, что ея мужъ лежитъ подъ кустомъ (ср., напр., Гильф. №№ 49, 65, 100 и др.).

Въ заключеніе слѣдуетъ пожелать, чтобы такихъ экспедицій было побольше, и чтобы ими были поставлены для рѣшенія вопросы: 1) съ чѣмъ въ связи находится напѣвъ былины: съ ея содержаніемъ или мѣстностью, гдѣ она записана, или съ той и другой вмѣстѣ, и 2) какое отношеніе напѣвовъ былинъ къ напѣвамъ духовныхъ стиховъ и разныхъ пѣсенъ, и 3) что поется однимъ и тѣмъ же напѣвомъ. *А. Д. Григорьевъ.*

Пѣсни русскаго народа. *Собраны въ губерніяхъ Вологодской, Вятской и Костромской въ 1893 году. Записали: слова* **Ѳ. М. Истоминъ**, *напѣвы* **С. М. Ляпуновъ**. Спб. 1899.

Эта изящно изданная книга является результатомъ второй поѣздки, предпринятой на Высочайше дарованныя средства съ цѣлью собиранія великорусскихъ пѣсенъ съ мелодіями. Несомнѣнно, наибольшій интересъ представляютъ напѣвы, приложенные къ каждой пьесѣ сборника; но и тексты, записанные весьма точно, съ сохраненіемъ особенностей областныхъ говоровъ, имѣютъ немаловажное научное значеніе. По содержанію сборникъ составленъ такъ же разнообразно, какъ и трудъ первой экспедиціи, вышедшій въ 1894 г.; «въ составъ сборника, по счету г. Истомина, вошли 9 духовныхъ стиховъ, 1 былина, 5 колядныхъ пѣсенъ, 18 причетовъ, 42 пѣсни свадебныхъ, 34 хороводныхъ, плясовыхъ, праздничныхъ и обрядныхъ и 54 пѣсни протяжныхъ». Все это записано на пространствѣ трехъ губерній, раньше сравнительно мало изслѣдованныхъ [1]), при чемъ путь экспедиціи захватилъ бассейны двухъ рѣкъ: С. Двины и Волги.

[1]) До сихъ поръ мы имѣли небольшіе сборники пѣсенъ: Иваницкаго и Студитскаго для Вологодской губ., Васнецова для Вятской и Смирнова для Костромской.

Отъ Кубинскаго озера экспедиція двинулась по Сухонѣ и Двинѣ до границы Архангельской губ., затѣмъ вернулась къ Устюгу, отсюда направилась къ югу; дойдя до верховьевъ р. Ветлуги, она повернула на г. Вятку и затѣмъ черезъ города Яранскъ, Ветлугу, Макарьевъ прослѣдовала въ Кострому. О пути изслѣдователей даетъ ясное представленіе карта, приложенная (по примѣру перваго труда) къ сборнику.

Книга начинается предисловіемъ, въ которомъ г. Истоминъ сообщаетъ нѣсколько интересныхъ для этнографа фактовъ переживанія старины. Такъ, въ городахъ Устюгѣ и Никольскѣ еще недавно сохранялся обычай колядовать, при чемъ «собиралась толпа взрослыхъ колядниковъ, достигавшая иногда до 100 человѣкъ»; въ Устюгѣ колядовали еще на памяти стариковъ, такъ что изслѣдователямъ удалось записать здѣсь нѣсколько прекрасныхъ «виноградій»; въ Никольскѣ и до сихъ поръ колядуютъ, но только мальчики. Конечно, не вездѣ экспедиція нашла такіе яркіе слѣды старины: въ Вятской губ. собиратели уже не могли записать свадебныя причитанія, забытыя населеніемъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми подробностями свадебныхъ обрядовъ. Но свадебныя пѣсни, по наблюденіямъ г. Истомина, до сихъ поръ повсемѣстно поются, какъ пожилыми женщинами, такъ и молодыми дѣвушками. «Хороводныхъ и обрядовыхъ пѣсенъ оказалось гораздо больше, нежели въ губерніяхъ Архангельской и Олонецкой». Замѣтимъ отъ себя, что скудость хороводныхъ пѣсенъ, по мѣстамъ даже полное отсутствіе таковыхъ, на крайнемъ Сѣверѣ, вѣроятно, обусловливается тѣмъ, что мѣстное мужское населеніе лѣтомъ живетъ большею частью внѣ дома. Г. Истоминъ отмѣчаетъ интересное названіе, слышанное имъ въ Вологодской губ.: «колодóнны пѣсни» (вѣроятно, вмѣсто «коловодны», ср. сербск. коловоджа). Не имѣя въ виду въ своей замѣткѣ подробно разсматривать содержаніе всего сборника, я остановлюсь нѣсколько на вошедшихъ въ него эпическихъ пѣсняхъ. Изъ духовныхъ стиховъ наибольшій интересъ представляютъ прекрасный варьянтъ объ Егорьѣ Храбромъ и царищѣ Демьянищѣ и рѣдкій стихъ о Кирикѣ и Улиттѣ; оба стиха записаны въ Вятской губ. Былина собирателямъ попалась только одна: «единственная, говоритъ г. Истоминъ, при всей тщательности розысковъ, былина записана въ Тотемскомъ уѣздѣ, Вологодской губерніи. Весьма интересная по новизнѣ своего содержанія, былина эта повѣствуетъ о борьбѣ Ильи Муромца съ царемъ Куркасомъ». Къ сожалѣнію, «новизна содержанія» ея весьма и весьма относительная: былина представляетъ не что иное, какъ одинъ изъ варьянтовъ былины о Суровцѣ, извѣстной съ этимъ именемъ (иногда искажаемымъ) въ Сибири и поволжскихъ губерніяхъ; въ былинѣ подобнаго содержанія, записанной въ Петербургской губ. (Тихонравовъ и Миллеръ, II, 274), героемъ является, какъ и въ новой записи, Илья Муромецъ. Интересно имя царя «Куркаса» (вмѣсто Кургана, Курбана, Кумбала, Кудріянища другихъ варьянтовъ), вѣроятно, заимствованное изъ сказки объ Ерусланѣ Залазаревичѣ («Киркоусъ»). Въ обслѣдованныхъ экспедиціею мѣстностяхъ былины составляютъ рѣдкое явленіе, но все-таки приходится усомниться въ «тщательности розысковъ» изслѣдователей, которые, собственно говоря, и не могли сосредо-

точиться на отыскиваніи остатковъ былевого эпоса, занятые выполненіемъ болѣе обширной программы. Во время моей лѣтней поѣздки на сѣверъ мнѣ удалось собрать кое-какія свѣдѣнія о распространеніи былинъ въ Вологодской губ. Оказывается, что въ одномъ изъ селеній Тотемскаго уѣзда, посѣщенныхъ собирателями, знаютъ былину объ Ермакѣ, какъ мнѣ сообщилъ крестьянинъ, лично видѣвшій ихъ у себя на родинѣ (этого крестьянина я встрѣтилъ близъ Архангельска). Мнѣ также извѣстно, что былины поютъ въ селѣ Верхней Тоймѣ, Сольвычегодскаго у., на *правомъ* берегу Двины; къ сожалѣнію, экспедиція, слѣдуя (туда и обратно) по торговой дорогѣ, идущей вдоль *лѣваго* берега рѣки, миновала это село. Среди рождественскихъ обрядовыхъ пѣсенъ обращаютъ на себя вниманіе двѣ эпическія пѣсни, записанныя въ Устюжскомъ у. Одна изъ нихъ (стр. 47) разсказываетъ о поѣздкѣ Ильи Муромца и Добрыни къ турецкому султану на кораблѣ Соколѣ и представляетъ собою близкій варьянтъ къ былинѣ, которая нашлась въ старинномъ сборникѣ, пріобрѣтенномъ въ Вологодской губ. (Тихонравовъ и Миллеръ, II, 63); новая запись проливаетъ свѣтъ на мѣстность, гдѣ составленъ сборникъ: очевидно, онъ ведетъ свое происхожденіе изъ той же Вологодской губ., гдѣ онъ былъ найденъ. При этой старинной записи нѣтъ указанія на то, что былина пѣлась въ качествѣ обрядовой рождественской пѣсни, но это обстоятельство подтверждаетъ сибирская запись (*Кривошапкинъ*, Енисейскій округъ и его жизнь. I. Спб. 1865., стр. 42), сопровождаемая подробнымъ описаніемъ звѣзды, которую носятъ на Рождествѣ пѣвцы и пѣвицы; здѣсь звѣзда—такого же устройства, какъ и въ Вологодской губ., судя по описанію г. Истомина (стр. XIII). [1]) Въ другой рождественской пѣснѣ (стр. 50) описывается засѣданіе боярской думы, рѣшающей вопросъ о томъ, какимъ образомъ выкупить изъ плѣна Филарета Никитича (Романова); эта пѣсня, прототипъ былины, извѣстной подъ названіемъ «Земскій соборъ», представляетъ цѣнную и любопытную новинку. Въ отдѣлѣ протяжныхъ пѣсенъ немного оказывается эпическихъ, да и тѣ всѣ извѣстны въ цѣломъ рядѣ варьянтовъ: есть пѣсня о московскомъ пожарѣ (стр. 171), о сынѣ Разина, гуляющемъ въ Астрахани (стр. 263), о взятіи Варшавы въ 1831 г. (251), о Ванѣ-ключникѣ (232) и о гибели оклеветанной жены (237). Распредѣленіе пѣсенъ по отдѣламъ вполнѣ соотвѣтствуетъ народному употребленію ихъ для того или другого случая (свадьба, хороводъ и т. п.); но одинъ отрывокъ (стр. 126), помѣщенный среди свадебныхъ пѣсенъ, вызываетъ въ читателѣ недоумѣніе. Начинается онъ эпическимъ запѣвомъ (или «прибауткой»), за которымъ слѣдуетъ разсказъ о томъ, какъ было время, когда на молодца не могли насмотрѣться, а теперь пришло время великое...—на этомъ отрывокъ кончается. Очевидно, здѣсь ничто не напоминаетъ свадебной пѣсни, и дѣйствительно, этотъ отрывокъ представляетъ ближайшее сходство съ

---

[1]) Четвертый варьянтъ этой колядки (въ отрывочномъ видѣ) помѣщенъ въ изданіи: „Календарь и памятная книжка Вятской губ.“ 1895 г., въ статьѣ Селивановскаго: „Коляда въ Песковскомъ заводѣ“.

Киршевской пѣсней о гибели молодца въ рѣкѣ Смородинѣ (Кирѣевскій, VIII, 8—9). Какимъ образомъ отрывокъ попалъ въ число свадебныхъ пѣсенъ, ошибка ли это пѣвицъ, сообщавшихъ его, или собирателей,—остается совершенно неяснымъ.

Значительная часть области, обслѣдованной собирателями, входила въ старину въ составъ Новгородской земли; интересно было бы найти въ пѣсняхъ отраженіе того значенія, какое имѣлъ Новгородъ для своихъ колоній. Но, повидимому, память объ этомъ давно уже исчезла у населенія: я нашелъ только одно упоминаніе о Новгородѣ въ пѣснѣ Вологодскаго у. (стр. 128), очевидно, позднѣйшаго происхожденія, такъ какъ этотъ городъ является на ряду съ Питеромъ, Москвой и Астраханью. Болѣе опредѣленныя свѣдѣнія имѣетъ населеніе о бассейнѣ Волги и о Москвѣ. Пѣсни знаютъ, что матушка-Волга впадаетъ въ море, что на ней стоитъ Астрахань; нерѣдко встрѣчается упоминаніе о Рязани, Ярославлѣ, Казани и рѣкѣ Казанкѣ, Саратовѣ и Саратовскихъ степяхъ, Астрахани (стр. 168, 192, 199, 203, 255, 257, 263—5); о Москвѣ говорится въ нѣсколькихъ пѣсняхъ; упоминается дорога въ Москву, московскій купецъ, «Воробьевскія горы подмосковскія» (стр. 128, 131, 172, 213, 217, 234, 254). Встрѣчается, хотя и рѣже, имя другой столицы—Питера (стр. 128, 213, 221); въ одной пѣснѣ находимъ и Неву (стр. 264)—ошибкою вмѣсто Камы. Представленіе о Кіевѣ уже окончательно смутное: онъ помѣщается на дорогѣ отъ Питера къ Москвѣ (стр. 213—пѣсня Вятскаго у.). Свои замѣчанія о новомъ сборникѣ пѣсенъ закончимъ пожеланіемъ, чтобы дальнѣйшіе труды экспедиціи увидѣли свѣтъ въ возможно-скорѣйшемъ времени. Самая возможность снаряженія подобныхъ экспедицій составляетъ, несомнѣнно, свѣтлую эпоху въ исторіи русской пѣсни и русской національной музыки.

А. Марковъ.

Г. Н. Потанинъ. Восточные мотивы въ средневѣковомъ европейскомъ эпосѣ. *Съ 10 рисунками въ текстѣ. Изданіе Географическаго отдѣленія Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, на средства, пожертвованныя Ю. И. Базановой.* М. 1899. X+893 стр. Ц. 4 р.

Значительная часть изслѣдованія г. Потанина была уже напечатана въ видѣ отдѣльныхъ статей по различнымъ журналамъ и особенно въ «Этнографическомъ Обозрѣніи». Послѣднее обстоятельство избавляетъ насъ отъ необходимости давать подробный отчетъ о «Восточныхъ мотивахъ». Въ отдѣльномъ изданіи увеличилось сравнительно съ журнальными статьями количество сравниваемыхъ сюжетовъ, но общіе пріемы научной разработки и характеръ матеріала, которымъ пользуется авторъ, остались тѣ же самые. Въ изслѣдованіяхъ, подобныхъ предпринятому г. Потанинымъ, количество матеріала играетъ рѣшающую роль, но въ разсматриваемой книгѣ, при всемъ ея внушительномъ объемѣ, этотъ неисчерпаемый матеріалъ не всегда отличается полнотой. Такъ, напримѣръ, слишкомъ мало вниманія удѣлено финскому эпосу, изученіе котораго несомнѣнно имѣетъ

очень большое значеніе для сравнительнаго изученія западно-европейскаго и ордынскаго фольклора. Мы нашли у автора указанія только на три книги, касающіяся финскаго эпоса, а именно: «Калевалу» въ переводѣ Бѣльскаго, «Etnologische Vorlesungen» Кастрена и «Der Kalewala oder traditionelle Poesie der Finnen» Д. Компаретти. То же самое можно сказать и про классическій эпосъ; напр., несмотря на то, что авторъ подробно останавливается на легендахъ о кровосмѣсителѣ, онъ совсѣмъ не привлекаетъ къ сравненіямъ миѳа объ Эдипѣ. Другое замѣчаніе можно сдѣлать относительно того, что въ разбираемой книгѣ мало обращается вниманія на мозаичность народныхъ сказаній, въ которыхъ зачастую сливаются самые разнородные сюжеты. Не довольствуясь сопоставленіемъ отдѣльныхъ, разрозненныхъ мотивовъ, авторъ сравниваетъ сложныя произведенія, въ которыхъ слито нѣсколько сюжетовъ, и, на основаніи частичнаго сходства, нерѣдко заключаетъ о сходствѣ всего произведенія, при чемъ волею-неволею приходится прибѣгать и къ натяжкамъ. Не малое значеніе придаетъ, наконецъ, авторъ и сходству собственныхъ именъ: встрѣтивъ персонажъ, носящій одно и то же имя въ различныхъ сказаніяхъ, онъ какъ бы уже заранѣе располагается въ пользу сходства самихъ сюжетовъ.

Во всякомъ случаѣ мы не хотимъ своими замѣчаніями уменьшить достоинства книги г. Потанина. Какъ никакъ—она имѣетъ очень большое значеніе, хотя бы уже потому, что въ ней сведена во едино громадная масса фактическаго матеріала. Въ этомъ отношеніи она станетъ драгоцѣннѣйшимъ источникомъ для всякаго, кто вздумаетъ впредь заняться сравнительнымъ изученіемъ восточнаго и западнаго эпосовъ. Не давая окончательнаго рѣшенія намѣченныхъ вопросовъ, она даетъ для этого рѣшенія хотя и не исчерпывающій, но тѣмъ не менѣе очень обширный и хорошо систематизированный матеріалъ. Гипотезы автора будутъ, конечно, пересмотрѣны, и будущее покажетъ, насколько онѣ справедливы, но за ними во всякомъ случаѣ останется то значеніе, что онѣ намѣчаютъ пути для дальнѣйшихъ послѣдованій и показываютъ, гдѣ можно искать рѣшенія вопроса.

А. Максимовъ.

В. И. Іохельсонъ. По рѣкамъ Ясачной и Коркодону. *Древній и современный юкагирскій бытъ и письмена.* («Извѣстія И. Р. Г. О.» Т. 34, вып. 3). Спб. 1898, стр. 36.

Авторъ принималъ участіе въ качествѣ члена извѣстной Якутской экспедиціи, снаряженной на средства И. М. Сибирякова, [1]) и посвятилъ себя изученію инородцевъ сѣверныхъ округовъ Якутской области. Въ Колымскомъ округѣ, гдѣ населеніе представляетъ удивительную смѣсь различныхъ народностей, изъ которыхъ нѣкоторыя оказываются живыми осколками минувшаго, вымирающими въ настоящее время, авторъ имѣлъ возможность лично изслѣдовать юкагировъ по рр. Ясачной и Коркодону.

---

1) См. „Этногр. Обозр." XXVII, стр. 183.

Юкагиры сами себя называютъ *одулъ*. Согласно преданіямъ, одулы нѣкогда были очень многочислены, но намъ кажется справедливымъ сомнѣніе автора относительно бывшаго многолюдства юкагировъ. Многочисленность, очевидно, слѣдуетъ понимать очень относительно, хотя, конечно, и нѣтъ сомнѣній въ томъ, что юкагиры уменьшились численно, и что нѣсколько родовъ ихъ вымерли. Статья г. Іохельсона раздѣлена на двѣ части; въ одной изъ нихъ онъ возстановляетъ древній бытъ юкагировъ, въ другой—обрисовываетъ современный. На основаніи преданій, остатковъ старины и пр., авторъ доказываетъ, что въ прежнее время юкагиры были «континентально-рѣчнымъ народомъ», жили по берегамъ рѣкъ и занимались рыболовствомъ и охотой. Оленеводствомъ они начали заниматься впослѣдствіи, повидимому подъ вліяніемъ южныхъ сосѣдей—тунгусовъ, отъ которыхъ они и получили оленя. В. И. Іохельсонъ набрасываетъ живую картину жизни затеряннаго на далекомъ сѣверѣ народа, раздѣленнаго на территоріальныя группы, употребляющаго исключительно каменныя и костяныя орудія, и раскрываетъ намъ сложный общественный и семейный строй, такъ сказать «картину періода каменнаго вѣка». Мы такъ далеко отстоимъ отъ этого времени, что вѣрится съ трудомъ, что все это было у юкагировъ всего лѣтъ 200—250 тому назадъ.

Вторая часть статьи посвящена современному быту юкагировъ и путевымъ впечатлѣніямъ автора. Столкновеніе съ русскими измѣнило въ значительной степени ихъ бытъ. Юкагиры познакомились съ желѣзомъ, ружьями, съ болѣе усовершенствованными пріемами рыболовства и варки пищи; въ ихъ общественныя понятія было введено представленіе о «князьцѣ», о «старшинѣ»; изъ охотниковъ исключительно съ цѣлью добыванія пищи они сдѣлались охотниками и за пушнымъ звѣремъ. Авторъ сообщаетъ нѣкоторыя наблюденія надъ семейнымъ бытомъ юкагировъ, и хотя свѣдѣнія его очень кратки и отрывисты, тѣмъ не менѣе значеніе изслѣдованія юкагировъ для этнографіи выясняется само собой. Крайне интересны данныя автора объ юкагирскихъ «письменахъ», пиктографическихъ опытахъ, которые и въ настоящее время еще употребительны; г. Іохельсонъ приводитъ въ приложеніи нѣсколько образцовъ пиктографіи юкагировъ и даетъ имъ объясненіе. Вышеназванная статья г. Іохельсона—не болѣе какъ рефератъ, читанный имъ въ Отдѣленіи Этнографіи И. Р. Г. О-ства. Онъ, естественно, касается своихъ матеріаловъ только слегка; но мы надѣемся, что авторъ въ непродолжительномъ времени объединитъ и выпуститъ въ свѣтъ всѣ собранныя имъ свѣдѣнія, которыя обѣщаютъ быть глубоко интересными для этнографіи.

Н. Х.

П. Е. Кулаковъ: Ольхонъ. Хозяйство и бытъ бурятъ Еланцинскаго и Кутульскаго вѣдомствъ (*бывшаго Ольхонскаго вѣдомства*) **Верхоленскаго округа Иркутской губ.** (*«Записки И. Р. Г. О-ства по Отд. Статистики»*, *т. VIII*, *вып. 1-й*, 1898, 8°, стр. 245).

П. Е. Кулаковъ уже обратилъ на себя вниманіе этнографовъ чрезвычайно интересной статьей: «Буряты Иркутской губ.» («Извѣстія Вост.—

Спб. Отд. И. Р. Г. О.» XXVI № 4—5, стр. 118—166). Несмотря на обиліе литературныхъ свѣдѣній по этнографіи бурятъ, сравнительно небольшая работа г. Кулакова представила выдающійся интересъ не только оттого, что въ ней были собраны нѣкоторыя новыя данныя, но и благодаря научному освѣщенію этихъ данныхъ со стороны автора. Она имѣетъ для изученія быта бурятъ то же значеніе (если такъ можно выразиться, лишь въ меньшемъ масштабѣ), какъ и капитальная работа г. Сѣрошевскаго для изученія быта якутовъ. На этотъ разъ г. Кулаковъ выступаетъ съ новымъ трудомъ, заглавіе котораго мы выписали. «Ольхонъ» посвященъ преимущественно описанію хозяйственнаго быта бурятъ бывшаго Ольхонскаго вѣдомства. Въ пестрой картинѣ, представляемой бурятскимъ бытомъ въ Иркутской губерніи, гдѣ часть бурятъ перешла уже къ новымъ формамъ хозяйства, а другая продолжаетъ еще вести скотоводческо-кочевую жизнь, гдѣ иные приняли крещеніе, иные исповѣдуютъ ламаизмъ, а многіе придерживаются еще древняго языческаго міросозерцанія,—бывшее Ольхонское вѣдомство представляетъ особый интересъ. Буряты бывшаго Ольхонскаго вѣдомства представляютъ, по сравненію съ другими бурятскими вѣдомствами, наиболѣе отсталый элементъ. «Въ то время, какъ у бурятъ многихъ другихъ мѣстностей Иркутской губ., пишетъ г. Кулаковъ, земледѣліе достигло той же степени развитія, какъ и у мѣстныхъ русскихъ крестьянъ, у Ольхонскихъ бурятъ оно находится лишь въ зачаточномъ состояніи. Скотоводство, которое теряетъ прежнее значеніе въ вѣдомствахъ, уже значительно ушедшихъ на пути перехода отъ скотоводческаго къ земледѣльческому хозяйству,—для бурятъ Ольхонскаго вѣдомства продолжаетъ играть превалирующую роль». Если къ этому прибавить, что Ольхонскіе буряты продолжаютъ перекочевывать 2—4 раза въ годъ, что они вѣрующіе шаманисты, что даже обращенные въ христіанство буряты не разрываютъ связи съ древними вѣрованіями и иногда даже оказываются полигамистами, что о-въ Ольхонъ считается особенно священнымъ у бурятъ и т. д.,—станетъ вполнѣ яснымъ интересъ изслѣдованія бурятъ именно указанной мѣстности. Бурятскому быту посвящена 2-ая глава труда г. Кулакова (1-ая содержитъ географическій очеркъ). Въ ней авторъ касается въ общихъ чертахъ наиболѣе видныхъ сторонъ бурятскаго быта (распредѣленіе по улусамъ, религіозныя вѣрованія, одежда, пища, жилище, положеніе женщинъ, бракъ и свадьба, болѣзни и пр.). Г. Кулаковъ устанавливаетъ два грустныхъ факта: 1) почти полное отсутствіе просвѣщенія и 2) вымираніе бурятъ. Такъ какъ г. Кулаковъ преслѣдовалъ цѣль изученія хозяйственнаго быта бурятъ, онъ не могъ удѣлить обширнаго мѣста наблюденіямъ надъ другими этнографическими подробностями быта; ему часто при разспросахъ приходилось избѣгать «щекотливыхъ» вопросовъ о вѣрованіяхъ и т. п. Но взамѣнъ этого онъ представилъ чрезвычайно интересную картину экономическаго быта бурятъ изслѣдованнаго района, разработалъ данныя о землевладѣніи у бурятъ (покосы, поля, лѣса и пастбища)—вопросъ, который имѣетъ и немаловажный общій интересъ для этнографа; далѣе, онъ посвятилъ обстоятельныя главы земледѣлію, скотоводству и промысламъ бурятъ.

Чрезвычайно интересны свѣдѣнія о земледѣліи, о попыткахъ распространить его среди бурятскаго населенія и борьбѣ бурятъ съ неблагопріятными климатическими условіями, нерѣдко разрушающими труды первыхъ піонеровъ хлѣбопашества среди бурятъ. Интересны и выработанные бурятами пріемы земледѣлія. Неблагопріятныя условія мѣстности и климата—главныя препятствія къ распространенію земледѣлія. Буряты вынуждены вести прежнее скотоводческое хозяйство, но и тутъ имъ предстоитъ упорная борьба съ суровой природой. Чтобы обезпечить кормъ скоту, буряты не только вынуждены часто совершать перекочевки, но и прибѣгать къ искусственному орошенію луговъ, требующему не мало труда и сообразительности отъ устроителей оросительныхъ канавъ. Весьма обстоятельно г. Кулаковъ касается и промысловъ, изъ которыхъ, для бурятъ б. Ольхонскаго вѣдомства, видное значеніе имѣетъ рыбный. Авторъ останавливается на типахъ артелей для ловли рыбы, охоты на нерьпу и пр., описываетъ различныя формы артелей и взаимныя отношенія ихъ членовъ. Для этнографа, занимающагося вопросами матеріальной культуры и отыскивающаго причины хозяйственнаго развитія у разныхъ народностей, трудъ г. Кулакова представитъ обширный, хотя и не исчерпывающій матеріалъ.

Н. Х.

Записки Западно-Сибирскаго Отдѣла И. Р. Геогр. Общества, *т. 23-й*, (Омскъ 1898).

Названный томъ Записокъ Западно-Сибирскаго Отдѣла содержитъ три работы: *Е. Шмурло*: «Описаніе пути между Алтайской станицей и Кошъ-Агачемъ въ южномъ Алтаѣ»; *М. Швецовой* «Алтайскіе калмыки» и г. *Ларіонова*: «Гипсометрическія опредѣленія въ Кульджинскомъ раіонѣ и въ Тянь-Шанѣ». О послѣдней статьѣ мы говорить не будемъ, такъ какъ она не имѣетъ отношенія къ этнографіи. Это же соображеніе заставляетъ насъ сказать о работѣ г. Шмурло лишь вскользь: въ ней разсѣяны между прочимъ и нѣкоторыя, впрочемъ, крайне отрывочныя свѣдѣнія о бытѣ населенія. Но статья г-жи Швецовой, сопровождавшей С. П. Швецова въ его поѣздкѣ, имѣвшей цѣлью произвести статистико-экономическое изслѣдованіе на Алтаѣ, полна живого этнографическаго интереса. Какъ ни многочислены, особенно за послѣдніе годы, свѣдѣнія о бытѣ алтайскихъ инородцевъ, каждая поѣздка къ нимъ приноситъ все новыя и интересныя данныя, что заставляетъ видѣть въ алтайскихъ тюркахъ почти неисчерпаемый кладъ для этнографическихъ наблюденій. Г-жа Швецова не претендуетъ на полное описаніе населенія посѣщенной ею мѣстности: для достиженія этой цѣли ей препятствовали кратковременность ея поѣздки ($1^1/_2$ мѣсяца) незнаніе языка и невозможность пользоваться услугами переводчика, занятаго другими лицами экспедиціи. Тѣмъ больше чести автору, что при подобныхъ неблагопріятныхъ условіяхъ онъ успѣлъ собрать много интереснаго матеріала, изложеннаго къ тому же чрезвычайно живо. Г-жа Швецова сообщаетъ данныя о физическомъ типѣ населенія и отмѣчаетъ двойственность типа среди инородцевъ. Она со-

брала далѣе нѣсколько преданій о прошломъ инородцевъ, объ ихъ появленіи на Алтаѣ и нѣкоторыя родовыя сказанія. Г-жа Швецова сообщаетъ далѣе данныя о религіи алтайскихъ инородцевъ, о жертвоприношеніяхъ и камланіи; далѣе слѣдуютъ свѣдѣнія о жилищѣ, одеждѣ, пищѣ, административномъ дѣленіи, формахъ землепользованія и т. п. Особенно интересны данныя о родовомъ-семейномъ бытѣ. Г-жа Швецова отмѣчаетъ экзогамію въ предѣлахъ родовыхъ группъ, причемъ экзогамія находитъ себѣ примѣненіе только въ предѣлахъ агнатическаго родства; родство по матери совершенно не принимается въ разсчетъ; крещеные инородцы не такъ строго соблюдаютъ требованія экзогаміи.—Кромѣ того, авторомъ собраны свѣдѣнія о бракѣ и свадьбѣ, о калымѣ и приданомъ, о семейныхъ раздѣлахъ, о наказаніяхъ, налагаемыхъ обычаемъ за разныя преступныя дѣянія. Въ общей сложности авторъ даетъ интересный очеркъ быта и строя посѣщенныхъ инородцевъ и своимъ полнымъ живости трудомъ обогащаетъ нашу этнографическую литературу хотя и небольшимъ, но цѣннымъ вкладомъ.

Н. Х.

Извѣстія Общества Любителей изученія Кубанской Области. *Подъ ред. В. Сысоева и А. Дьячкова-Тарасова*, вып. 1-й. Екатеринодаръ, 1899, стр. 160, 8°.

Общество Любителей изученія Кубанской Области, оффиціально открытое въ декабрѣ 1897 г., собрало достаточно матеріала, чтобы черезъ $1^1/_2$ года выпустить въ свѣтъ 1-й томъ своихъ трудовъ. Появленіе каждаго провинціальнаго Общества, имѣющаго научныя цѣли, уже оттого заслуживаетъ привѣтствія, что оно результатъ научнаго движенія кружка мѣстныхъ дѣятелей, безкорыстно проводящихъ въ жизнь идею «самоизученія» и этимъ приносящихъ не малую пользу нашему отечествовѣдѣнію. Тѣмъ болѣе искренно можно привѣтствовать Общество, предполагающее направить работу на изученіе такой изобилующей разностороннимъ матеріаломъ области, какъ Кубанская: для этнографовъ она представляетъ выдающійся интересъ. Пестрое населеніе области обѣщаетъ обильную жатву этнографу-собирателю и этнографу-ученому; труды этнографическаго характера, появлявшіеся ранѣе о туземныхъ и пришлыхъ обитателяхъ области, уже доказали богатство ея этнографическимъ матеріаломъ. Этнографіи, повидимому, будутъ въ значительной степени посвящены и работы членовъ новаго Общества. Привѣтствуя первый плодъ трудовъ молодого Общества, мы желаемъ ему дальнѣйшаго процвѣтанія въ надеждѣ, что сѣмена, посѣянныя работами первыхъ учредителей кружка, не заглохнутъ ни съ перемѣной лицъ, ни съ увеличеніемъ трудностей изслѣдованія.

Общество преслѣдуетъ цѣль всесторонняго изученія Кубанской области: слѣдовательно, на страницахъ его изданій найдутъ себѣ мѣсто матеріалы по естественнымъ богатствамъ области, фаунѣ и флорѣ, географіи, исторіи, этнографіи и пр. Что касается собственно 1-го выпуска, то для этнографа въ немъ помѣщено впрочемъ мало матеріаловъ. Почти весь томъ

занять слѣдующими статьями: *П. Короленко*: Первоначальное заселеніе черноморскими козаками Кубанской области; *И. Дмитренко*: Къ исторіи некрасовцевъ; *В. Сысоевъ*: Очерки изъ исторіи Тмутараканскаго княжества; *И. Попандопуло*: Нефтяные промыслы въ Кубанской области. Мы не останавливаемся на этихъ статьяхъ, такъ какъ онѣ не представляютъ этнографическаго интереса. Въ обширной статьѣ *С. Ваганова*: «Значеніе охранно-карантинной линіи по границѣ Кубанской области съ Закавказьемъ, въ связи съ условіями животноводства въ нагорной полосѣ», мы находимъ свѣдѣнія о состояніи скотоводства у мѣстнаго населенія и нѣкоторыя данныя о бытѣ карачаевцевъ. Краткость и отрывочность данныхъ о бытѣ карачаевцевъ не могутъ быть поставлены въ упрекъ автору, такъ какъ онъ вводитъ ихъ только попутно. Спеціально этнографіи посвящена статья нашего сочлена г. *Дьячкова-Тарасова*: «О задачахъ этнографіи въ дѣлѣ изученія Кубанской области». Въ ней авторъ правильно указываетъ на интересъ населенія области для народовѣдѣнія и отмѣчаетъ желательность этнографическаго изученія края. Наконецъ, не лишенъ интереса отчетъ о прогулкѣ лѣтомъ 1898 г. по Кубанской области учащихся, имѣвшей цѣлью познакомить ихъ съ мѣстностью, древностями и жителями Карачая. Къ участникамъ въ этой прогулкѣ присоединился временно и командированный Отдѣломъ Этнографіи нашъ членъ-сотрудникъ Б. В. Миллеръ, собравшій обширный и интересный матеріалъ по обычному праву Карачаевцевъ (см. Этногр. Обозрѣніе, 1899, № 1—2). Собранные Б. В. Миллеромъ свѣдѣнія о бытѣ карачаевцевъ доказываютъ лишній разъ, какой богатый кладъ для этнографіи изслѣдователь можетъ извлечь изъ Кубанской области. Естественно, что этотъ кладъ новое Общество имѣетъ въ виду разработать собственными силами: благое намѣреніе, которому можно только сочувствовать. Но чтобы кладъ дался въ руки, чтобы онъ не обратился въ груду тяжелаго балласта, необходимо, чтобы изслѣдователи народнаго быта были подготовлены къ своему дѣлу. Часто съ прискорбіемъ приходится отмѣчать въ провинціальныхъ работахъ по этнографіи, что ни энергія, ни самоотверженность собирателей не были въ состояніи пересилить недостатки общаго этнографическаго образованія, вслѣдствіе чего нѣкоторые не обращали вовсе вниманія на научно-интересные вопросы, другіе—давали имъ совершенно превратное толкованіе. Ученое Общество—одновременно и просвѣтительный центръ. Мы закончимъ нашу замѣтку пожеланіемъ, чтобы новое Общество, возникшее въ крайне-интересной для этнографовъ мѣстности, озаботилось и составленіемъ библіотеки по трудамъ общей этнографіи, чтобы будущіе мѣстные изслѣдователи, познакомившись съ современными требованіями науки этнографіи, могли сознательно отнестись къ народной жизни и представлять работы не только чисто описательнаго характера, но и такія, которыя были бы освѣщены научной мыслью. Этимъ молодое Общество принесетъ громадную пользу народовѣдѣнію и заслужитъ признательность всѣхъ, для кого представленіе объ этнографіи не совпадаетъ съ понятіемъ объ одномъ собираніи этнографическихъ матеріаловъ.

Н. Х.

Е. К. Заслуги грузинскаго монашества и монастырей для отечественной церкви и общества. Тифлисъ, 1899.

Авторъ этой книжки, написанной тепло и съ знаніемъ дѣла, скрывавшійся подъ инціалами Е. К., разсматриваетъ значеніе грузинскаго монашества и монастырей съ разнообразныхъ точекъ зрѣнія. Отмѣтивъ нравственную силу монашества вообще, согласно опредѣленію отцовъ церкви, авторъ переходитъ къ главной темѣ своей работы. «Нѣтъ христіанской страны, говоритъ онъ, гдѣ монастырская жизнь была бы такъ развита и имѣла такое великое историческое значеніе, какъ въ мученической Грузіи». Остановившись на основателяхъ грузинскаго монашества — тридцати сирійскихъ отцахъ съ ихъ главой Іоанномъ Зедазнели,—авторъ устанавливаетъ время ихъ прихода (VI в), присоединяясь къ мнѣнію акад. Броссе, причемъ въ примѣчаніи весьма основательно разрѣшаетъ колебанія относительно именъ названныхъ сирійскихъ (Каппадокійскихъ) отцовъ: существующая разница въ ихъ поименованіи произошла отъ того, что нѣкоторые изъ нихъ были пострижены въ монашество лишь по прибытіи въ Грузію и получили другія имена сравнительно съ мірскими, которыми они называются у нѣкоторыхъ «отечественныхъ писателей».

Авторъ весьма обстоятельно разсматриваетъ заслуги монашества въ исторіи грузинской церкви и общества. Заслуги эти выразились въ распространеніи христіанства не только въ предѣлахъ Грузіи, но и среди кавказскихъ горцевъ, въ поддержаніи православія въ эпоху борьбы съ исламомъ. Монастыри со своими помѣстьями явились пріютами для всѣхъ несчастныхъ и гонимыхъ: монастырскіе крестьяне всегда пользовались льготами сравнительно съ крѣпостными князей и дворянъ. Монастыри явились центрами просвѣщенія и образованности грузинскаго народа: монахи были хорошими переводчиками Священнаго писанія и наставниками юношества въ духовныхъ школахъ. Подвиги ихъ завоевали грузинскому народу уваженіе на Востокѣ — въ Сиріи, Палестинѣ, а также на Аѳонѣ, гдѣ издревле процвѣтали грузинскіе монастыри. Авторъ называетъ поименно всѣхъ дѣятелей слова и пера, произведеніями которыхъ укрѣплялась нравственно-религіозная жизнь грузинскаго народа. Вопросы, разбираемые въ книжкѣ, представляютъ историческій интерсъ и обезпечатъ ей широкій кругъ читателей.

А. Хахановъ.

Г. Р. Разсказы о Польшѣ и полякахъ. (*Съ 31 рисункомъ*). Москва. 1899, 77 стр. 8°.

Книжечка предназначена для популярнаго чтенія и входитъ въ серію географическихъ изданій фирмы «Посредника». Она производитъ въ общемъ пріятное впечатлѣніе, какъ внѣшнимъ видомъ, такъ и содержаніемъ. Авторъ умѣло очертилъ бытъ, вѣрованія, нравы, обычаи и главнѣйшія занятія поляковъ. Онъ вкратцѣ указываетъ особенности въ антропологическомъ типѣ каждой вѣтви польскаго племени, одежду и обувь, занятія въ зависимости отъ почвы и другихъ условій, степень просвѣщенія, увеселенія и повѣрія. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ авторъ останавливается на исторіи городовъ и мѣстечекъ. Вездѣ обращается вниманіе на

отношеніе народа къ нравственности. Текстъ сопровождается умѣло выбранными картинками. Книжка къ тому же написана легко; лишь въ двухъ-трехъ мѣстахъ встрѣчаются непривычныя для русскаго слуха выраженія (напр., на 41 стр., занимаются *сильнѣе* всего»; стр. 52: «*любопытствуютъ про всякія новости* на свѣтѣ»; стр. 60: «простые протестантскіе обряды и церкви *сдѣлались схожими на* болѣе пышныя католическія»). Изрѣдка встрѣчаются въ книжкѣ недосмотры; такъ, напр., на 41 стр. населеніе Лодзи теперь доходитъ до 200,000 жителей, когда на самомъ дѣлѣ по послѣдней переписи тамъ 315,209, или на стр. 33-ей поляковъ въ Привислянскомъ краѣ считается 6 съ половиной милліоновъ, а на 76 стр. число ихъ доходитъ «до семи милліоновъ». Несмотря на эти небольшія погрѣшности, книжка въ общемъ полезна для первоначальнаго ознакомленія съ жизнью польскаго народа и мѣстами, гдѣ онъ живетъ, хотя авторъ не вездѣ пользовался свѣжими свѣдѣніями, и не все, что говорится въ книжкѣ, соотвѣтствуетъ современной дѣйствительности. Кто же, напр., можетъ повѣрить автору, будто въ губерніяхъ Люблинской и Сѣдлецкой вовсе нѣтъ желѣзныхъ дорогъ (стр. 48)?

А. Григорьевъ.

Н. Грушецкій. Колдуны и вѣдьмы, домовые, лѣшіе, русалки, чары и наговоры, примѣты и повѣрья. *Очерки народныхъ суевѣрій.* Изданіе М. Е. Конусова. Москва. 1898, 71 стр. 16°.

Брошюрка, подобно предыдущей, тоже популярна, составлена толково и удовлетворяетъ своей цѣли—вести борьбу противъ суевѣрій. Сначала въ ней указывается, какъ иногда возникаютъ подозрѣнія, что такой-то человѣкъ—колдунъ или вѣдьма. Затѣмъ рисуется картина гибели людей, прослывшихъ по болѣзни или намѣренно у своихъ односельчанъ за колдуновъ и вѣдьмъ. Далѣе объясняется нѣсколько случаевъ, благодаря которымъ суевѣрный людъ начинаетъ считать кого-нибудь колдуномъ въ наше время, и разсказываются случаи, гдѣ ни въ чемъ неповинныя лица, заподозрѣнныя неразвитыми людьми въ колдовствѣ, невинно гибнутъ. Въ главѣ о болѣзняхъ авторъ указываетъ чудовищно-неразумные способы лѣченія холеры, оспы и другихъ болѣзней, которые въ лучшихъ случаяхъ не слишкомъ замѣтно отражаются на здоровьѣ лѣчимыхъ, а въ другихъ—осуждаютъ ихъ безповоротно на гибель. Въ слѣдующей главѣ авторъ объясняетъ причины, вслѣдствіе которыхъ возникаетъ кликушество, и способъ его лѣченія. Въ главѣ «Чары и наговоры» указывается такая же неразумность суевѣрій по поводу различныхъ частныхъ случаевъ жизни. Въ главѣ «Великія явленія природы и суевѣріе» авторъ разсказываетъ о страхѣ невѣжественнаго народа передъ явленіями природы и, чтобы разогнать его, объясняетъ эти явленія. Далѣе выясняется неосновательность повѣрій о домовыхъ, лѣшихъ и вурдалакахъ, водяныхъ, русалкахъ, и нѣкоторыхъ повѣрій о дняхъ и животныхъ. Въ общемъ брошюра удовлетворяетъ своей цѣли—подрывать въ народѣ вѣру въ колдовство и нечистую силу. Кромѣ того, достоинствомъ ея является живой и легкій слогъ, которымъ она написана.

А. Григорьевъ.

ГАЗЕТЫ и ЖУРНАЛЫ.

Витебскія Губ. Вѣд. 1898. 129. Библіогр. зам. о кн. Плоссъ, Женщина въ естествовѣдѣніи и народовѣдѣніи, пер. подъ ред. Фейнберга, I полутомъ. Спб. 1898, **130.** *Ив. Васильевъ.* О гадалкахъ, ворожеяхъ, прорицателяхъ и знахаряхъ.

Волынскія Епарх. Вѣд. 1898. 34. Церковно-приходская лѣтопись с. Глубочка, Житомирскаго уѣзда: примѣты, ворожба, гаданіе, пословицы.

Гродненскія Губ. Вѣд. 1898. 2. *Н. М. Б.* Къ вопросу о происхожденіи названія Бѣловѣжской пущи. 39. Вознесеніе Господне на Руси, ист.-этногр. справка. (Изъ „Прав. Вѣст.")—*М. Р.* Народный обычай при погребеніи. **40, 42.** Взглядъ народа на воспитаніе и обученіе дѣтей,—по пословицамъ. (Изъ „Пенз. Еп. Вѣд."). **49.** Обычай обхожденія крестнымъ ходомъ засѣянныхъ полей. (Изъ „Подол. Еп. Вѣд."). **51.** *Мѣстный обыватель.* Изъ Бѣлостокскаго у. (О могильномъ курганѣ и найденныхъ тамъ мѣдныхъ монетахъ). **85.** *С. М. Цитринъ,* Къ вопросу объ обрядѣ обрѣзанія.

Иверія. 1899. 136. Умственное движеніе въ Осетіи. *А. Хаханашвили.* **202, 203.** Ачара. **238. 239.** Съѣздъ шелководовъ въ Кутаисѣ. **238, 240—4.** Путешествіе въ Святую землю Прот. Кончуева.

Извѣстія по Казанской епархіи 1898. 5. *Свящ. А. Рекѣевъ.* Разныя чувашскія моленія: о дарованіи скота, о прородородіи. **6.** Строгость постовъ въ древней Руси (во второй половинѣ XVII в., описаніе антіох. патріарха Макарія). **10.** *Свящ. Гр. Львовъ.* Языческіе браки у чувашъ. **11.** Новая книга: Н. И. Ашмаринъ, Матеріалы для изслѣдованія чувашскаго языка. Казань 1898.

Историческій Вѣстникъ 1898. 2. Критика и библіографія: N. Сказки, разсказы и легенды крестьянъ сѣвернаго края. Составилъ А. Е. Бурцевъ. Спб. 1897. (О достоинствѣ 48 сказаній, почерпнутыхъ изъ лубочныхъ изданій, собраній Иваницкаго, Харузина, Шустикова и разныхъ губернскихъ вѣдомостей; книга издана въ количествѣ 40 экземпляровъ *и не предназначена для продажи*).—Смѣсь. Ч ствованіе памяти Ѳ. И Буслаева въ Общ. люб. Росс. слов. и въ Учебномъ отдѣлѣ Общ. распр. технич. знаній.—Географическое общество (О сообщеніи Позднѣева о тибетской медицинѣ). **3—4.** *А. Слезскинскій.* Поѣздка на Мурманъ. (Путевыя замѣтки. Съ иллюстраціями. О бѣломорскихъ промыслахъ). **3.** Критика и библіографія. *Т. С—кій* Н. Переферковичъ. Талмудъ, его исторія и содержаніе. Ч. I. Мишна. Спб. 1897.—Новости и мелочи: Положеніе крестьянъ въ древней Греціи (Peasant life in old by E. Cesaresco. „Contemporary Review", December 1897).—Доисторич. американскій городъ (Копанъ на Юкатанѣ: The Mysterious city of Honduras. By George Gordon. („Century Magazine", january 1898).—Флорентинская легенда о Каинѣ на лунѣ. (Cain dans la lune, legendes Florentines, par Emile Liphart. «Journal des Débats», édition Hébdomadaire, 15 Janvier 1898).—Изъ прошлаго. „Псаломъ" объ и. Александрѣ II (записанный въ Борюч. у. Ворон. губ., интересная пѣсня о кончинѣ императора). **4.** Критика и библіографія. *С. Тимошенко.* Литературные первоисточники и прототипы 300 русскихъ пословицъ и поговорокъ. Кіевъ. 1897.—Новости и мелочи: Легенда о Тангейзерѣ (La légende du Tannhäuser, par Gaston Paris, „Revue de Paris" 15 mars 1898).—Смѣсь: Географическое общество (отчеты о 3 засѣданіяхъ).—Чествованіе памяти Ѳ. И Буслаева въ засѣданіи отд. Коменскаго Педагогич. музея военно-учебныхъ заведеній. † П. А. Безсоновъ. **5.** *А. И. Кирпичниковъ.* Воспоминанія о Ѳ. И. Буслаевѣ.—Новости и мелочи: Историч. и археологич. находки (The Garden of Eden discovered by Herbert Tyfe. „Pearsons Magasine", february 1898). Гробница Чин-

гисъ-хана. (Le tombeau de Genghis Khan. „Revue Encyclopédique", 19 mars 1898). **6. Критика и библіографія.** *К. Лосскій.* Карнуа, Легенды Франціи, перев. Лысцовой. Съ рис. М. 1898.—Замѣтки и поправки. *В. Ч.* Путешествіе русскаго матроса (съ каббалистическимъ объясненіемъ игр. картъ; срв. мотивъ значенія цифръ, являющійся въ извѣстномъ духовномъ стихѣ).—*П. Щеголевъ.* Крайности сравнительнаго метода. (Къ вопросу о западномъ вліяніи на славянскую и русскую поэзію, изслѣдованіе И. Созоновича. Варшава 1898. XX+567).

Кавказъ. 1899. 225. Баронъ де-Бай о Кавказѣ. *Р. П.*—231 Могильники близъ Т.-Х.-Шуры. 251, 252—3, 271. Мтіулы. *В. Величко.*—232. Изъ жизни и дѣятельности Антонія, католикоса Грузіи. *А. Хаханова.* 279. Почитаніе св. Нины во Франціи.

Казбекъ 1899, 486—92. Матеріалы для изученія поземельнаго вопроса въ нагорной полосѣ Терской обл.—599. Древніе храмы Осетіи. *Г. Баевъ.*

Калужскія Губ. Вѣд. 1898. 73 Археолог. находки въ Черейской волости. Сѣнн. уѣз., Могил. губ., съ монетами XVI и XVII вв. 79—80. Илья Пророкъ—въ народѣ (изъ „Правит. Вѣстн.").

Квали. 1899. 31. Съѣздъ фармацевтовъ въ Москвѣ.—40, 41. Изъ исторіи грузинскихъ сословій. *А. Хаханашвили*—29—33, 36—39, 42—45. Знатокъ народнаго сердца. (Разборъ сочиненій Ниношвили). *И. Гомаришели.*—35—36, Карталинія. *Н. Жорданія.*

Костромскія Епарх. Вѣд. 1898. 1. *Прот. І. Вознесенскій.* Опись старымъ нотнымъ рукописямъ Костр. епархіи высланнымъ въ епархіальную канцелярію для передачи въ дирекцію Моск. Синод. хора. 1, 2, 3. *Свящ. Н. Новосельскій.* Сыпаново. (Историч. описаніе монастыря и церкви). 24. (оконч.) Солигаличская десятина; документы 1722—31 гг.

Могилевскія Губ. Вѣд. 1898. 45, 46, 49, 50, 51, 52. *Е. Романовъ.* Вертепное дѣйство. (Текстъ драмы „Царь Иродъ"). 52. Археологич. находка (найдено 39 талеровъ 1623—1708 гг.). 86. Открытіе Могилевскаго музея. 91, 93 и 94. Бѣлорусскій Сборникъ XVII в. (изъ Могил. церковнаго древлехранилища; опись съ примѣрами письма).

Наука 1898. 1—5. Царевичъ и дочь шевца-швáля, записалъ въ с. Сергіевѣ *В. М. Казарищукъ.* (Запись съ литерат. подправками).

Новое Обозрѣніе 1899, 5361 XI археологическій съѣздъ въ Кіевѣ. *А. Хах—ва.* 5417. Гоша-Ванкъ. *Е. К—сій.* 5404, 5407. Экскурсія въ область археологіи и этнографіи. *А. Хаханова.*

Олонецкія Губ. Вѣд. 1898, 99. *П. І. Щ.* Повѣнецкая старина. Челобитная Шунгскаго крестьянина отъ 1694 г. (любопытно перечисленіе хозяйственныхъ предметовъ). 100. *П. І. Щ.* Копія съ прошенія, поданнаго Петру В. раскольниками Выговской пустыни въ 1723 г.

Орловскія Епарх. Вѣд. 1898 6—7. *А. Сухозанетъ.* Погребальные обряды и обычаи у римлянъ. 27. *Его же.* Погр. обр. и об. у евреевъ. 45. *Его же.*—У магометанъ. 50. *Его же.*—У славянъ (указываются также скиѳскіе и скандинавскіе обряды, подъ видомъ славянскихъ).

Рижскій Вѣстникъ 1897. 76. Кочевническіе знаки цыганъ. 80. Лекціи въ пользу общества для пособія нуждающимся студентамъ. (О лекціи Будиловича: О причинахъ гибели прибалтійскаго славянства). 269. *С.* Изъ сельской жизни (корчмы и постоялые дворы).—1898. 14. Важное открытіе въ Египтѣ (могила Озириса). 17. Важное открытіе (изображеніе распятія на Палатинскомъ холмѣ). 25. Праздники у китайцевъ. („Пет. Л.") 35. *С.* Масленица.

Тверскія Губ. Вѣд. 1898. 65. *Ив. Гусевъ.* Ивановъ день—мѣстный праздникъ въ г. Твери.

Тверскія Епарх. Вѣд. 1898. 13. С. Юрьевское, Старицкаго у. (приведено преданіе о змѣѣ, вползавшей въ ротъ къ человѣку, стр. 292).

Тифлисскій Листокъ. 1899 Иллюстр. прибавленіе. 5. Keeнoбa въ Грузіи. 9. Сдача Шамиля. *В. Потто.* 262. Древнее кладбище близъ Мцхета *Шт.-кап. Флегинскій.*

Тульскія Губ. Вѣд.—1898. 126. Богъ войны въ Китаѣ („St-Petersburger Zeitung"). **150. Внутреннія извѣстія:** убійство колдуна въ Мозыр. у. **151.** Свящ. *Н. Соколовъ.* Вѣра въ колдуновъ. („Пенз. Епарх. Вѣд.") **154.** Епифанскій уѣздъ (опахиваніе). **161.** Дервиши. („Южн. Край").

Уфимскія Епарх. Вѣд. 1898. 21. *Свящ. П. Чистосердовъ.* Въ какой мѣрѣ можно допустить вліяніе греко-римскихъ языческихъ празднествъ на образованіе христіанскаго церковнаго календаря (оконч.).

Ярославскія Епарх. Вѣд. 1898. 20. Обмѣнная за убитаго и раненаго крестьянъ помѣщичья запись отъ 1673 г. **21.** Древнерусскія гулянья въ Троицынъ день. (Изъ „СПб. Газ.").—Сговорная и рядная запись отъ 1650 г. Головнина, по коей онъ сговорилъ племянницу свою замужъ. **23.** Рядная запись отъ 1667 г. Ершевской при выдачѣ ею своей дочери замужъ. **26.** Кортомная запись 1648 г. на Бутаковскую мельницу, Любимскаго у. **28.** То же 1702 г.

НОВОСТИ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

А. К. Изъ жизни угасающаго племени. Въ защиту инородцевъ. Томскъ 1899 г.

Арнольди, С. С. Задачи пониманія исторіи. Проектъ введенія въ изученіе эволюціи человѣческой мысли. М. 1898. 371 стр. 8⁰.

Багаевъ К. Опытъ грузино-русскаго словаря. Сост. для нач. училищъ. Тифлисъ, 1899.

Бадмаевъ, П. А. О системѣ врачебной науки Тибета. Вып. 1. СПБ. 1898.

Бейдинъ, С. Х. Еврейскія народныя сказки, записанныя С. Х. Б—ымъ. Вып. I и II. Вильна 1898. Ц. 30 к.

Библіотека, Восточная. Т. I. Сутта-Нипата. Сборникъ бесѣдъ и поученій. Буддійская каноническая книга, переведенная съ Пали на англійскій языкъ Фаусбёллемъ. Русскій переводъ Н. И. Герасимова. Москва, 1899.

Варлихъ, В. К. Русскія лѣкарственныя растенія. Атласъ и описаніе, съ указаніемъ на врачебное примѣненіе, дѣйствіе, собираніе и культуру. Изд. А. Ф. Девріенъ. Вып. I. СПБ. 1899.

Гаринъ, Н. Деревенскія панорамы. 2-е изд. редакціи журнала „Русское Богатство". СПБ. 1899.

Гассельнусъ, П. А. Очерки промысловъ Россіи СПБ. 1899.

Гельвальдъ, Ф. Земля и ея народы, перев. съ нѣм. подъ ред. Груздева. Т. III. Живописная Европа. Съ карт. и рис. СПБ. 1898. Стр. 64.

Гетчинсонъ, Г. Н. Очерки первобытнаго міра. Перев. съ англ. З. Н. Журавской. Съ прилож. библіографическаго указателя книгъ и статей по исторіи мірозданія. СПБ. 1899, 326 стр. 8⁰.

Гранстремъ, Э. Калевала. Финская народная эпопея. Для юношества передѣлалъ *Э. Гранстремъ.* Изд. 2-е переработанное. Съ 40 оригинальными рисунками *А. Дёлле,* гравиров. на деревѣ *А. Беме* СПБ. 1898.

Денисовъ, Леонидъ. Новогреческія сказки. Въ русскомъ переводѣ Изд. А. Д. Сазонова Москва 1899.

Егоровъ, Яковъ. Среди крестьянъ. Разсказы и очерки. СПБ. 1899.

Зарѣцкій, Іоаннъ, свящ. Систематически-предметный указатель къ неоффиц. части „Калужскихъ Епарх. Вѣдомостей" за время изданія ихъ съ 1862 г. по 1898 г. включительно. Калуга 1899.

Зиберъ, Н. И. Очерки первобытной экономической культуры. Изд. 2-е испр., СПБ. Акціон. Общ. печ. дѣла „Издатель". СПБ. 1899.

Инфантьевъ, П. П. Путешествія къ лѣснымъ людямъ. М. 1898. Стр. 64.

Кантоговичъ, Я. Средневѣковые процессы о вѣдьмахъ. Изданіе 2-е. СПБ. 1899 г.

Клоддъ, Е. Исторія первобытныхъ людей. Съ 38 рис. Перев. съ англ. Энгельгардта. СПБ. 1898. Стр. 154. Ц. 40 к. (Рецензія въ „Образованіи" 1899, I. отд. II, 71).

Книжка (Памятная). И. СПБ-скаго Историко-филологическаго института. 1867—1898. СПБ. 1898, 8⁰

Летурно, Ш. Эволюція торговли. Съ франц. Капелюшъ. СПБ. 1899. Стр. 368. Ц. 2 р.

Лэнъ-Пуль, Стэнли. Мусульманскія династіи. Хронологическія и генеалогическія таблицы съ историческими введеніями. Перев. съ англ., съ примѣчаніями и дополненіями *В. Бартольда*, пр.-доцента С-Петерб. университета. СПБ. 1899.

Маркъ, Игуменъ. Злые духи и ихъ вліяніе на людей. СПБ. 1899.

Модестовъ, Б. Откуда пришли и кто были латиняне? Съ таблицей. СПБ. 1898. Стр. 85. Ц. 75 к.

Нейманъ, Магда. Армяне. Краткій очеркъ ихъ исторіи и современнаго положенія. СПБ. 1899.

Остроумовъ, Н. Константинъ Петровичъ фонъ-Кауфманъ, устроитель Туркестанскаго края. Личныя воспоминанія, 1877—1881 г. Къ исторіи народнаго образованія въ Туркестанскомъ краѣ. Ташкентъ, 1899.

Путеводитель по Уралу. Изд. газ. „Уралъ" (издатель В. I. Чеканъ). Екатеринбургъ, 1898.

Пщелко, А. Р. Очерки изъ жизни бѣлорусской деревни. Витебскъ, 1899 г.

Розановъ, В. В. Религія и культура. Сборникъ статей. Изд. П. Перцова. СПБ. 1899.

Сборникъ трудовъ членовъ Псковскаго Археологическаго Общества за 1896 г. Изд. Псковск. Арх. Общ. Псковъ, 1897 г.

С. М. По дальнему Востоку. Путевыя замѣтки. Съ иллюстр. Н. Н. Каразина. СПБ. 1899.

Спиридоновъ, А. Населенныя мѣстности Козьмодемьянскаго у. Казанск. губ. Козьмодемьянскъ. 1898.

Сѣрошевскій, В. Л. Якуты. Опытъ этнограф. изслѣдованія. Т. I, съ 168 рис., портретомъ Миддендорфа и картой. СПБ. 1896 (Рецензія въ „Русск. Бог.". 1898. VIII, 64—6).

Тарихи Дербендъ-Наме. (Къ древней исторіи восточнаго Кавказа). Съ 9-ю прилож. Переводъ съ языковъ: тюркскаго, арабскаго, персидскаго и французскаго, подъ ред. М. Алиханова-Аварскаго. Тифлисъ, 1898.

Токмаковъ, И. Историко-статистич. и археологическое изслѣдованіе города Верхотурья съ уѣздомъ, въ связи съ историч. сказаніемъ о житіи св. праведнаго Симеона Верхотурскаго Чуд. Съ рис. Изд. Верхотурскаго Николаевск. монастыря. Москва, 1899.

Хрѣновъ, К. Пѣвцы народной жизни. О народныхъ поэтахъ: Цыгановѣ, Кольцовѣ, Никитинѣ, Суриковѣ и Дрожжинѣ. Съ 4 мя портретами. Съ предисловіемъ. И. Горбунова-Посадова. Москва, 1899.

Шантепи-де-ля-Сосей. Иллюстрированная исторія религій, т. I. Перев. съ нѣм подъ ред. В. Н. Линдъ. М. 1898., 436 стр. 8⁰.

Энгельсъ, Фр. Происхожденіе семьи, частной собственности и государства. Перев. съ 6-го нѣм. изд. Е. Н. Бошнякъ, подъ ред. Н. Н. Спиридонова. Изд. южно-русс. книгоиздательства Ф. А. Іогансона. Кіевъ—Харьковъ, 1899.

Отъ ИМПЕРАТОРСКАГО Вольнаго Экономическаго Общества.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ИЗДАНІЕ

„НАЧАЛЬНОЕ НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ ВЪ РОССІИ",

подъ редакціей членовъ И. В. Э. Общества Г. А. Фальборка и В. И. Чарнолускаго.

У всѣхъ народовъ, во времена пробужденія мысли о необходимости просвѣщенія, изученіе современнаго положенія этого просвѣщенія становилось одной изъ серьезнѣйшихъ потребностей общества, такъ какъ для успѣха предпринимаемыхъ мѣръ имъ необходимо обезпечить достаточно прочное и солидное основаніе. Неудивительно поэтому, что эпохи оживленной работы на пользу народнаго образованія всегда ознаменовывались появленіемъ капитальныхъ трудовъ, имѣвшихъ своей задачей всестороннее изученіе этой важной области народной жизни. Англія, Франція, Америка, Германія, Швейцарія и другія передовыя страны—всѣ располагаютъ подобными работами, благотворно отразившимися на слѣдующихъ судьбахъ народнаго образованія въ этихъ государствахъ.

Россія переживаетъ въ настоящее время моментъ, когда съ небывалой яркостью, на каждомъ шагу, проявляется всеобщее убѣжденіе, что никакія государственныя мѣропріятія и никакія усилія общества не могутъ улучшить положенія страны до тѣхъ поръ, пока не будетъ прочно и широко поставлено дѣло народнаго образованія. Въ виду этого знаменательнаго явлен!я, изслѣдованіе современнаго положенія въ Россіи народной школы должно имѣть первостепенное общественное значеніе. Вотъ мотивъ, почему было предпринято издаваемое нынѣ обширное изслѣдованіе школьнаго дѣла.

Давно уже ощущалась необходимость предпринять подсчетъ того цѣннаго жизненнаго опыта, который накопился въ Россіи за послѣдніе 30 лѣтъ жизни пореформенной народной школы, и дать правдивое, точное и всестороннее освѣщеніе ея современнаго положенія.

Помимо научнаго значенія такой работы, есть цѣлый рядъ чисто практическихъ важныхъ задачъ, для рѣшенія которыхъ она должна дать дѣятелямъ народнаго образованія обильный и цѣнный матеріалъ. Главною изъ этихъ задачъ является, конечно, изученіе всѣхъ условій, необходимыхъ для правильнаго осуществленія въ Россіи всеобщаго обученія. Съ этою цѣлью долженъ быть выясненъ наиболѣе цѣлесообразный, при современныхъ условіяхъ, типъ русской народной школы и изучены тѣ причины, которыя неблагопріятно вліяютъ на развитіе нашего школьнаго дѣла.

Программа, выработанная для изслѣдованія, заключаетъ въ себѣ изученіе школъ всѣхъ типовъ, положнія и состава учителей и учащихся въ нихъ, средствъ ихъ содержанія, постановки учебно-воспитательной, административной и финансовой стороны народной школы и т. д.

Комиссія, которой было поручено веденіе изслѣдованія, на помощь по его выполненію призвала всѣ учрежденія и органы, имѣющіе такое или иное отношеніе къ народному образованію.

Для собиранія матеріаловъ, вошедшихъ въ издаваемый нынѣ трудъ, Комиссіи пришлось выпустить около 14.000 уѣздныхъ и городскихъ программъ; около 29.000 бланковъ для списковъ училищъ и около 67.000 писемъ.

При составленіи плана изданія изслѣдованія были изучены планы большинства имѣющихся русскихъ работъ по школьной статистикѣ, а также работъ Бельгійской, Австрійской, Французской и Американской статистикъ. Обработка матеріаловъ, собранныхъ по спеціальнымъ программамъ Комиссіи, произведена въ связи съ обширными имѣющимися печатными источниками. При выполненіи изданія одной изъ важнѣйшихъ задачъ было сдѣлать его доступнымъ для самаго широкаго круга читателей. Эта цѣль достигается введеніемъ

многочисленныхъ діаграммъ и картограммъ, наглядно рисующихъ всѣ главныя стороны изучаемыхъ явленій.

Открывая подписку на изданіе по народному образованію, стоимостью въ 25 рублей за экземпляръ, Комиссія, завѣдывающая изданіемъ, вполнѣ сознаетъ, что значительность этой цѣны можетъ многихъ затруднить. Для сокращенія стоимости изданія было сдѣлано все возможное. Дѣйствительная цѣна его должна быть гораздо выше объявленной, такъ какъ въ нее вовсе не включена стоимость всего того безплатнаго труда, который вложенъ въ издаваемое изслѣдованіе сотнями лицъ, безкорыстно потрудившихся и надъ составленіемъ матеріаловъ, и надъ ихъ разработкой. Единственнымъ средствомъ для удешевленія изданія было значительное сокращеніе его программы и неопубликованіе статистическихъ таблицъ по уѣздамъ и городамъ. Но къ такому средству удешевленія Комиссія не сочла себя въ правѣ прибѣгнуть, во имя интересовъ порученнаго ей дѣла. Если въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки обычные ежегодные отчеты Коммисара образованія занимаютъ около 150 печатныхъ листовъ и расходятся въ 20.000 экземплярахъ, то невозможно сомнѣваться въ томъ, что 130-ти милліонное населеніе нашего отечества дастъ двѣ-три тысячи лицъ, которыя пожелаютъ пріобрѣсти изданіе, впервые обнимающее собой положеніе народнаго образованія на пространствѣ всей Россіи, какъ Европейской, такъ и Азіатской. Руководители дѣла глубоко убѣждены, что русское общество придетъ имъ на помощь, и обращаются ко всѣмъ друзьямъ народнаго просвѣщенія, ко всему русскому интеллигентному обществу, съ просьбой оказать посильное содѣйствіе осуществленію изданія личною на него подпиской и привлеченіемъ другихъ сочувствующихъ дѣлу лицъ.

Въ программу изданія входятъ между прочимъ слѣдующіе отдѣлы:

1) Общее понятіе о начальномъ народномъ образованіи въ Россіи. 2) Правовое положеніе начальнаго народнаго образованія въ Россіи. 3) Правительственная учебная администрація въ Россіи. *I) Министерство Народнаго Просвѣщенія. II) Свят. Синодъ III) Другія правительственныя вѣдомства, играющія непосредственную роль въ дѣлѣ народнаго образованія.* 4) Отношеніе къ народному образованію общей государственной организаціи. 5) Роль органовъ самоуправленія въ дѣлѣ народнаго образованія. 6) Роль духовенства иновѣрческихъ исповѣданій въ дѣлѣ народнаго образованія. 7) Частная иниціатива въ дѣлѣ народнаго образованія. 8) Національныя, вѣроисповѣдныя и территоріальныя условія, въ ихъ отношеніи къ дѣлу народнаго образованія. 9) Отношеніе закона къ внутренней организаціи народной школы, къ учащимся, учащимъ и семьѣ. 10) Права и преимущества, предоставляемыя русскимъ закономъ лицамъ, получившимъ начальное образованіе. 11) Необходимость дѣленія Россіи по организаціи народнаго образованія на районы, установленіе и характеристика каждаго изъ этихъ районовъ. 12) Типы начальныхъ школъ, ихъ организація и порядокъ завѣдыванія ими. 13) Учащіеся и окончившіе курсъ. 14) Учащіе начальныхъ школъ. 15) Стоимость и порядокъ содержанія начальныхъ школъ. 16) Учебники, учебныя пособія и книги для чтенія. *I) Учебныя книги и пособія. 2) Школьныя библіотеки и книги для чтенія. III) Школьные музеи. IV) Школьные книжные склады.* 17. Дополнительные предметы преподаванія. 1?) Государственный бюджетъ на народное образованіе по различнымъ вѣдомствамъ. 19. Земскій бюджетъ на народное образованіе. 20) Расходы на народное образованіе изъ суммъ казачьихъ войскъ и изъ земскихъ сборовъ въ не-земскихъ губерніяхъ. 21) Городской бюджетъ на народное образованіе. 22) Мірскіе расходы на народное образованіе 23) Характеристика финансовой постановки церковныхъ школъ. 24) Характеристика финансовой постановки частныхъ школъ въ Россіи. 25) Общіе выводы и сравненіе отдѣльныхъ источниковъ расходовъ на народное образованіе въ Россіи. 26) Ходатайства по вопросамъ народнаго образованія. 27) Насколько существующія школы удовлетворяютъ потребности народа въ образованіи. 28) Главныя основанія для введенія въ Россіи всеобщаго обученія. 29) Характеристика статистическихъ матеріаловъ, на которыхъ основано изслѣдованіе народнаго образованія и историческій очеркъ этого изслѣдованія.

Изданіе заключаетъ въ себѣ НЕ МЕНѢЕ 200 ПЕЧАТНЫХЪ ЛИСТОВЪ БОЛЬШОГО ФОРМАТА. Оно состоитъ изъ текста, многочисленныхъ діаграммъ и картограммъ (около 150), статистическихъ таблицъ по губерніямъ и основныхъ статистическихъ таблицъ по уѣздамъ и городамъ Имперіи. Цѣна на все изданіе по подпискѣ 25 рублей. По закрытіи подписки цѣна будетъ повышена.

Подписка на изданіе **„Начальное Народное Образованіе въ Россіи“** принимается въ С.-Петербургѣ въ ИМПЕРАТОРСКОМЪ Вольномъ Экономическомъ Обществѣ (Забалканскій пр., д. 33).
